

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микроэлектроника*
Агрохимия	Мировая экономика и международные отношения
Азия и Африка сегодня	Молекулярная биология*
Акустический журнал*	Наука в России
Алгебра и анализ	Научное приборостроение
Астрономический вестник*	Нейрохимия*
Астрономический журнал*	Неорганические материалы*
Биологические мембраны*	Нефтехимия*
Биология внутренних вод*	Новая и новейшая история
Биология моря*	Общественные науки и современность
Биоорганическая химия*	Общество и экономика
Биофизика*	Океанология*
Биохимия*	Онтогенез*
Ботанический журнал	Оптика и спектроскопия*
Вестник РАН*	Палеонтологический журнал*
Вестник древней истории	Паразитология
Вестник ЮНЦ	Петрология*
Водные ресурсы*	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы философии	Поверхность*
Вопросы языкознания	Почвоведение*
Восток	Приборы и техника эксперимента*
Вулканиология и сейсмология*	Прикладная биохимия и микробиология*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная математика и механика
Генетика*	Природа
Геология рудных месторождений*	Проблемы Дальнего Востока
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геоморфология	Проблемы передачи информации*
Геотектоника*	Программирование*
Геохимия*	Психологический журнал
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Радиационная биология. Радиоэкология
Государство и право	Радиотехника и электроника*
Дефектоскопия*	Радиохимия*
Дискретная математика	Расплавы
Дифференциальные уравнения*	Растительные ресурсы
Доклады Академии наук*	Российская археология
Журнал аналитической химии*	Российская история
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российский иммунологический журнал
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал неорганической химии*	Русская литература
Журнал общей биологии	Русская речь
Журнал общей химии*	Сенсорные системы
Журнал органической химии*	Славяноведение
Журнал прикладной химии*	Социологические исследования
Журнал технической физики*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал физической химии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	Теоретическая и математическая физика
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретические основы химической технологии*
Записки Российского минералогического общества	Теория вероятностей и ее применение
Земля и Вселенная	Теплофизика высоких температур*
Зоологический журнал	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Успехи математических наук
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия географическая	Физика Земли*
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика плазмы*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика твердого тела*
Известия РАН. Энергетика	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Известия русского географического общества	Физиология растений*
Исследование Земли из космоса	Физиология человека*
Кинетика и катализ*	Функциональный анализ и его применение
Коллоидный журнал*	Химическая физика*
Координационная химия*	Химия высоких энергий*
Космические исследования*	Химия твердого топлива*
Кристаллография*	Цитология*
Латинская Америка	Человек
Лесоведение	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
Микробиология*	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

Номер 1
Январь - Февраль - Март
2010

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2010, № 1

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 1 • 2010

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“НАУКА”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2010

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2010 г.
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2010

Обмен металлом на Ближнем Востоке в раннем и среднем бронзовом веке <i>Авилова Л.И.</i>	5
Новые материалы к вопросу о древнейшем заселении Сибири анатомически современными людьми <i>Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б.</i>	15
“Свев” из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. <i>Ахмедов И.Р.</i>	26

К 60-летию Е.Н. Носова

К юбилею Е.Н. Носова <i>Макаров Н.А., Гайдуков П.Г.</i>	38
Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополье <i>Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е.</i>	41
Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования <i>фон Карнап-Борнхайд К., Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й.</i>	53
Уникальный моржовый клык с Рюрикова городища: трасологический анализ <i>Гиря Е.Ю., Дорофеева Т.С.</i>	64
Следы технического происхождения на днищах глиняных сосудов (по материалам Гнёздова) <i>Шарганова О.Л.</i>	74
Текстиль из мужского погребения кургана Ц-160 в Гнёздове <i>Щербакова Е.Е.</i>	82
Волобуевский клад куфических дирхемов X в. из Курского Посемья <i>Енуков В.В., Лебедев В.П.</i>	94
Докремлевская Москва: новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ X/XI–XIV вв. <i>Беляев Л.А., Кренке Н.А., Шуляев С.Г.</i>	104
Характеристика культурного слоя кремля Переяславля Рязанского <i>Буланкин В.М., Завьялов В.И., Судаков В.В.</i>	116

Публикации

Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье <i>Скрипкин А.С., Шинкарь О.А.</i>	125
Погребальный комплекс начала III в. н.э. из Кисловодской котловины <i>Коробов Д.С.</i>	138

История науки

Группа архаического земледелия ГАИМК в 1930-е годы <i>Свешников А.В., Свешникова О.С.</i>	149
--	-----

Заметки

Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье (финальный этап эпохи бронзы)	
<i>Потапов В.В.</i>	155
Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв.	
<i>Кочкаров У.Ю.</i>	157
Поливные черепицы в монашеском погребении Московского Сретенского монастыря	
<i>Баранова С.И.</i>	160

Критика и библиография

А.И. Мартынов. Археология. М., 2005	
<i>Шер Я.А.</i>	163
Ахундов Т.И., Махмудова В.А. Южный Кавказ в кавказо-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н.э. Баку, 2008	
<i>Корневский С.Н.</i>	168
Буддийские памятники района Кабула	
<i>Кошеленко Г.А.</i>	174
Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007	
<i>Молева Н.В.</i>	176
О.Д. Мочалов. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара, 2008	
<i>Епимахов А.В.</i>	181
Archaeology in Southeast Asia: From <i>Homo Erectus</i> to the Living Traditions. Bougon, 2008	
<i>Захаров А.О.</i>	182
Germania – Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008	
<i>Кулаков В.И.</i>	185

Хроника

Четвертая международная научная конференция “Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве”, посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова	
<i>Яблонский Л.Т., Фомичев Н.М., Масловский А.Н.</i>	189

Сдано в набор 10.09.2009 г.	Подписано к печати 21.12.2009 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈
Цифровая печать	Усл. печ.л. 24.0	Усл.кр.-отг. 17.0 тыс.
	Тираж 692 экз.	Уч.-изд.л. 25.6
	Зак. 936	Бум.л. 12.0

Учредители: Российская академия наук, Институт психологии РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

No. 1, 2010

Metal trade in the Near East in the Early and Middle Bronze Ages <i>Avilova L.I.</i>	5
New materials concerning the settlement of anatomically modern man in Siberia <i>Buzhilova A.P., Dobrovol'skaya M.V., Mednikova M.B.</i>	15
The "Suebian" from Mordovia. Towards the research of the ethnic and cultural contacts of the Volga Finns in the 3 ^d century AD <i>Akhmedov I.R.</i>	26

Towards the 60th anniversary of Ye.N. Nosov

Towards the 60 th anniversary of Ye.N. Nosov <i>Makarov N.A., Gaidukov P.G.</i>	38
Bolshoe Davydovskoe 2 cemetery – a burial site of the 1 st half of the 1 st millennium AD in Suzdal Opolye <i>Makarov N.A., Krasnikova A.M., Zaitseva I.Ye.</i>	41
Recent research in Hedeby: old materials and new investigations <i>Von Carnap-Bornheim C., Hilberg V., Kalmring S., Schultze J.</i>	53
Unique walrus tusk from Rurik's fortress: traceological analysis <i>Giria Ye.Yu., Dorofeeva T.S.</i>	64
Technical markings on the bottoms of clay vessels (based on the materials from Gnezdovo) <i>Sharganova O.L.</i>	74
Textiles from a man's burial in kurgan II-160 at Gnezdovo <i>Scherbakova Ye.Ye.</i>	82
Volobuevo hoard of 10 th -century Kufic dirhams from the area of the Seim river basin in Kursk oblast <i>Yenukov V.V., Lebedev V.P.</i>	94
Pre-Kremlin Moscow: new data on the topography and ceramics of the Danilov settlements, 10 th /11 th – 14 th cc. <i>Beliaev L.A., Krenke N.A., Shuliaev S.G.</i>	104
The cultural layer of the kremlin at Pereyaslavl Ryazansky <i>Bulankin V.M., Zavyalov V.I., Sudakov V.V.</i>	116

Publications

Sarmatian-time kurgan Zhutovsky 27 in the Volga-Don interstream region <i>Skripkin A.S., Shinkar' O.A.</i>	125
A burial complex of the beginning of the 3 ^d century AD, Kislovodsk basin <i>Korobov D.S.</i>	138

History of Science

The Group for archaic agriculture studies in the State Academy for the History of Material Culture: the 1930-s <i>Sveshnikov A.V., Sveshnikova O.S.</i>	149
--	-----

Notes

Plate temple rings and pendants in the Lower Don and the Ciscaucasia (terminal stage of the Bronze Age)	
<i>Potapov V.V.</i>	155
Daggers from northwestern Ciscaucasia of the 8 th – 10 th cc.	
<i>Kochkarov U.Yu.</i>	157
Glazed tiles from a monk's grave in Moscow's Sretensky Monastery (Monastery of the Visitation)	
<i>Baranova S.I.</i>	160

Critics and Bibliography

A.I. Martynov. Archeology. M., 2005	
<i>Sher A. Ya.</i>	163
Akhundov T.I., Makhmudova V.A. The Southern Caucasus in Caucasus-Near Asia ethnic and cultural processes of the 4 th millennium BC. Baku, 2008	
<i>Korenevsky S.N.</i>	168
Buddhist sites in the environs of Kabul	
<i>Koshelenko G.A.</i>	174
Maslennikov A.A. Rural sanctuaries of the European Bosphorus. Tula, 2007	
<i>Moleva N.V.</i>	176
O.D. Mochalov. Ceramics from burial sites in the forest-steppe of the Volga-Urals interstream area. Samara, 2008	
<i>Yepimakhov A.V.</i>	181
Archaeology in Southeast Asia: From <i>Homo Erectus</i> to the Living Traditions. Bougon, 2008	
<i>Zakharov A.O.</i>	182
Germania–Sarmatia. Antiquities of Central and Eastern Europe in the epoch of Roman influence and the Great Migration. Kaliningrad, 2008	
<i>Kulakov V.I.</i>	185

Chronicle

Fourth international conference “Dialog of the urban and steppe cultures in Eurasia”, in commemoration of G.A. Fedorov-Davydov	
<i>Yablonsky L.T., Fomichev N.M., Maslovsky A.N.</i>	189

ОБМЕН МЕТАЛЛОМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В РАННЕМ И СРЕДНЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

© 2010 г. Л.И. Авилова

Институт археологии РАН, Москва

Знакомство с металлом и производство медных сплавов является условием развития и отличительной чертой древних цивилизаций Ближнего Востока. В связи с интенсивными раскопками в Сиро-Месопотамии (в эту историко-культурную зону входят Восточная Анатолия, Северо-Восточная Сирия и Северная Месопотамия) появляется возможность обсудить вопросы производства и обмена металлом на этой территории.

В работе дан краткий обзор рудных месторождений, которые разрабатывались или потенциально могли разрабатываться в древности, а также следов производства металла на ряде памятников позднего энеолита, раннего (РБВ) и среднего (СБВ) периодов бронзового века, расположенных на путях обмена, связывавших Восточную Анатолию, Северо-Восточную Сирию, Месопотамию и некоторые более отдаленные районы. Автор предпринимает попытку сопоставить эти данные с общей картиной экономического и социального развития ближневосточных цивилизаций.

Знакомство с металлом на Ближнем Востоке происходит еще в докерамическом неолите (VIII–VI тыс. до н.э.). В Сиро-Месопотамии, начиная с РБВ, производили высококачественные металлические изделия из достаточно сложных сплавов на медной основе. Репертуар продукции включал как предметы утилитарного назначения, так и символические, указывающие на высокий социальный статус владельца. Поскольку рудных месторождений в регионе нет, можно с уверенностью считать весь известный здесь археологически металл привозным. Судя по количеству находок, масштабы торговли металлом были чрезвычайно велики (металл являлся не только товаром, но мог входить в состав военной добычи, дарообмена). Исследования обмена металлом облегчаются тем, что сейчас накоплен значительный материал по аналитическому изучению медно-бронзовых изделий и руд (Gale et al., 1985; Yakar, 1984; 1985; Pernicka et al., 1984; Pernicka, 1993; 1995; Die Metallindustrie mesopotamiens..., 2004). Опубликован ряд работ, посвященных распространению бронз различного состава (Moorey, 1985; 1994; Frangipane, 1985; Stech, Pigott, 1986).

На этом пути существуют трудности, связанные с применением аналитических методов. Во-первых, распределение примесей в массе изделия неоднородно; оно значительно варьирует на поверхности и в центре изделия, так же как и содержание примесей в рудных жилах (Palmieri et al., 1993. P. 577). Свинцово-изотопных анализов, которые позволяют точно привязать изделие к месторождению (Gale et al., 1985), пока явно недостаточно. В древности несомненно происходила переплавка изделий, что вносит информационный “шум” в интерпретацию данных спектрального анализа. Тем не менее можно утверждать, что в РБВ (IV тыс. до н.э.) был достигнут высокий уровень металлопроизводства, включавшего овладение плавкой руд разных типов, в том числе полиметаллических с примесями мышьяка, свинца и никеля, иногда сурьмы; массовое производство мышьяковых бронз; выработку достаточно обширного репертуара изделий. Качественный и количественный расцвет производства приходится на СБВ, в целом совпадающий с III тыс. до н.э.

Рудные источники. Информация о рудниках, разрабатывавшихся в древности, свидетельствует, что период становления металлургии меди был сложным и неоднородным, что связано с местными особенностями. Так, месторождения Эргани Маден в Восточной Анатолии давали металлургически “чистую” медь, тогда как из руд Талмесси в Иране получали как самородную “чистую” медь, так и ее природные соединения с мышьяком, а также выплавляли медь из окисленных руд. Выработке навыков плавки меди и ее выплавки из руд способствовала развитая на Ближнем Востоке теплотехника: уже в неолите население владело технологией изготовления известковой обмазки и обжига керамики в горнах; это предполагает высокий уровень знаний, позволяющих контролировать термические процессы, что нашло свое применение и в производстве металла.

Анатолия имеет богатые рудные запасы (Ryan, 1960), число месторождений, которые потенциально могли разрабатываться в древности, чрезвычайно велико (Gale et al., 1985). Особенно важны хорошо

известные в археологической литературе месторождения сульфидных медных руд на востоке, в районе Эргани Маден (Wallace et al., 1972). Однако следов древних горных выработок здесь обнаружить не удалось (Jesus de, 1978), хотя они, видимо, существовали: поблизости от рудных выходов расположено поселение докерамического неолита Чайонютепеси (VIII–VII тыс. до н.э.), откуда происходят находки древнейших изделий из самородной меди (Muhly, 1989); всего учтено 113 находок (Yalçın, 2000. S. 19). Территория месторождения изобилует скоплениями медных шлаков, но определить, к какому периоду они относятся, невозможно, так как месторождение эксплуатировалось вплоть до раннеассирийского периода (Kelly-Buccellati, 1990. P. 119). Возможно, дальнейшие аналитические исследования руд Эргани, их сравнение с анализами шлаков и металлических изделий позволит определить периоды наиболее интенсивной эксплуатации месторождения.

В Восточной Анатолии, в районе Кебана (Верхний Евфрат) известны богатые месторождения меди и серебра (Ryan, 1960). Существуют данные о разработке месторождений свинцовосодержащих серебряных руд в этом районе в урукский период (Yener, 1983). Вдоль северо-восточного побережья Анатолии также размещается обширный район месторождений медных и серебряных руд (Pernicka et al., 1984).

Единственный пункт в Анатолии, где подробно зафиксированы и датированы древние следы добычи медной руды, расположен в центре Анатолийского плато, это рудник Козлу, где добывали сульфидную медную руду (Giles, Kuijpers, 1974). Обследованы подземные выработки и отвалы породы; вокруг рудников располагались временные поселения горняков и металлургов. Выявлены следы плавки руды, в частности, крупный плоско-выпуклый слиток сырой меди 40 см в диаметре. Масштаб разработок был очень значительным – следы разрушенных выработок достигают 300 м в длину и 45 м в глубину. Остатки деревянных крепёжных конструкций дали радиоуглеродную дату 2800 г. до н.э.

Недавнее исследование металлургии Икизтепе, памятника на северочерноморском побережье Турции, показало, что вероятным источником металла с характерной высокой примесью мышьяка (3–5%) здесь служили рудные выходы в горном массиве Тавшан Даг, находящемся вблизи памятника. Вероятно, руду добывали из нескольких рудников (Özbal et al., 2002). Представления об эксплуатации одного месторождения на протяжении длительного периода от позднего энеолита до СБВ хорошо со-

гласуются со своеобразным и несколько архаичным обликом металлического инвентаря Икизтепе.

Большой интерес вызвало открытие следов добычи оловосодержащих руд на южных склонах Тавра (Болкардаг, Кестель). Разработки относятся к РБВ III, поблизости находится поселение Гельтепе со следами обогащения руды, плавки и литья металла (Yener, Özbal, 1987). Но поскольку руды здесь полиметаллические, то многие считают, что они разрабатывались как источник золота или свинца и серебра, а не олова (Muhly, 1991).

Следы металлопроизводства на памятниках. В Восточной Анатолии в районе Эрзерума известен ряд поселений сельского типа со следами металлургической деятельности. Это Гюзелова и Караз с достаточно представительным набором изделий из меди и медно-мышьяковых сплавов. Из поселения Пулур известен слиток меди и две каменных формы для отливки топоров (Koşay, 1976), что указывает на местное производство. Отмечаются морфологические соответствия изделий с закавказскими материалами (Yakar, 1984. P. 78).

Южнее, на Верхнем Евфрате находится многослойное поселение городского типа Коруджутепе, расположенное на пути из Сирии и Месопотамии в Восточную Анатолию. Фаза В относится к местному позднему энеолиту (соответствует позднему Уруку); по ^{14}C она датируется 3500–3000 гг. до н.э. В это время северо-западный участок поселения был занят кладбищем. Наиболее интересны два погребения в камерах, обложенных сырцовыми блоками (Korucutepeler..., 1975. P. 10, 11). В женских захоронениях найдены серебряный браслет с конической печатью, диадема, гривна-лунница, серьги; в мужском – булава из гематита, серебряный браслет, бронзовый (?) кинжал. Очевидно, население памятника было хорошо знакомо с металлургией – на это указывают металлические находки и мелкие слитки меди. Погребальный обряд напоминает погребения в слоях XIII–XIA и XI–IX Тепе Гавры, которые Дж. Тоблер считал нехарактерными для памятника (Tobler, 1950. P. 66) и связывал с сооружением оборонительной стены в слое XIA и резким упадком городской жизни в следующем слое X. Возможно, эти явления, как и погребения из Коруджутепе, свидетельствуют о проникновении пришлого населения. Позже, в период РБВ III (фазы E и F) в Коруджутепе представлена закавказская чернолощенная керамика и подковообразные очажные подставки. Таким образом, Коруджутепе в течение длительного времени входил в систему связей Восточной Анатолии с Северной Месопотамией и Закавказьем.

Городское поселение Тепеджик в период местного позднего энеолита (эпоха Урука) также дало

свидетельства металлургического производства. Наряду с керамикой урукского типа открыты металлургические печи, шлаки, куски руды, металлические изделия, форма для отливки копья (Esin, 1975). В это время использовали несколько месторождений меди (Kunç et al., 1994).

На городском поселении Норшунтепе производство металла также отмечено в местном позднем энеолите: это тигли, льячки, шлаки, металлургические печи (Yalçın et al., 1992). Производство продолжалось и в РБВ. В слое XIX открыта литейная мастерская с формами для отливки топоров с характерным для кавказских типов арочным изгибом клина (рис. 1, 13). Начиная со слоя XXIII на поселении отмечаются чернолощенная керамика, что свидетельствует о возможном присутствии здесь закавказского населения.

Морфологическое сходство металлических изделий из ряда восточноанатолийских памятников, а также из царских погребений Аладжи-хейюк (Центральная Анатолия) с закавказскими материалами указывает на контакты этих отдаленных территорий в сфере металлопроизводства (Авилова, Черных, 1989. С. 35–37; Авилова, 2008. С. 39).

Хорошо известно крупное городское поселение Арслантепе на Среднем Евфрате. Слои позднего энеолита и РБВ I дали несколько сотен металлических находок, скопления руды, металлургических шлаков, каменные кувалды для дробления руды, фрагменты тиглей и литейных форм. Эти материалы сконцентрированы внутри обширного двора, предназначенного для производственной деятельности (Palmieri et al., 1993). Анализы руды и металла указывают, что местные металлурги работали на руде из разных источников. Высокий уровень производства РБВ отражает клад мечей и копий, изготовленных из мышьякового сплава (до 5.5% As), из храмового помещения слоя VIA с керамикой урукского типа. В слоях VII и VIA (поздний энеолит и РБВ IA) содержание мышьяка, сурьмы, серебра, свинца, никеля в металле высокое, тогда как в более позднем слое VIB (РБВ IB) эти элементы отсутствуют. Позже, в РБВ II–III и СБВ (слои VIC, VID, VA) снова используются полиметаллические руды. Идентифицировать их месторождения пока не удалось (Hauptmann, Palmieri, 2000). Поселение эпохи VIA рассматривается авторами раскопок как принадлежащее представителям месопотамской культурной и социальной модели развития, погибшее в начале III тыс. до н.э., предположительно в результате вторжения из Закавказья (Frangipane, Palmieri, 1988).

Ниже по Евфрату расположено городское поселение Хассек Хейюк. Слои позднего энеолита

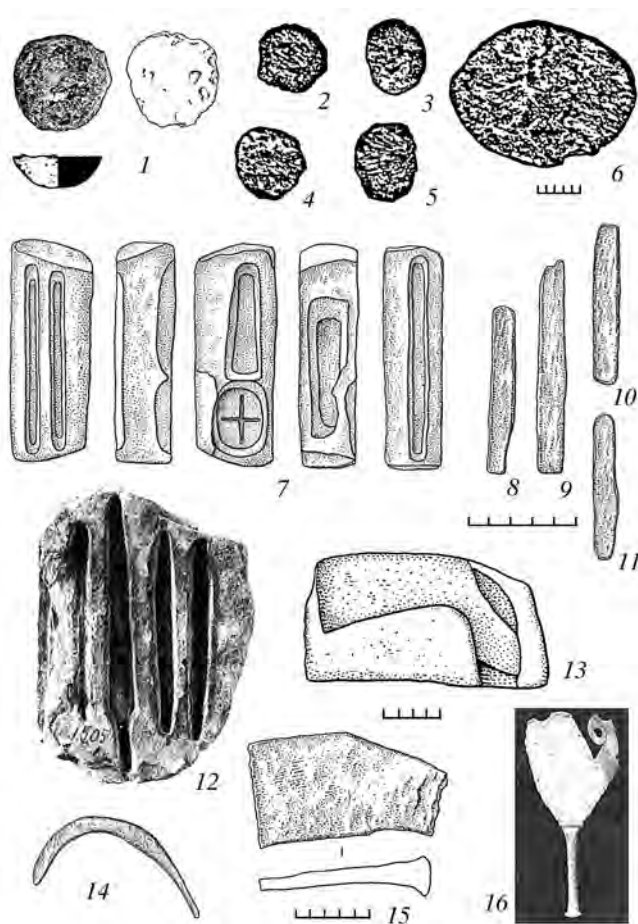

Рис. 1. Слитки металла и литейные формы. 1 – Сузы, “ваза с кладом”; 2–6 – Махматлар; 7 – Арслантепе VID; 8–11 – Игдыр; 12 – Тепе Гавра VI; 13 – Норшунтепе XIX; 14 – Хизанантгора; 15 – Игдыр; 16 – Мозан; 7 – глина; 12, 13 – камень, остальное – медь-бронза.

и РБВ I–II дали важную информацию о местном металлопроизводстве (Schmitt-Strecker et al., 1989). Обширный набор изделий происходит из погребений в каменных ящиках (Behm-Blancke, 1984). Проведено 75 анализов металла, которые показали, что использовалась мышьяковая бронза (от 0.5 до 5% As) с повышенной концентрацией никеля. Несмотря на такой состав, высказывались предположения, что сырьем служили руды Эргани Маден (Yakar, 2002. Р. 20). Однако примесь никеля, на мой взгляд, противоречит этому.

Особый интерес представляет большое число мышьяковых бронз с высоким (свыше 1%) содержанием никеля, зафиксированное на памятнике. В РБВ мышьяково-никелевые бронзы известны в ряде регионов – Анатолии, Месопотамии, Омане, Леванте, Иране (Авилова и др., 1999) и на Северном Кавказе (Pernicka, 1995; Рындина и др., 2008. С. 197). Существуют данные проекта Пенсиль-

до 4–5%), что согласуется с наличием на Северном Кавказе месторождений мышьяково-никелевых руд (Рындина и др., 2008. С. 196–198. Карта 1). В Закавказье в материалах куро-араксской культуры мышьяково-никелевые бронзы практически отсутствуют (Геворкян, 1980. С. 103–110).

На некоторых памятниках рассматриваемого региона известны находки слитков меди/бронзы и форм для их отливки. Это либо крупные плоско-выпуклые слитки (рис. 1, 1–6), либо небольшие, в виде довольно правильных брусков/прутков (рис. 1, 8–11), либо отливки, имитирующие орудия, но без проушины или рабочего края (рис. 1, 14, 15). Найдены литейные формы с негативами прутков. Так, на глиняной форме из Арслантепе VID (слой конца III тыс. до н.э.) имеются три негатива (рис. 1, 7), каменная литейная форма с четырьмя негативами прутков найдена в VI слое Тепе Гавры середины III тыс. до н.э. (рис. 1, 12). Опубликованы четыре слитка-прутка мышьяковой бронзы из Закавказья с поселения Игдыр куро-араксской культуры III тыс. до н.э. (рис. 1, 8–11). Месопотамские тексты упоминают о брусках металла как удобной форме его перевозки (Moorey, 1994. P. 245). Очевидно, слитки-прутки служили товарной формой металла стандартизированной формы и размеров, они были пригодны для изготовления орудий средней величины. Их производство должно было иметь достаточно массовый характер, судя по наличию трех-четырех негативов на одной литейной форме. Более подробно находки слитков металла на Ближнем Востоке рассмотрены в специальной статье (Авилова, Терехова, 2006).

Обмен. История обмена сырьем в рассматриваемом регионе уходит в отдаленные периоды. Мы располагаем информацией о доставке обсидиана в халафскую эпоху с севера на юг, в район впадения Хабур в Евфрат (Akkermans, 1983). Меньше сведений об обмене сырьем времени Убейда. Обстановка коренным образом меняется в IV тыс. до н.э., в эпоху Урука. К позднему Уруку и Джемдет Насру относится явление, известное как “урукская экспансия”. На огромной территории от Юго-Восточной Анатолии, Закавказья, Северной Сирии до Сузианы и горных районов Ирана обнаружены следы выходцев из Южной Месопотамии (Algaze, 1989). Свидетельства контактов – как отдельные находки типично урукского облика из слоев местного позднего энеолита, так и памятники с характерным южномесопотамским типом культуры (керамические сосуды, цилиндрические печати и композиции на них, глиняные таблички с числовыми знаками – средства учета и хранения продуктов, монументальные постройки общественного назначения) обнаружены на поселениях, находящихся на

реконструируемых путях обмена, и, что особенно важно, близ рудных месторождений. Крупные памятники, служившие опорными пунктами сети обмена, расположены не только на речных путях, идущих в направлении север–юг, но и там, где речные пути пересекались с сухопутными, ведущими с запада на восток (рис. 3). Так, Шамшат расположен там, где дорога к Антитавру пересекает Евфрат и разветвляется: на юг вдоль Евфрата и на восток к Верхнему Хабру. Кархемиш контролирует выход из Северной Месопотамии через Балих в сирийские степи и на равнину Алеппо и далее на запад через горы Амана в Киликию (Algaze, 1989. Fig. 2), более мелкие поселения составляли их округу.

Специфические урукские сосуды – чаши со скошенным венчиком – найдены на поселениях Восточной Анатолии: Арслантепе, где проходят действующие в течение всего года пути с гор Тавра, с равнины Кайсери и из Центральной Анатолии; урукская керамика отмечается в Тепеджике и Норшунтепе (Yakar, 1984).

Далее на юг по Евфрату, в Северо-Восточной Сирии также известны свидетельства мощного урукского влияния. Это укрепленное поселение Хабуба Кабира (Strommenger, 1980) и Джебель Аруда (van Driel, van Driel-Murray, 1983) с большим количеством урукской керамики и оттисков печатей (Palmieri, 1985).

Крупное городское поселение Телль Брак расположено восточнее, на Верхнем Хабуре, в 100 км от месторождения Эргани Маден. Здесь путь север–юг, идущий по Хабру, пересекает сухопутную дорогу запад–восток, ведущую к Кархемишу на западе и Ниневии на востоке. Широко известен “Храм глаза”, сооруженный в традициях южномесопотамской архитектуры с характерными декоративными элементами (Mallowan, 1947).

Особый интерес представляет торговый путь из Восточной Анатолии на юг около 180 км длиной, пересекающий район Эргани Маден. По нему через горный проход Мардин открывается дорога через горы Тавра на равнину Северной Сирии. Он проходит по горным долинам Эргани и пересекает полосу холмов к югу от Тавра. На этом пути нет серьезных географических препятствий; в холмистой местности нет душливой летней жары, а высота над уровнем моря не так велика, чтобы зимой здесь стояли суровые холода. Принимая все это во внимание, следует считать этот путь, соединявший металлоносные районы Восточной Анатолии с югом, наиболее удобным. Выйдя на северосирийскую равнину, путник мог двигаться либо на юг вдоль Хабра к его слиянию с Евфратом, либо

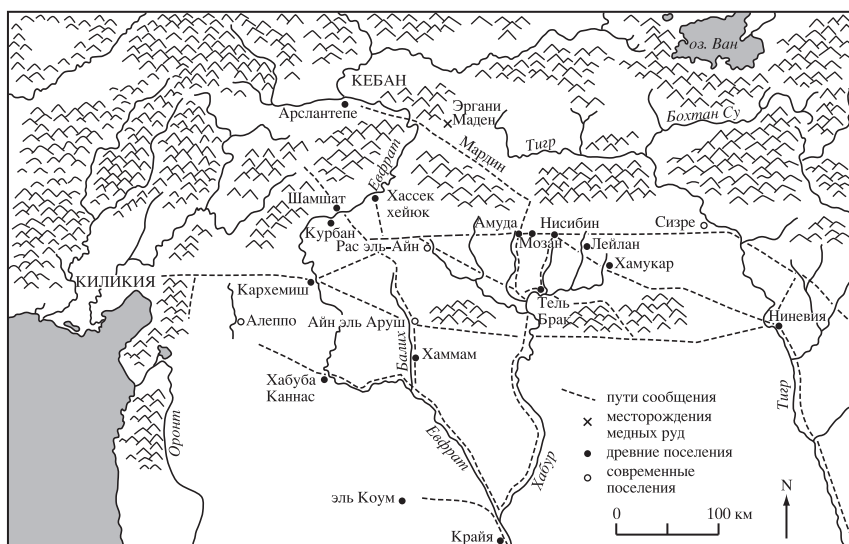

Рис. 3. Торговые пути, проходившие по Сиро-Месопотамии и Восточной Анатолии в урукский период (по: Algaze, 1989).

в широтном направлении: через хабурский треугольник на запад к Балиху или на восток к Тигру (рис. 3).

У южного выхода из мардинского прохода, на сирийской равнине расположено городское поселение Мозан. Раскопки Нидерландского археологического института в Стамбуле выявили здесь погребения Раннединастического времени с многочисленными изделиями из меди/бронзы. Автор раскопок отмечает уникальный шпатель с асимметрично расположенным на угловатом основании боковым спиральным выступом, в котором она видит связь с орнаментальным стилем закавказской чернолощеной керамики (Kelly-Buccellati, 1990. Р. 120) (рис. 1, 16). Такая керамика с рельефным спиральным орнаментом есть на памятнике, так что перед нами редкий пример перенесения орнаментального мотива на другой материал. Приведенные факты говорят о том, что по этому пути по крайней мере в III тыс. до н.э. осуществлялись контакты населения Северо-Восточной Сирии с отдаленными северными территориями Закавказья. Присутствие месопотамского населения в это время в регионе проявляется в характерном способе опечатывания дверей с помощью деревянного колышка и глиняной “буллы”, зафиксированном в Мозане (Kelly-Buccellati, 1990. Р. 122), Телль Хуэре (Moortgat, Moortgat-Correns, 1978. Abb. 6) и др.

Урукская экспансия охватила и значительную территорию Ирана. Так, чаши со скошенным венчиком найдены на поселениях, расположенных по Тигру к югу от Сизре, по рекам Бохтан Су и Бохман Су; в долинах на пути по Нижнему Забу, Адхейму, в долинах Махидашта, Шахдада и Кангавара, пересекающих древний Хоросанский путь.

На юге Центрального Загра и в Южном Загре они зафиксированы в долинах Шахр-и-Корд, на пути из Сузианы в центральную часть Иранского плато. Много урукских чаш со скошенным венчиком и конических чаш найдено в Тепе Габристане на равнине Казвина. Отсюда, по мнению Г. Альгазе, могли переправлять в Месопотамию медь по Хоросанскому пути или по менее важному пути, шедшему на север Месопотамии через долину Солдуза и Нижнего Заба. Важным пунктом был Сиалк (слой IV), расположенный в меднорудном районе Анарак-Талмесси вблизи месторождения Вешнове (Algaze, 1989. Р. 583–585). Особенно интенсивны были связи между Месопотамией и Сузианой; последнюю даже рассматривают как провинцию “Большого Шумера”, через которую осуществлялся обмен с обитателями горных районов (Potts, 1994. Р. 73).

Сравнение металлопроизводства ряда регионов Ближнего Востока в РБВ свидетельствует о вхождении Северной Месопотамии, Восточной Анатолии, Западного Ирана, Северного Кавказа, в какой-то мере Сиро-Палестины в единую культурную зону (Андреева, 1979; Трифонов, 1987) с общей производственной традицией (Авилова, 2008. С. 148, 149). Проникновение сиро-месопотамских и западноиранских культурных и производственных достижений на Кавказ могло происходить вдоль гор Загра, через район оз. Урмия (этот путь маркирован курганным могильником майкопского типа Си Гирдан) и Восточный Дагестан и затем вдоль Кавказского хребта на запад, в бассейн Кубани (собственно майкопские памятники). Закавказье было втянуто в эти процессы позже, о чем говорит присутствие чернолощеной керамики куро-аракского облика на памятниках Восточной Анатолии,

Верхнего и Среднего Евфрата. Несомненно, Кавказ с его богатыми минеральными ресурсами был чрезвычайно притягательной зоной для бурно развивавшихся политических образований Сиро-Месопотамии, испытывавших острую потребность в металлах.

Появление металлургии в энеолите и ее последующее скачкообразное развитие на территории “плодородного полумесяца” связано с наличием богатых минеральных ресурсов в Анатолии и Иране и интенсивным обменом между земледельческой цивилизацией Двуречья и населением предгорий и горных плато. Это привело к возникновению сложной системы взаимосвязей, включавшей земледельческие цивилизации аллювиальных долин – производителей сельскохозяйственной продукции и обитателей предгорий с комплексным хозяйством, в котором важную роль играло скотоводство и добыча минеральных ресурсов. Особую роль в отношениях земледельцев с горными племенами играла сельскохозяйственная продукция, прежде всего, зерно. Потребность тех и других элементов системы в определенных товарах была катализатором экономического прогресса и развития социальных отношений. Земледельческие цивилизации выработали ряд культурных и интеллектуальных достижений: письменность, архитектура общественного назначения, изобразительные мотивы, наконец, внешние знаки общественного статуса: одежда, прически, украшения.

Важную роль в развитии системы обмена играли предгорные территории. Как доказал Н.И. Вавилов, начало земледелия связано именно с предгорной зоной, где произрастали дикие предки зерновых культур и имелись благоприятные условия для сезонного орошения (Вавилов, 1987). Из этой же зоны происходят и древнейшие металлические изделия IX–VII тыс. до н.э.: Чайоню-тепеси, Халлан Чеми, Ашикли Хююк, Невали Чори, Джан Хасан, Чатал Хююк в Анатолии, Али Кош, Шанидар и Тепе Силк в Иране, Телль Рамад в Палестине, Телль Магзалия, Ярымтепе I в Ираке (Yalçın, 2000). С предгорьями связаны и самые яркие комплексы металлических изделий позднего Убейда (Сузы I) и Урука (некрополь Тепе Гавры, клад из Арслантепе VIA, майкопские древности). Отмечаемая связь указывает на передовой характер развития предгорных зон в разных областях экономики под влиянием высокоразвитой месопотамской городской цивилизации.

Г. Альгазе выделяет ряд форм ее взаимосвязей с соседями: проникновение на ближние земли; строительство поселений в глубинных районах, преимущественно в пунктах контроля над путями

сообщения; рост количества и репертуара ввозимых товаров; возникновение на местах сложной административной системы; усиление контроля местных элит над рядовым населением с целью обеспечения рабочей силы и безопасной транспортировки товаров (Algaze, 1989. P. 574).

Исследователи архаичного обмена на дальние расстояния неоднократно обращали внимание на то, что его объектами выступали не предметы утилитарного назначения, а престижные вещи, в том числе металлические изделия, игравшие особую роль в превращении ранговых обществ в государственные. Престижные изделия из металлов, в притоке которых была заинтересована социальная верхушка, способствовали оформлению идеи богатства, что в свою очередь было заметным фактором эволюции от эгалитарного к иерархическому обществу. Такие вещи фиксировали и закрепляли сложившуюся систему рангов и административной организации в ранних государствах. Таким образом, дальние торговые связи, в том числе и обмен металлом, устанавливались и поддерживались в интересах элиты.

В Восточной и Юго-Восточной Анатолии, Северной Сирии и Месопотамии развивалась социально-экономическая модель протогородской и раннегосударственной цивилизации ближневосточного типа. Очевидна связь стратифицированного общества месопотамского типа с природными условиями аридной зоны: повторяющиеся засухи требовали организации труда и контроля распределения, накопления и хранения продуктов. Начиная с энеолита (поздний Убейд), здесь имеются признаки контроля элиты над распределением продуктов, функционируют монументальные общественные постройки и святилища, встречаются экзотические вещи. В последующие эпохи (Урук, Раннединастический, Аккад) признаки централизации и экспансионизма в месопотамском обществе выражены вполне четко. Такую систему можно назвать *храмовой экономикой* (Özdoğan, 2002), формирование которой стало своеобразным ответом месопотамского общества на сложность физико-географических и историко-культурных условий существования.

Храмы играли ключевую роль в процессе возникновения городов и формирования государств Древней Месопотамии. Они были центрами религиозной, общественной, экономической, административной и интеллектуальной жизни города. Эту роль храмов, видимо, осознавали и сами шумеры: в соответствии с древней шумерской исторической традицией, создание храмов предшествовало образованию городов (История Древнего Востока, 1983. С. 110, 111).

Потребность в привозных материалах была особенно сильна в урукское время, поскольку эта эпоха отмечена интенсивным храмовым строительством. Древние письменные документы относятся к храмовым хозяйствам и свидетельствуют о том, что в это время обмен производился храмами, они же были организаторами производства и распределения продуктов, в том числе привозных. В представлениях самих шумеров доставка ценного сырья, в том числе металлов, осуществлялась с целью строительства и украшения храмов. В эпическом произведении “Энмеркар и правитель Аратты” имеется красочное повествование на эту тему (Поэзия и проза Древнего Востока, 1973). Строительство храмов считалось в Древней Месопотамии, начиная с Раннединастического периода, важнейшей сферой деятельности обожествляемого правителя – вождя-жреца, направленной не только на поддержание жизни данной городской общины, но и, по представлениям того времени, на укрепление, поддержание стабильности всего мирового порядка (Авилова, 2008. С. 168–178).

Высокие урожаи зерновых в аллювиальных долинах не были гарантированными: существовала постоянная угроза засух, нерегулярные разливы рек уничтожали посевы. В условиях постоянного роста населения эти факторы имели ключевое значение для формирования характерных черт сиро-месопотамской городской цивилизации: централизованный контроль над сельскохозяйственными работами и ирригационными системами, рационализация потребления для создания резервов продовольствия. Об этом говорят многочисленные чаши со скошенным венчиком, имеющие стандартные размеры, соответствующие дневной норме потребления зерна одним работником. Запасы из храмовых житниц могли использоваться в случае неурожая, для обмена, поддержания власти элиты, о чем имеется яркое свидетельство в Библии: “Да повелит фараон поставить над землею надзирателей и собирать в семь лет изобилия пятую часть всех произведений земли Египетской, пусть они берут всякий хлеб этих наступающих хороших годов и соберут в города хлеб под ведение фараона в пищу, и пусть берегут; и будет сия пища в запас для земли на семь лет голода, который будет в земле Египетской...” (Быт. 41: 34–36).

Негарантированный успех земледелия создавал почву для милитаризации политики южномесопотамских городов-государств; серии металлических предметов вооружения из некрополей Ура и Киша Раннединастического и Аккадского периодов рисуют завершающую фазу этого процесса. Видимо,

рост городского населения, риск локальных неурожая и высокая вероятность связанных с этим военных конфликтов были среди важнейших причин, вынуждавших урукские общины организовывать дальние торговые экспедиции и основывать колонии далеко за пределами аллювиальной долины. Одной из важных задач, стоявших перед колонистами, было снабжение метрополии металлами. Однако эта стратегия исчерпала себя: целый ряд типично урукских поселений на Евфрате (Хассек Хейюк, Хабуба Кабира и др.) оказались заброшенными с наступлением последующего Раннединастического периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абесадзе Ц.Н.* Производство металла в Закавказье в III тыс. до н.э. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
- Авилова Л.И.* Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М., 2008.
- Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О.* Металлургическое производство в Южной зоне Циркум-понтитской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. 1999. № 1.
- Авилова Л.И., Терехова Н.Н.* Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века // КСИА. 2006. Вып. 220.
- Авилова Л.И., Черных Е.Н.* Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественно-научные методы в археологии. М., 1989.
- Андреева М.В.* Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. 1979. № 1.
- Вавилов Н.И.* Происхождение и география культурных растений. Л., 1987.
- Геворкян А.Ц.* Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980.
- История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия / Ред. И.М. Дьяконов. М., 1983.
- Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
- Рындина Н.В., Равич И.Г., Быстров С.В.* О происхождении и свойствах мышьяково-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век) // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Трифонов В.А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. 1987. Вып. 192.
- Akkermans P.A.* Bouqras revisited: Preliminary report of a project in Eastern Syria // Proc. Prehistoric Soc. 1983. V. 49.

- Algaze G.* The Uruk expansion: cross-cultural exchange in early Mesopotamian civilization // *Current Anthropol.* 1989. V. 30.
- Behm-Blancke M.* Hassek Höyük, Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 1978–1980 // *Istanbuler Mitteilungen.* 1984. V. 34.
- Die Metallindustrie mesopotamiens von den Anfängen bis zum 2. Jahrtausend v. Chr. // *Orient – Archäologie.* Bd. 3. Rahden, 2004.
- Esin U.* Tepecik, 1974 // *AS.* 1975. V. XXV.
- Frangipane M.* Early developments of metallurgy in the Near East // *Studi di Paletnologia in onore di Salvatore M. Puglisi.* Università di Roma “La Sapienza”. Roma, 1985.
- Frangipane M., Palmieri A.* A protourban centre of the Late Uruk period // *Origini.* 1988. V. 12.
- Gale N.H., Stos-Gale Z.A., Gilmore G.R.* Alloy types and copper sources of Anatolian copper alloy artifacts // *AS.* 1985. V. XXXV.
- Giles D.L., Kuijpers E.P.* Stratiform copper deposit, Northern Anatolia, Turkey: Evidence for Early Bronze I (2800 B.C.) mining activity // *Science.* 1974. V. 186.
- Hauptmann A., Palmieri A.* Metal production in the Eastern Mediterranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case studies from Arslantepe // *Anatolian metal I* / Ed. Yalçın Ü. Der Anschnitt. Beiheft 13. Bochum, 2000.
- Jesus P.S. de* Metal resources in ancient Anatolia // *AS.* 1978. V. XXIII.
- Kelly-Buccellati M.* Trade in metals in the third millennium: Northeastern Syria and Eastern Anatolia // *Resurrecting the Past. A joint tribute to Adnan Bounni.* Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul, 1990.
- Korucutepe: Final report on the excavations of the Universities of Chicago, California and Amsterdam in the Keban reservoir, Eastern Anatolia, 1968–1970 / Ed. van Loon. V. 2. Oxford; N.Y., 1975.
- Koşay H.Z.* Keban project Pulur excavations 1968–1970 // *Middle East Technical University. Ser. II.* Ankara, 1976.
- Kunç S., Çukur A., Ince A.T.* Kursun izotop analiz yöntemleri ve arkeolojide uygulamaları. X. Arkeometri Sonuçları Toplantısı. Ankara, 1994.
- Mallowan M.E.L.* Excavations at Brak and Chagar Bazar // *Iraq.* 1947. V. 9.
- Moorey P.R.S.* Materials and manufacture in ancient Mesopotamia: The evidence of archaeology and art // *BAR.* 1985. Ser. 237.
- Moorey P.R.S.* Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence. Oxford, 1994.
- Moortgat A., Moortgat-Correns U.* Tell Chuera in Nordost Syrien. Grabungskampagne 1976. Berlin, 1978.
- Muhly J.D.* Çayönü Tepesi and the beginnings of metallurgy in the Old World // *Old World archaeometallurgy* / Eds Hauptmann A., Pernicka E., Wagner G.A. Der Anschnitt. Beiheft 7. Bochum, 1989.
- Muhly J.D.* The bronze metallurgy of Anatolia and the question of local tin sources // *Archaeometry'90* / Eds Pernicka E., Wagner G.A. Basle; Boston; Berlin, 1991.
- Özbal N., Pehlivan N., Earl B., Gedik B.* Metallurgy at İkiztepe // *Anatolian metal II* / Ed. Yalçın Ü. Der Anschnitt. Beiheft 15. Bochum, 2002.
- Özdoğan M.* The Bronze Age in Thrace in relation to the emergence of complex societies in Anatolia and in the Aegean // *Anatolian metal II* / Ed. Yalçın Ü. Der Anschnitt. Beiheft 15. Bochum, 2002.
- Palmieri A.* Eastern Anatolia and Early Mesopotamia urbanization: Remarks on changing relations // *Studi di Paletnologia in onore di Salvatore M. Puglisi.* Università di Roma “La Sapienza”. Roma, 1985.
- Palmieri A., Sertok K., Chernykh E.* From Arslantepe metalwork to arsenical copper technology in Eastern Anatolia // Eds Frangipane M. et al. Between the Rivers and over the Mountains. *Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata.* Università di Roma “La Sapienza”. Roma, 1993.
- Pernicka E.* Analytisch-chemische Untersuchungen an Metallfunden von-Uruk-Warka und Kiş / Ed. Müller-Karpe M. Metallgefäße im Iraq. I. Von den Anfängen bis zur Akkad Zeit // *Prähistorische Bronzefunde. Abt. II.* Bd. 14. Stuttgart, 1993.
- Pernicka E.* Gewinnung und Verbreitung der Metalle in prähistorischer Zeit // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.* 1995. V. 37 (1).
- Pernicka E., Seeliger T.C., Wagner G.A. et al.* Archäometallurgische Untersuchungen in Nordwestanatolien // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.* 1984. V. 31. Mainz.
- Potts T.* Mesopotamia and the East. An archaeological and historical study of foreign relations ca. 3400–2000 BC // Oxford University Committee for Archaeology. 1994. Monograph 37.
- Ryan C.W.* A guide to the known minerals of Turkey. Ankara, 1960.
- Shalev S.* The Nahal Mishmar hoard and Chalcolithic metallurgy in Israel // *Eretz-Israel. Archaeological, Historical and Geographical Studies.* 1996. V. 22.
- Schmitt-Strecker S., Begemann F., Pernicka E.* Chemische Zusammensetzung und Bleisotopenverhältnisse der Metallfunde vom Hassek Höyük // *Max-Planck-Institut für Kernphysik. Kosmophysik.* 1989. V. 47.
- Stech T., Pigott V.C.* The metal trade in South-West Asia in the third millennium B.C. // *Iraq.* 1986. V. 48.
- Strommenger E.* Habuba Kabira: eine Stadt vor 5000 Jahren. Mainz am Rhein, 1980.

- Tadmor M., Kedem D., Begemann F. et al.* The Nahal Mishmar hoard from the Judean desert: Technology, composition and provenance // 'Atiqot. 1995. V. XXVII.
- Tobler A.J.* Excavations at Tepe Gawra. V. II. Philadelphia, 1950.
- van Driel G., van Driel-Murray C.* Jebel Aruda, the 1982 season of excavations // Akkadica. 1983. V. 33.
- Wallace R., Griffiths J., Albers P., Öner Ö.* Massive sulfide copper deposits of the Ergani-Maden area, Southeastern Turkey // Econom. Geol. 1972. V. 67. № 6.
- Yakar J.* Regional and local schools of metalwork in Early Bronze Age Anatolia. P. I // AS. 1984. V. XXXIV.
- Yakar J.* Regional and local schools of metalwork in Early Bronze Age Anatolia. P. II // AS. 1985. V. XXXV.
- Yakar J.* East Anatolian metallurgy in the fourth and third millennia BC: some remarks / Ed. Yalçin Ü. Der Anschnitt. Beiheft 15. Bochum, 2002.
- Yalçin Ü.* Anfänge der Metallverwendung in Anatolien // Anatolian Metal I. Der Anschnitt. Beiheft 13. Bochum, 2000.
- Yalçin Ü., Hauptmann H., Pernicka E.* Norşuntepe'de geç Kalkeolitik çagi bakir madenciligi uzerine arkeometalurjik arastirmalar. VIII. Arkeometri Sonuclari Toplantisi. Ankara, 1992.
- Yener K.A.* The production, exchange, and utilization of silver and lead metals in Anatolia // Anatolia. 1983. V. 10.
- Yener K.A., Özbek H.* Tin in the Turkish Taurus mountains: the Bolkardag mining district // Antiquity. 1987. V. 61.

Metal trade in the Near East in the Early and Middle Bronze Ages

L.I. Avilova

Summary

The use of metals and copper-based alloys are one of the distinguishing features of the ancient civilizations in the Near East. The intensive excavations that have been carried out in Syro-Mesopotamia during the last decades allow to discuss the specific details of production and trade in metals from several Near Eastern minefields. The present article gives a brief overview of the ore deposits that were or could have been worked in antiquity, of the testimony of metal production at several Late Eneolithic, Early and Middle Bronze Agesites in Eastern Anatolia and the basins of the Upper and Middle Euphrates, which are located along the trade routes that connected Eastern Anatolia, Northeastern Syria, Mesopotamia and some of the more distant regions, including Northern Caucasus and, probably, Transcaucasia. Especial attention is given to nickel arsenic bronzes, which were widely used in the Early Bronze Age. The author connects the data with such phenomena in the development of Bronze Age Near Eastern society (for instance, of the Uruk civilization) as organized colonization of the lands which had rich natural resources, and centralized state control over the production and distribution of agricultural products.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ ЗАСЕЛЕНИИ СИБИРИ АНАТОМИЧЕСКИ СОВРЕМЕННЫМИ ЛЮДЬМИ

© 2010 г. А.П. Бужилова*, М.В. Добровольская**, М.Б. Медникова*

*Институт археологии РАН, Москва

**НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва

К 80-летию академика
Валерия Павловича Алексеева

На территории бывшего Советского Союза в настоящий момент насчитывается несколько десятков древнейших ископаемых представителей рода *Ното*, примерно шестая часть из этого списка обнаружена на обширной территории Сибири. Среди них останки индивидов разного таксономического статуса — от неандертальцев до анатомически современных людей эпохи верхнего палеолита.

Вопрос о давности заселения Сибири вызывает традиционный интерес. Специалистами была разработана детальная типология археологических памятников, выявлены и описаны уникальные многослойные стоянки, свидетельствующие об освоении региона уже в эпоху нижнего палеолита (Деревянко и др., 1994. С. 193). Очевидно, что некоторые регионы Сибири, в частности Южная Сибирь и Алтай, обладали особой привлекательностью для палеолитических охотников.

Изучению останков представителей палеолитической эпохи с территории Сибири уделяли внимание ведущие отечественные антропологи. М.М. Герасимов, открывший в 1929 г. стоянку Мальта, позднее усматривал монголоидные черты в мальтинском черепе (1955. С. 210, 238). В числе первых и основополагающих работ следует также упомянуть оценку Г.Ф. Дебецем таксономической и расовой принадлежности скелетов из Афонтовой Горы (1948. С. 43). Огромный интерес сибирские находки вызвали у академика В.П. Алексеева, посвятившего, в том числе костным и зубным материалам *Ното* из Афонтовой Горы II, Мальты и пещеры им. Окладникова, обзорное исследование, опубликованное после ухода автора из жизни (Alekseev, 1998. С. 329). Ранее, в публикации В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (1987. С. 59) была аргументирована принадлежность скелетных фрагментов из Мальты не одному, а двум индивидуумам детского возраста, предположительно демонстрировавшим монголоидность. Американский одонтолог К. Тернер II (Turner, 1990. С. 241, 242) высказывал аналогичную точку зрения при определении числа инди-

видуумов со стоянки Мальта. Наконец, активная работа новосибирских ученых позволила не только обобщить имеющиеся данные, но и сформировать представления об одонтологических особенностях древнейшего населения Алтая (Шпакова, Деревянко, 2000. С. 125; Шпакова, 2001. С. 74).

К сожалению, антропологические материалы из раскопок сибирского палеолита далеко не столь представительны, как археологические находки, и, как правило, не отличаются хорошей сохранностью. Поэтому введение в научный оборот новых материалов может быть особенно важным и способствовать решению актуальных вопросов палеолитоведения.

Фрагмент черепа из Покровки:
прямое радиоуглеродное датирование

Осенью 2006 г. в группу физической антропологии Института археологии РАН археологом Е.В. Акимовой был передан для изучения фрагмент человеческого черепа, обнаруженный ею вне ассоциации с определенным культурным слоем на берегу Красноярского водохранилища¹. Несмотря на подъемный характер указанной палеоантропологической находки у специалистов были основания предполагать ее плейстоценовый возраст (Акимова и др., 2002. С. 20). По словам С.Н. Астахова, “на сегодняшний день это единственная палеоантропологическая находка такой древности на Красноярском водохранилище, да и вообще в Сибири, если определение возраста исследователями корректно” (2007. С. 105).

Береговые отмели водохранилища несут переотложенные археологические и фаунистические комплексы, изначальные местонахождения которых разрушены абразивными процессами. Многочис-

¹ Авторы пользуются случаем принести свою глубокую благодарность Х.А. Амирханову, познакомившему нас с Е.В. Акимовой во время Первого археологического съезда в Новосибирске.

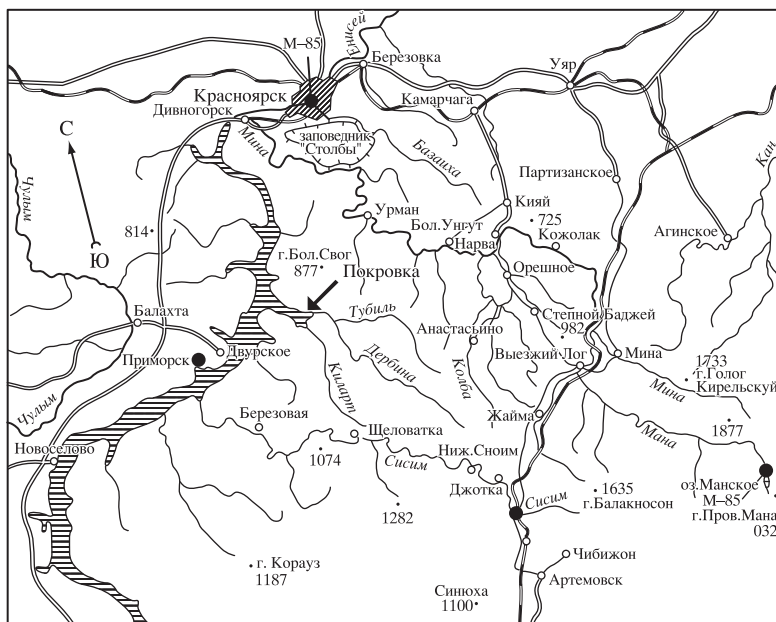

Рис. 1. Географическая локализация антропологической находки.

ленны остатки ископаемой фауны, в составе которой лошадь, бизон, мамонт, шерстистый носорог, кулан, снежный баран, марал, лось, бык, эпизодически – пещерный лев, волк, пещерная гиена.

По правому берегу Дербинского залива Красноярского водохранилища расположен более мелкий залив Малтат, привлекавший внимание благодаря нескольким местонахождениям с археологическими сборами на поверхности. Переданный нам фрагмент черепа происходит из так называемого западного пятна находок Малый Лог II или Покровка II (рис. 1). Среди артефактов, собранных здесь на поверхности отмели, были, в частности, двуплощадочные моно- и бифронтальные нуклеусы, заготовка торцового нуклеуса, микронуклеусы, концевые скребки на пластинах и отщепах, чопперы, отбойники и проч. (Акимова и др., 2002. С. 20, 21).

В задачи нашего исследования входило проведение описания сохранности фрагмента, оценка его половозрастной принадлежности и таксономического положения. Отсутствие культурного слоя, переотложенный характер находок индустрии и фауны выдвигает задачу прямого радиоуглеродного датирования на первый план. Без такой датировки антропологический анализ находки сводится к ряду гипотетических предположений.

Поэтому на предварительном этапе было проведено прямое радиоуглеродное датирование. Образец, взятый непосредственно из черепной крышки, был передан в специализированное подразделение Оксфордского университета радиоугле-

родной ускорительной масс-спектрометрии (Oxford Radiocarbon Accelerator Unit, далее ORAU) – одного из ведущих центров, применяющих новаторские методы ускорительной масс-спектрометрии при радиоуглеродном датировании². Возраст костного фрагмента был определен в пределах 27740 ± 150 BP (OxA-19850) (Akimova et al., in press).

Имея в виду принципиальную важность полученной датировки, остановимся на особенностях методики датирования. Дата была получена методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) согласно стандартной процедуре, традиционно принятой в ORAU. Изложение последней неоднократно опубликовано (Low, Hedges, 1997. P. 247–250; Bronk Ramsey et al., 2004a. P. 26; 2004b. P. 156; 2004c. P. 18). Приводимые данные не калиброваны. В соответствии с Международной конвенцией по радиоуглероду, дата представлена в годах BP (до 1950 года). Хотелось бы подчеркнуть, что в данной лаборатории особое внимание уделяется решению методических проблем очистки пробы и предотвращения загрязнения.

Датирование костного материала имеет свои специфические трудности. Часть из них связана с тем, что возможное проникновение карбонатов окружающей среды может существенно исказить результат. Поэтому обычно работают с белковой, коллагеновой фракцией. Но и тут возникают ме-

² Датирование осуществлено при финансовой поддержке фонда The Institute for Bioarchaeology, за что авторы статьи приносят отдельную благодарность Рокси Уолкер.

тодические проблемы. Как известно, большинство находок палеолитического времени, будь то скелетные фрагменты или изделия из кости, представляя исключительную ценность, подвергаются различного рода консервации. В том числе, возможно использование желатиновых пропиток. Особенно часто желатиновые пропитки были распространены в реставраторском деле в конце XIX – первой половине XX в. Поэтому большинство наиболее ценных и широко известных палеоантропологических находок, находящихся в музейных коллекциях, представляют особо сложный материал для прямого радиоуглеродного датирования.

С 2000 г. в этом подразделении Оксфордского университета применяется подобная методика очистки от желатина (Brown et al., 1988. Р. 171). Эта методика была применена и в данном случае. Кроме того, с 2004 г. в лаборатории используется методика очистки образцов от микроколичеств глицерина, содержащего углерод, которые могут попадать в пробу со стандартных ультрафильтров (Bronk Ramsey et al., 2004b. Р. 157). Также в данной лаборатории разработан метод выделения аминокислот и датирования аминокислот, а не белка. В особо ответственных случаях исследователи обращаются к процедуре выделения только одной аминокислоты, которая специфична для костной ткани – гидроксипролина.

При датировании образца из Покровки такого выделения не производилось, что было обусловлено хорошей сохранностью костной ткани, определенной предварительным анализом, показавшим содержание азота порядка 1.5%, что свидетельствует о сохранности коллагена, допустимой для проведения датирования на основании его выделения. Таким образом, достоверность полученного результата гарантирована высоким уровнем методики проведения анализа.

Следует также обратить внимание на то, что современные достижения в области радиоуглеродного датирования вынуждают исследователей обращаться к проблеме повторного датирования палеолитических материалов, прошедших процедуры получения абсолютных дат еще до введения описанных выше методических подходов. Например, в результате таких исследований возраст неандертальской находки из Хорватии (Виндия) стал более древним – примерно на 4 000 лет (с 28 000–29 000 до 32 000–33 000) (Higham et al., 2005. Р. 556).

До сих пор примером прямого радиоуглеродного датирования палеолитических человеческих останков с территории Сибири было погребение ребенка из Мальты (ОхА7129; 19880 ± 160 BP) (Richards et al., 2001. Р. 6529), молодого индивида

из пещеры им. Окладникова (2-й слой) (KIA-27010; 24260 ± 180 BP) и неполовозрелого индивида из этого же памятника (3-й слой) (усредненная дата по результатам трех лабораторий 34190 ± 760 BP) (Krause et al., 2007. Р. 2, supplementary information). Недавно появилась публикация с результатами прямого углеродного датирования (AMS) антропологической находки из Байгары (Западная Сибирь). Авторы (Kuzmin et al., 2009. Р. 93) предполагают, что полученные ими предварительные данные указывают на исключительную древность находки (40300–48100 BP). Образцы из Афонтовой Горы, Новоселова VI и Лиственки, судя по имеющемуся корпусу дат, полученных для культурного слоя, отражают гораздо более поздний этап освоения Сибири, не ранее 12–15 тыс. лет назад. Таким образом, фрагмент черепной крышки из Покровки II (Малого Лога II) относится к среднему этапу верхнего палеолита в Евразии и может быть признан синхронным таким восточноевропейским находкам, как Сунгирь.

Исходя из вновь полученной информации о возрасте находки, мы смогли уже детализировать задачи собственно антропологического исследования: 1) описание сохранности находки. Идентификация пола и биологического возраста индивида; 2) проведение подробного морфологического описания и измерения находки; 3) предварительное выяснение таксономического статуса находки. Определение принадлежности анатомически современному или архаическому *Homo*; 4) предварительный “расоводиагностический” анализ в контексте проблем “монголоидности” и “европеоидности” древнейшего населения Сибири.

Помимо стандартного морфологического обследования костных останков нами применялись дополнительные методы. Рентгеносъемка черепной крышки выполнялась в передне-задней и боковой проекциях на аппарате “Арман” на рентгентехнической пленке (РТ) отечественного производства. Также использовалась микрофокусная рентгенография. Последний метод – разработка отечественных специалистов из Петербургского государственного электротехнического университета. Работы по этой тематике возглавляет ведущий научный сотрудник университета Н.Н. Потрахов. Микрофокусная рентгенография начала применяться в медицине в середине 70-х годов прошлого века. Преимущество этого метода состоит в лучшей передаче мелких деталей и большей глубине резкости для неподвижных объектов небольшой толщины, что особенно очевидно проявляется при съемке с прямым увеличением изображения (Мазуров, Потрахов, 2008. С. 142). В последнее время учеными используется

аналоговая цифровая рентгенография, технические модели которой прошли успешную апробацию в хирургии, стоматологии, травматологии и пр. Исследование проведено на микрофокусном аппарате на базе ЗАО “ЭЛТЕХ-МЕД” с цифровой обработкой изображения с помощью системы (Коника). Режимы съемки: 24 kV и экспозиция 135 mas. Безусловно, четкая резкость и детализация изображения при одновременном увеличении его в несколько десятков раз делает метод цифровой микрофокусной рентгенографии более перспективным в палеопатологии, чем традиционные рентгенологические приемы, использованные прежде (Бужилова и др., 2008). Компьютерная томография выполнялась на спиральном компьютерном томографе СТ Aura Philips, позволяющем создавать мультипланарные, трехмерные изображения в режиме реального времени, получать аксиальные срезы толщиной от 1 мм и их реконструкции толщиной до 0.2 мм³.

Оценка пола и возраста по сохранившимся останкам

Костные останки индивидуума из Покровки II представлены частично разрушенной лобной костью (рис. 2). Левая сторона сохранилась полностью, включая верхний край глазницы с лобно-скуловым (зигоматикофронтальным) швом. С этой стороны отчетливо заметно надглазничное отверстие. Правая сторона сохранилась хуже, что, к сожалению, затруднило получение ряда стандартных краниологических измерений. Чешуя лобной кости представлена в значительной степени, что позволяет воссоздать форму и основные размеры. Кроме того, присутствуют основания разрушенных носовых костей. Задняя часть лобной кости сохранилась частично. Венечный шов прослеживается примерно на протяжении четверти его длины в левой части фрагмента. На внутренней стороне фрагмента лобной кости хорошо выражен лобный крест (*frontal crest*) и пальцевидные вдавления.

Общий размер сохранившегося фрагмента лобной кости и отдельные морфологические особенности, например, наличие лобных пазух, которые появляются на первом году жизни человека, не оставляют сомнений, что перед нами кость мо-

лодого индивида, прожившего несколько лет. На это указывают и уже сформированные слои компактного вещества верхней и нижней пластинок черепа, и губчатого вещества между ними, которые можно разглядеть в местах посмертных разломов кости и на рентгенограмме, полученной методом микрофокусной радиографии с многократным увеличением изображения. Поскольку лобный шов полностью облитерирован (закрыт), то этот индивид, несомненно, старше 5–8 лет (Пашкова, 1963. С. 117).

Следует особо остановиться на сроках закрытия метопического шва. Обычно правая и левая половины лобной кости частично или полностью срастаются в первый год жизни, хотя этот процесс может быть продлен до 4, а в отдельных случаях до 8 лет (Baker et al., 2005. Р. 97; Пашкова, 1963. С. 117). Однако иногда метопический шов сохраняется во взрослом состоянии.

Таким образом, отсутствие метопического шва и размеры лобного фрагмента у индивидуума из Покровки II определенно говорят о том, что он был старше известных возрастных пределов закрытия лобного шва, т.е. 5–8 лет.

Костные балки губчатого вещества, хорошо различимые на рентгенограмме, полученной методом микрофокуса при семикратном увеличении, почти все одинаковой длины и стандартной формы. Обычная рентгенограмма дает общую панораму, которая свидетельствует об отсутствии разрежения костной структуры на всем протяжении лобной кости, что позволяет нам уверенно говорить, что возраст индивида не превышает интервала *Adultus*. Заметим, что сохранившийся фрагмент венечного шва не облитерирован, что типично как для подросткового, так и для молодого возраста.

Опираясь на размеры лобной кости, представленной практически целиком, сохранившийся фрагмент нельзя точно соотнести с размерами лобной кости ребенка-подростка или молодого взрослого индивида грацильного телосложения. Из данных сравнительной анатомии известно, что рост головы после 7 лет и до 13 лет относительно медленный, в то время как в период полового созревания интенсивность роста усиливается, а затем начинает снижаться, и к 20–23 годам голова достигает окончательного размера взрослого индивида. Таким образом, на предварительном этапе исследования мы можем остановиться на предположении о молодом возрасте индивида, нижний предел которого не менее 5–8 лет. Не исключено, что он уже прошел этап полового созревания (13–16 лет). Однако верхний предел его возраста не может выходить из категории *Adultus*.

³ Цифровая микрофокусная рентгенография проводилась при содействии “ЭЛТЕХ-Мед”, ТЕХНОПАРК СПбГЭТУ (быв. ЛЭТИ). Методами компьютерной томографии образец исследовался в специализированной лаборатории на базе ЦИТО им. Приорова. Авторы приносят благодарность д.т.н. Н.Н. Потрахову, к.т.н. Е.Н. Потрахову и к.т.н. А.Ю. Грязнову, профес. А.К. Морозову и к.м.н. И.Н. Карпову за неоценимую помощь в применении инновационных методов при изучении материала.

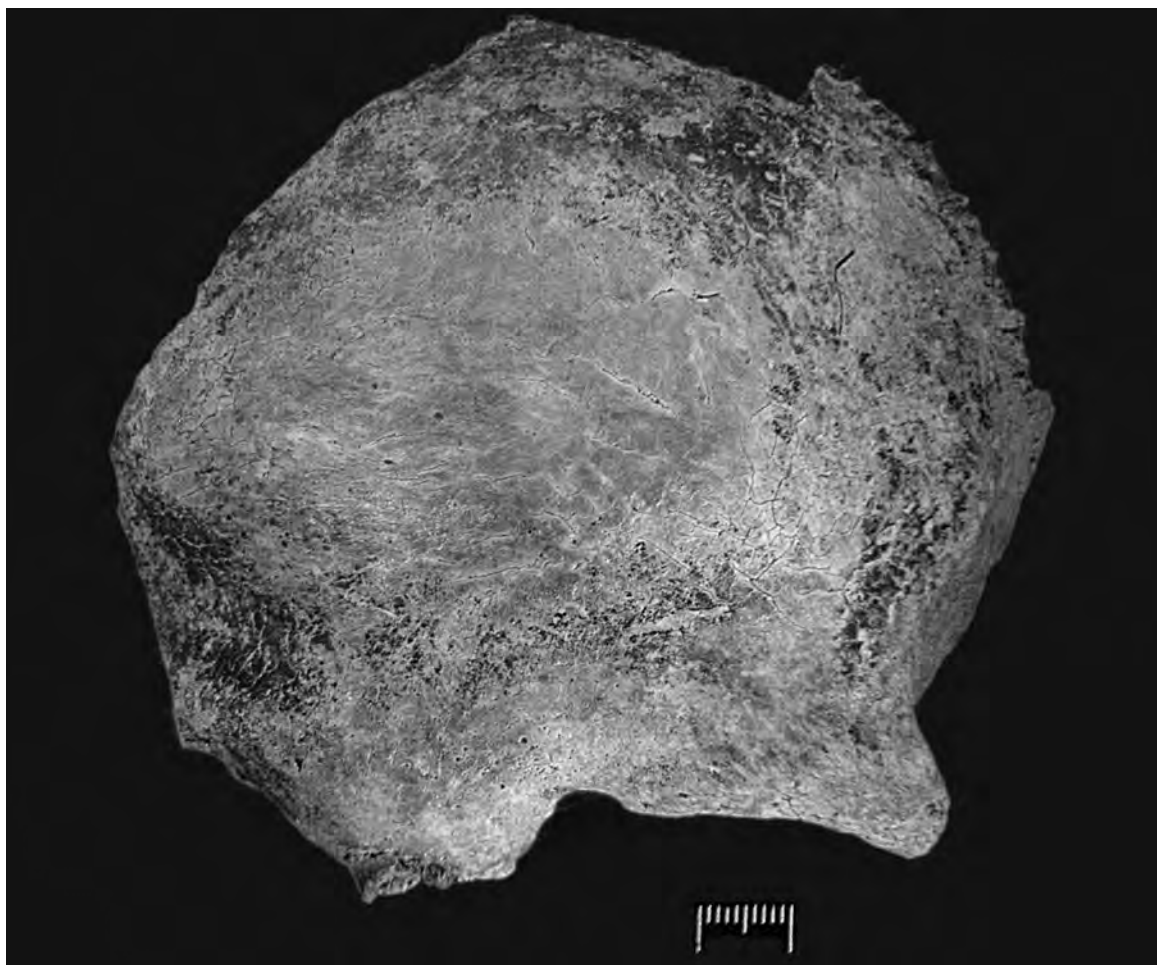

Рис. 2. Сохранность костного фрагмента. Вид сверху.

Рассмотрим последовательно признаки, имеющие выраженную половозрастную динамику. Хотя общие размеры лобной кости мало информативны, упомянем, что реконструированная минимальная ширина лба не превышает 99,5–100 мм. Таким образом, размер находится в пределах взрослых малых величин для женщин и мужчин, а также в пределах размеров подросткового возраста для более крупных индивидов. Выступающие, хорошо сформированные лобные бугры также могут быть выражены как у ювенильного индивида, так и у женщины.

Особого внимания заслуживает описание глабеллярной области и надглазничного рельефа. Толщина лобной кости в глабеллярной области не может быть отнесена к разряду низких. Это обстоятельство, скорее, указывает на принадлежность индивида мужскому полу, и, соответственно, подростковому возрасту. Надглазничный рельеф также четко развит на всем протяжении верхнего края глазницы. Размеры, характеризующие выступание и толщину надглазничного рельефа (см. ниже),

также позволяют нам предполагать скорее ювенильную стадию онтогенеза описываемого индивида. Понижение рельефа как в постглабеллярной области, так и позади от элементов надглазничного рельефа прослеживается четко. Это обстоятельство, вероятно, позволяет нам идентифицировать возраст не раньше, чем начало гонадархе, и отнести к мужскому полу.

При допущении предположения, что перед нами все же останки половозрелого грацильного индивида, можно попытаться оценить его пол с других позиций. Во-первых, следует обратить внимание на наклон лба, который можно определить как почти вертикальный, и на выраженность лобных бугров. Сочетание этих признаков наиболее часто встречается у женщин. Однако при этом у индивида фиксируется очевидная выраженность надпереносья (глабеллы) и надбровных дуг, что обычно не свойственно женщинам. Индифферентный набор признаков на лобной кости не позволяет нам уверенно определить пол исследуемого. Эта особенность может быть следствием не только грацильности

индивида, но еще и последствием несформированной дефинитивной формы черепа, что еще раз указывает на вероятный молодой (подростковый) возраст исследуемого.

К вопросу о таксономическом статусе находки

Как упоминалось выше, в задачи исследования входила морфологическая характеристика фрагмента. Были измерены: минимальная ширина лба, а также толщины лобной кости в области максимального развития лобных бугров, в центре лобной чешуи и в области брегма. Главным сравнительным материалом послужили характеристики сунгирцев, синхронных Покровке представителей эпохи верхнего палеолита из Восточной Европы. Поскольку измерения сунгирцев проводились по рентгеновским изображениям (Медникова, 2000. С. 361), во избежание ошибки метода аналогичные показатели у индивида из Покровки II были оценены также по рентгенограммам (табл. 1).

Обращает на себя внимание некоторая промежуточность развития лобной кости у сибирского индивида. Если по толщине надбровья он сближается с юношей Сунгирь 2, то по толщине кости в центре лобной чешуи, в области брегмы и бугра он демонстрирует большую грацильность, сближаясь с девочкой Сунгирь 3. В любом случае, распределение толщин помогает отчасти уточнить возраст индивидуума из Покровки II, предположительно поместив его в более узкий интервал подросткового возраста. Впрочем, данные антропологии о возрастной изменчивости толщины свода черепа в верхнем палеолите остаются недостаточными для каких-либо категорических утверждений. Половой диморфизм по этим признакам тоже был весьма значительным. Например, согласно сводке данных, составленной В.П. Алексеевым по кроманьонским материалам (1977. С. 225), толщина в центре лобной чешуи у женщин верхнего палеолита могла более чем на 2.5 мм превышать аналогичный показатель у мужчин. Индивидуальные вариации толщины лобной кости в области брегмы у верхнепалеолитических мужчин вообще лежат в пределах от 3 до 10.5 мм. В этот интервал попадают не только соот-

ветствующая толщина свода индивида из Покровки II, но и все данные о взрослых и ювенильных сунгирцах вне зависимости от их половой принадлежности. Таким образом, толщина лобной кости в эпоху верхнего палеолита, к сожалению, не может служить надежным морфологическим критерием при определении пола и возраста.

Как показал опыт изучения таких разноплановых находок, как Бордер Кейв, Ле Мустье и Виндия, формирование надбровного рельефа в онтогенезе представителей архаической морфологии происходило достаточно поздно. При допущении ювенильного возраста исследуемого индивидуума, мы должны учитывать эту особенность при оценке его таксономического статуса. Как отмечают специалисты (Ahern, Smith, 2005. P. 124), именно юным возрастом, а не “переходным” к современному человеку таксономическим статусом, можно объяснить отсутствие надглазничного торуса у неандертальцев Виндии, индивида KRM 16425 из устья р. Класис. Примечательно, что у неандертальского юноши Ле Мустье 1 (зубной возраст 15 лет), торус намечается, хотя еще очень далек от взрослых “классически-неандертальских” стандартов. У 9-летнего ребенка из Тешик-Таш он практически отсутствует.

Степень выступления и толщина надбровья у индивидуума из Покровки II оценивались нами в медиальной, латеральной и мидорбитальной областях на фоне сравнительных значений по ювенильным неандертальским особям и взрослым анатомически современным людям верхнепалеолитической эпохи (рис. 3, 4).

Как можно убедиться, несмотря на то что у представителей анатомически современного верхнепалеолитического населения надбровье могло достигать более заметного развития, чем у юношей-неандертальцев, выступание надбровья у сибирского индивидуума существенно ниже. То же относится и к толщине надбровья в фиксированных точках при сравнении с теми же формами.

Важным диагностическим признаком при разграничении представителей “архаической” и анатоми-

Таблица 1. Толщина лобной кости на фоне сунгирских детей

Область, точка	Покровка	Сунгирь 2 (мальчик, 12–14 лет)	Сунгирь 3 (девочка, 9–10 лет)	Сунгирь 1 (мужчина, 40+)
Глабелла	11.5	12	5	19
Центр лобной чешуи	5	6	4	7
Область брегмы	4	7	4.5	6
Область бугра	5.5	7	4	7

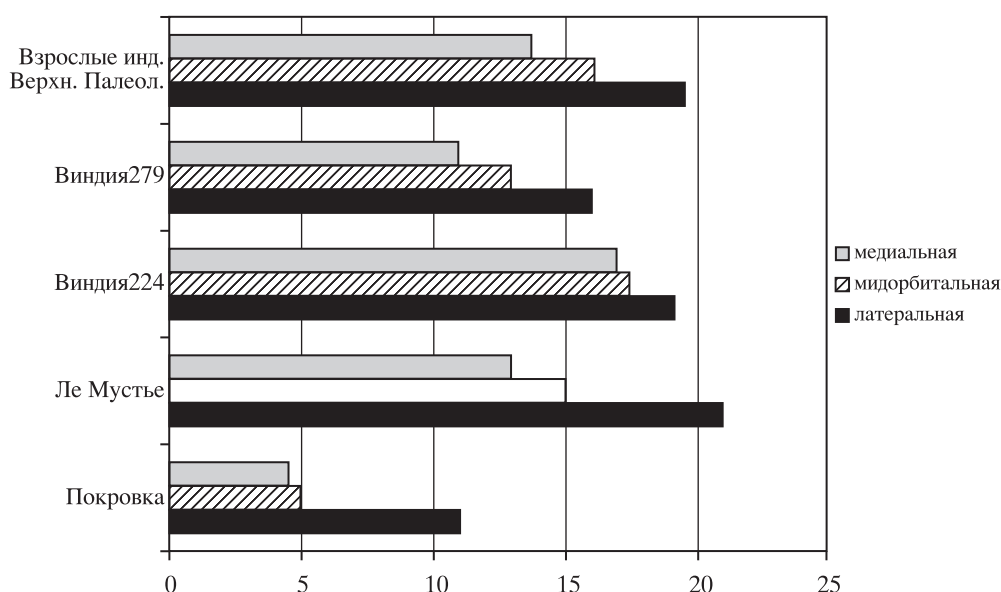

Рис. 3. Выступление надбровья в медиальной, латеральной и мидорбитальной областях у индивидуума из Покровки, европейских неандертальцев юношеского возраста и взрослых кроманьонцев (сравнительные данные по: Ahern, Smith, 2005. P. 131).

чески современной морфологии считались строение и степень развития лобных пазух (Schwalbe, 1899. S. 125). Впрочем, этот признак сегодня оценивается не столь однозначно, особенно с учетом индивидуальных и возрастных особенностей.

В свое время Д.Г. Рохлин (1949. С. 114) подчеркивал, что у 40–50% современных детей в 7–9 лет лобная пазуха отчетливо пневматизирована. Он обратил внимание на то, что у ребенка из Тешик-Таша лобные пазухи, напротив, едва намечены. Вместе с тем, у взрослых неандертальцев отмечались боль-

шие лобные пазухи с вертикально расположенной передней стенкой. По мнению Рохлина, лишь в более позднем периоде индивидуального развития, ко времени активации передней доли гипофиза и включения половых желез в эндокринную систему выявлялся неандертальский “акромегалоидный” акцент в отношении лобных пазух.

Наш предшествующий опыт позволяет судить о развитии лобных пазух у представителей верхнепалеолитического населения на примере сунгирских индивидуумов. В частности, можно с уверенно-

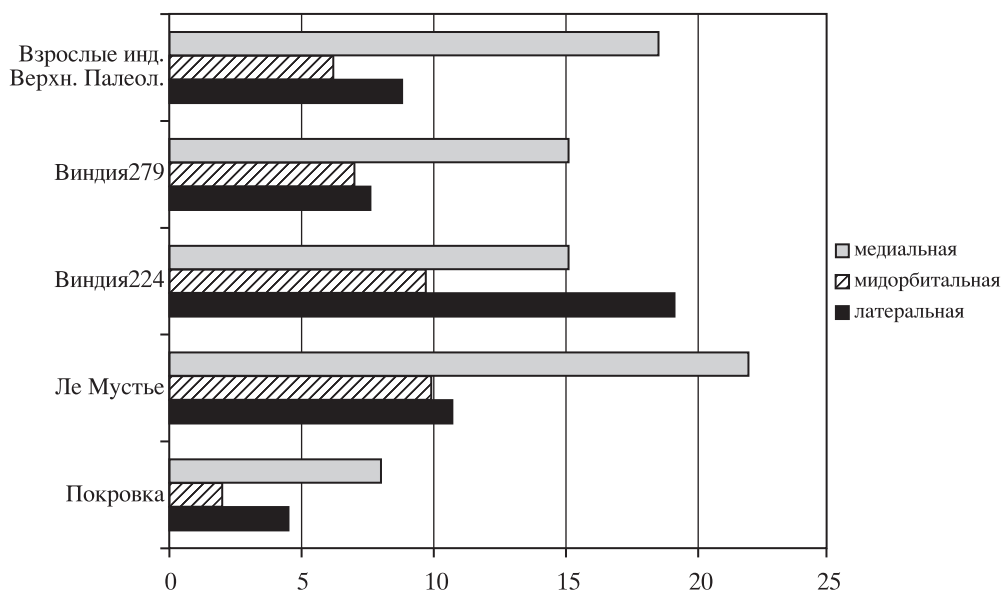

Рис. 4. Толщина надбровья в медиальной, латеральной и мидорбитальной областях у индивидуума из Покровки, европейских неандертальцев юношеского возраста и взрослых кроманьонцев (сравнительные данные по: Ahern, Smith, 2005. P. 129).

стью утверждать, что развитие лобных пазух у девочки Сунгирь 3 в 9–10-летнем возрасте отвечало стандартам анатомически современного человека (Медникова, 2000. С. 365. Рис. 29, б).

Судя по нашим предварительным оценкам, индивид из Покровки II несколько старше Сунгирь 3, но может быть моложе подростка Сунгирь 2 (12–14 лет, по: Медникова и др., 2000. С. 367). В настоящей работе максимальные размеры лобных пазух определялись нами по результатам компьютерного томографирования. Высота пазух составила 6.07 мм справа и 3.30 слева, длина – 16.60 мм справа и 12.37 слева. Согласно современным представлениям, лобные пазухи неандертальцев действительно морфологически несколько отличались от современных, в том числе за счет большей глубины (Prossinger et al., 2005. Р. 143). У индивидуума из Покровки II развитие фронтального синуса в глубину, по-видимому, вполне соответствовало современным вариантам строения (рис. 5).

Напомним, что некоторые древнейшие сибирские находки несли черты так называемой монголоидности. Так, по оценке Г.Ф. Дебеца (1948. С. 43) и В.П. Алексеева (1977. С. 121), ювенильный череп из Афонтовой Горы принадлежал монголоиду. Для подтверждения такого мнения, Г.Ф. Дебец провел предварительное сравнительное исследование, взяв в качестве контрастных групп черепа осетин и чукчей от 8 до 18 лет. Высота и ширина носовых костей определялась им не в месте их наибольшего сужения, а в верхней части.

Плоское переносье, как характерная особенность азиатского расового ствола, в итоге отмечено у представителя позднего верхнего палеолита Восточной Сибири (Афонтова Гора II, г. Красноярск, левый берег р. Енисей. Раскоп 1 – по древесному углю – $11\,335 \pm 270$ (МО343). Наиболее ранняя 13990 ± 110 (GrN-22274) до 14070 ± 110 (СОАН-3075). Полученные нами результаты измерения соответствующих признаков у индивидуума из Покровки II и вычисленный индекс целиком и полностью укладываются в размеры “европеоидного” расового ствола (табл. 2).

В том случае, если последующие исследования подтвердят наши предположения, представление

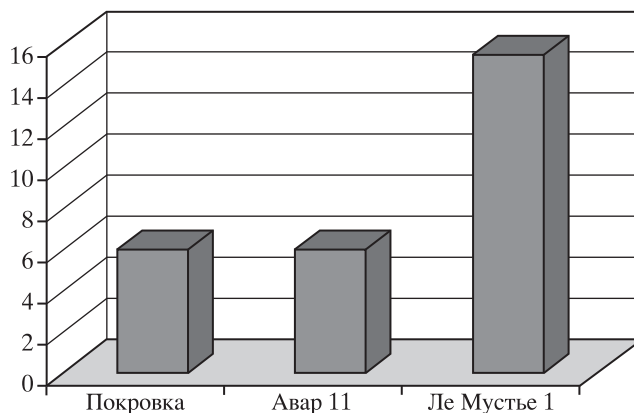

Рис. 5. Глубина лобной пазухи у индивидуума из Покровки в сравнении с 11-летним средневековым аварским ребенком и неандертальским юношей Ле Мустье 1.

о появлении людей европеоидного облика на территории Центральной Сибири нуждается в коренном пересмотре. Академик В.П. Алексеев в начале 70-х годов прошлого века писал “...о наличии европеоидных элементов в Центральной, частично и Восточной Азии, начиная, по-видимому, с эпохи бронзы, возможно, раннего неолита” (1977. С. 137). Однако им же ставятся вопросы о более ранних свидетельствах присутствия людей европеоидного облика в Сибири. Отмечая юбилейный 80-й год со дня рождения этого выдающегося отечественного ученого, мы видим, что вопросы, сформулированные им как одни из наиболее сложных и приоритетных продолжают разрабатываться на основании новых материалов, а применение современных методов междисциплинарных исследований повышает достоверность получаемых фактов как в отношении хронологического определения, так и антропологической специфики находок.

Подводя итоги предварительному изучению скелетных останков индивидуума из Покровки II, мы можем заключить, что уже свыше 27 тыс. л.н. территория Средней Сибири в течении р. Енисей была заселена представителями анатомически современного человека. По результатам морфологического анализа сохранившейся лобной кости *Homo* из Покровки II следы “неандерталоидности” и так называемой монголоидности не фиксируются.

Таблица 2. Размеры верхней части носовых костей

Признак	Покровка	Афонтова Гора	Осетины	Чукчи
Верхняя ширина	10.5	9.8	11.1 (7.0–14.3)	8.1 (5.0–11.2)
Высота на уровне верхней ширины	4	1.4	3.6 (2.0–7.7)	1.8 (1.0–2.5)
Указатель	38.1	14.3	32.1 (21.9–53.8)	22.5 (17.0–26.7)

*К вопросу о древнейшем заселении Сибири
анатомически современными людьми*

Напомним, что таксономический статус населения Южной Сибири в эпоху палеолита оценивался исследователями неоднозначно. Фрагментарные останки *Homo* из алтайских пещер Денисова и им. Окладникова были объектом тщательного исследования ведущих специалистов, мнения которых тем не менее разделились. Авторитетный американский одонтолог К. Тернер II (Turner, 1990. Р. 239) отметил присутствие неандертальских черт, которые по своим особенностям сближали сибирские находки с неандертальцами из Шанидара, в то время как В.П. Алексеев (Alekseev, 1998. С. 329), а также Е.Г. Шпакова и А.П. Деревянко (2000. С. 125; Шпакова, 2001. С. 64) аргументировали принадлежность этих находок представителям раннего *Homo sapiens*.

Успешное прямое датирование некоторых образцов и сопоставление этих результатов с данными палеогенетиков, позволили опять вернуться к дискуссии. Сводный список всех полученных дат по слоям пещеры указывает на присутствие смешения культурных пластов на некоторых изученных участках (Krause et al., 2007. Р. 2, supplementary information). В целом же, седьмой слой галереи 1 (самый глубокий из исследованных) дает древнейшую дату (44800 ± 4000 , методом U-Series). В этой части пещеры обнаружен молочный правый коренной зуб из нижней челюсти. Остальные находки человеческих останков происходят из третьего и второго слоев пещеры. Третий слой дает самый широкий интервал дат (от 43700 ± 1100 до 28.470 ± 1250). Они получены не только при анализе традиционных объектов, но также и в результате прямого датирования плечевой кости неполовозрелого индивидуума, образцы которой были проанализированы в трех лабораториях Германии, Америки и Англии. Полученные из одного костного фрагмента даты отличаются большим разбросом значений, который трудно объяснить только разницей примененных методов при очистке образца (KIA-27011 29.990 ± 500 BP; Beta-186881 34.860 ± 360 BP; OxA-15481 37.800 ± 450 BP). Помимо этой кости в 3-ем слое обнаружен диафиз бедренной кости неполовозрелого индивидуума, средняя фаланга кисти и зубы (предкоренной и несколько коренных из нижней челюсти). В.П. Алексеев (Alekseev, 1998. Р. 328) упоминает еще и надколенник, который в более поздних работах других авторов не фигурирует. Некоторые исследователи предполагают, что длинные кости могут принадлежать одному индивидууму, так как отличаются сходным возрастом и были обнаруже-

ны недалеко друг от друга. Биологический возраст этого ребенка по аналогии со стандартами развития современных европейских детей находится в пределах 6–8 лет (Viola et al., 2006. Р. 139). При всей своей архаичности, зубы из этого культурного слоя, по мнению многих ученых, отличаются небольшими размерами и у них отсутствуют известные для неандертальцев морфологические особенности, в то время как фаланга кисти значительно уплощена при расширенной метадиафизарной части, как это отмечается у неандертальцев и представителей среднеплейстоценовых *Homo* (Viola et al., 2006. Р. 139). Плечевая и бедренная кости не дают возможности определенно обсуждать признаки “неандерталоидности” из-за очевидной их фрагментарности. При попытке экстракции палео-ДНК, фрагмент плечевой и фрагмент бедренной кости дали позитивный результат на наличие “особых неандертальских” генов у ребенка (Krause et al., 2007. Р. 902). Модель филогенетического родства показала, что при очевидной близости к европейским неандертальцам индивидуум из пещеры им. Окладникова (слой 3) демонстрирует некоторое генетическое своеобразие. Таким образом, по данным антропологии около 34 тыс. л.н. на территории Сибири определенно обитали неандертальцы. На сегодняшний день это самая “восточная” евразийская ископаемая находка из известных останков неандертальцев.

Кости из второго слоя дали дату 24260 ± 180 BP (KIA-27010). Дата получена из фрагмента плеча молодого половозрелого индивидуума, который отличается незначительными морфологическими особенностями, возможно отражающими индивидуальную изменчивость (Viola et al., 2006. Р. 139). Анализ ДНК подтвердил принадлежность этого индивидуума к представителям *Homo sapiens*.

Обнаруженная Е.В. Акимовой лобная кость из Покровки II по результатам предварительного морфологического анализа и радиоуглеродного датирования “вписывается” в современную хронологическую и географическую схему распространения древнейших сапиенсов на территории Сибири. В настоящий момент это наиболее раннее антропологическое свидетельство распространения *Homo sapiens*, доказывающее по данным антропологии распространение анатомически современных людей севернее обозначенных прежде регионов Южной Сибири.

Тем не менее, опубликованные совсем недавно результаты антропологического исследования пяточной кости молодого мужчины (сапиенса) из Байгары (Западная Сибирь), по мнению авторов, дают основание вновь поднять вопрос о времени и территории распространения первых сапиенсов на

обширных просторах Сибири. Напомним, что прямое датирование определило возраст этой находки древностью около 40300 BP (AA-61831) – 48100 лет назад (Kuzmin et al., 2009. P. 93). Если исследователи смогут подтвердить древность, а также отсутствие или присутствие “неандерталоидности” у этого индивидуума, то встанет вопрос о коррекции схемы размещения сапиенсов и неандертальцев на территории Евразии.

Впрочем, окончательное решение возникшей дилеммы, вероятно, будет возможно только после успешной экстракции и секвенирования митохондриальной и ядерной ДНК антропологических находок из Покровки II и Байгары.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Е.В., Стасюк И.В., Лаухин С.А. и др. Изучение палеолита Дербинского залива в 2002 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002.
- Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М., 1977.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Костные останки детских скелетов из погребения на палеолитической стоянке Мальта // Изв. Сибирского отделения АН СССР. 1987. № 16. Вып. 3. Сер. Ист., филол. и философ.
- Астахов С.Н. Останки *Homo sapiens* в позднем палеолите Енисея // Человек в культурной и природной среде / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М., 2007.
- Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. и др. Применение микрофокусной рентгенографии при диагностике заболеваний древнего человека // Петербургский журнал электроники. 2008. № 2, 3.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М., 1955.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.В. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск, 1994.
- Мазуров А.И., Потрахов Н.Н. Возможности микрофокусной рентгенографии в медицине // Петербургский журнал электроники. 2008. 2 (55)–3 (56).
- Медникова М.Б. Сравнительный анализ рентгеноструктурных особенностей сунгирцев: палеоэкологические аспекты // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер. М., 2000.
- Медникова М.Б., Бужилова А.П., Козловская М.В. Сунгирь 2 и Сунгирь 3. Половозрастная диагностика по морфологическим критериям костной системы // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер. М., 2000.
- Пашикова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. Определение пола, возраста и роста по костям скелета человека. М., 1963.
- Рохлин Д.Г. Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек / Отв. ред. М.А. Гремяцкий, М.Ф. Нестурх. М., 1949.
- Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8).
- Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1.
- Akimova E., Higham T., Stasyuk I. et al. A new direct radiocarbon AMS date for an Upper Paleolithic human bone from Siberia // *Archaeometry*. In press.
- Ahern J.C.M., Smith P.M. Aspects of supraorbital torus morphology in the Le Moustier 1 adolescent Neanderthal // *The Neanderthal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results* / Ed. Ullrich H. Berlin, 2005.
- Alekseev V.P. The physical specificities of Paleolithic hominids in Siberia // *The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations* / Ed. Derevianko A.P. Urbana, Chicago, 1998.
- Baker B.J., Dupras T.L., Tocheri M.W. The osteology of infants and children. Texas, 2005.
- Bronk Ramsey C., Ditchfield P., Humm M. Using a gas ion source for radiocarbon AMS and GC-AMS // *Radiocarbon*. 2004a. 46.
- Bronk Ramsey C., Higham T.F.G., Bowles A., Hedges R.E.M. Improvements to the pre-treatment of bone at Oxford // *Radiocarbon*. 2004b. 46.
- Bronk Ramsey C., Higham T.F.G., Leach P. Improvements to the pre-treatment of bone at Oxford // *Radiocarbon*. 2004c. 46.

Brown on D.E., Nelson D.E., Vogel J.S., Southon J.R. Improved collagen extraction by modified Longin method // *Radiocarbon*. 1988. 30.

Higham T., Bronk Ramsey C., Karavanic I. et al. Revised direct radiocarbon dating of the Vindija G₁ Upper Paleolithic Neandertals // *PNAS*. 2005. 103 (3).

Krause J., Orlando L., Serre D. et al. Neanderthals in Central Asia and Siberia // *Nature*. 2007. V. 449.

Kuzmin Ya., Pavel A. Kosintsev, Dmitry I. Razhev, Gregory W.L. Hodgins. The oldest directly-dated human remains in Siberia: AMS 14C age of talus bone from the Baigara locality, West Siberian Plain // *Human evolution*. 2009. 57.

Low LA., Hedges R.E.M. A semi-automated bone pretreatment system and the pretreatment of older and contaminated samples // *Radiocarbon*. 1989. 31.

Prossinger H., Seidler H., Teschler-Nikola M. et al. Neanderthal versus modern frontal sinuses: preliminary considerations of ontogenetic aspects of

their morphologies and volumes // *The Neanderthal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results / Ed. Ullrich H. Berlin, 2005.*

Richards M.P., Pettitt P.B., Stiner M.C., Trinkaus E. Stable isotope evidence for increasing dietary breadth in the European mid-Upper Paleolithic // *PNAS*. 2001. 98.

Schwalbe G. Studien über *Pithecanthropus erectus* Dubois // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. 1899. 1.

Turner Ch. II. Paleolithic teeth of the Central Siberian Altai Mountains // *Chronostratigraphy of Paleolithic in North, Central, East Asia and America: papers for the international symposium. Novosibirsk, 1990.*

Viola T.B., Teschler-Nicola M., Kullmer O. et al. The Okladnikov Cave hominids – the easternmost Neanderthals? // *150 Years of Neanderthal Discoveries. Early Europeans – continuity and discontinuity // Terra Nostra. 2006/2.*

New materials concerning the settlement of anatomically modern man in Siberia

A. P. Buzhilova, M. V. Dobrovolskaya, M. B. Mednikova

Summary

The skull fragment which is the subject of the present article originates from the so-called western cluster of finds Maly Log II or Pokrovka in Derbinsky bay of the Krasnoyarsk artificial lake (archeologist – Ye.V. Akimova). Direct radiocarbon dating of the sample gives the age of 27740 ± 150 BP (OxA-19850), not calibrated. The bone remains of the individual from Pokrovka are represented by a partially destroyed frontal bone. The individual is obviously young, possibly an adolescent. Preliminary study of the bone remains allows to conclude that even over 27 thousand years ago the territory of Siberia was populated by representatives of anatomically modern man.

“СВЕВ” ИЗ МОРДОВИИ. К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ ПОВОЛЖСКИХ ФИННОВ В III в. н.э.

© 2010 г. И.Р. Ахмедов

Государственный Исторический музей, Москва

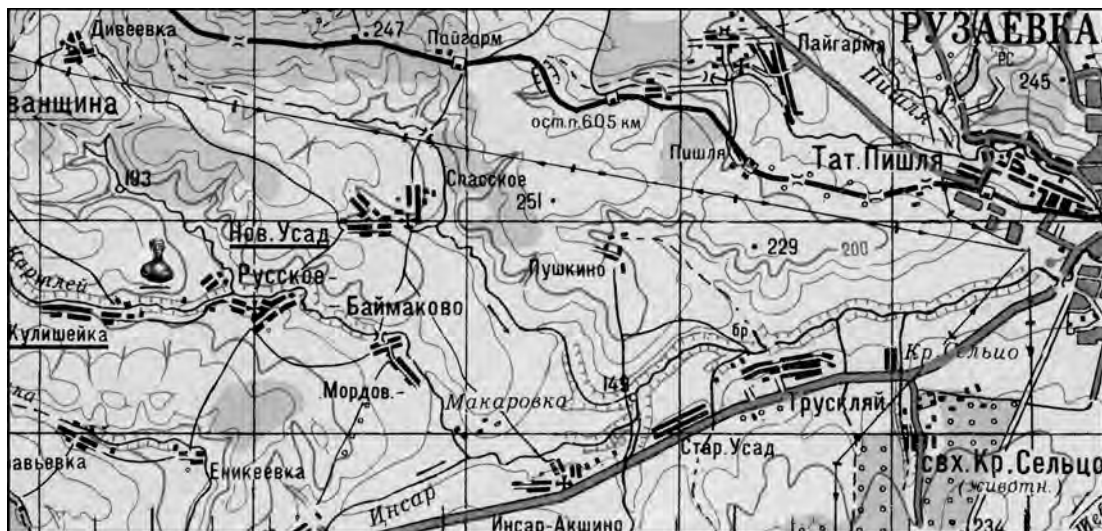
В составе коллекций отдела археологических памятников Государственного Исторического музея уже более 100 лет хранится предмет, все это время остававшийся в стороне от внимания специалистов.

Интересующий нас предмет происходит из района деревень Новый Усад и Кулишейка Инсарского у. Пензенской губ. (сейчас Рузаевский р-н Республики Мордовия) (рис. 1А) и передан в Исторический музей из Императорской Археологической комиссии в декабре 1899 г., в дополнение к коллекции предметов различных эпох из Пензенской губернии. Он представляет собой бронзовый литой бюст мужчины, изображенного в фас, со слегка повернутой вправо головой. Размеры изображения: 7.1 × 5.7 см. В составе этой находки были две римские монеты, найденные близ д. Кулишейки, три каменных “молотка”, происходящие из района деревни Новый Усад, а так же два каменных “молотка”, два железных топора и железный чекан, опрaвленнyй в бронзовую втулку, точное место находки которых неизвестно (Отношения ИАК за 1899 г. № 2104, 2161; Архив ОАП ГИМ. Инв. № 37905, 37907). Изображение было опубликовано в ОАК за 1897 г. (1900. С. 68. Рис. 165) и в юбилейном альбоме изображений из ОАК (Альбом..., 1906. Рис. 115), но так и не было атрибутировано.

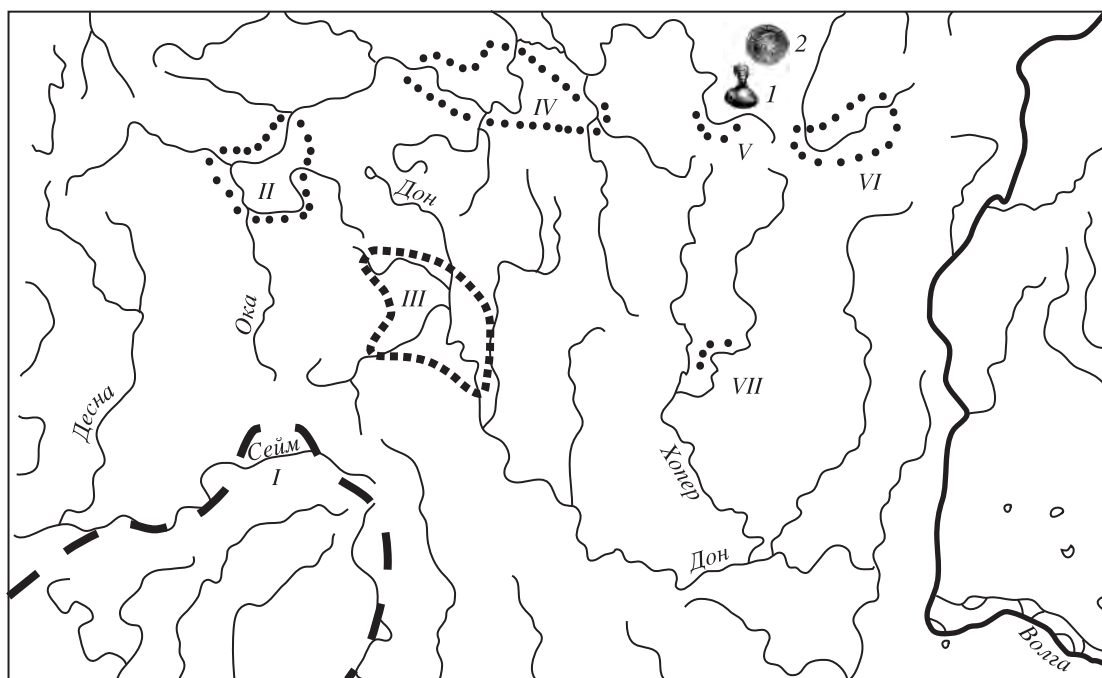
Предмет изготовлен из желтой бронзы методом полного литья. Представляет собой бюст бородатого мужчины. Поверхность сильно потерта, поэтому все выступающие детали повреждены. Детали прически в виде уплощенного сегмента стерты, однако на правой стороне сохранился рельефный узел, который, как будет показано ниже, следует интерпретировать как деталь прически. Лицо также сильно повреждено, однако сохранились выделенные надбровные дуги, прямой нос, асимметричные глаза с показанными точечными углублениями зрачками. Хорошо читаются выделенные рельефными валиками рот, усы и борода. Сохранились ушные раковины, показанные при помощи дуговидных валиков. На некоторых боковых сторонах валиков – прядей бороды прослеживаются поперечные

углубленные линии, свидетельствующие о том, что первоначально детали были более тщательно проработаны. На затылке выступ “клювовидной” формы, линзовидного сечения. Плечи и грудь показаны более условно, сглаженным рельефом. На правом предплечье и в левой стороне груди сквозные отверстия размерами: 0.5 × 0.6 см, 0.6 × 0.6 см, вероятно служившие для крепления фигуры. На вторичность отверстий указывают характерные рельефные утолщения, окаймляющие их, что свидетельствует о том, что они были сделаны позднее момента отливки и, возможно, являются следами ремонта в процессе последующего использования. Внутренняя сторона бугристая, что связано с процессом формовки модели. Задняя поверхность нижней части вогнута, что свидетельствует о том, что бюст должен был крепиться на дуговидную цилиндрическую поверхность. Внутренняя сторона выступа на затылке сглаженная (рис. 2, 1).

По своему функциональному назначению этот предмет можно с уверенностью определить как атташ – кронштейн для крепления ручки в виде кольца. Близкие находки известны в памятниках на территории дунайской части римского лимеса. Бронзовый бюст бородатого мужчины с прической, завязанной в узел на правом виске, соотносимый исследователями с характерной прической в виде “свевского” узла, найден в Бригещио (Schumacher, Klumbach, 1935. Taf. 36. № 143; Járdányi-Paulovics, 1945. Abb. 24; Šimek, 1953. Obr. 75; Krierer, 2004. S. 116–119. Abb. 88–90. Kat. 286. Taf. 39, 1) (рис. 3, 4). Близкий бюст находится в Государственном археологическом собрании Мюнхена (Krierer, 2002. S. 374. Taf. 29; 2004. S. 116–119. Kat. 289. Taf. 39, 2). Возможно, из Карнунтума происходит находка бюста бородатого мужчины с прической, завязанной в узел, отличающегося от описанных выше тем, что у него выполнены только плечи (Paulovics, 1934. S. 134. Abb. 7; Krierer, 2004. S. 116–119. Abb. 88–90. Kat. 280. Taf. 35, 4) (рис. 3, 3). Головка, выполненная в близкой манере, была найдена в Бригещио в 1992 г. (Krierer, 2004. Abb. 94. Kat. 278. Taf. 35, 5).

А

Б

Рис. 1. А. Место находки в районе сел Кулишейка и Новый Усад; Б. 1 – Находка у с. Кулишейка; 2 – Шильниковский клад; I – Северная граница ареала черняховской культуры; II – Памятники круга Ново-Клейменово и мощинская культура; III – Памятники круга “Каширка – Седелки”; IV – Культура рязано-окских финнов; V – Памятники финнов Верхнего Примокшанья; VI – памятники финнов Верхнего Посурья; VII – Памятники круга “Шапкино–Инясево”

Считается, что изделия в этом стиле изготавливались в мастерских римского лимеса для знати союзных Риму племен квадов и маркоманнов, на что указывает подчеркнутое изображение “свевской” прически у персонажей. Значение этой прически раскрывает Корнелий Тацит в описании свевов: “Своеобразная особенность этого племени – подбирать волосы наверх и стягивать их узлом; этим свебы отличаются от остальных германцев, а сво-

боднорожденные от рабов..... свебы вплоть до седин не прекращают следить за тем, чтобы их стоящие торчком волосы были собраны сзади и часто их связывают на самой макушке; а у вождей они убраны еще тщательней и искусней. В этом забота свебов о своей внешности, но вполне невинная: ведь они прихорашиваются не из любопытства и желания нравиться, но стараясь придать себе этим убором более величественный и грозный вид, чтобы,

Рис. 2. 1 – Атташ в виде бюста “свева”; 2, 3 – Монеты Фаустины Младшей и Марка Аврелия. Район сел Кулишейка и Новый Усад (1 – бронза, 2, 3 – серебро).

отправившись на войну, вселять страх во врагов” (Тацит. О происхождении германцев... 38). Находка костяка с такой прической известна в Остербю в Шлезвиг-Гольштейне (рис. 3, 6) (Krierer, 2004. Abb. 84; *Spuren der Jahrtausende...*, 2002. Abb. 364).

Известны всего два бронзовых сосуда-котелка с атташами в виде изображений бородатых мужчин с прической, завязанной “свевским узлом”. Один из них происходит из богатого “княжеского” погребения в Мушове, в Моравии, раскопанного в 1988 г. (Peška, 1991; Krierer, 2004. Kat. 3. Abb. 71, 86, 87, 96, 97. Taf. 33) (рис. 3, 2; 4, 2). Это сосуд с цилиндрическим устьем и полусферической нижней частью, украшенный четырьмя скульптурными ат-

ташами с закрепленными в них кольцами круглого сечения.

Другой сосуд был обнаружен в 2000 г. в могильнике оксывской и вельбарской культур в Чарновко, (Леборк), в Восточной Померании. Он находился в составе инвентаря погребения вместе с другими сосудами, относящимися к типам Эггерс 12/14, 28, 44, 161, кубками Эггерс 168/170 и 190/194 и фибулами Альмгрен V126 и V130, выполненными из серебра и золота (Maćzyńska, Rudnicka, 2004; Krierer, 2004. S. 127, 128. Abb. 95–97. Kat. 2. Taf. 28, 5). Здесь атташи изготовлены в виде лиц, располагавшихся на округлых пластинах, снабжены креплениями для колец прямоугольного сечения (рис. 3, 1; 4, 1).

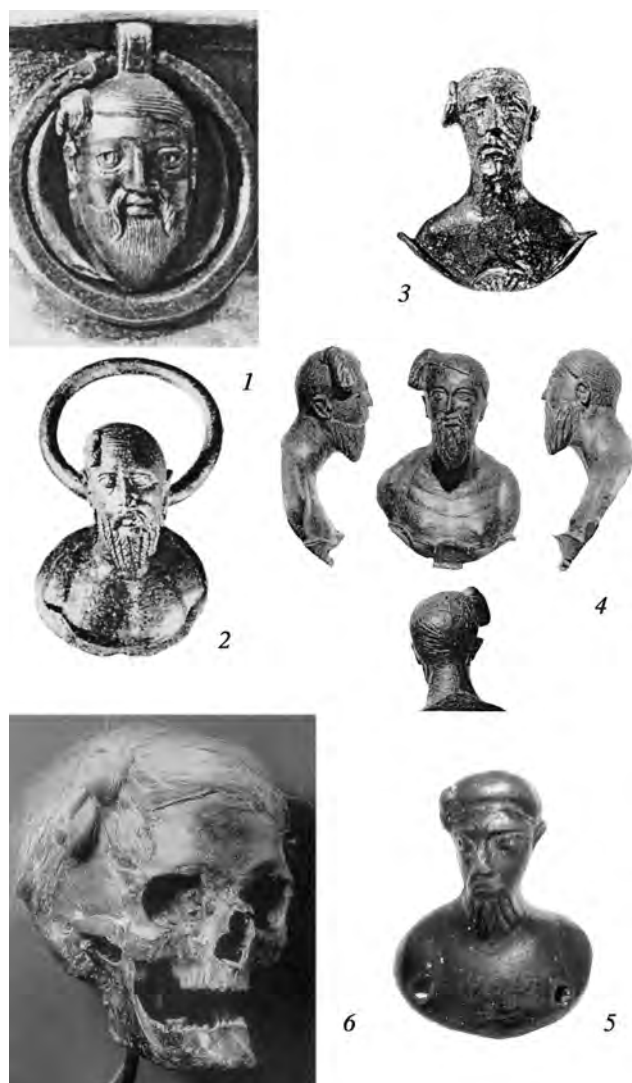

Рис. 3. Атташи в виде бюста “свева” из находок в Центральной Европе и России. 1 – Чарновко; 2 – Мушов; 3 – Карнунтум; 4 – Бригещо; 5 – Кулишейка; 6 – Череп мужчины с прической, завязанной в “свевский” узел. Остербю, Шлезвиг-Гольштейн (по: К.Р. Криеру).

Оба сосуда из этих богатых “княжеских” погребений относятся к типу “Вестланд” (Эггерс 7), которые чрезвычайно распространены в германских древностях в I–II вв. от Ютландии до Моравии. Считается, что они производились на Верхнем Дунае, в мастерских Реции и Норика. Прототипы этих котелков известны еще среди продукции кельтских мастерских, к которым относится и знаменитый котелок из Гундесрупа (Eggers, 1951. Karte 11; Lund Hansen, 1987. S. 53, 54).

Погребение из Чарновко датируется в рамках этапа B2 – B2/C1 и входит в ряд богатейших погребений вельбарской культуры в Померании накануне эпохи миграции носителей культуры в Восточную

Европу. Погребение в Мушове также относится к элитным погребениям этапа B2, возможно принадлежавшим последним лояльным к Риму маркоманским вождям накануне эпохи маркоманских войн. Именно для них и изготавливалась эта разновидность котелков (Tejral, 1999; Bouzek, 2000. P. 56, 57; Carnap-Bornheim, 2000. S. 59–63). Находки отдельных атташей в виде бюстов “свевов” на Дунае в Бригещо и Карнунтуме относятся также ко II в. н.э., верхняя граница их бытования ограничивается 90-ми годами этого столетия.

Несмотря на то что находка из Кулишейки несет следы ремонта и сильно повреждена, ее с уверенностью можно отнести к этому кругу артефактов. Практически полностью совпадают техника изготовления, особенности моделировки деталей, характерный разворот лица персонажа, округлый абрис затыльной части.

Примечателен сам факт обнаружения этого предмета, который первоначально мог украшать котелок, аналогичный тем, что делали для германской знати на западной границе Среднего Поволжья. Как уже было указано выше, все находки аналогичных деталей сосредоточены в Среднем Подунавье. Подобные изделия не найдены ни в Северном Причерноморье, ни в восточноевропей-

Рис. 4. Котелки типа Вестланд. 1 – Чарновко; 2 – Мушов (1 – по: К.Р. Криеру; 2 – по: Я. Тейралу).

ских степях (Кропоткин, 1970; Simonenko et al., 2008). Таким образом, путь, которым эта вещь или сосуд, на котором она была закреплена, попала на западную окраину Среднего Поволжья, проходил севернее и был связан с другим культурным контекстом.

Вместе с рассматриваемым изображением были найдены две римские монеты: Фаустины Старшей после 141 г. (посмертная чеканка) и Марка Аврелия 161 г. (определение В.В. Кропоткина (1961. С. 48. № 248)) (рис. 2, 2, 3)

Находки римских монет в регионе единичны. Известен лишь один случай находки клада, примерно в 50 км к северу от находки у Кулишейки, на Инсаре, в р-не с. Шильниково. В него входили около 150 римских денариев и обломки серебряных вещей. По определению Ю.Б. Иверсена, монеты – от Веспасиана до Юлии Маммеи (69 – 235 гг.). Полную библиографию клада смотри: Кропоткин, 1961. С. 48. № 249. Любопытны фрагменты вещей из этого клада: фрагментированная серебряная ручка от римского сосуда, фрагменты двух фибул, прессованные поясные накладки, два кольца (рис. 5). Фрагмент тройной пружины, по А.К. Амброзу, относится к двучленной фибуле с очень высоким приемником серии 3Б, конца II–III в. Отдельные аналоги известны на Харьковщине, в Брестской обл., серия аналогов в Прикарпатье, в Ивано-Франковской обл. В Центральной Европе они известны в памятниках Словакии, Силезии и Юго-Восточной Прибалтики (Амброз, 1966. С. 73. Табл. 12, 21). В то же время тройные пружины характерны и для ранних двупластинчатых фибул типа Закшув (Альмгрен 184, группа VI) (Grenpler, 1888. Tab. III, 1; V, 9ab, 10; VII, 3; Almgren, 1923. S. 79; Salin, 1935. S. 45; Kolnik, 1964. Obr. 5, 5–8. Tab. 1), бытующих в рамках стадии C2 центральноевропейских древностей.

Поясные накладки с отверстиями для инкрустаций и прессованным орнаментом также соотносимы с деталями украшений ременных гарнитур, широко известных на восточных и северных границах империи. В Северном Причерноморье и на Северном Кавказе наборы и предметы с таким декором распространяются со второй половины III в. н.э., и их бытование, в целом, синхронно древностям типа Закшув. Их стилистическая близость позволяет В.Ю. Малашеву, вслед за А.К. Амброзом, выделять полихромный стиль “Закшув – Кишпек”. Время широкого распространения этих изделий, по В.Ю. Малашеву, соответствует фазе C2 центральноевропейской хронологии (Амброз, 1989. С. 23–27; Малашев, 2000. С. 206, 207; Малашев, Яценко, 2000; Kazanski, 1995. Fig. 2, 5, 6). Ком-

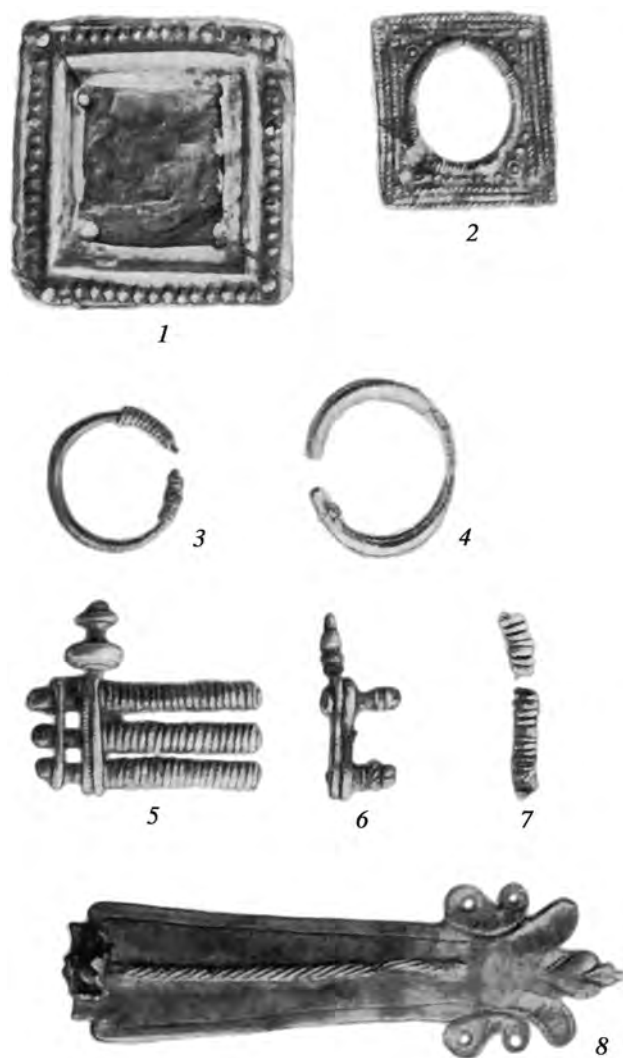

Рис. 5. Находки из Шильниковского клада. 1, 2 – ременные накладки; 3, 4 – кольца; 5–7 – фрагменты механизма фибулы; 8 – ручка сосуда (по: В.В. Кропоткину).

плексы из Крыма с находками этого стиля относятся А.И. Айбабиным к I хронологической группе, большая часть из них формируется во второй половине III в. (1999. С. 249–252, 258). Два кольца с остатками проволоочной обмотки первоначально могли служить для подвешивания небольших амулетов, характерных для комплексов черняховской культуры – например, фазы II могильника Данчены (погр. 292), соотносимой О.В. Шаровым с древностями круга Лёйна – Хаслебен, сложение которого происходит в 60-е годы III в. (1992. С. 181. Табл. II, 45).

Таким образом Шильниковский клад, по совокупности датировок сохранившихся фрагментов изделий и младшей монеты, может иметь дату в рамках середины – второй половины III в.

Монетные клады этого времени чрезвычайно редки в Центральной России. В.В. Кропоткин в своде, посвященном находкам кладов римских монет на территории СССР, кроме рассмотренных находок из Мордовии, указывает на находки кладов, близких по составу, в Калужской обл., Липецкой обл. (два клада в Ельце), Рязанской обл. в Рязском р-не, возможно, такой же клад был найден в Тульской губ. Более многочисленны клады на территориях, расположенных к юго-западу, где они могут быть связаны с денежным обращением в среде населения черняховского круга, так в Курской обл. не менее четырех кладов, а в Белгородской – один (Кропоткин, 1961. С. 44. № 160; С. 45. № 175; С. 46. № 195; С. 48. № 242, № 163, 167, 169, 171; С. 40. № 37, 38; Рис. 25). На рассматриваемой территории это единственный массивный выплеск римских монет этого времени, за которым должны стоять определенные исторические события.

Находки в Кулишейке и Шильниково в данный момент не могут быть привязаны к определенным памятникам. Однако археологический контекст этого времени в регионе достаточно хорошо известен. Район, в котором были найдены вещи в Кулишейке, примыкает к ареалу примокшанско-верхнесурских памятников, оставленных древнемордовским населением. Они появляются не позднее начала III в. н.э. (Вихляев, 2000. С. 9–12; Гришаков, 2005. С. 59, 60) (рис. 1, Б).

В погребальных комплексах этих памятников встречены отдельные находки инокультурного происхождения. Среди них, на фоне отдельных находок сарматского и причерноморского облика, встречены и вещи “западного” происхождения. Это, например, бронзовая шпора из погребения 5–6-а Ражкинского могильника (рис. 6, 5). В.В. Гришаков считает ее принадлежащей к позднелатенским формам варианта В типа I, по В.Б. Перхавко, имеющим дату II–III вв. н.э. (Гришаков, 2005. С. 38. Рис. 21, 5). При более детальном рассмотрении аналогов можно уточнить ее атрибуцию. По конструкции эта шпора весьма близка шпорам подгруппы Е (особенно типу Е3), по Е. Гинальскому, широко распространенным в древностях пшеворской и соседних культурных групп периодов В2 – С1а. Широко известны они и в римских памятниках дунайского лимеса на участке Карнунтум – Бригацио и в районах, прилегающих к нему с севера (Ginalsky, 1991. S. 59–64. Rys.19; Tejral, 1999. S. 160–167. Abb. 20, 21, 23). В то же время шпора из Ражкинского могильника имеет ряд отличительных особенностей. Зацепы шпоры треугольного сечения поставлены вертикально к плоскости ее пластины. В центральной части пластины симметричные выступы в виде

шариков на подтреугольных основаниях. Аналогичная шпора известна в случайных находках из Брянской обл. (любезное сообщение О.А. Радюша) Подобные черты характерны для шпор, иногда украшенных вставками эмалей, близких подгруппе Е3, относящихся к древностям круга “восточноевропейских эмалей” (Корзухина, 1978. С. 50. Табл. 11, 10; Гороховский, 1988. С. 117, 367. Кат. 214, 215. Табл. 51, 92, 94). Среднеднепровские экземпляры Е.Л. Гороховский относит по аналогам из погр. 28 могильника Скалистое III и из поселения киевской культуры Новые Безрадицы ко второй половине II – середине III в. н.э. В одном комплексе со шпорой находились браслеты круга древностей “восточноевропейских эмалей” (рис. 6, 3, 4) (Гришаков, 2005. С. 37, 38. Рис. 20, 1; 21, 2).

К предметам “западного” происхождения относится и пряжка из погр. 12 Шемышейского могильника (рис. 6, 1). Среди восточноевропейских находок ей наиболее близка пряжка из погр. 8, кургана 16, могильника Центральный VI, которое В.Ю. Малашев датирует в рамках первой половины III в. (2000. С. 208. Рис. 1, 5А, 3). В отличие от нее, пряжка из Шемышейки лишена фасетировки. Максимально близки к ней пряжки с фигурной рамкой из памятников на римском лимесе, датирующиеся второй половиной II – первой половиной III в. Они известны в Вейсенбурге, Заальбурге, Висбадене, Штраубинге, Виминациуме, Дакии, Дура Европос, достаточно много их в Британии (Oldenstein, 1977. S. 214–216. Taf. 75, 1002–1005; 76, 1006–1008; James, 2004. P. 79. Kat. 72, 74. Fig. 37, 72, 74). Близкие им известны и среди сарматских древностей Потисья (Vaday, 1989. Kat. 225. Abb. 8, 5, 6. Taf. 79, 3–5).

Особенно интересна находка пряжки в погребении 43 Тезиковского могильника (рис. 6, 2). Крупная фигурная рамка имеет ромбическое сечение, завернутые внутрь концы с “зооморфными?” окончаниями, петли для шарнирного крепления широко расставлены, язычок с фигурными выступами украшен фасетировкой. Обойма пластинчатая прямоугольная, украшена прорезным орнаментом в виде двух “пельтовидных” фигур. По форме рамки она близка фигурным рамкам из римских лагерей в Висбадене, Стокштаде. В Барбарикуме также известны пряжки с рамками близкого облика – типы Б7-9 и Е2, по Р. Мадыде-Легутко. Они имеют не только аналогичный способ крепления, но и близкие абрисы рамки и прямоугольные, узкие обоймы. Пряжки типа Е2 также украшены фасетировкой. Эти типы бытуют в рамках периода С1 и начальной фазы периода С2 (Madyda-Legytko, 1986. S. 13, 14, 38, 41. Taf. 5, 10. Tab. 1, 6). Орнамент на обойме

почти идентичен орнаментации обойм пряжек с прорезным пельтообразным орнаментом конца II – первой половины III в., найденных на верхнегерманском и рецийском участках римского лимеса. По сравнению с ними орнамент на пряжке из Тезикова несколько упрощен, отсутствуют дополнительные перемычки, пельтообразная фигура лишена средней части. Обойма вертикально вытянута в отличие от почти квадратных упомянутых экземпляров с аналогичным орнаментом (Oldenstein, 1977. S. 220, 221. Taf. 80). Все перечисленное выше позволяет предположительно датировать эту пряжку фазой C16 – началом фазы C2, что существенно корректирует предложенную В.В. Гришаковым датировку аналогов этой пряжке III–IV вв. (2004. С. 17).

Комплект из четырех бронзовых ремных наконечников найден в погребении на р. Свинуха, расположенном на территории современной Пензы и относящемся к культуре финнов Верхнего Посурья (рис. 6, 7–10). У всех наконечников декор в виде симметричных мелких подтреугольных пропилов и легкая фасетировка в верхней части, в нижней двускатный выступ, ограниченный зонами поперечного рифления, – узкой сверху и широкой в нижней части. Два из них с пропиленным пазом для крепления ремня, у других паз образован приклепанной с обратной стороны тонкой бронзовой пластиной. Первой на них обратила внимание И.Г. Розенфельдт, выделившая близкие находки на дьяковских памятниках в тип V, который она датировала VI–VII вв. (1982. С. 106–109. Рис. 24, 25). Из близких экземплярам из погребения на Свинухе следует указать находки из погр. 20. Старшего Селиксенского могильника, погр. 3, Польно-Ялтуновского могильника, из культурного слоя городищ Луковня, Щербинка, Дьяково, Щепилово (Розенфельдт, 1982. Рис. 24, 14, 16; 25, 22–25; Гавритухин, Воронцов, 2008. Рис. 5, 14, 15). Заново эти наконечники были рассмотрены И.О. Гавритухиным и А.М. Воронцовым, которые определили их как разновидность узких наконечников ремней с прорезью и выделенной нижней частью северно- и центральноевропейского происхождения, ставших основой для производства местных серий. Подобные наконечники отнесены ими к локальной окско-сурской серии, начало бытования относится к концу II – началу III в. Их появление на этой территории И.О. Гавритухин и А.М. Воронцов рассматривают в рамках реконструируемого ими “западного” импульса в Поочье и сопредельные территории, времени “не ранней части фазы B2 и начала фазы C1” (II – начало III в. н.э.). Они соотносят его с периодом активности варварских группировок накануне или сразу после Маркоманских войн. В этом же контексте И.О. Гавритухин и А.М. Воронцов

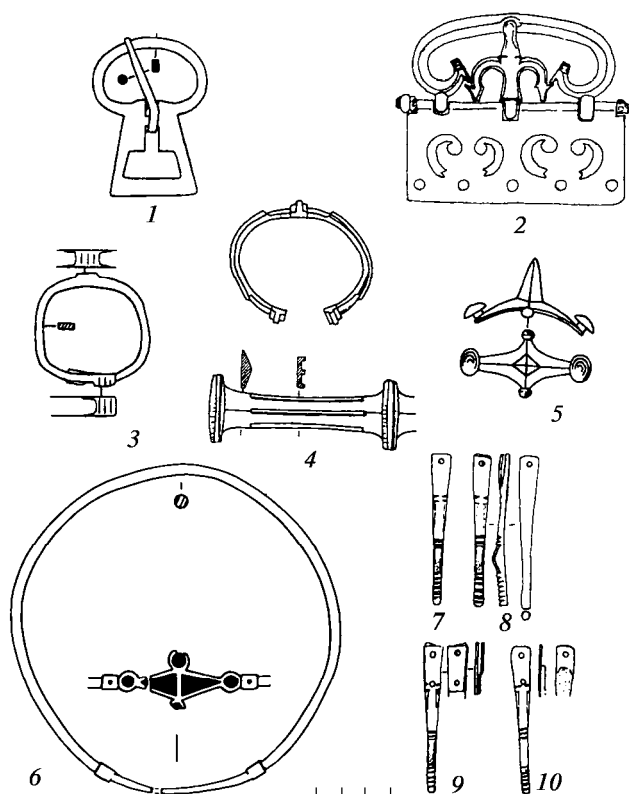

Рис. 6. Находки инокультурного происхождения из комплексов конца II – первой половины III в. финнов верхнего Посурья, Примокшанья и рязанского течения р. Оки. 1 – Шемышейский м-к, погр. 12; 2 – Тезиковский м-к, погр. 43; 3–5 – Ражкинский м-к, погр. 5, 6, 6а; 6 – Кошибеевский м-к, погр. 66; 7–10 – погребение на р. Свинухе (1, 3–5 – по: В.В. Гришакову; 2 – по рисунку А.К. Амброза; 5 – по: В.Н. Шитову).

рассматривают находку на городище Супруты нефасетированной двучленной прогнутой подвязной фибулы с узкой ножкой и вертикальной стойкой для удержания оси пружины, многочисленные аналоги которой известны в киевских памятниках Подесенья, в пшеворской культуре и в меньшем количестве в древностях западно-балтского культурного круга (Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 28, 29, 44, 46–50).

Известны и другие находки “западного” происхождения на сопредельной территории Среднего Поочья. Например, круглодротовая гривна с замком, выполненным в виде ромба с дисками на вершинах, украшенным красной эмалью, находилась в погребении 66 могильника Кошибеево (рис. 6, 6) (Шитов, 1988. С. 8. Табл. XI, 2). Гривна не имеет аналогов, однако замок выполнен в характерной для круга среднеднепровских эмалей технике. Бляшка в виде ромба с дисками и петлей на обороте известна в Нижнем Карачане, еще одна со шпеньком для крепления – в Пятницком, фрагмент

украшения в виде ромба с дисками на вершинах известен в Мощино. В виде ромба с дисками на концах изготовлены некоторые из подвесок – Прогоны, находка в Среднем Поднепровье, Липино. Аналогичная композиция размещена в центре круглой подвески из Черняхова. Ромб с дисками является центром в композиции круглых фибул из Глажево и Вильнюса, близкие фигуры украшают окончание перекладчатой фибулы из Федяшево, треугольных ажурных фибул Борзны, Ромашек, Черняхова, Бакшай, Киева, Большой Синтынки (Корзухина, 1978. Табл.1, 1, 2; 2, 2; 5, 6, 7; 10, 4, 6, 8; 21, 5; 28, 5; Памятники киевской культуры, 2007. Рис.149, 9; 150. 3, 5). Основное количество близких находок относится к началу второй стадии эволюции украшений круга “восточноевропейских” эмалей, синхронной финалу позднезарубинецкой и первому этапу киевской культур, конца II – первой половины III в. (Памятники киевской культуры, 2007. С.121–123). В комплексе также находилась круглая пластинчатая застежка с тремя рядами рельефных валиков. Комплексы с такими бляхами (погр. 49 Кошибеевского могильника, раскопки В.Н. Глазова, погр. 6, Кошибеевского могильника раскопки А.А. Спицына, погр. 8 Ражкинского могильника, погр. 3 Таутовского могильника) относятся исследователями в целом к концу II – первой половине III в. (Вихляев и др., 2008. С. 132; Гришаков, 2005. С. 46).

Таким образом, находка детали сосуда в виде бюста “свева” должна рассматриваться в контексте “западного” культурного импульса, отраженного в находках предметов центральноевропейского происхождения и украшений круга “восточноевропейских” эмалей на памятниках верхнего и среднего Поочья, а также верхнего Посурья и Примокшанья.

Картина контекста находки у с. Кулишейки была бы не полной без указания на появление в этот период на соседней территории, в среднем течении р. Хопер, нового круга памятников. Это выделенная А.А. Хрековым группа “Инясево-Шапкино” позднезарубинецко-раннекиевского облика (Хреков, 2000; Памятники киевской культуры, 2007. С. 43, 44, 120, 121). Широкая датировка этой группы определяется в рамках конца I – первой половины III в. н.э. Возможно, именно с появлением населения, оставившего эти памятники, следует связывать начало поступления “западных” импортов и на соседние территории Посурья и Примокшанья.

Центральноевропейский импульс прослеживается и в лесостепной части Днепровского левобережья. Он определяется не только по многочисленным находкам предметов поясных гарнитур, фибул, шпор и оружия, но и отдельных форм сосудов как

пшеворских, так и имеющих пшеворские прототипы. Это позволило А.М. Обломскому и В.Ю. Малашеву выдвинуть предположение о проникновении в регион в середине I – начале III в. небольших коллективов центральноевропейского происхождения, быстро растворявшихся в среде позднезарубинецко-раннекиевского населения. Отражение этого импульса прослеживается и в культуре позднезарубинецко-раннекиевского населения среднего течения рек Хопер и Ворона (Малашев, Обломский, 2002. С. 115–122). Последнее свидетельствует о возможном участии этой группы населения в поступлении импортов центральноевропейского происхождения к финскому населению верховьев Суры и Мокши.

Возможно, он простирается и дальше на восток, на что указывают не только “киевские” черты в керамическом комплексе памятников круга “Сиделькино-Тимашево” в северной части самарского Поволжья и прилегающих районах Татарстана прослеженные Д.А. Сташенковым, но и серия находок круга “восточноевропейских” эмалей в Нижнем Прикамье, опубликованная Д.Г. Бугровым (Памятники киевской культуры, 2007. С. 110–112; Бугров, 1994. С. 33–36. Рис. XIII).

Время выпадения Шильниковского клада совпадает со следующим по времени “западным” импульсом. Он, возможно, связан с появлением населения, оставившего выделенные А.М. Обломским памятники круга “Каширка-Седелки” в западной части верхнего течения р. Дон. Эта общность состояла, по мнению А.М. Обломского, из носителей двух культурных традиций – киевской и “позднескифской” традиций черняховской археологической общности. Ее формирование синхронно первой фазе черняховской культуры (по периодизации Е.Л. Гороховского). Появление ее на этой территории было вызвано миграциями, которые “сопутствовали расширению черняховской археологической общности” (Обломский, 2007. С. 87). Перекрестное датирование по находкам и серии радиоуглеродных дат, полученных для поселения Седелки, определяют хронологические рамки этих памятников в пределах второй трети III – первой половины IV в. При этом исследователи прослеживают здесь элементы влияния черняховских традиций: в орудийном комплексе, домостроительстве, организации территории, что позволило А.М. Обломскому определить это культурное явление как “...Черняховскую культурную провинцию” (Памятники киевской культуры, 2007. С. 121; Обломский, 2007. С. 87, 88).

С черняховской экспансией в середине III в. в лесостепную зону также связывает выпадение кладов

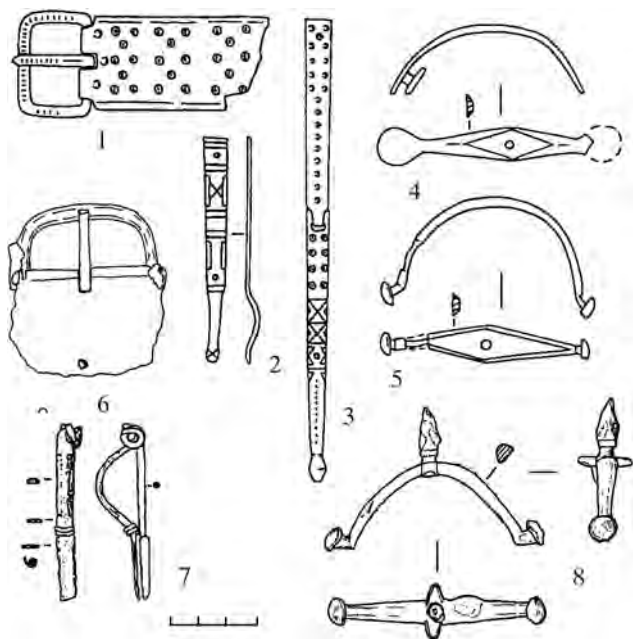

Рис. 7. Находки центральноевропейского происхождения из среднего Поочья. 1–5 – Кошибеевский м-к, погр. 57 (раскопки В.Н. Глазова); 6 – м-к Кораблино, погр. 42(M2); 7 – м-к Кораблино, погр. 65(M2); 8 – селище у городища Ростиславль (1–5 – по: В.Н. Шитову).

с “классическими” украшениями горизонта эмалей (Мощинского, Межигорского, Шишинского, Борзнянского и др.) (Фурсев, 2002. С. 85, 86). В это же время в Верхнем Поочье гибнут в пожарах поселения круга “Ново-Клейменово”, на которых в дальнейшем начинается развитие мощинской культуры. Представляется, что это происходит в результате опосредованных последствий изменения ситуации в лесостепной зоне (Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 44, 45).

С этого времени начинают появляться импорты центральноевропейского облика и в культуре рязано-окских финнов. Здесь можно привести лишь наиболее яркие примеры. Наиболее показателен комплекс погребения 57 могильника Кошибеево (раскопки В.Н. Глазова). Он содержал: набор пояса с прямоугольной пряжкой, украшенной мелкими треугольничками и длинной пластинчатой обоймой с циркульным орнаментом, изготовленный в том же стиле наборный наконечник пояса в виде трех шарнирных подвесок; гривну с напускными бусами и обмоткой: две бронзовые пластинчатые шпоры с остатками железных шипов, близкие подгруппе F, по Е. Гинальскому; фасетированные пластины для крепления шпор (рис. 7, 1–5) (Ахмедов, 2007. Рис. 10. 1–4, 7, 10–12). Весь набор инокультурных изделий указывает на их западное происхождение. Гривны, близкие кошибеевской, известны в “кня-

жеском” погребении в Чейкове (Словакия), в Динстед; погребении круга княжеских захоронений Лейна-Хасслебен на Эльбе; тонкие экземпляры без бусин с обмоткой концов и фигурными приемниками известны в Богемии (погр. 2 могильника Просмыки); в Западной Померании (в Стучово); в Реперсдорфе; массивная гривна с обмоткой и круглым приемником – в погр. 14 могильника Жива Вода в Швейцарии; погр. 33 в Вакерне в Восточной Пруссии; тордированная гривна с обмоткой концов находилась в составе пшеворского погр. 3 в Закшуве (Godłowski, 1970. Pl. III, 19; V, 32; XI, 19, 23; XV, 13; XIX, 1; XX, 20). Состав пояса практически аналогичен поясам из погребений пшеворской культуры, воспроизводящим римские образцы. Там же находятся аналоги деталям поясов с “штемпельной” орнаментацией (Madyda-Legutko, 1983. Rys. 2, 8, 9; 8, 7; 9, 7; Tejral, 1999. Abb. 44). Близкие кошибеевским шпоры известны в пшеворских погребениях середины III в. (погр. 22, 27 могильника Крапковице, Кекче на Верхней Тиссе (Ołędzki, 1999. Fig. 8, 4, 5). Шпора, близкая находкам подгруппы F 3, по Е. Гинальскому, верхняя граница бытования которых относится к середине III в. найдена на селище у городища Ростиславль (рис. 7, 7) (любезное сообщение автора раскопок Е.А. Тавлинцевой; Ginalski, 1991. S. 66, 67. Rys.13, 19).

Шарнирная пряжка типа 17 группы D, по классификации Р. Мадыды, происходит из погр. 42/M.2/ могильника Кораблино (рис. 7, 6). Аналогичная происходит из погребения 44 черняховского могильника Ружичанка. Находки этого типа пряжек характерны для периода 2 черняховской культуры, по И.А. Бажану и О.А. Гей. В древностях западной части балтийского побережья Европы и северной части бассейна Дуная (памятники вельбаркской, пшеворской, западно-балтийской культур) основное распространение пряжек типа 17 группы D относится к периоду C1a-C1в. – ранней фазе позднеримского периода для древностей Барбарикума (Madyda-Legutko, 1986. S. 29, 30, 81, 85, 86. Taf. 9, 3).

К предметам “западного” происхождения относится также одночленная подвязная фибула “среднеевропейской” серии (погр. 65/M2/ могильника Кораблино) (рис. 7, 7) (Ахмедов, 2007. Рис. 6, 1). Близкие находки из Венгрии, Чехословакии и Польши датируются III – началом IV в. (Peskar, 1972. S. 110–112. Taf. 32, 2; Vaday, 1989. S. 86–89. Abb. 15, 3; 16, 2, 3).

В то же время следует отметить, что на памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья “западный” импульс середины – второй половины III в. пока не прослеживается. Возможно, он шел через Верхнее

Подонье, Верхнее и Среднее Поочье, где складываются новые мощные популяции.

Даже этот краткий обзор показывает что находки у сел Кулишейка и Шильниково следует рассматривать в контексте изменений этнокультурной картины Восточной Европы в конце II–III в. н.э. Дальнейшее изучение межкультурных контактов, уточнение хронологии и направлений культурных импульсов представляется весьма перспективным и даст новые данные для реконструкции исторических процессов не только в западной части Среднего Поволжья, но и на юге лесной зоны и лесостепи Центральной России в позднеримское время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // М., 1966 (САИ; Вып. Д1-30).
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.
- Альбом рисунков, помещенных в отчетах Императорской археологической комиссии за 1882–1898 гг. СПб., 1906.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. М., 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 9).
- Бугров Д.Г.* Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
- Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология могильников населения I–XIV вв. Саранск, 2008.
- Гавритухин И.О., Воронцов А.М.* Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008.
- Гороховский Е.Л.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1988.
- Гришаков В.В.* Ранняя стадия Армиевского периода пензенских могильников (К проблеме соотношения тезиковских и армиевских комплексов) // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации. Саранск, 2004.
- Гришаков В.В.* Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. Саранск, 2005.
- Корзухина Г.Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальми V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978 (САИ; Вып. Е1-43).
- Кропоткин В.В.* Клады римских монет на территории СССР. М., 1961 (САИ; Вып. Д4-4).
- Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М., 1970 (САИ; Вып. Д1-27).
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов н/Д., 2000.
- Малашев В.Ю., Обломский А.М.* Поясная центральноевропейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья // РА. 2002. № 4.
- Малашев В.Ю., Яценко В.Ю.* О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000.
- Отчет Археологической Комиссии за 1897 год. СПб., 1900.
- Обломский А.М.* Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тыс. М., 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 9).
- Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М., 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10).
- Розенфельдт И.Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
- Фурасев А.Г.* Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмальми // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.
- Хреков А.А.* Хронологические индикаторы постзарубинецких памятников инясевского типа в лесостепном Прихоперье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.
- Шаров О.В.* Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992.

- Шумов В.Н.* Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н.э. Саранск, 1988 (Тр. МНИИЯЛИЭ; Вып. 93).
- Almgren O.* Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig (Stokholm), 1897 (1923).
- Bouzek J.* The protomae and busts of bronze vessels and utensils in the Mušov grave // Gentes, Reges und Rom. Auseinandersetzung-Anerkennung-Anpassung. Festschrift für Jaroslav Tejral zum 65. Geburtstag. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR 16. Brno, 2000.
- Carnap-Bornheim von K.* Freund oder Feind? Überlegungen und Thesen zum König von Mušov // Gentes, Reges und Rom. Auseinandersetzung-Anerkennung-Anpassung. Festschrift für Jaroslav Tejral zum 65. Geburtstag. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR 16. Brno, 2000.
- Eggers H.J.* Der römische Import im Freien Germanien // Atlas der Urgeschichte. Bd. I. Hamburg, 1951.
- Ginalsky J.* Ostrogi kablakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny. 1991. 38.
- Godłowski K.* The chronology of the late Roman and Early Migration periods in Central Europe. Krakow, 1970.
- Grempler W.* Der Fund vom Sakrau. Berlin, 1888.
- James S.* The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final report VII // The arms and armour and other military equipment. L., 2004.
- Járdányi-Paulovics I.* German alakok pannoniai emlékeken // Budapest Régiségei. 1945. 14.
- Kazanski M.* Les tombes des chefs alano-sarmates du IV siècle dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et les chefs barbares du III au VII siècle. Condé-sur-Noireau, 1995.
- Kolník T.* Honosné spony mladšej doby rimskej vo svelte nálezov z juhozápadného slovenska // Slovenska Archeologia. 1964. XII-2.
- Krierer K.R.* Germanenbüsten auf dem Kessel. Die Henkelattaschen des Bronzekessels // Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren. RGZM Monographien. 2002. 55.
- Krierer K.R.* Antike Germanenbilder // Archäologische Forschungen. Bd. 11. Wien, 2004.
- Lund Hansen U.* Römischer Import im Norden. København, 1987.
- Maczyńska M., Rudnicka D.* Ein Grab mit römischen Importen aus Czarnowko, Kreis Leborg (Pommern; Polen) // Germania. 2004. 82-2.
- Madyda-Legutko R.* Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich I we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // Przegląd Archeologiczny. 1983. 31.
- Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // BAR. 1986. Intern. Ser. 360.
- Oldenstein J.* Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlägen und Zierat an der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // Bericht der Römisch-Germanische Kommission. 1977.
- Olędzky M.* The Upper Tisza Basin in the roman period. Remarks on settlement and cultural changes // Das mitteleuropäische Barbaricum und die Krise des römischen Weltreiches im 3. Jahrhundert. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR 12. Brno, 1999.
- Paulovics St.* Germanendarstellungen aus dem swebisch-markomannischen Kreis // Römische Kleinbronzen aus Pannonien. 1934. Mannus 26.
- Peška J., Tejral J.* Das germanische Fürsten von Mušov in Mähren // RGZM Monographien. 1991. 55. 1 (Mainz, 2002).
- Peskar I.* Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren. Praha, 1972.
- Salin B.* Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm, 1935.
- Schumacher K., Klumbach H.* Germanendarstellungen. 1. Teil: Darstellungen aus dem Altertum // Katalog des RGZM zu Mainz I. 1935. 4.
- Šimek E.* Velká Germanie Klaudia Ptolemeia. Svazek IV. Brno, 1953.
- Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz, 2008.
- Spuren der Jahrtausende. Archäologie und Geschichte in Deutschland. Stuttgart, 2002.
- Tejral J.* Die Völkerwanderungen des 2. und 3. Jh.s und ihr Niederschlag im archäologischen Befund des Mitteldonaumes // Das mitteleuropäische Barbaricum und die Krise des römischen Weltreiches im 3. Jahrhundert. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR 12. Brno, 1999.
- Vaday A.H.* Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums // Antaeus communications ex Instituto Archaeologico. Academiae scientiarum Hungariae. 17, 18. Budapest, 1989.

The “Suebian” from Mordovia. Towards the research of the ethnic and cultural contacts of the Volga Finns in the 3^d century AD

I. R. Akhmedov

S u m m a r y

The article is a new publication of the detail of a Roman vessel which depicts a “Suebian” and was found at the end of the 19th c. near the village of Kulisheika (Ruzaevsky region of Mordovia Republic). The analogies from Brigetio, Carnuntum, the Suebian prince’s burial at Mušov (Moravia) and the Wielbark burial at Czarnowko (Pomerania), allow to define the find as a detail which was initially part of a Westland-type vessel, which were produced for barbarian nobility in Roman workshops in the 2nd c. AD. The author connects the context of the find with the Central European imports in Finnic burials in the upper reaches of the Moksha and Sura rivers, and in the middle reaches of the Oka, which could be connected with the emergence of the Shapkino-Inyasevo group of sites in the 2nd – 3^d c’. The author is of the opinion that the next “western” cultural impulse is the hoard of Roman coins and artifacts of Central European origin that was found near Shilnikovo village in Mordovia, and connects that impulse with the Kashirki-Sedelki group of sites that appeared in the upper reaches of the Don and was similar to Chernyakhov culture. All the above finds should be connected with the changes in the ethnic and cultural situation that took place in the forest-steppe part of west Mid-Volga region and the areas in the upper reaches of the Don.

К 60-ЛЕТИЮ Е.Н. НОСОВА

К ЮБИЛЕЮ Е.Н. НОСОВА

© 2010 г. Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков

Институт археологии РАН, Москва

21 августа 2009 г. исполнилось 60 лет члену-корреспонденту РАН Евгению Николаевичу Носову. Юбиляр известен в нашей стране и за ее пределами как крупнейший специалист по средневековой археологии северо-запада России и Балтийского региона и как руководитель одного из ведущих археологических центров Российской академии наук, успешно организующий работу большого научного коллектива. Коллеги по археологическому цеху высоко ценят собственные научные исследования Е.Н. Носова, прояснившие многие запутанные вопросы ранней истории Руси, его последовательные усилия, направленные на сохранение научного потенциала Института истории материальной культуры в тяжелое кризисное десятилетие, но особенно – свойственные ему человеческое обаяние, высокую принципиальность и способность налаживать творческое научное сотрудничество с собратьями по профессии.

Е.Н. Носов – ленинградец, выпускник кафедры археологии ЛГУ. Сын известного советского историка, создателя оригинальной концепции развития социально-экономических отношений в России раннего Нового времени, Николая Евгеньевича Носова (ученика Б.А. Романова), он с детства был приобщен к гуманитарным знаниям и впитал в семье вкус к изучению истории и археологии. Состоявшееся в юности знакомство с трудами классиков рус-

ской науки XIX – начала XX в. – В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова – показало ему, что средневековая история увлекательна не только как законченная картина прошлого, но в большей степени как поле сложных научных поисков со множеством нерешенных проблем.

Становление Е.Н. Носова как ученого в конце 1960-х годов пришлось на время оживления интереса к славянским древностям Северо-Западной Руси и “норманнской проблеме”, возобновления раскопок в Старой Ладоге и организации Л.С. Клейном “варяжского семинара” на историческом факультете Ленинградского университета. Те же годы ознаменовались яркими археологическими открытиями в Новгороде и появлением новаторских исследований академика В.Л. Янина, предложившего новую концепцию происхождения Новгорода, его социальной природы и кончанского устройства. Атмосфера живых дискуссий, в которых археологический материал оказывался важнейшим аргументом для решения серьезных исторических вопросов, сыграла немалую роль в формировании научных интересов Е.Н. Носова и выборе им средневековой археологии как основной сферы исследований. Этому способствовали и маршруты его первых экспедиций, участие в раскопках в Старой Ладоге, Гнёздове и на Верхней Оке, общение с корифеями средневековой археологии, работавшими в Ленинграде в те годы – М.И. Артамоновым, Г.Ф. Корзухиной и И.И. Ляпушкиным. Дипломная работа Е.Н. Носова “Древности I тыс. н.э. в бассейне Верхней Оки: к вопросу о мощинской культуре” была выполнена под руководством чл.-корр. АН СССР П.Н. Третьякова в 1971 г., кандидатская диссертация, защищенная в 1977 г., посвящена раннесредневековым поселениям Приильменя и Поволховья.

Молодой ученый быстро осознал, что продуктивное изучение проблем славянского расселения на северо-западе Руси, становления древнейших городских центров и славяно-скандинавских отношений, столь волновавших его учителей и коллег, пришедших в науку во второй половине 1960-х годов, требует не только свободы поиска, знания широкого сравнительного материала и способности

к созданию смелых обобщений, но и тщательного изучения источников, целенаправленного накопления и анализа археологических данных, которые могли бы быть твердой опорой для исследователя. Движение по этому пути предполагало выявление и картирование поселений второй половины I тыс. н.э. в центре Новгородской земли (в те годы они были почти неизвестны), систематизацию керамических материалов таких памятников и выявление среди них достоверно славянских типов, изучение топографических и ландшафтных взаимосвязей между поселениями и погребальными памятниками, поиск и выделение датированных комплексов, которые могли бы стать основой для прояснения динамики средневековой жизни в Приильменье и Поволховье.

Е.Н. Носов выполнял эту программу последовательно и энергично: с начала 1970-х годов он приступил к систематическому обследованию Ильменского Поозерья, Поволховья и Помостья, составил археологические карты ключевых исторических территорий Новгородской земли, провел раскопки ряда средневековых поселений, на которых впервые были выявлены культурные напластования VIII–X вв., раскрывающие облик славянской культуры Северо-Запада. В этих работах в полной мере проявились разнообразные грани его таланта: интуиция археолога-разведчика, умение безошибочно выбирать для раскопок наиболее информативные памятники и находить почти невидимые объекты (борозды средневековой распашки под валами городища Георгий, грунтовые погребения с кремациями рядом с длинными курганами на озере Съезжем) и глубокое знание истории и исторической географии региона. При этом Е.Н. Носов одним из первых археологов показал информационный потенциал средневековых селищ для изучения расселения и этнокультурной истории, преодолев предубеждение, что разрушенный распашкой культурный слой таких памятников беден находками и малоинтересен для ученого. Со второй половины 1980-х годов Е.Н. Носов инициировал широкое внедрение палеоэкологических исследований в археологические проекты, привлек к сотрудничеству палеоботаников и палеогеографов, что впервые позволило реконструировать природные условия и антропогенные изменения природной среды в центре Новгородской земли в средневековье.

Сила Е.Н. Носова как исследователя во многом определяется тем обстоятельством, что он в равной мере сочетает в себе вкус и интерес к “археологическому источниковедению”, изучению конкретных археологических материалов и стремление к

созданию исторических обобщений, разработке проблем этнической и социально-политической истории средневековья. Эти качества в полной мере проявились в его докторской диссертации “Новгородская земля IX–XI вв. Историко-археологические очерки”, защищенной в 1992 г. В данной работе археологическая карта Поволховья, Ильменского бассейна и Верхнего Поволжья и немногочисленные сведения историко-географического характера, сохранившиеся в письменных документах, рассмотрены как источники для реконструкции становления основного ядра Новгородской земли с центром в Приильменье, постепенного расширения границ этой области и формирования ее территориально-административной структуры. Стоит отметить, что сильнеешие импульсы для разработки указанных вопросов дали исследования академика В.Л. Янина о ранней истории Новгорода, а само диссертационное сочинение Е.Н. Носова стало демонстрацией возможностей использования предложенных В.Л. Яниным методов комплексного источниковедения в изучении средневекового расселения и проблем исторической географии.

В 1975 г. руководимая Е.Н. Носовым Новгородская областная экспедиция ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН) начала систематические раскопки Новгородского (Рюрикова) городища, продолжающиеся и в настоящее время. Изучение этого выдающегося памятника истории России, значение которого долго недооценивалось, – важнейшая часть научной биографии Е.Н. Носова. Основные итоги полевых работ на Городище и размышлений о начале урбанизации Северной Руси изложены Е.Н. Носовым в двух монографиях: “Новгородское (Рюриково) городище” (Л., 1990) и “Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения” (СПб., 2005; соавторы В.М. Горюнова и А.В. Плехов). Не будет преувеличением сказать, что огромный археологический материал, накопленный за 30 лет исследования памятника, дал ключ для решения многих спорных вопросов археологии и истории Северной Руси, в том числе проблемы возникновения Новгорода и славяно-скандинавских отношений (У истоков русской государственности, 2007). На Городище были открыты стратифицированные культурные напластования IX–X вв., сохраняющие остатки деревянных построек, выявлены древнейшие оборонительные сооружения, получены дендродаты, определяющие время начальных этапов формирования поселения, найдены подвески с руническими надписями X в. и берестяная грамота XII в., собрана многотысячная коллекция вещей, документирующая присутствие здесь славян и скандинавов.

Е.Н. Носов убедительно показал, что поселение на Городище – древнейший административный центр Приильменя, тот самый ранний Новгород IX в., безуспешные поиски которого долгое время велись на территории самого города. Согласно наблюдениям Е.Н. Носова, ранняя Ладога и Рюриково городище, во многом близкие по материальной культуре, изначально различались по своим функциям. Археологические материалы Ладоги характеризуют ее как торгово-ремесленное поселение, центр посреднической торговли, близкий балтийским викам. Археологические материалы Рюрикова городища раскрывают его как военно-административный центр в сгустке славянских земледельческих поселений, место сосредоточения властной элиты, среди которой было немало варягов. Сложившееся к середине X в. городское поселение на месте современного Новгорода, в 2 км ниже по течению Волхова, наследовало Городищу и переняло его функции. Таким образом, Е.Н. Носовым была нарисована убедительная картина формирования ранних городских центров на севере Руси, согласующая все разнообразные факты, документированные археологией и письменными источниками. Открытия исследователя доказывают обоснованность празднования в сентябре 2009 г. 1150-летнего юбилея Великого Новгорода.

Жизненный путь Е.Н. Носова тесно связан с ИИМК РАН. В 1971 г. после окончания университета он был зачислен в Институт (тогда ЛОИА АН СССР) лаборантом, в 1973 г. поступил в аспирантуру, а с 1976 г. начал работать младшим научным сотрудником в отделе славяно-финской археологии. Здесь были защищены его кандидатская и докторская диссертации, здесь постепенно раскрылись научно-организационные дарования Евгения Николаевича. Как директор Института

(впервые был избран в 1998 г.) он сумел не только сохранить научные традиции этого старейшего археологического исследовательского центра страны и консолидировать его коллектив, но и создать новые научные направления, увеличить книгоиздание, укрепить материально-техническую базу Института, расширить полевые работы на северо-западе России. В начале 1990-х годов он наладил сотрудничество ИИМК с ведущими археологическими центрами Западной Европы, что позволило познакомить российских специалистов со многими достижениями мировой науки, увеличить приток научных изданий в библиотеку Института, организовать ряд крупных международных проектов. Благодаря усилиям Е.Н. Носова создано новое хранилище для фотоархива ИИМК, оснащена современными приборами лаборатория радиоуглеродного датирования. Большая педагогическая работа, которую Е.Н. Носов ведет в СПбГУ, возглавляя с 2002 г. кафедру археологии, позволяет привлечь в науку студентов и аспирантов, пополнить ИИМК молодыми специалистами.

Е.Н. Носов встречает свое 60-летие полный новых замыслов и творческих планов. Коллеги и друзья поздравляют Евгения Николаевича с юбилеем, желают ему здоровья и ярких полевых открытий и с нетерпением ждут его новых публикаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

У истоков русской государственности (К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции). Историко-археологический сб. Матер. междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород / Отв. ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб., 2007.

МОГИЛЬНИК БОЛЬШОЕ ДАВИДОВСКОЕ 2 – ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н.э. В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ

© 2010 г. Н. А. Макаров, А. М. Красникова, И. Е. Зайцева

Институт археологии РАН, Москва

Несмотря на значительный интерес исследователей к финским древностям Волго-Окского междуречья, выявление погребальных памятников I тыс. н.э. во многих районах этой обширной области остается трудновыполнимой задачей. Это касается прежде всего исторического центра Ростово-Суздальской земли, “первыми насельниками” которого Начальная летопись называет мерю. До недавнего времени здесь был известен лишь один финский грунтовый некрополь второй половины I тыс. н.э. – Сарский могильник близ Ростова, древнейшие погребения которого датированы А.Е. Леонтьевым второй половиной VII в. (1996. С. 90–99). В 1999 г. под Александровым В.И. Вишневым был открыт и исследован Ратьковский могильник, некрополь с кремациями, древнейшие погребения которого датированы автором раскопок VI–VII вв. (Вишневский и др., 2007). Этим исчерпываются погребальные древности, которыми располагает археология для характеристики культурной ситуации второй половины I тыс. н.э. на, казалось бы, хорошо изученной территории центра Ростово-Суздальской земли. Что касается финских погребальных памятников более раннего времени – первой половины–середины I тыс. н.э., то они до последнего времени были неизвестны вовсе.

Приступив в 2001 г. к систематическому обследованию территории Суздальского Ополя и созданию детальной археологической карты этой территории, Суздальская экспедиция Института археологии РАН ставила одной из задач полевых работ выявление грунтовых могильников I тыс. н.э., однако долгое время эти поиски оставались безрезультатными. В 2007 г. в 20 км к СЗ от Суздаля, у д. Большое Давыдовское экспедицией были выявлены два грунтовых погребения по обряду ингумации, сопровождавшиеся металлическими украшениями середины I тыс. н.э. Погребения были обнаружены при повторном обследовании средневекового селища, в шурфе, заложенном на месте грабительского разрытия. Раскопками, про-

веденными в 2008 г., было вскрыто еще восемь погребений малоизученной в Волго-Клязьменском междуречье исторической эпохи на стыке железного века и раннего средневековья. Хотя в настоящее время исследована лишь часть могильника, целесообразно скорейшее введение в научный оборот этого яркого материала.

Могильник Большое Давыдовское 2 располагается на правом берегу небольшой речки Урды, правого притока р. Ирмес, при выходе в ее долину проточного оврага. Площадка могильника перекрыта культурным слоем одноименного поселения площадью около 5 га, занимающего мыс между оврагом и р. Урда. Селище Большое Давыдовское 2 входит в состав одной из наиболее крупных локальных групп средневековых поселений в бассейне р. Ирмес – гнезда поселений у с. Шекшово. Всего в Шекшовской группе насчитывается 18 селищ X–XIII вв., наиболее крупное из них – Шекшово 2, занимающее площадь около 19 га, тесно соседствует с селищем Большое Давыдовское 2 и отделено от него лишь р. Урда. Вблизи селища Шекшово 2, в урочище Половецкая лужа находился курганный могильник, в котором А.С. Уваровым в 1852 г. было исследовано около 240 курганов, в том числе более 100 насыпей с кремациями (Уваров, 1872; АКР, 1994. С. 79–90). Таким образом, могильник середины I тыс. н.э. располагается на территории археологического микрорегиона, являвшегося в конце I – начале II тыс. н.э. важным центром средневекового расселения и формирования древнерусской культуры.

Раскопками вскрыта площадь чуть более 300 м². После разборки перемешанного распахкой культурного слоя селища толщиной до 40 см, а в северной части раскопа также прослойки темно-серого гумусированного суглинка (погребенного почвенного гумуса) при зачистке желтого материкового суглинка четко обозначились контуры 10 могильных ям, содержавших погребения I тыс. н.э. Кроме них при зачистке материка было выявлено еще

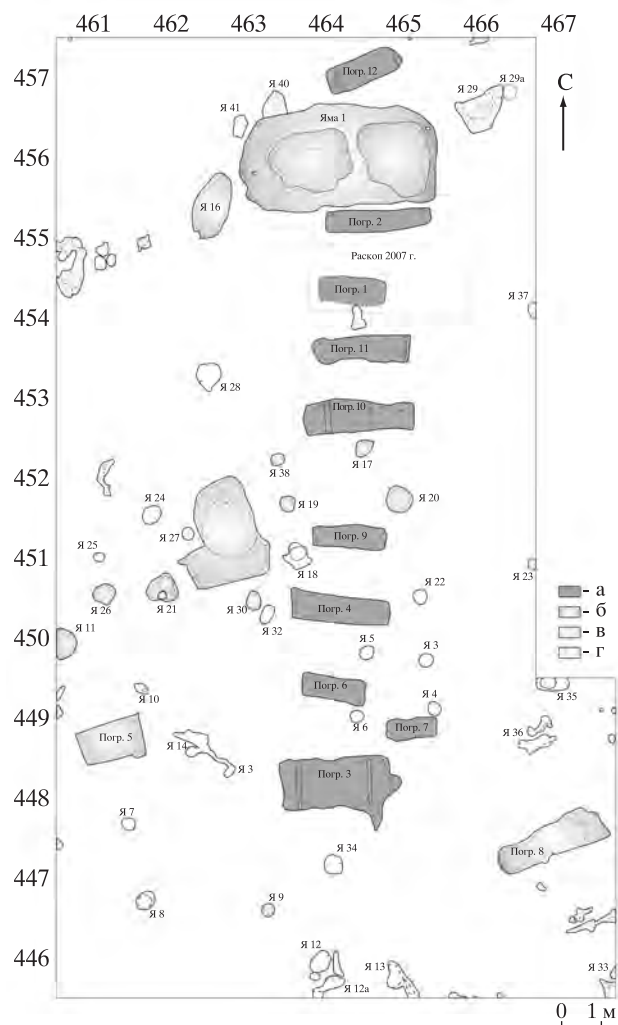

Рис. 1. Могильник Большое Давыдовское 2. План раскопа. Условные обозначения: а – погребения III–V вв.; б – древнерусские ямы X–XIII вв.; в – объекты природного характера; г – объекты с невыясненной датировкой.

около 40 ям, округлых или подпрямоугольных в плане, связанных с функционированием поселения конца X–XIII в., одна из которых, представлявшая собой подпрямоугольный в плане котлован размерами 2.6×4.8 м, может быть интерпретирована как подполье постройки конца X–XI вв. (рис. 1, 2). Однако средневековая жизнедеятельности на исследованном участке практически не нарушила захоронения I тыс. н.э.

Погребения были произведены в узких подпрямоугольных ямах со скругленными углами, образовывавших правильный ряд по линии С–Ю (рис. 3). Могильные ямы располагались на расстоянии 1–3 м друг от друга. В 10 могильных ямах расчищены останки 14 погребенных: девять ям содержали одиночные захоронения и одна (погре-

бение 3) – останки пяти индивидов. Длина ям варьировалась от 1.3 до 2.8, ширина – от 0.45 до 1.2 м. Ямы были относительно неглубокими – от 0.4 до 0.8 м от уровня современной дневной поверхности. Заполнение могильных ям представляло темный бурый суглинок с примесью желтого материкового суглинка, по-видимому, основу его составлял грунт из почвенного горизонта. Практически во всех погребениях отмечены волокна древесной органики, ориентированные по оси могильных ям. В лаборатории естественно-научных методов ИА РАН Л.Н. Соловьевой определены породы дерева из пяти могильных ям (погребения 3–6, 11), всего 13 образцов, взятых с уровня, перекрывавшего и подстилавшего костные остатки. Установлено, что во всех случаях это липа. В трех могильных ямах (погребения 3, 10 и 12) фиксируются следы деревянных внутримогильных конструкций. Они представляют собой подпрямоугольные в плане углубления, перпендикулярные длинной оси могильной ямы и расположенные “в ногах” погребенного. В погребении 3 такие углубления отмечены с двух сторон ямы – в соответствии с положением костяков. Общий характер погребальных конструкций остается неясным – была ли это деревянная обкладка ям или ящики, опиравшиеся на поперечные подкладки, ясно лишь, что эти конструкции сооружались из липы.

Кости погребенных лишь частично сохранились в 13 захоронениях. Судя по остаткам костей и костному тлену, все погребенные лежали вытянуто на спине головой на В. Исключением являются два индивида из коллективного погребения 3 (п. 3-3, 3-5), лежащие головой на З. Наилучшая сохранность костных тканей отмечена там, где кости были перекрыты многочисленными фрагментами бронзовых украшений и железными деталями костюма, в частности в погребении 3-5. Определение антро-

Рис. 2. Могильник Большое Давыдовское 2. Общий вид раскопа.

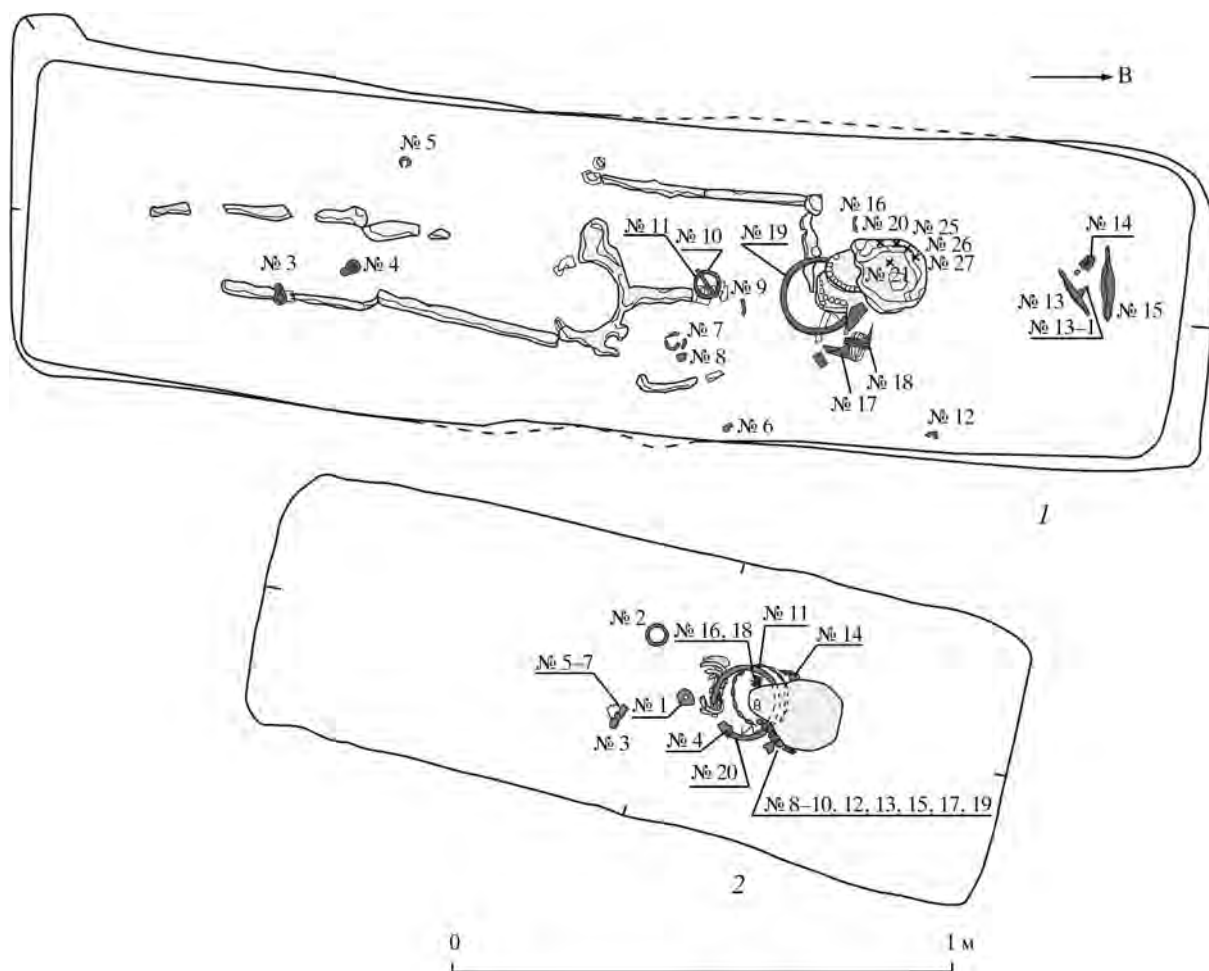

Рис. 3. Могильник Большое Давыдовское 2. Планы погребений.
1 – погребение 4, 2 – погребение 6.

пологических материалов из погребений было произведено чл.-корр. РАН А.П. Бужиловой (табл. 1). Установлено, что костные останки 10 индивидов (погребения 1, 2, 3-2, 3-3, 3-5, 4, 6, 7, 11, 12) принадлежат детям в возрасте от 2 до 11 лет, костные остатки четырех принадлежат взрослым. Пол определен лишь в одном случае, по костным остаткам из погребения 3-1, принадлежавшим молодой женщине. Существенно, что останки трех детей в возрасте 3–8 лет находились в больших могильных ямах длиной от 1.8 до 2.4 м – таким образом, размеры могильных ям не всегда могут рассматриваться как надежное основание для разделения погребений детей и взрослых.

Особый интерес представляет погребение 3, содержавшее останки пяти индивидов – двух взрослых и трех детей, ориентированных головами на В и на З и лежащих параллельно друг другу. Справа от взрослого мужчины (п. 3-4), ориентированного головой на В, находились две пары погребенных, располагавшихся ногами друг к другу: женщина (п. 3-1)

с лежащим на ней со смещением вправо ребенком (п. 3-2) и двое детей с противоположной, западной, ориентировкой – один из которых (п. 3-3) располагался на другом (п. 3-5) с небольшим смещением влево.

Судя по сохранившемуся анатомическому порядку костяков, потревоженному инвентарю погребений и присутствию в могиле остатков единого погребального сооружения, занимавшего всю площадь ямы и опиравшегося на поперечные плашки, захоронения были произведены единовременно или через небольшой промежуток времени. Коллективные погребения сходного типа, с двумя или несколькими костяками, ориентированными в противоположные стороны и лежащими параллельно друг другу, известны в ранних мордовских могильниках – Ражкинском и Селиксенском (Гришаков, 2005. С. 29, 30) и особенно широко – в Прикамье, в могильниках пьяноборской культуры (Агеев, Мажитов, 1986. С. 75, 77. Рис. 2, 2; Пшеничнюк, 1986а. С. 41, 42. Рис. 8; 1986б. С. 70–73; Васюткин, Калинин, 1986. С. 97, 99; Агеев, 1992.

Таблица 1. Могильник Большое Давыдовское 2. Половозрастные определения погребений и погребальный инвентарь

№ погребения	Возраст	Пол	Металлические украшения и детали одежды	Предметы быта	Оружие
1	Ребенок, 3-4 года	?	+		
2	Ребенок, неполовозрелый индивид	?	+		
3-1	Взрослый, 25-35 лет	Женский	+	+	
3-2	Ребенок, 11 лет	?	+		
3-3	Ребенок, 7-8 лет	?	+		
3-4	Взрослый, молодой (?)	?	+	+	+
3-5	Ребенок, 11 лет	?	+	+	
4	Ребенок, 8-10 лет	?	+		
6	Ребенок, 8-10 лет	?	+		
7	Ребенок, 1.5-4 года	?	+		
9	Взрослый	?	+		
10	Взрослый, 35 лет (?)	?	+	+	+
11	Ребенок, 6-7 лет	?	+		
12	Ребенок, 3-4 года	?	+		

С. 20), большая серия таких погребений исследована в Тарасовском могильнике (Голдина, 2003. С. 15. Табл. 13; С. 36. Табл. 34; С. 46. Табл. 44; С. 49. Табл. 47; С. 91. Табл. 89; С. 121. Табл. 119; С. 155. Табл. 153; С. 200. Табл. 198; С. 238. Табл. 236; С. 387. Табл. 385; С. 388. Табл. 386; С. 389. Табл. 387; С. 420. Табл. 418; С. 442. Табл. 440; С. 484. Табл. 482; С. 522. Табл. 520; С. 647. Табл. 645; С. 658. Табл. 658; С. 686. Табл. 684; С. 693. Табл. 691; Голдина, 2004. С. 304–305).

Присутствие инвентаря отмечено во всех открытых погребениях (рис. 4–6). Как погребения взрослых мужчин и мальчиков атрибутированы захоронения, сопровождавшиеся бытовыми вещами, поясной гарнитурой и оружием, в том числе наконечниками копий и топорами. Как погребения женщин и девочек определены захоронения, содержавшие многочисленные бронзовые украшения, стеклянные бусы и отдельные находки бытовых предметов. Интересный набор бронзовых украшений расчищен в погребении 3-1, принадлежность которого женщине установлена по антропологическим остаткам. Керамические сосуды отсутствуют как в погребениях детей, так и в погребениях взрослых индивидов. В целом зафиксированный в могильнике Большое Давыдовское 2 погребальный обряд с помещением ингумаций в грунтовые ямы, рядовой планировкой некрополя, обилием металлических украшений и бытовых вещей, сопровождающих захоронения, соответствует традициям обрядности финских могильников Поволжья, Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья первой половины – середины I тыс. н.э.

В контексте изучения погребального обряда значительный интерес представляет жертвенный комплекс, обнаруженный в погребении 3. В его составе около 40 целых и фрагментированных бронзовых предметов, большая часть из которых оплавлена. Среди бронзовых вещей – два целых деформированных браслета из дрота квадратного сечения с углубленным декором азелинского типа и один оплавленный обломок такого браслета, три бронзовых проволоочных колечка, мелкие оплавленные куски цветного металла, в числе которых определяются фрагменты смятых круглых блях, обломки поясной привески, браслетов, гривен, височного кольца с лопастью и других украшений, два оплавленных обломка бронзовой шпоры. Очевидно, эти вещи представляли собой лом предметов, предназначенный для переплавки. Бронзовые обломки и горсть зерна были завернуты в ткань (сохранились ее фрагменты) и вместе с пружинными ножницами, гребнем черняховского облика и половиной железных с бронзовым кольцом удила помещены в короб, изготовленный из липы. Жертвенный комплекс размещался в зоне черепа индивида 3. Следы костного тлена от черепа или фрагменты зубной эмали не были обнаружены. Остатки бедренных костей принадлежат взрослому молодому (?) индивиду, судя по сопровождающему инвентарю, включавшему наконечник копья и проушной топор, – мужчине. Традиция помещения жертвенных комплексов в погребения является характерной для финских могильников Поволжья и Прикамья, на некоторых памятниках пьяноборской культуры (Тарасовский, Мазунинский могильники) доля погребений с жертвенными комплексами составляет около 30%

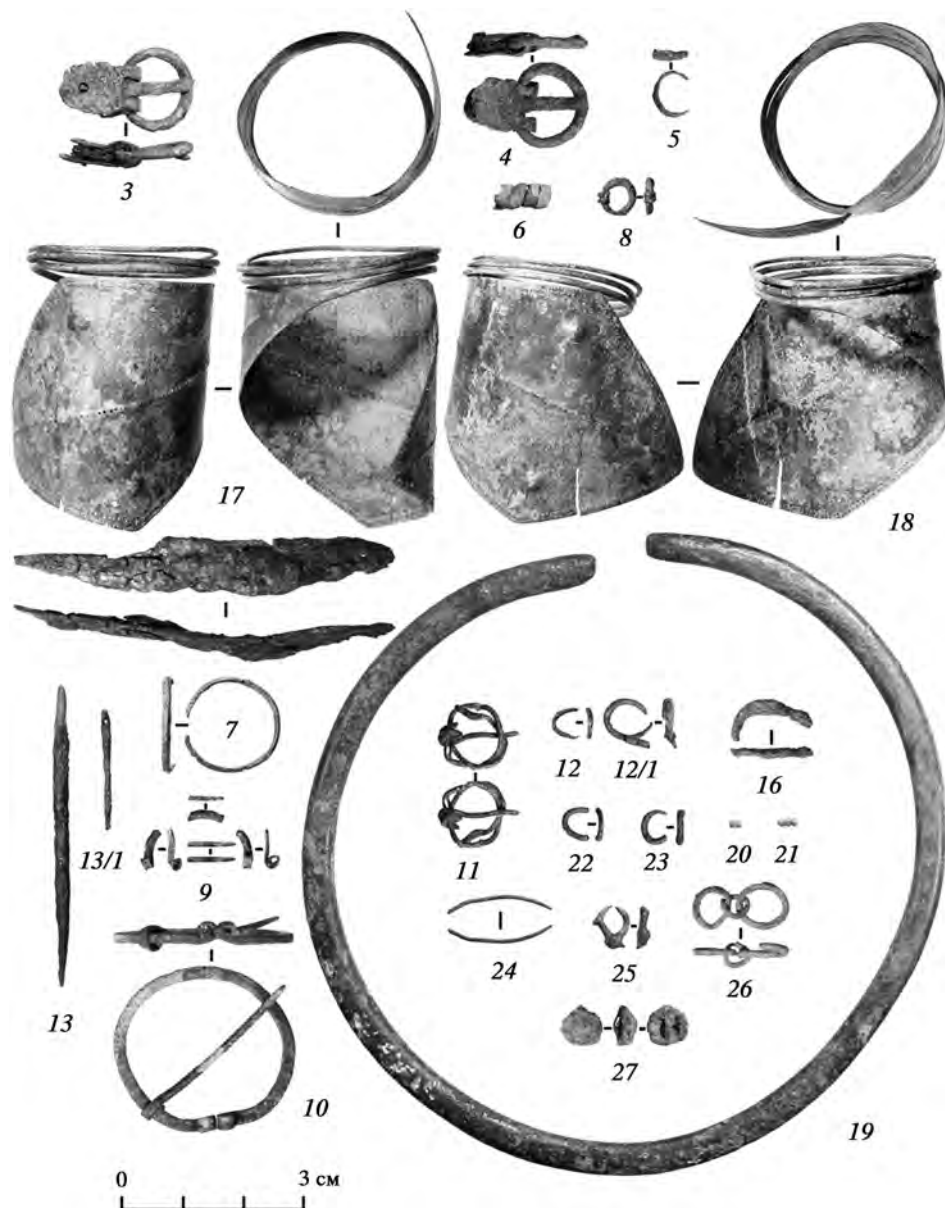

Рис. 4. Могильник Большое Давыдовское 2. Погребение 4. 3–12 – цветной металл; 13, 13/1, 15, 16 – железо; 20, 21 – стекло (номера соответствуют полевой описи и номерам на плане).

(Голдина, 2004. С. 305). Согласно наблюдениям И.В. Белоцерковской, в могильниках рязано-окской культуры в IV–V вв. н.э. дары, в качестве которых выступали женские нагрудные или головные украшения, размещались, как правило, на черепе или рядом с ним (1997), что соответствует положению металлических вещей в погребении 3-4.

Коллекция вещей, происходящих из погребений, составляет, вместе с предметами из грабительских раскопок, переданными в ИА РАН, около 300 единиц. Основную ее часть образуют детали костюма, изготовленные из цветных металлов, железа и стекла, представлены также немногочисленные орудия

труда, предметы вооружения и бытовые вещи из железа, камня, глины и рога.

Металлические украшения женского костюма включают такие категории как височные кольца, гривны, браслеты, нагрудные пряжки, нагрудные и поясные подвески и нагрудные бляхи.

В числе наиболее выразительных металлических украшений – височные кольца с лопастью (10 экз.), найденные в пяти погребениях: 2, 3-1, 4, 9, 11 (рис. 4, 17, 18; 6, 3, 3/1). В одном случае височные кольца располагались по одному с двух сторон около черепа (п. 3-1), трижды найдены парой слева от черепа (п. 4, 9, 11), причем в погребении 11 они

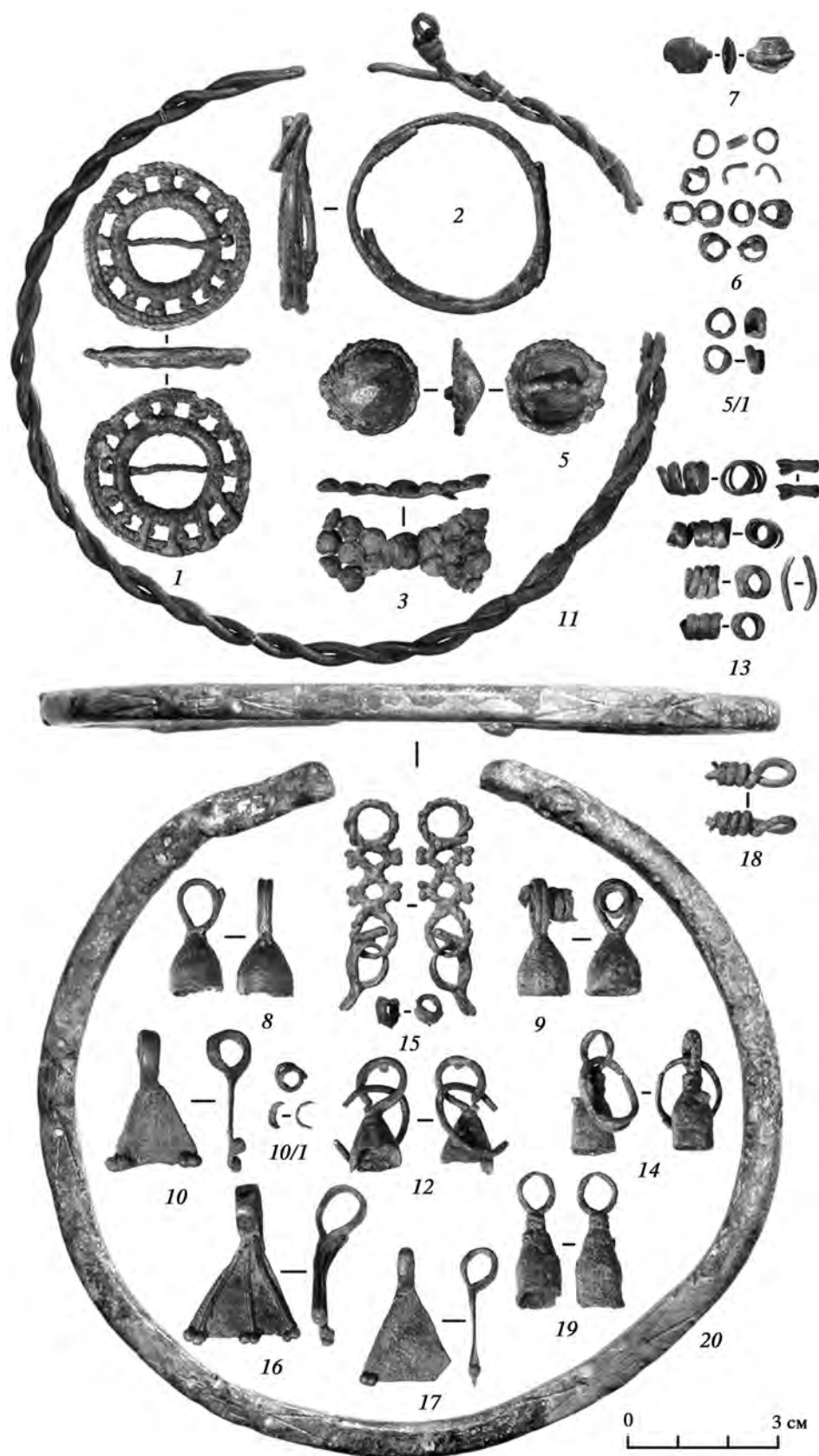

Рис. 5. Могильник Большое Давыдовское 2. Погребение 6. Вещевой материал. 1–20 – цветной металл (номера соответствуют полевой описи и номерам на плане).

были вложены друг в друга, а в погребении 4 вставлены друг в друга под углом 90°. Одно височное кольцо происходит из грабительских раскопок погребения 2, а одно, оплавленное, находилось в составе жертвенного комплекса в погребении 3. В двух погребениях (10, 12) найдены перстнеобразные проволочные височные колечки (3 экз.). Наборы украшений в девяти погребениях (из них восемь детские) включали бронзовые шейные гривны (17 экз.). Из типологически определимых гривен можно выделить массивные круглодротовые с обрубленными концами (3 экз.), витые (3 экз.), тордированную с обмоткой на концах и пластинчатым приемником (1 экз.), ромбического сечения с обмоткой на концах и пластинчатым приемником (2 экз.), круглопроволочную с перехлестнутыми концами и скользящей петлей (1 экз.), квадратные в сечении массивные с геометрическим орнаментом “азелинского” типа, 4 экз. (рис. 4, 19; 5, 20). Среди 11 целых и фрагментированных браслетов можно отметить 7 экземпляров, относящихся к “азелинскому” типу (п. 2, 3-1, 3-5), массивный круглодротовый браслет с обрубленными концами (п. 3-5) и пластинчатый подтреугольного сечения браслет с тремя щитками с точечным орнаментом (п. 3-2), аналогии которому встречаются в рязано-окских древностях (Белоцерковская, 2007. С. 189. Рис. 4, 13). Перстни представлены тремя типами – спиральными из проволоки (п. 3-1, 3-5, 11), фрагментом узкого пластинчатого и ложноплетеным ажурным с тремя колоколовидными привесками (п. 3-5).

Из погребений происходит 10 нагрудных застежек разнообразных типов. Среди них – три типичные для поволжско-финских древностей круглые ажурные плетеные застежки (п. 3-4, 6, 12), бронзовая кольцевидная с четырьмя трапециевидными выступами и железной иглой (п. 3-5), цельнолитая подковообразная бронзовая фибула с округлыми концами с крестовидным орнаментом и тремя секировидными выступами, подражающая фибулам с эмальями (п. 3-1), и пять застежек-скульгам (п. 3-3, 4, 9, 11).

Из нарушенного грабителями погребения 2 происходит массивная пластинчатая круглая бляха с орнаментом из концентрических кругов, отверстием в центре и крестообразно расположенными накладками, четыре фрагмента подобного украшения найдено в составе “клада” погребения 3. Среди других деталей костюма – многолепестковые бляшки-розетки (п. 3-1), которые использовались в составе нарукавных повязок, конусовидные бляшки с ложновитым валиком (п. 6, 10), ложнозерновые бантовидные накладки (п. 3-5, 6), колоколовидные привески разных типов, в том числе пирамидальные с цельнолитой петлей (п. 3-5), привески-лапки,

трапециевидные привески и полая привеска-уточка (п. 3-5).

Среди вещей из грабительских раскопок, частично разрушивших погребение 2, – четыре пряжки с прямоугольными пластинчатыми щитками и сегментовидными рамками, украшенными орнаментом из треугольников (из них только одна с язычком) и три удлиненные пятиугольные подвески с аналогичных декором. Вероятно, те и другие использовались как украшения поясов или обуви. Вся коллекция насчитывает 18 пряжек – из них семь из железа (п. 1, 3-1, 3-3, 4, 10) и 11 бронзовых (п. 2, 3-1, 3-3, 3-4, 3-5, 11).

Коллекция бус и подвесок насчитывает 82 стеклянных изделия. Ее систематизация выполнена к.и.н. О.С. Румянцевой. Большинство из них представлено бусами красного глухого стекла (29 экз.) и золотостеклянными пронизками (52 экз.); обнаружена также одна подвеска синего прозрачного стекла каплевидной формы. Стеклянные украшения происходят из детского погребения 4 и коллективного захоронения 3. Наибольшее количество бус – 57 экз. – содержит могила 3-5; в остальных захоронениях они немногочисленны – каждому погребенному принадлежало от 1 до 16 находок.

Золотостеклянные изделия из погребений 3-3, 3-4, 3-5 и 4 представлены мелкими, до 3 мм в диаметре, двух-шестичастными пронизками и их фрагментами. Среди бус красного глухого стекла выделяются два крупных изделия диаметром 16–17 мм, изготовленные из отрезков тянутых палочек, которые происходят из захоронений 3-4 и 3-5. Остальные украшения из красного стекла представляют собой бусы и двух-четырёхчастные пронизки диаметром 4–5 мм, выполненные из отрезков тянутых трубочек (погребения 3-3, 3-4, 3-5), а также единичную находку бисера (погребения 3-1/3-2).

Предметы вооружения представлены проушным топором с плавным расширением к окончанию обуха (п. 3-4), топором-кельтом (п. 10), двумя втульчатыми наконечниками копий с ромбическим очертанием пера (п. 3-4, 10).

Бытовые предметы немногочисленны и представлены тремя битрапециевидными глиняными пряслицами (п. 3-1, 10), фрагментами костяного гребня (п. 3-4), четырьмя железными ножами с выпуклой и прямой спинкой (п. 3-4, 3-5, 4, 10), железными шилом с остатками деревянной рукояти и рабочим концом круглого сечения (п. 4), иглой (п. 4) и ножницами (п. 3-4), являющимися исключительно редкой находкой для финских могильников.

Основываясь на современных разработках хронологии древностей могильников рязано-окской,

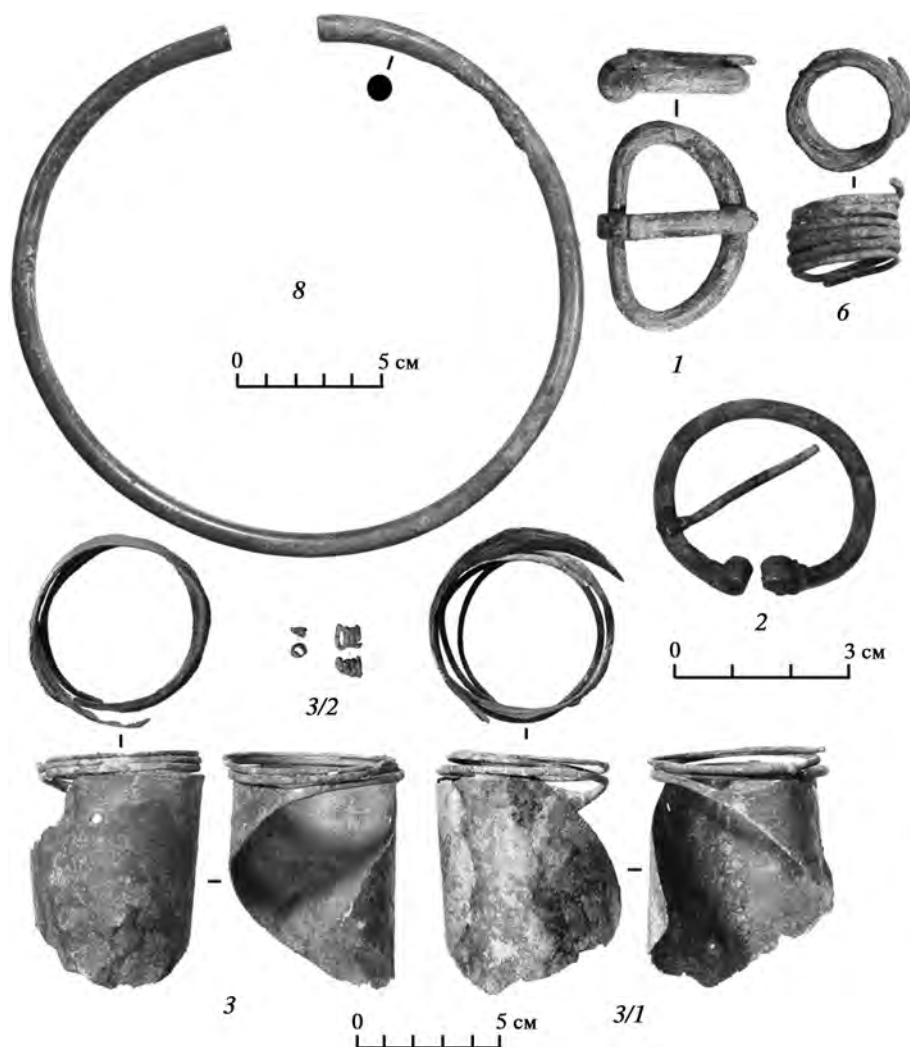

Рис. 6. Могильник Большое Давыдовское 2. Погребение 11. 1–3, 6, 8 – цветной металл (номера соответствуют полевой описи и номерам на плане).

дьяковской культур и могильников Прикамья, вещевые комплексы из погребений могут быть отнесены ко второй половине III – началу V в. Для определения их хронологических позиций существенны находки в погребениях височных колец с лопастью, бантовидных накладок с ложной зернью, гривен и браслетов “азелинского типа”, подковообразной фибулы с “отростками”, принадлежащей к кругу вещей с выемчатыми эмальями. По мнению И.В. Белоцерковской, височные кольца с широкой лопастью в рязано-окских могильниках характерны для погребальных комплексов периода 1 и начала периода 2а, что соответствует III в. В комплексах тех же периодов в рязано-окских могильниках известны находки ложнозерненных накладок в виде бантиков (Белоцерковская, 2007. С. 190, 191, 198). Находки бантовидных накладок на москворецких городищах датируются II–III вв.? (Кренке, 1989. С. 83–86). Массивные бронзовые четырехгранные

гривны с геометрическим орнаментом и подражающие им браслеты появляются в рязано-окских материалах в конце III – начале IV вв., в то же время их аналоги отмечены на азелинских памятниках (Белоцерковская, 2007. С. 192. Рис. 7). Бронзовые пирамидальные колокольчики находят параллели в юго-западном Крыму II – начала III вв. н.э. и в материалах Кошибеевского могильника (Альбом древностей мордовского народа, 1941. Табл. VI. Рис. 25; Ахмедов, Белоцерковская, 1998. С. 38).

Эти украшения, найденные в Большом Давыдовском могильнике в составе семи комплексов (п. 2, 3-1, 3-4, 3-5, 4, 9, 11), важны для определения нижней даты могильника.

Сочетание золотостеклянных и красных бус типично для финских могильников бассейна Средней Оки и Окско-Сурско-Цнинского междуречья раннего этапа, где украшения данных типов являются

Таблица 2. Радиоуглеродные даты образцов органики из погребений могильника Большое Давыдовское 2

Лабораторный номер	Место отбора пробы	Материал	Радиоуглеродный возраст	Ошибка	Калиброванная дата, 1σ	Калиброванная дата, 2σ
KIA38186	Погребение 3, клад, под ножницами	Дерево	1673	53	260–427 AD	244–533 AD
KIA38187	Погребение 4, под черепом	Дерево	1795	38	139–315 AD	128–337 AD
KIA38185	Погребение 9, под височным кольцом у черепа	Дерево	1787	36	140–322 AD	131–337 AD

одним из основных элементов женского костюма (Вихляев, 1977; Шитов, 1988; Акимов, Гришаков, 1990 и др.). Их хронология разработана на материалах могильников Поочья (Румянцева, 2005; 2007), на основании которой наборы бус, обнаруженные при раскопках в Большом Давыдовском, могут быть датированы не ранее конца II – начала III в. и не позднее конца IV – начала V в. – три хронологические группы K2, 1a; типы бус 3IA2, KA1a1, KAIII (Румянцева, 2007. С. 217–219, 234. Табл. 2).

Радиоуглеродным методом в лаборатории Кильского университета датированы три образца органики из погребений: древесный тлен под погребальным инвентарем и костными остатками. Это первый опыт радиоуглеродного датирования финских могильников с ингумациями I тыс. н.э. в Волго-Окском междуречье. Калиброванные даты двух образцов (погребения 4 и 9) с вероятностью 68% соответствуют интервалу середины II – начала IV в., калиброванная дата третьего (древесный тлен из-под “клада” из коллективного погребения 3) – второй половине III – началу V в. (табл. 2, рис. 8). Поскольку для погребальных сооружений использовалось дерево, возраст которого был не менее нескольких десятилетий, с большой долей вероятности можно полагать, что возраст погребений на два-три десятка лет моложе этих дат. Радиоуглеродные даты хорошо согласуются с вещевыми. С учетом тех и других общих хронологических интервал, к которому могут быть отнесены погребения, определяется как вторая половина III – начало V в.

Вновь открытый могильник важен как для общего понимания культурной ситуации в Волго-Окском регионе в первой половине – середине I тыс. н.э., так и в контексте изучения предыстории исторического ядра Ростово-Суздальской земли – Суздальского Ополя.

Грунтовые могильники с погребениями по обряду ингумации, сопровождающимися наборами металлических украшений, оружием и орудиями труда, появившиеся в Волго-Окском регионе в пер-

вые века н.э., рассматриваются как яркий феномен культуры поволжских финнов, отражающий формирование их культурных традиций и расселение в Волго-Окском бассейне. Однако в этом обширном регионе в настоящее время выявлено лишь около 60 финских могильников с ингумациями III–VII вв., которые распространены по его территории неравномерно (рис. 7). Грунтовые могильники с ингумациями III–VII вв. концентрируются в отдельных областях Волго-Окского бассейна (прежде всего в рязанском течении Оки и в междуречье верхнего течения Мокши и верхнего течения Суры), спорадически встречаются в других районах Поволжья и Поочья, но практически неизвестны на значительных территориях с финской гидронимикой, которые рассматриваются как часть ареала поволжских финнов. Ареал могильников с погребениями III–V вв. существенно уже, он ограничен преимущественно территориями на правобережье Волги и на правобережье Оки, южной частью общего ареала могильников III–VII вв. Могильников с погребениями III–V вв. насчитывается всего около 40. Очевидно, для финского населения северо-западной части Волжского бассейна характерен другой погребальный обряд – могильники с кремациями, помещавшимися в наземные сооружения “домики мертвых”, на поверхность земли или в неглубокие ямы (Башенькин, 1995). Впрочем, в настоящее время подобные могильники с кремациями выявлены в северо-западной части Волжского бассейна лишь в отдельных районах.

Могильник Большое Давыдовское 2 образует крайнюю северо-западную точку на карте финских могильников с ингумациями III–V вв. Вещевой набор из могильника в целом близок комплексам культуры рязано-окских могильников, ареал которой удален от места раскопок примерно на 250 км к югу. Однако многие черты погребального обряда и вещевые находки правомерно рассматривать как отражение более широких культурных связей и взаимодействия с другими территориями

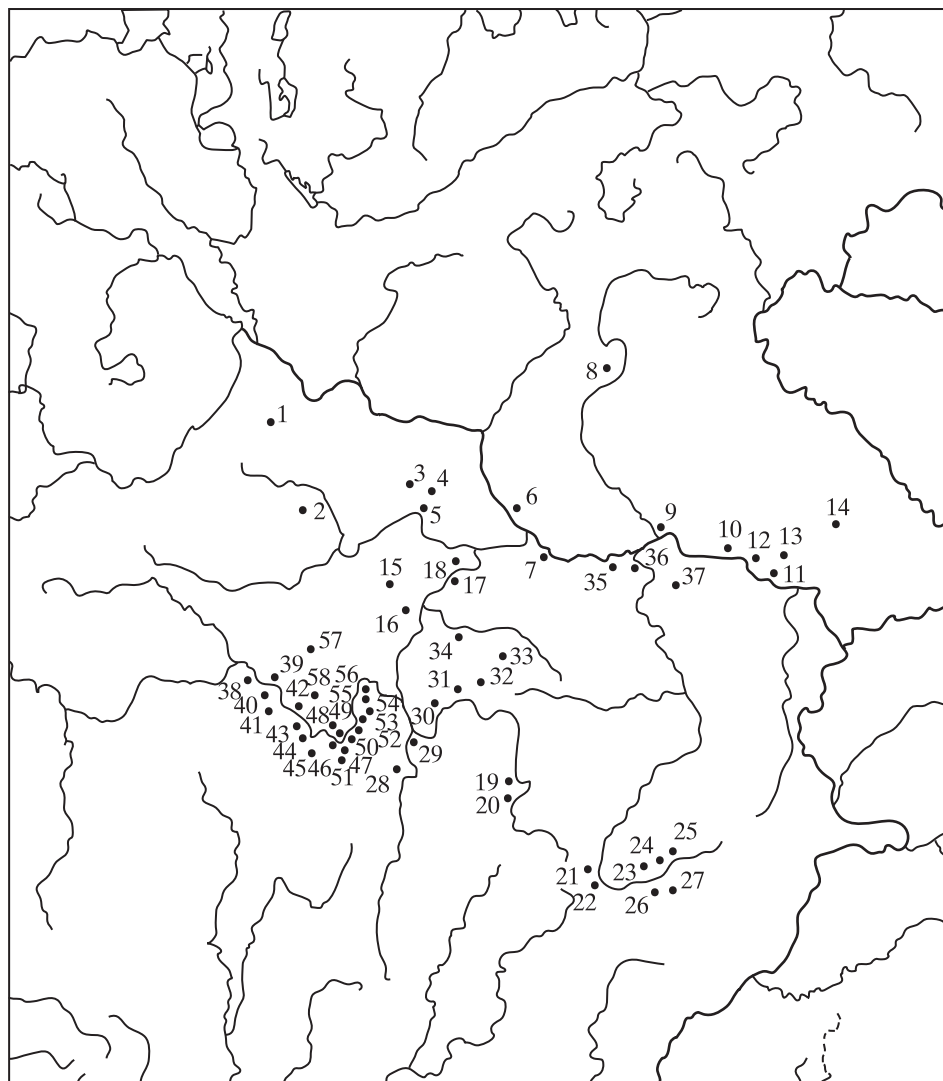

Рис. 7. Могильники с погребениями III–VI вв. в Волго-Окском регионе. На карте показаны памятники, содержание погребения по обряду ингумации или ингумации и кремации в грунтовых ямах. 1 – Сарский; 2 – Большое Давыдовское; 3 – Хотимльский; 4 – Кочкинский; 5 – Холуйский; 6 – Желтухинский; 7 – Безводнинский; 8 – на Чертовом городище; 9 – Младший Ахмыловский; 10 – Уржумкинский; 11 – Мари-Луговойской; 12 – Арзабелякский; 13 – Лушморский; 14 – Шорунжинский; 15 – Малышевский; 16 – Подболотьевский; 17 – Пермиловский; 18 – Чулковский; 19 – Тезиковский; 20 – Ражкинский; 21 – Пензенский; 22 – Алферьевский; 23 – Старший Селиксенский; 24 – Младший Селиксенский; 25 – Степановский; 26 – Шемьшейский; 27 – Армиевский; 28 – Польно-Ялтуновский; 29 – Кошибеевский; 30 – Старокадомский; 31 – Шокшинский; 32 – Погибловский; 33 – Абрамовский; 34 – Старший Кужендеевский; 35 – Волчихинский; 36 – Ивановский; 37 – Таутовский; 38 – Вакинский; 39 – Кузьминский; 40 – Фефеловский; 41 – Борковский; 42 – Дубровичский; 43 – Кораблинский; 44 – Гавердовский; 45 – Заречьинский IV; 46 – Никитинский; 47 – Шатрищенский; 48 – Дегтяновский; 49 – Облачанский; 50 – Бортниковский; 51 – Дуброво-Срезневский; 52 – Кулаковский; 53 – Ундрих; 54 – Тырновский I; 55 – Куземкинский; 56 – Курманский; 57 – Шагорский II; 58 – Деулинский.

и культурными общностями. Так, коллективное захоронение с противлежащими костяками, образующими сложный погребальный комплекс, как уже отмечалось, имеет ближайшие параллели в пьяноборских и ранних мордовских древностях. Прикамские связи населения, оставившего могильник, документированы находками четырехгранных в сечении массивных гривен и браслетов, поллой уточкой-привеской. Присутствие в двух погребени-

ях ложнозерненных бантовидных накладок отражает влияние культурных традиций позднедьяковского населения Москворецкого бассейна.

В качестве свидетельства западных, прибалтийских или поднепровских связей может, вероятно, рассматриваться редкая находка круга вещей с выемчатыми эмальями – литая подковообразная фибула с секировидными выступами. Возможными индикаторами контактов с носителями черняхов-

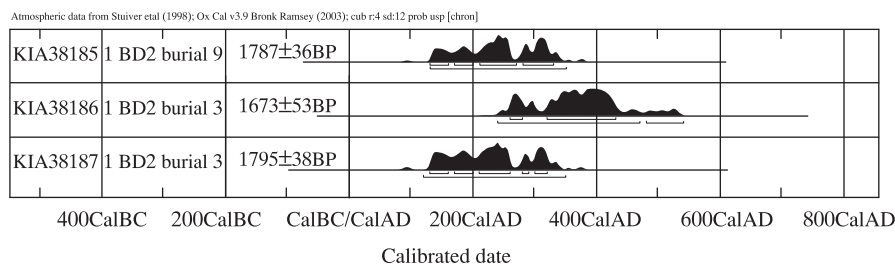

Рис. 8. Могильник Большое Давыдовское 2. Радиоуглеродные даты.

ской культуры являются находки синей стеклянной каплевидной бусины-подвески и костяного гребня.

Переходя к более узкому “суздальскому” контексту некрополя, следует отметить, что до последнего времени в Суздальском Ополе не были зафиксированы какие-либо следы освоения территории в III–V вв. н.э. Поскольку на дьяковских городищах на Нерли и Клязьме комплексы этого времени не были известны, а средневековая колонизация Ополя по археологическим материалам прослеживалась с VI–VII в. (Макаров, 2007. С. 16), период первой половины – середины I тыс. рассматривался как время, когда Ополе не было заселено, – в полном соответствии с палинологическими данными, свидетельствующими о залесенности территории (Алешинская и др., 2008. С. 127–156). Новые материалы существенно корректируют эту картину. Погребальные комплексы, вскрытые раскопками 2008 г., представляют собой часть большого некрополя, отражающего долговременное присутствие древнего населения на р. Урда. Для характеристики памятника как могильника стабильной группы населения, функционировавшего в течение достаточно продолжительного времени, существенны размещение погребений на площадке в виде правильного ряда, присутствие среди погребений захоронений мужчин, женщин и детей, высокая доля детских погребений, обилие погребального инвентаря, отражающее высокое благосостояние. Вопрос о конкретной исторической связи финского населения, занимавшего поречье р. Урда в середине I тыс. н.э., и средневекового населения, осваивавшего Шекшовский микрорегион в IX(?)–X вв., пока не может быть решен, но сам факт расположения могильника в центре будущего крупного очага средневекового расселения и формирования древнерусской культуры заслуживает внимания и требует специального анализа.

Работа выполнена по Программе Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник Пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986.
- Акимов Н.А., Гришаков В.В. Бусы Абрамовского могильника // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск, 1990 (Тр. МНИИЯЛИЭ; Вып. 99).
- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Спиридонова Е.А. и др. Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008.
- Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941.
- Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников // Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998.
- Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995 (Славяно-русские древности; Вып. 3).
- Белоцерковская И.В. Погребения с дарами из могильника Кораблино // Археологический сборник. Погребальный обряд. М., 1997 (Тр. ГИМ; Вып. 93).
- Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М., 2007.
- Васюткин С.М., Калинин В.М. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986.
- Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.
- Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. 2007. № 2.

- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Текст, каталог погребений. Ижевск, 2004.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск, 2003.
- Гришаков В.В.* Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск, 2005.
- Кренке Н.А.* Глиняная пластика и некоторые особенности позднеславянских городищ Подмосковья // СА. 1989. № 2.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Макаров Н.А.* Начальный период средневековой колонизации Суздальского Ополя по материалам новейших исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 1. М., 2007.
- Пшеничнюк А.Х.* Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986а.
- Пшеничнюк А.Х.* Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986б.
- Румянцева О.С.* Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // II Городцовские чтения. Матер. науч. конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М., 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 145).
- Румянцева О.С.* Культура рязано-окских могильников. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М., 2007.
- Уваров А.С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. I АС. М., 1872.
- Шитов В.Н.* Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Тр. МНИИЯЛИЭ. 1988. Вып. 93.

Bolshoe Davydovskoe 2 cemetery – a burial site of the 1st half of the 1st millennium AD in Suzdal Opolye

Makarov N.A., Krasnikova A.N., Zaitseva I.Ye.

Summary

The article publishes the first results of archeological investigations at the Bolshoe Davydovskoe 2 ground cemetery in Suzdal Opolye. Fourteen burials, dating to the second half of the 3^d – the 5th cc., have been investigated. Bolshoe Davydovskoe 2 cemetery is the furthest northwestern point on the map of Finnic inhumation burials of the 3^d – 5th cc. The artifact assemblage is on the whole similar to the assemblages from Ryazan-Oka cemeteries, which are encountered in about 250 km to the south of the excavation site.

ХЕДЕБЮ, ПОСЕЛЕНИЕ И ПОРТ: СТАРЫЕ МАТЕРИАЛЫ И НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2010 г. Клаус фон Карнап-Борнхайм, Фолькер Хильберг,
Свен Кальмринг, Йоахим Шульце

Шлезвиг-Гольштейн, Германия

Значимость и роль Хедебю в раннесредневековой истории не только балтийского и североморского регионов, но и всей Скандинавии и Европы в целом чрезвычайно велика. Исследования последних лет, в особенности начиная с 2002 г., ознаменовали новый этап в работах по изучению Хедебю и его окружи. Основным содержанием этого этапа стало повторное обращение к результатам прежних масштабных раскопок поселения и гавани (рис. 1), проведение значительных по объему геофизических обследований памятника (рис. 2) и выборочные раскопки на небольших по площади участках. Применение металлодетекторов позволило дополнить результаты обследований местности, проведенных в 1960 и 1970-х годах, и получить новую информацию по сравнительно поздней истории Хедебю. Находки, обнаруженные при помощи металлодетекторов, существенно расширили наши знания о материальной культуре поселения в X–XI вв.

Основой для дальнейшего изучения Хедебю стало сочетание данных, полученных при обследовании территории памятника с помощью различных методов и представленных в обычном (двухмерном) формате, и возможностей, возникающих при использовании методов трехмерного моделирования. В первой группе материалов важно отметить результаты масштабных геофизических исследований. В ходе этих обследований, проходивших почти в идеальных условиях, была выявлена четкая однородная сеть дорожек и улиц; а в некоторых зонах удалось различить даже планировку отдельных усадеб и постройки на них (рис. 2). К счастью для нас, территория памятника после его запустения во второй половине XI в. практически не застраивалась, и лишь на небольших по площади участках средневековые постройки были нарушены в позднейшее время. Поэтому, хотя точно датировать объекты, выявленные при геофизических исследованиях, пока не представляется возможным, можно утверждать, что они относятся к сравнительно поздним фазам истории Хедебю, скорее всего, к X в.

В последние годы использование металлодетекторов для сбора подъемного материала принесло

весьма успешные результаты, например, на южно-скандинавских поселениях Tisso и Uppåkra. Поэтому представлялось разумным применить их и в Хедебю, и не только в силу сопоставимости памятников. Исключительно интересный материал показывает, что позднейшие, т.е. относящиеся к XI в., слои были разрушены в результате распахки на значительных по площади участках. При этом точная топографическая привязка собираемого материала позволяет определять места концентрации находок и при сопоставлении с материалами, контекст которых уже установлен, выявлять различные по функциональному назначению зоны. Результаты работ с металлодетекторами дополняются данными сборов, проведенных К. Шицлем в 1967–1972 и 1995 гг., когда территория памятника еще распаивалась. Тогда удалось обнаружить большое количество железных шлаков, керамики и других неметаллических предметов, которые ныне надежно скрыты дерном. В будущем сопоставление результатов, полученных при геофизических обследованиях и сборах находок, позволит воссоздать детальную картину облика “позднего” Хедебю.

Все это в сочетании с повторным обращением к результатам предыдущих исследований, а также новых, небольших по масштабам раскопок позволяет нарисовать объемную картину жизни поселения, пусть и не всегда полную. Ключевым инструментом, который позволил зафиксировать, классифицировать и интерпретировать материал, полученный в ходе более чем столетних исследований, стали высокопроизводительные GIS-программы, успешно примененные для обработки данных раскопок на поселении и в гавани. Благодаря им впервые стала возможной обработка огромного материала – например, 25 000 единиц строительной древесины, обнаруженных в ходе раскопок поселения на площади 5000 м² в условиях исключительно сложной стратиграфии, которая не всегда поддается однозначной интерпретации. Когда они будут распределены хронологически, нам, очевидно, придется распрощаться с некоторыми привычными представлениями о топографии поселения, а также об устройстве и функционировании гавани.

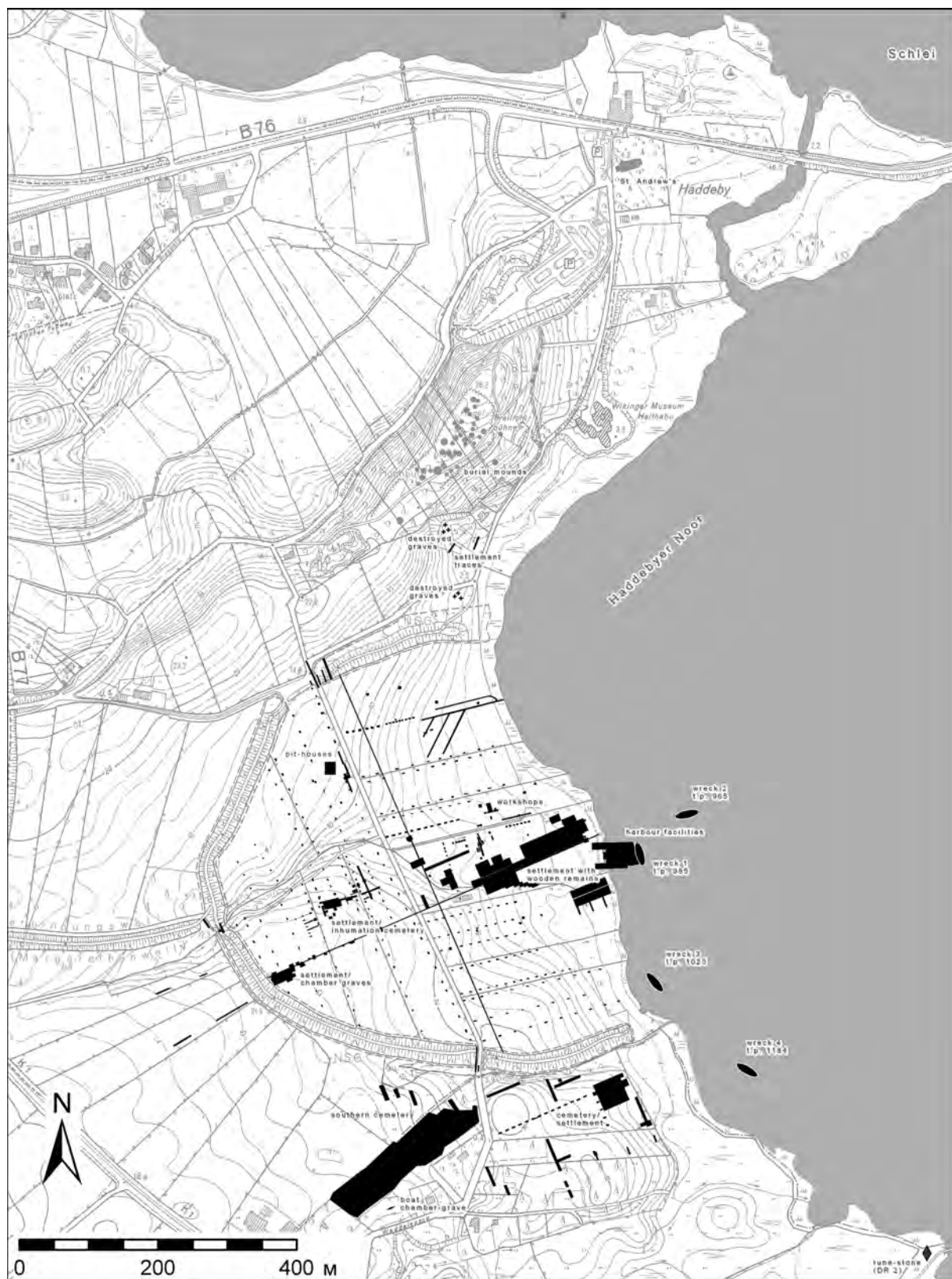

Рис. 1. Ареалы исследования Хедебю с нанесенными раскопами с 1900 г.

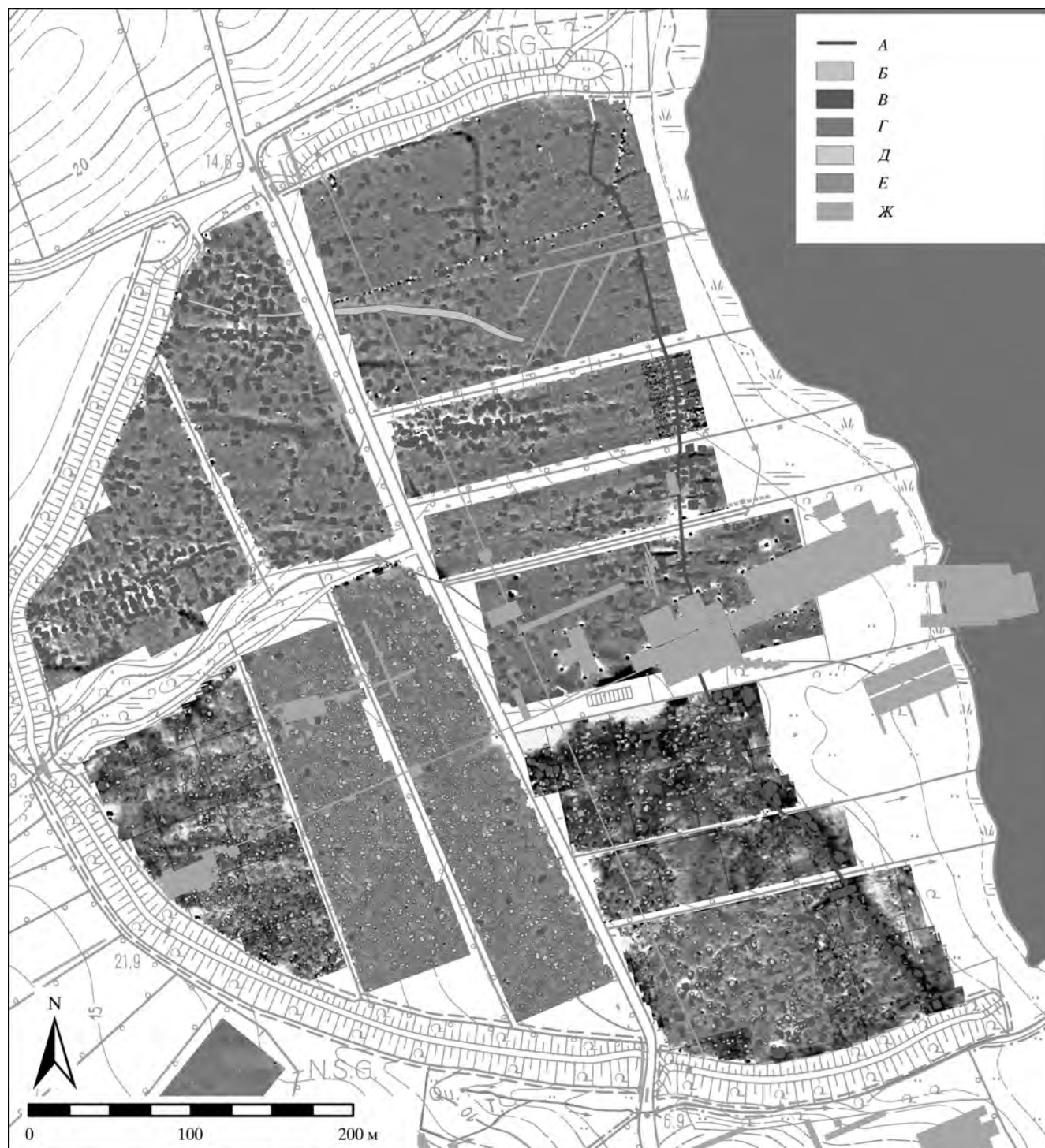

Рис. 2. Результаты геофизического исследования Хедебю 2002 г., упрощенная интерпретация магнитных аномалий. Условные обозначения: А – основные улицы; Б – ров (?); В – поселенческие структуры; Г – ямы; Д – погребения; Е – ограды; Ж – раскопы.

Сегодня у нас появилась возможность опираться при дальнейшей работе как на двумерные данные, отличающиеся широким пространственным охватом, но слабой детализацией, так и на результаты более детальных новейших исследований в

трехмерном пространстве. Соответственно в ходе изучения Хедебю неизбежно появятся новые вопросы и модели интерпретации. На данный момент мы можем достаточно подробно говорить о значимости места, которое поселение занимало в сети

раннесредневековых центров, и весьма детально характеризовать роль Хедебю в политических и военных событиях IX, X и XI вв. Не вызывает сомнений и тот факт, что Хедебю играло важную роль в процессе христианизации севера. Однако картина взаимоотношений между поселением и его сельской округой более сложна для понимания. Здесь удастся нарисовать пока только общую схему. При этом уже в ближайшее время появится возможность начать всестороннее изучение и обсуждение другой группы проблем – вопросов, касающихся внутренней структуры самого поселения. В первую очередь необходимо определить характер и границы различных функциональных частей этого большого памятника. В рамках этой темы землянки, выявленные в западной, более высокой части поселения, будут иметь иной уровень значимости, чем длинные дома, раскопанные в восточной портовой зоне около бухты Хедебю (Haddebyer Noor). Результативность дальнейших исследований будет зависеть и от того, насколько успешными окажутся наши попытки распознать и отделить частное пространство (например, территорию огороженных усадеб) от общественного (например, улиц, пустырей или рыночных площадей). Здесь основная часть дискуссии будет касаться портовых сооружений и на данный момент не представляется возможным с уверенностью сказать, частные это постройки или общественные. Но уже сейчас удастся восстановить облик города как места социального и политического взаимодействия в различные периоды его существования, причем в ряде случаев – с высокой степенью детальности. То есть, в изучении Хедебю открываются новые перспективы, в основе которых лежит комплексный анализ результатов успешных раскопок и современных методов обследований. Для примера остановимся более подробно на трех направлениях проводимых исследований. Они опираются на результаты геофизических обследований, предпринятых для выявления внутренней структуры внутривальной части города, и на итоги недавних исследований поселения и гавани.

Археологическая и геофизическая разведка. Хедебю – торговый центр (*emporium*) эпохи викингов – находится в самой узкой части Кимврского полуострова поблизости от вала Даневирке, который в средние века был южной границей Дании. Хедебю служил главным связующим звеном в торговле между областями бассейна Северного моря и Балтики. Первое упоминание о нем в письменных источниках относится к 804 г.; в течение IX в. поселение стало ведущим торговым центром, или протогородом, Датского королевства и оставалось им вплоть до окончательного разрушения в 1066 г. Его функции и политическая роль перешли к Шлез-

вигу, расположенному на другой стороне фьорда Шлей. Хедебю хорошо известен благодаря масштабным исследованиям, которые проводили немецкие археологи начиная с 1900 г. (рис. 1). В 1897 г. Sophus Müller, сотрудник Национального музея в Копенгагене, определил, что территория в приблизительно 27 га, окруженная мощным и хорошо сохранившимся полукруглым валом на западном берегу бухты Хедебю (бухты фьорда Шлей), – это поселение Хедебю, упоминавшееся в найденных поблизости рунических надписях эпохи викингов (Müller, 1897. S. 636–642. Abb. 395, 396).

Важный вклад в изучение Хедебю внесла систематическая археологическая разведка. В 1960 и 1970-х годах К. Шицель проводил систематические сборы материала на территории внутри полукруглого вала. Обнаруженные находки представляли собой в основном обломки мыльного камня, железные шлаки и отходы металлообрабатывающих и стеклодельных мастерских; эти материалы внесли существенный вклад в наше понимание структуры поселенческого комплекса (Schietzel, 1981. S. 21, 22. Mar 23). С 2003 г. проводится систематический сбор находок при помощи металлодетекторов с участием групп добровольцев из Бронхольма (Bornholmske Amatørarkæologer) и Шлезвиг-Гольштейна (*German amateur group of metal-detector users*). За шесть сезонов было собрано около 11 000 металлических предметов, точные координаты которых определялись при помощи системы D-GPS (Hilberg, 2007; In print). Впервые удалось обнаружить изделия, предшествующие по времени эпохе викингов; они относятся к позднему германскому железному веку и сконцентрированы в южной части внутри вала.

Использование металлоискателей позволило существенно расширить наши знания о поселении. Теперь в нашем распоряжении имеются более объемные серии предметов многих типов, например, украшений, монет, гирек. В добавление к изделиям типично скандинавского облика с IX в. становится заметным континентальное влияние. Преобладающая часть соответствующего материала относится к более позднему Хедебю и происходит из потревоженных или разрушенных верхних слоев. В особенности это касается находок XI в., представленных большим количеством германских и скандинавских монет, деталей конской упряжи и характерных украшений в поздних стилях эпохи викингов, которые указывают на важную роль Хедебю в датской морской империи вплоть до 1060 и 1070-х годов (Hilberg, 2007).

Отдельные находки имеют высокую научную ценность. Обнаруженную при помощи металло-

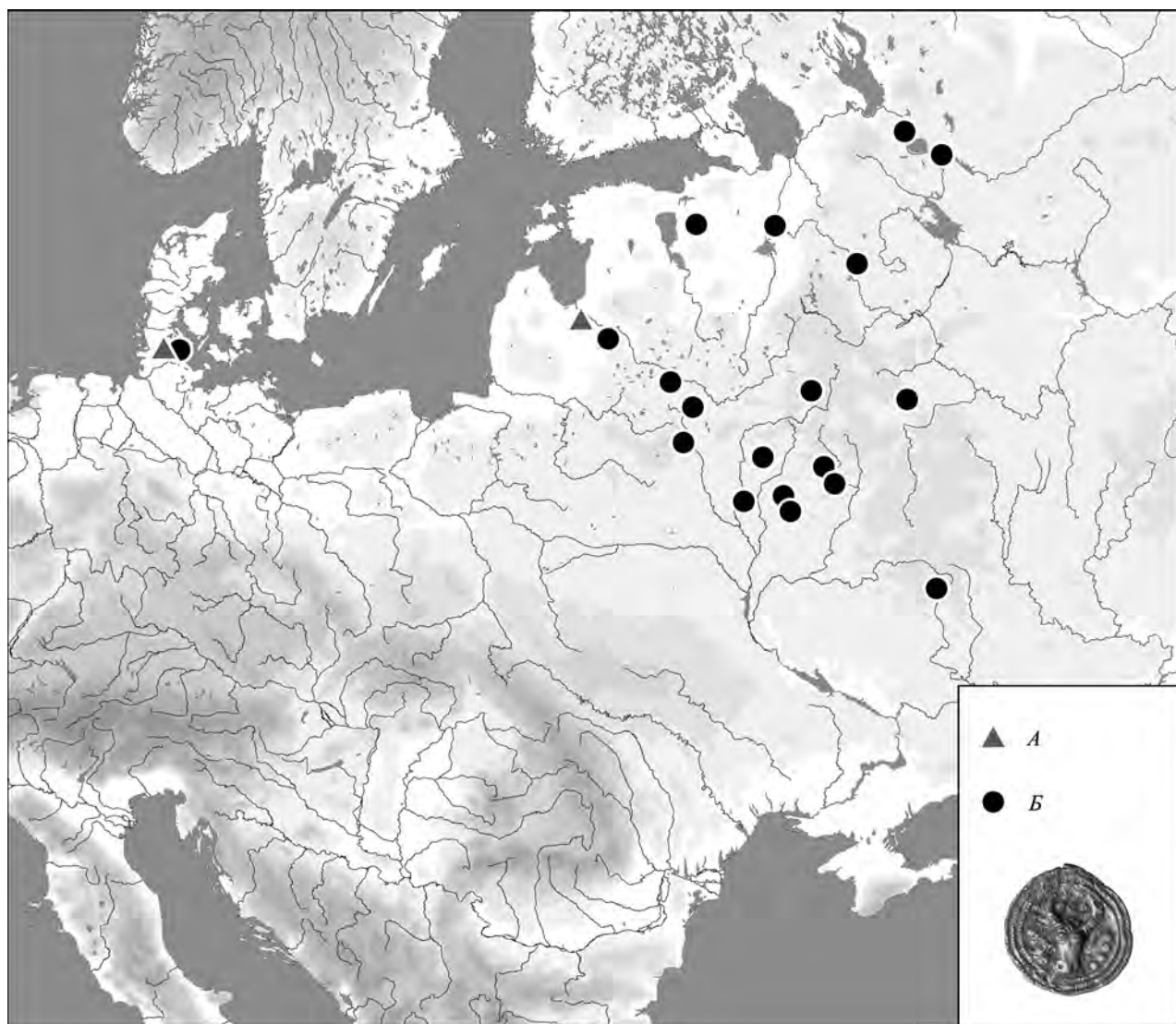

Рис. 3. Карта распространения подвесок с изображениями в виде головок быка и их матриц (составлена по (Khvoshchinskaya, 2006) с добавлением Хедебю). Условные обозначения: А – матрицы; Б – подвески.

искателя матрицу с изображением головы быка можно сопоставить с хорошо известной находкой из Даугмале (Латвия). В ходе раскопок в гавани Хедебю был найден образец штампованной серебряной фольги, оттиснутый при помощи этой матрицы. Карта распространения, приведенная Н.В. Хвощинской (2000. Рис. 1; Khvoshchinskaya, 2006. Рис. 1), показывает тесные связи с восточным регионом (рис. 3). В целом, данный материал дает широкие перспективы для дальнейших исследований в более широком международном контексте.

Начиная с 1952 г. для археологических исследований на море и на суше используются разнообразные геофизические методы (Stümpel, Borth-Hoffmann, 1983; Utecht, Stümpel, 1983; Kramer, 1998–1999). В 2002 г. был начат новый крупномас-

штабный геофизический проект: в течение трех недель территория площадью около 29 га, внутри и за пределами полукруглого вала, исследовалась феррозондовым и цезиевым магнетометром и георадаром (рис. 2). Применяемые в течение последних лет разнообразные методы разведки смогли впервые предоставить новую информацию по всему поселенческому комплексу Хедебю и его эволюции (Hilberg, 2007; In print).

В то время как внутри полукруглого вала плотность магнитных аномалий очень высока, во внешней части ситуация совершенно другая. Магнитограмма северной части внутривальной территории (рис. 2) характеризуется наличием параллельно идущих линий и множеством прямоугольных аномалий с высоким уровнем магнитного поля. При

помощи георадара была определена глубина некоторых из этих структур – 1.7–1.8 м, следовательно, их можно определить как землянки. Сходные постройки были раскопаны в окрестностях. К. Шичель в ходе сборов подъемного материала обнаружил здесь большое количество железного шлака, из чего был сделан вывод, что в северо-западной части поселения велась обработка железа (Schietzel, 1981. Map 28, 29; Westphalen, 1989. S. 28–36. Abb. 5–7). Поэтому магнитные аномалии в данной части поселения могут быть интерпретированы как остатки мастерских (рис. 2; Jankuhn, 1986. S. 92). Точно датировать эти сооружения на данный момент не представляется возможным, но, очевидно, они относятся к наиболее позднему этапу развития Хедебю – X–XI вв. В северо-восточной части поселения внутри полукруглого вала также были обнаружены многочисленные аномалии прямоугольной формы с высоким уровнем магнитного поля, иногда расположенные в ряд. Их также представляется возможным определить как землянки или мастерские. Предыдущие раскопки выявили литейные и стеклоделательные мастерские, которые находились в непосредственной близости друг от друга и могут быть датированы IX–X вв. Именно эту часть поселения Янкун в 1940-х годах и позднее называл “ремесленным кварталом” (*quarter of craft activities*) (Jankuhn, 1944; 1977; Hilberg, in print. Fig. 8).

На магнитограмме поселения прослеживается идущая параллельно берегу линейная структура с парными магнитными объектами, расположенными друг напротив друга (рис. 2). Предположительно, это улица, протянувшаяся вдоль берега примерно на 530 м, и дома по обе стороны от нее. Эта предполагаемая улица пересекает основную область раскопок, которые проводили Янкун и Шичель. Она была зафиксирована во всех слоях раскопок и во многих работах определяется как главная улица поселения (Jankuhn, 1943. S. 38–40, 49, 50. Abb. 4; 1986. S. 98, 99. Abb. 39, 40; Schietzel, 1969. S. 19–21; Randsborg, 1980. Fig. 23). Улица пересекает небольшой ручей, узкий мост через который датируется по результатам дендрохронологического анализа 819 г. (Eckstein, 1976; Schietzel, 1969. S. 21–26. Abb. 10–14). То есть в IX в. улица уже существовала, но ее длину на тот период не представляется возможным определить в отсутствие более точных данных, для получения которых необходимы дальнейшие раскопки. Улицы, идущие параллельно берегу, могут считаться характерной чертой торговых центров раннего средневековья, например, Сигтуны или Дублина (Clarke, Ambrosiani, 1991. P. 138–141. Fig. 5, 5 (Дублин); 4, 23 (Сигтуна)). В Хедебю эту главную улицу, очевидно, пересекали несколько других, идущих от гавани к централь-

ным частям поселения. Они фиксировались в ходе раскопок Янкуна и Шичеля и прослеживаются на магнитометрическом плане.

К юго-западу от поселения располагается обширный могильник, важнейшим объектом которого является погребение в ладье середины IX в. (рис. 1). Внутри вала, в юго-западной четверти площадки поселения¹, в 2002 г. были выявлены тысячи мелких аномалий с менее высокой интенсивностью магнитного поля (рис. 2). Они могут быть интерпретированы как захоронения, в некоторых случаях окруженные кольцевым ровиком (Steuer, 1984. S. 203–209; Eisenschmidt, 1994. S. 38; 2004. S. 302). Раскопки, проведенные здесь Кнорром и Янкуном, показали, что погребения перекрываются городской застройкой, т.е. начиная с X в. эта территория использовалась для жилых и производственных нужд (Jankuhn, 1986. S. 107, 110). Существование построек в юго-западной части поселения подтверждается и данными магнитометрических исследований, проведенных в 2002 г. Плотность застройки здесь, очевидно, меньше, чем в северной части Хедебю, но, вероятно, вся территория внутри вала была застроена. О бытовой и хозяйственной деятельности на этом участке свидетельствуют и результаты сборов находок, в том числе систематических разведок с использованием металлодетекторов. Однако для того, чтобы определить, составляли ли захоронения внутри и снаружи вала, сооруженного в конце X в., единый могильник, требуются дальнейшие исследования.

В 2005 г. для верификации результатов и интерпретации данных геофизической разведки были начаты небольшие по площади раскопки. Удалось подтвердить факт существования землянок в наиболее возвышенных частях поселения, где слой лежит на песчаном материке, и собрать сотни образцов почвы для геофизического анализа. В результате тщательных раскопок, сопровождавшихся просеиванием исследованных культурных напластований, были выявлены две землянки, каждая с двумя стадиями использования. Одна из них сгорела в пожаре и характеризуется высокой сохранностью. Здесь обнаружены тысячи мелких предметов, относящихся ко второй половине X – середине XI в. Систематическое использование металлоискателей и проведение новых раскопок существенно расширили наши знания о положении и роли Хедебю в системе международных торговых связей, особенно для периода конца X–XI в. Теперь уже представляется возможным поставить под сомнение пред-

¹ Северная граница этой территории проходит по правому берегу ручья, восточная – примерно совпадает с линией 6-метровой горизонтали.

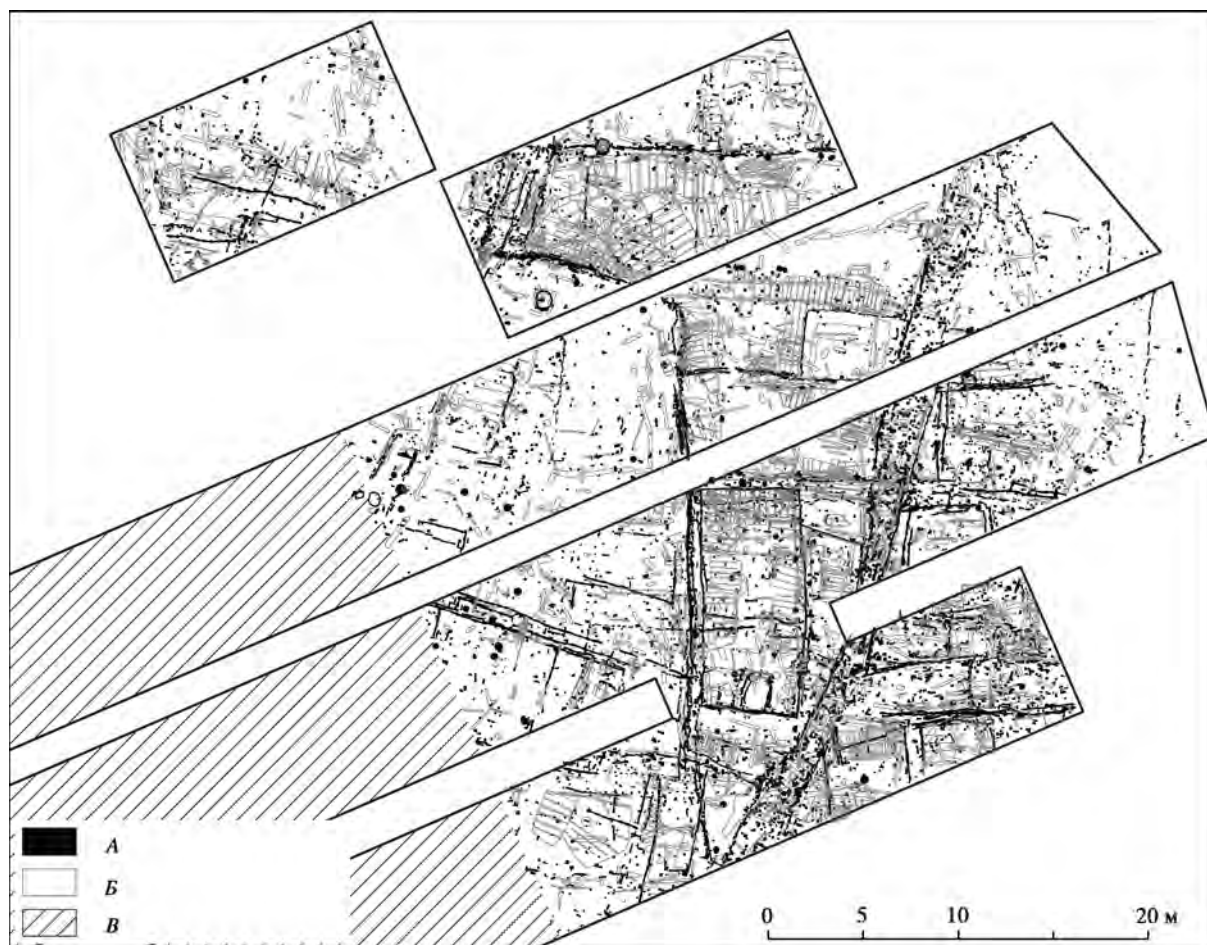

Рис. 4. Деревянные постройки из раскопа возле Хаддебюер Ноор (площадь около 1300 м²). Условные обозначения: А – вертикальные столбы (9236 шт.); В – горизонтальные бревна и плахи (2599 шт.); В – неоцифрованный участок.

полагаемый упадок поселения на рубеже X–XI вв. (Jankuhn, 1986. S. 222; Hill, 2001. S. 107).

Обработка результатов предшествующих раскопок. Строительный материал из раскопок, проведенных Янкуном и Шицелем, предоставляет многочисленные и обширные возможности для интерпретации. Однако проведение анализа затруднено в силу исключительно большого количества сохранившейся древесины. Только в раскопах, заложенных непосредственно возле берега бухты Хедебю Ноор и имевших площадь 1300 м², при толщине слоя до 2 м, было выявлено 12 000 единиц строительной древесины (рис. 4). Сейчас все сведения о них переносятся в компьютер для более полной обработки данных по каждой находке и классификации дерева на основе четких критериев. Для этой цели был разработан процесс, совмещающий возможности геоинформационных систем (ГИС ArcGIS от ESRI) и баз данных (Access). Прежде всего планы были отсканированы, привязаны к топографической системе координат и оцифрованы.

После этого данные по каждой единице древесины (высота, уклон, форма, следы обработки, размеры, следы горения, дендрохронологическое датирование и т.д.) вносятся в закодированной форме в таблицы GIS или базы данных. Таким же образом можно описывать остатки каменных конструкций и обрабатывать любую информацию, зафиксированную на планах и разрезах. Вещевые находки также вносятся в GIS и объединяются со строительными элементами. После внесения всех данных GIS позволяет отображать на мониторе только те строительные остатки, которые отвечают заданным критериям, что облегчает задачу выявления отдельных построек. Упрощенные 3D изображения² помогают установить относительную хронологию объектов, абсолютная хронология во многих случаях может быть определена благодаря дендрохронологическому анализу. При этом результаты обработки материала показывают, что получаемые дендродаты

²Трехмерные изображения, созданные путем экструзии на основе двухмерной графики.

следует всегда сопоставлять с другими данными, в особенности стратиграфическими. Во многих случаях удастся установить факт вторичного использования строительной древесины. Для некоторых построек объем повторно использованного материала может превосходить объем свежезаготовленного дерева.

Всего было отобрано около 4300 спилов со строительной древесины из раскопок 1966–1969-х годов, из которых около 3200 удалось датировать. Хронологическое распределение дат показывает, что подавляющее большинство образцов относятся к IX в., в то время как X–XI вв. почти не представлены (рис. 4). Однако это указывает не на снижение интенсивности заселения, а на менее благоприятные условия для сохранения дерева в верхних слоях. Подтверждением тому могут служить обнаруженные при помощи металлодетекторов предметы, относящиеся к X и даже XI в. Неожиданным моментом в хронологическом распределении датировок оказалось то, что ко времени первого упоминания о Хедебю (804 и 808 гг.) исследованная территория, по-видимому, еще не была плотно заселена. Очевидно, это произошло не ранее 830-х годов. Можно предположить, что поначалу люди избегали селиться в сырых низинах поблизости от берега бухты Хедебю, опасаясь затопления (Schultze, 2005). На этом фоне выделяется ранняя датировка улицы, идущей вдоль берега по линии север-юг, – ее мы описывали выше. Очевидно, ставший частью улицы мост через центральный ручей был переброшен в 819 г. (Eckstein, 1976).

В продолжение предшествующих работ по определению структуры поселения (Jankuhn, 1943. S. 28–51; Eckstein, Schietzel, 1977. S. 154–157; 1984. S. 175–180; Schietzel, 1981. S. 65–69), мы в ходе наших исследований смогли на небольшом по площади участке связать почти всю выявленную древесину с конкретными постройками. В результате нам удалось восстановить последовательность застройки этого участка практически полностью. Строительство здесь велось на протяжении всего IX в. и в данном случае продолжалась до середины X в. Более того, очаги, обнаруженные в верхних слоях, где дерево не сохраняется, указывают на еще более позднюю дату застройки. В этой части поселения здания перестраивались очень быстро; то же можно наблюдать и в других зонах. Самый яркий пример – здание, которое за семь лет четыре раза возводилось заново после очередного пожара. Интересно и еще одно наблюдение, зафиксированное на небольшом участке: структура даже очень плотно застроенных частей поселения могла меняться с течением времени. Отмечаются случаи намеренной

застройки уличных территорий, хотя речь в данном случае идет скорее о переулках, а не о главных улицах. Теперь в ходе анализа более широких площадей следует учесть частоту и месторасположение такой перекрывающей застройки для того, чтобы сделать правильные выводы о размерах самых больших по площади владельческих участков.

Как уже отмечали предыдущие исследователи (Rudolph, 1936a; b; Jankuhn, 1986. S. 95, 96; Schietzel, 1981. S. 37–44; 1984c), в ходе раскопок было обнаружено множество различных по конструкции наземных деревянных построек. Основной тип, встречающийся в Хедебю, – каркасные постройки (*Gerüstbauten*). В отличие от сельских районов, где фиксируются в основном каркасные постройки с опорными столбами, расположенными внутри зданий (*internal framework constructions*), в Хедебю доминирует дома, в которых опорные столбы находились непосредственно в стенах (*wall framework building* = *Wandgerüstbauten*). Отмеченные в одном случае наклонные опорные столбы с внешней стороны указывают, возможно, на раннее использование стропильных крыш в данном регионе (см. дом.: Eckstein, Schietzel, 1977. S. 151–154; 1984. S. 171–174; Schietzel, 1981. S. 43, 44, 61–64; Schmidt, 1999. S. 64, 102, 103; Schultze, 2008). Последняя по времени форма *wall framework buildings* – каркасные конструкции с обвязкой (*Pfosten-Schwellriegelbauten*), характерные для позднесредневекового Шлезвига (Vogel, 1992). Помимо каркасных построек встречались также дома меньшего размера, например, сооружения, в которых все вертикальные плахи, составляющие стены, в равной степени несли вес крыши (*palisade constructions*) и срубные постройки (см.: Schietzel, 1981. S. 42). Среди строительного материала встречается также вторично использованная древесина, обработка которой указывает на первоначальное использование в качестве элементов стены или крыши здания (ср.: Zippelius, 1969). Таким образом, мы можем получить представление о материале для каркасных стен и стропил.

Детальный анализ элементов конструкций позволяет сделать некоторые выводы о путях приспособления людьми неудобных участков для собственных нужд. Жители низины, располагавшейся вблизи от берега бухты Хедебю, боролись с сыростью и угрозой затопления. В этой части поселения полы в зданиях были расположены выше уровня окружающей поверхности. Дождевая вода стекала с участков на расположенные ниже дорожки, которые, по-видимому, использовались как каналы для отвода дождевой воды, поэтому были вымощены деревянными настилами. Для отвода воды в ручей

и бухту были проложены небольшие дренажные каналы (Schultze, 2008).

Результаты новейших исследований в гавани. Поскольку именно благодаря своему месторасположению Хедебю был одним из крупнейших центров торговли эпохи викингов, представляется важным дать обзор топографических особенностей окружающей местности. Как было уже отмечено, положение Хедебю исключительно благоприятно для торговли и коммуникации – он находится в самом узком месте Кимврского полуострова, на Шлезвигском перешейке. При этом болотистые низины на западе и фьорд Шлей на востоке сужают местность до полосы всего лишь в 15 км шириной. Сам памятник расположен у основания полуострова около бухты Хедебю – маленькой бухты на внутренней оконечности фьорда Шлей. Через Шлезвигский перешеек проходили два важнейших торговых пути, которые можно было контролировать с вала Даневирке и из самого Хедебю. По оси север-юг шел сухопутный Войсковой путь/Воловий путь (Haervej/Ochsenweg), тянувшийся от Виборга на севере до Эльбы на юге; этим путем пользовались еще в бронзовом веке. Еще более важной для торговли была ось восток-запад между Балтийским и Северным морями: из фьорда Шлей на востоке через сухопутный перешеек и далее вниз по рекам Эйдер и Треене до побережья Северного моря. На североморском побережье аналогом Хедебю выступал, предположительно, Холлингштедт, который также служил портом для товаров, двигавшихся через перешеек (Jankuhn, 1986. S. 117; Brandt, 2002. S. 102. Abb. 83). При этом эта местность представляла собой пограничную территорию между данами, фризами, саксами и славянами (ободритами), что было еще одним важным фактором для торговли и культурного обмена.

Поскольку Хедебю как важнейший торговый центр должен был обладать специальными портовыми сооружениями, вопрос о характере и структуре гавани Хедебю был поднят еще в 1930-х годах (Jankuhn, 1936. S. 98). Результатом нарастающего интереса к гавани стали раскопки, проведенные в 1979–1980 гг. (рис. 1) экспедицией под руководством К. Шизеля (Schietzel, 1984b). За исключением нескольких кратких предварительных отчетов выявленные особенности портовых структур бегло освещались только в связи с публикацией кораблей из Хедебю (Crumlin-Pedersen, 1997. P. 63).

В ходе раскопок судна 1, длинного и узкого боевого корабля (personnel carrier) конца X в., были обнаружены основания некоторых портовых сооружений. Они представляли собой правильно расположенные ряды свай, тянущиеся из бухты

Хедебю до самого берега, и были определены как опоры пристаней или причалов, уходящих на глубину. С учетом увеличения площади раскопок в северном и южном направлении в течение второго сезона было раскопано примерно 2200 м², что составляет около 1.5% территории исторической гавани. Также в 1980 г. в ходе дополнительных раскопок были исследованы два небольших по площади примыкающих участка на берегу.

На общем плане территории раскопок 1979–1980 гг. показаны все зафиксированные сваи и ямы под них; прямые линии, образованные рядами свай, рисуют контуры портовых сооружений (рис. 3). В пределах исследованной части гавани были обнаружены пять разных портовых сооружений с различными пристройками, укрепления береговой обороны и продолжение портовых сооружений на берегу.

Хотя дерево в Хедебю сохраняется исключительно хорошо, в гавани удалось выявить только основания портовых сооружений, – ряды правильно расположенных свай и ям под сваи. Представляется возможным реконструировать их как открытые свайные сооружения, сквозь которые могла протекать вода. Длина конструкций могла составлять от 18 до 51 м и более, а ширина – от 6 до 13 м.

Несмотря на то, что не представляется возможным определить, к какому именно сооружению относилась каждая свая или яма, мы можем увидеть картину внутренней структуры и общую конфигурацию портовых сооружений. Они неоднократно ремонтировались из-за ледохода, но при этом можно выделить правильно расположенные сваи, поддерживавшие причалы, и пространство между причалами. Выявляются даже четкие закономерности внутренней структуры конструкций.

В ходе раскопок из более чем 2000 обнаруженных единиц строительной древесины на анализ были отобраны образцы дуба, имеющие достаточное количество годовичных колец. Эти образцы позволили датировать постройки с помощью дендрохронологического анализа (Eckstein, Schietzel, 1984). Датировать удалось лишь 15 из 50% древесины, отобранной для анализа. График распределения датировок обнаруживает четкий пик в районе 880/890 гг., и более слабый – в районе 840 г. (рис. 4). Однако не следует делать поспешных выводов касательно эволюции гавани на основании распределения датированных образцов древесины на исследованной территории (Kalmring, 2003). Самую раннюю дату, предложенную для одного сооружения, – 725–750 гг. (Crumlin-Pedersen, 1997. P. 68), предшествующую даже самым ранним вещевым находкам из центральной части Хедебю, – под-

твердить не удалось. Очевидно, следует пересмотреть и вопрос месторасположения гавани позднего Хедебю. Поскольку корабль 1 был определен как брандер, предполагалось, что после крупной атаки на Хедебю в районе 1000 г., когда корабль был подожжен и затонул перед причалами, исследованная часть гавани перестала функционировать, хотя признавалось, что южная (неисследованная) часть гавани использовалась, возможно, и в течение первой половины XI в. (Crumlin-Pedersen, 1997. P. 204; 1992. P. 32). Однако степень сохранности корабля (отсутствовала вся кормовая часть, а область форштевня перекрывалась выстроенным позднее причалом) недвусмысленно показывает, что после затопления “длинного корабля” исследованная часть гавани также использовалась в течение первой половины XI в. (Kalmring, in prep.).

Результаты раскопок 1979–1980 годов в гавани Хедебю, рассмотренные выше, предоставляют чрезвычайно обширные возможности для дальнейших исследований, не только в силу важной роли, которую эта гавань играла в эпоху викингов, но и в силу исключительно хорошей сохранности древесины, доступной для дендрохронологического анализа. Документация по раскопкам в гавани – чертежи, профили, фотографии и данные дендрохронологии – на данный момент обрабатывается и переводится в GIS в рамках проекта Forschungsprojekt Hedeby. Это позволит нам уточнить и расширить знания о гавани Хедебю, портовых сооружениях и мореплавании в раннем средневековье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Хвоцинская Н.В.* Об этнической атрибуции подвесок с изображением головок быка // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000.
- Brandt K.* Wikingerzeitliche und mittelalterliche Besiedlung am Ufer der Treene bei Hollingstedt. Ein Flusshafen im Küstengebiet der Nordsee // Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa. Schriften des Archäologischen Landesmuseums. 8. Neumünster, 2002.
- Clarke H., Ambrosiani B.* Towns in the Viking Age. Leicester; L., 1991.
- Crumlin-Pedersen O.* The Rise and Decline of Hedeby / Schleswig as a Major Port of the Baltic Trade // Beretning fra ellevte tværfaglige Vikingsymposium. Copenhagen, 1992.
- Crumlin-Pedersen O.* Viking-Age Ships and Shipbuilding in Hedeby / Haithabu and Schleswig // Ships and Boats of the North. 1997. 2.
- Eckstein D.* Absolute Datierung der wikingerzeitlichen Siedlung Haithabu/Schleswig mit Hilfe der Dendrochronologie // Naturwissenschaftliche Rundschau. 1976. 29/3.
- Eckstein D., Schietzel K.* Zur dendrochronologischen Gliederung und Datierung der Baubefunde von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. 11. Neumünster, 1977.
- Eckstein D., Schietzel K.* Dendrochronologische Gliederung der Baubefunde von Haithabu // Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und frühstädtischen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zum 11. Jahrhundert n. Chr. 2. Handelsplätze des frühen und hohen Mittelalters. Weinheim, 1984.
- Eisenschmidt S.* Kammergräber der Wikingerzeit in Altdänemark // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. 25. Bonn, 1994.
- Eisenschmidt S.* Grabfunde des 8. bis 11. Jahrhunderts zwischen Kongeå und Eider // Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. 5. Neumünster, 2004.
- Hilberg V.* Haithabu im 11. Jahrhundert. Auf der Suche nach dem Niedergang eines dänischen emporiums der Wikingerzeit // Geophysik und Ausgrabung. Einsatz und Auswertung zerstörungsfreier Prospektion in der Archäologie. Internationale Archäologie – Naturwissenschaft und Technologie. 6. Rahden, 2007.
- Hilberg V.* Hedeby in Wulfstan's days // Wulfstan's Voyage. New Light on Viking-Age Seafaring within the Ethnic Geography of Mare Balticum. Roskilde, in print.
- Hill D.* A Short Gazetteer of Postulated Continental Wics // Wics. The Early Mediaeval Trading Centres of Northern Europe. Sheffield Archaeology Monograph. 14. Sheffield, 2001.
- Jankuhn H.* Die Ausgrabungen in Haithabu 1935/36 // Offa. 1936. 1.
- Jankuhn H.* Die Ausgrabungen in Haithabu (1937–1939). Vorläufiger Grabungsbericht. Berlin, 1943.
- Jankuhn H.* Die Bedeutung der Gußformen von Haithabu // Bericht über die Kieler Tagung 1939. Jahrestagungen der Forschungs- und Lehrgemeinschaft “Das Ahnenerbe”. Neumünster, 1944.
- Jankuhn H.* Das Bronzegießerhandwerk in Haithabu // La formation et le développement des métiers au Moyen Age (V^e–XIVe siècles). Congress Budapest 25–27. Oktober 1973. Budapest, 1977.
- Jankuhn H.* Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. 8th edn. Neumünster, 1986.
- Kalmring S.* Möglichkeiten und Grenzen der Dendrochronologie für die Hafengrabung von Haithabu 1979/80 // Archäologie in Schleswig. 2003. 10.
- Kalmring S.* Der Hafen von Haithabu. Ausgrabungen in Haithabu. 14. In prep.
- Khvoshchinskaya N.V.* On the appearance of pendants with bull head images in ancient Rus // Археология и этнография. 2006. № 23.

- Kramer W.* Neue Untersuchungen im Hafen von Haithabu // Archäologische Nachrichten aus Schleswig-Holstein. 1998–1999. 9/10.
- Müller S.* Vor Oldtid. Danmarks forhistoriske Archæologi. Copenhagen, 1897.
- Randsborg K.* The Viking Age in Denmark. L., 1980.
- Rudolph M.* Die Grundlagen der Holzbauweisen von Haithabu // Offa. 1936a. 1.
- Rudolph M.* Grundsätzliches von den Holzbauten in Haithabu // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. 1936b. 12.
- Schietzel K.* Die archäologischen Befunde der Ausgrabung Haithabu 1963–1964 // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. 1. Neumünster, 1969.
- Schietzel K.* Stand der siedlungsarchäologischen Forschung in Haithabu — Ergebnisse und Probleme // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. 16. Neumünster, 1981.
- Schietzel K.* Die Topographie von Haithabu // Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und frühstädtischen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zum 11. Jahrhundert n. Chr. 2. Handelsplätze des frühen und hohen Mittelalters. Weinheim, 1984a.
- Schietzel K.* Hafenanlagen von Haithabu // Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und frühstädtischen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zum 11. Jahrhundert n. Chr. 2. Handelsplätze des frühen und hohen Mittelalters. Weinheim, 1984b.
- Schietzel K.* Die Baubefunde in Haithabu // Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und frühstädtischen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zum 11. Jahrhundert n. Chr. 2. Handelsplätze des frühen und hohen Mittelalters. Weinheim, 1984c.
- Schmidt H.* Vikingetidens byggeskik i Danmark. Højbjerg, 1999.
- Schultze J.* Zur Frage der Entwicklung des zentralen Siedlungskernes von Haithabu // Reliquiae gentium. Festschrift für Horst Wolfgang Böhme zum 65. Geburtstag. I. Studia honoraria. 23. Rahden, 2005.
- Schultze J.* Haithabu – Die Siedlungsgrabungen I. Methode und Möglichkeiten der Auswertung // Ausgrabungen in Haithabu. 13. Neumünster, 2008.
- Steuer H.* Zur ethnischen Gliederung der Bevölkerung von Haithabu anhand der Gräberfelder // Offa. 1984. 41.
- Stümpel H., Borth-Hoffmann B.* Seismische Untersuchungen im Hafen von Haithabu // Archäometrische Untersuchungen. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. 18. Neumünster, 1983.
- Utecht T., Stümpel H.* Magnetische Sondierungen in Haithabu // Archäometrische Untersuchungen. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. 18. Neumünster, 1983.
- Vogel V.* Profaner Holzbau des 11. bis frühen 13. Jahrhunderts in Schleswig // Siedlungen und Landesausbau zur Salierzeit, I, den nördlichen Landschaften des Reiches. RGZM Monographien. 272. Sigmaringen, 1992.
- Westphalen P.* Die Eisenschlacken von Haithabu. Ein Beitrag zur Geschichte des Schmiedehandwerks in Nord-europa // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. 26. Neumünster, 1989.
- Zippelius A.* Zur Frage der Dachkonstruktion bei den Holzbauten von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. 1. Neumünster, 1969.

УНИКАЛЬНЫЙ МОРЖОВЫЙ КЛЫК С РЮРИКОВА ГОРОДИЩА: ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2010 г. Е. Ю. Гиря, Т. С. Дорофеева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Уже более 30 лет Новгородское (Рюриково) городище систематически исследуется экспедицией ИИМК РАН под руководством Е.Н. Носова. За это время памятник превратился в эталонный, имеющий огромное значение не только для отечественной, но и для всемирной истории. Каждый год раскопок приносит множество находок, среди которых есть вещи весьма редкие, а иногда встречаются предметы уникальные даже на их фоне (Носов, 1990; Носов и др., 2005; У истоков..., 2007).

В 1997–1999 гг. Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН проводила цикл работ на северном берегу Сиверсова канала на раскопе, вытянутом по линии запад–восток вдоль берега канала, на месте древнего оврага, разделявшего городищенский холм и мысовую часть возвышенности. Здесь хорошо сохранились древнейшие слои поселения, содержавшие органические материалы. В 1999 г. в слое коричневой органики, стратиграфически датированном первой половиной X в., в кв. 33 на глубине (–0.95) м от репера¹ *in situ* был найден практически целый правый клык атлантического моржа (*Odobenus rosmarus rosmarus*).

В настоящей статье мы акцентируем внимание на результатах трасологического исследования предмета, поскольку подробный анализ находки, включающий и датировку (первая половина X в.), сделан в ее первой публикации (Носов и др., в печати). Здесь же подчеркнем, что как ранняя датировка находки, так и изображения на ней заставляют отнести ее к разряду уникальнейших археологических артефактов. В средние века моржовый клык ценился очень высоко, а сделанные из него вещи носили даже статусный характер. Следует отметить, что городищенский клык – одна из самых ранних находок для Европы и первая для этого времени на территории России (Славяне и скандинавы,

1986; Смирнова, 1996; Розсдадь, 2001; Сойер, 2006; Smirnova, 2002).

Длина моржового клыка, найденного на Городище, составляет 28 см (у моржей в возрасте 6–7 лет клыки достигают 30 см), наибольшие ширина и толщина – 5.6 и 3.6 см. На поверхности предмета имеется несколько процарапанных изображений² (рис. 1, 1). Центральными, несущими основную смысловую нагрузку, можно считать два из них – равнобедренные треугольники (рис. 1, 2). Фигура слева имеет четко обозначенный кружком центр, соединенный тремя линиями с вершинами треугольника (рис. 1, 3). Стороны треугольника изображены в виде трех ног (длина ног соответственно 0.7, 0.9 и 1.1 см). Изображения ног практически идентичны: каждая согнута в коленном суставе, голени одинаковым образом перечеркнуты четырьмя поперечными линиями – в районе колена и у щиколотки. Подобные изображения обычно называют “трискелион” (от греческого “τρίσκελης” – три ноги). В 2.2 см вправо от этого знака имеется изображение в виде “тройного треугольника” – нескольких незавершенных треугольников, которые пытались вписать один в другой (рис. 2, 1). Центр его также четко обозначен точкой, от которой расходятся три линии. Между этими двумя треугольниками, справа от “трискелиона” и ближе к нему, расположено незаконченное или нефигуративное изображение, состоящее из нескольких линий (рис. 2, 2).

Прежде чем описывать предмет с точки зрения трасологии, скажем несколько слов о механических качествах различных слоев моржового клыка как поделочного материала. Клык моржа неоднороден. Его структура может быть прослежена на поверхности поперечного среза (рис. 2, 3). Хорошо различаются два основных слоя: однородный дентин и внутренняя ячеистая масса, напоминающая некий конгломерат, состоящий из как бы склеенных по-

¹ Условная отметка репера – 19.96 м, абсолютная отметка по Балтийской системе высот – 20.42 м (ближайший знак государственной геодезической сети, к которому и была осуществлена привязка, находится на стене ц. Спаса Преображения на Нередице – его абсолютная отметка 30.55 м).

² Положение моржового клыка на рисунках произвольно, поскольку мы не знаем, как его держали резчики при нанесении изображений.

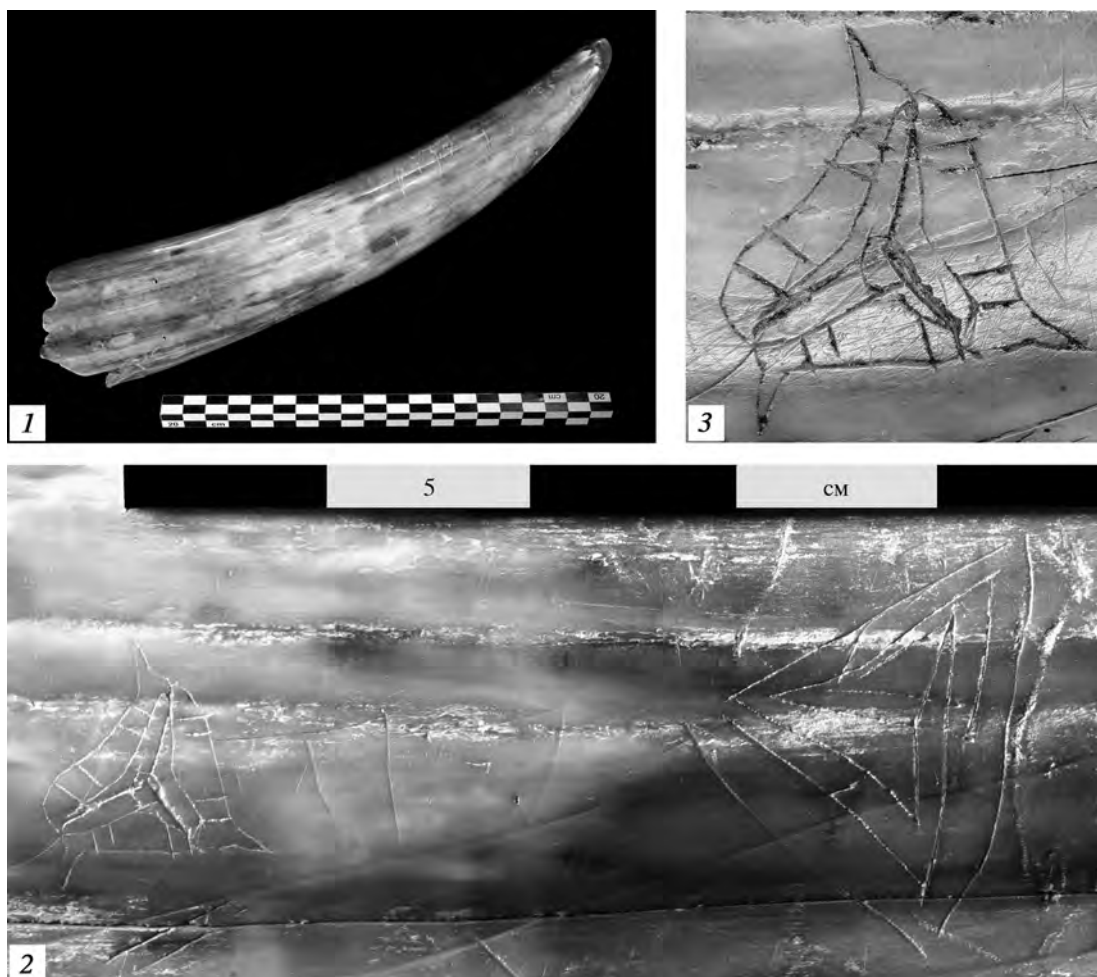

Рис. 2. 1 – “Рыбий зуб” – правый верхний клык моржа, найденный в культурном слое Рюрикова городища. Внутренняя поверхность клыка уплощена в центральной его части видны изображения треугольников. В левой нижней части две “высверлины”; 2 – знаки, нанесенные в средней части внутренней уплощенной боковой поверхности клыка: слева направо – треугольник, скомпонованный из изображений трех ног, нефигуративное изображение, “тройной треугольник”; 3 – изображение “трискелиона” – треугольник, составленный из изображений трех человеческих ног, согнутых в коленях.

докруглых зерен. Современные косторезы часто именуют этот слой “пульпа”, что не совсем верно, поскольку пульпа зуба – образование из мягких тканей. Сердцевина моржового клыка (рис. 2, 4) – это неоднородный, весьма подверженный растрескиванию по ячейкам, но тем не менее практически столь же плотный как и окружающий ее дентин материал. Самый верхний слой клыка – эмаль, обволакивающая дентин. Она не всегда хорошо “читается” в срезе, но, в отличие от относительно пластичного внутреннего слоя дентина, эмаль – гораздо более твердый и хрупкий материал. Благодаря этой разнице в механических свойствах при высушивании моржового клыка, в ходе его “усадки”, эмалевый слой подвержен продольному растрескиванию. Современные мастера выдерживают моржовый клык в стабильных температурно-влажностных условиях (иногда зарывают в землю) несколько лет и прежде

чем приступить к обработке удаляют твердый трещиноватый слой эмали.

Возможно, анализируемая нами поделка из культурного слоя Рюрикова городища является заготовкой, оставленной до момента окончательного высыхания на незавершенной стадии обработки. Клык был грубо обработан в проксимальной части – удалены тонкие стенки, частично удалена ячеистая масса, начато, но не закончено сверление отверстий, слой эмали оставлен нетронутым. Вследствие того, что слой эмали не был удален с поверхности клыка и рисунки были нанесены непосредственно на нем, диагностичность следов их выполнения выше, чем у следов, выполненных по дентину. Слой эмали хрупок. Эмаль колется, растрескивается при обработке. Характер выкрошенности, возникающей в ходе гравирования или ре-

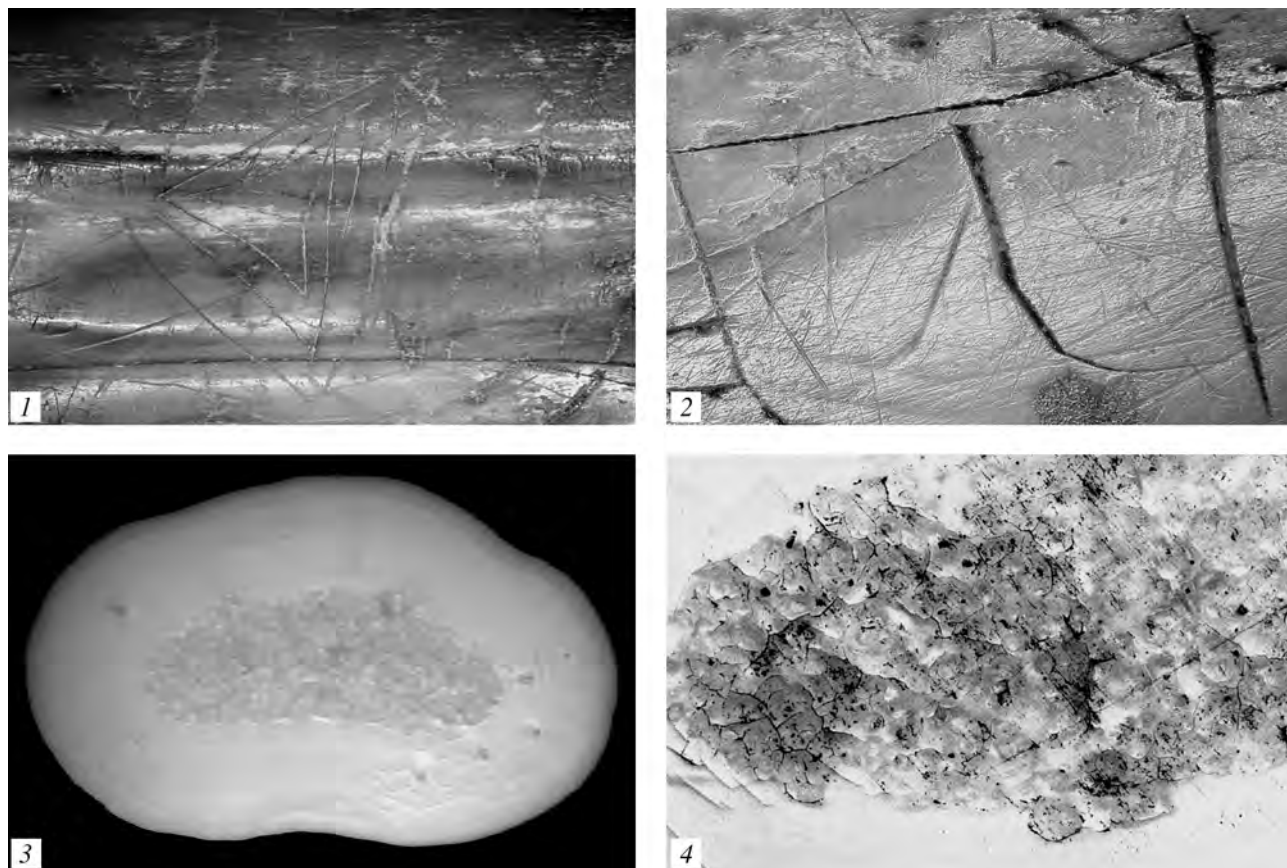

Рис. 2. 1 – изображение “тройного треугольника”, составленное из прямых прорезанных линий; 2 – незаконченное или нефигуративное изображение, состоящее из нескольких линий; 3 – поверхность поперечного среза моржового клыка. Видна сердцевинная ячеистая масса, дентин и тонкий внешний слой эмали; 4 – структура сердцевинной ячеистой массы моржового клыка.

зания в месте контакта инструмента с материалом, может быть использован в качестве дополнительной характеристики следов обработки.

Клык сохранил следы естественного, прижизненного износа: частично уничтоженные пришлифовкой негативов коротких сколов, грубые продольные царапины и борозды (рис. 3, 1). Судя по его поверхностям, клык был укорочен искусственно. Сколами была удалена трубчатая его часть на проксимальном конце длиной не более 5–7 см. Поверхности первичных сломов не сохранились, поскольку были удалены мелкими сколами ретуши, направленными с внешней поверхности внутрь (рис. 3, 2). Сердцевина клыка, имеющая ячеистую структуру, с проксимального конца выдолблена по всему периметру на глубину до 4 см, считая от выступающих участков края. При этом центральная ее часть не удалена и представляет собой останец высотой в 3 см внутри “трубки” из дентина (рис. 4, 1). В необработанном, естественном состоянии сердцевинное ячеистое вещество моржовых клыков отделяется от дентина и

выступает “языком” либо в центре, либо у одной из стенок внутри полой проксимальной части клыка (рис. 4, 2, 3). На поверхности останца из ячеистой внутренней массы клыка, сохранившейся на артефакте, хорошо читается древний след среза ножом, частично удаленный современным сколом. Ширина канавки, отделяющей останец от окружающего его слоя, – 1.5–0.8 см, по мере углубления в клык канавка сужается.

В 4 см от проксимального (широкого) конца клыка, на его уплощенной (внутренней) стороне находятся следы сверления – два неглубоких глухих отверстия, каждое диаметром около 2 мм (рис. 4, 4, 5). Одно из них имеет контур в виде незамкнутой окружности, поэтому есть основания полагать, что оно было сделано при ручном сверлении неподвижной заготовки каким-то уплощенным орудием (кончиком ножа/плоским сверлом?), с неполным оборотом кисти руки (рис. 4, 5). С торца изделия, с поверхности дна круговой канавки, выбранной в ячеистой массе сердцевины клыка, навстречу

каждого из этих глухих отверстий сделаны еще два – вдоль контакта дентина и ячеистой массы на плоской стороне клыка (рис. 4, 1). Их форма и пропорции указывают на то, что они были выполнены инструментом с коническим пулевидным концом при полном обороте сверла, о чем свидетельствуют и контуры этих глухих отверстий, и концентрические следы на их стенках (рис. 4, 6). Все четыре отверстия вне всяких сомнений производились для их попарного соединения, так как направление и глубина проникновения торцевых высверлин практически соответствуют местам расположения боковых. Соединение отверстий до конца доведено не было. Глухие отверстия на боковой поверхности клыка перекрываются следами неутилитарного износа, а два других, сделанных глубоко внутри клыка, имеют практически “свежий” облик.

Наиболее ранним по времени появления на поверхности клыка изображением (как будет показано ниже) является “трискелион” (рис. 1, 3). Он был сделан путем процарапывания каким-то острым инструментом, возможно, металлической иглой или шилом. Морфология следов процарапывания (гравирования) отличается от следов пиления-резания: 1) в плане отдельные борозды неровные, ни одна из них не может быть признана по-настоящему прямой, есть очень извилистые на коротких отрезках линии гравировок, возникновение которых при пилении-резании ножом невозможно; 2) глубина гравировок не стабильна даже на коротких отрезках; 3) ширина линий рисунка также не стабильна благодаря как различной глубине проникновения инструмента в материал, так и наложению царапин – повторному гравированию, дополнительным проходам инструментом по одному и тому же участку (рис. 5, 1–4); 4) преобладают U-образные в профиль, с пологим округлым дном борозды; 5) борта борозд в тех местах, где отсутствует выкрошенность, относительно пологие; 6) выкрошенность на бортах царапин двусторонняя, недалеко заходящая, преобладают подокруглые, сегментовидные, реже – тупоугольные в плане фасетки (рис. 5, 2, 3).

Несмотря на сложность рисунка изображение “трискелиона” выполнено уверенной, твердой рукой, хотя даже имея перед собой оригинал рисунка, без определенной тренировки, правильно воспроизвести его на бумаге не так просто. Не вызывает сомнения, что человек, начертавший данный знак, делал это неоднократно, привычной рукой. Тем не менее, по всей видимости, благодаря особенностям обработки эмалевого слоя клыка в отдельных местах возникли незначительные “огрехи”: 1) некоторые линии мастер формировал многократными проходами инструмента; 2) в отдельных местах в

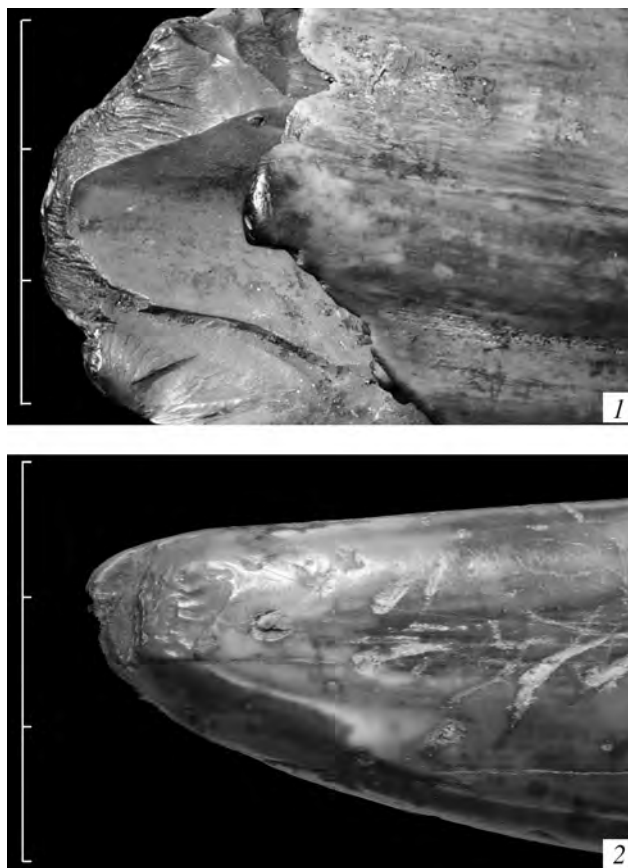

Рис. 3. 1 – дистальный конец клыка моржа из культурного слоя Рюрикова городища. Естественные (прижизненные) сколы, линейные следы и грубые борозды. Усиленный блеск – следы неутилитарного износа; 2 – проксимальный сломанный конец клыка. Видны сколы ретушной подправки слома, направленные внутрь. Блестящие участки – следы неутилитарного износа.

ходе работы прилагалось несколько избыточное давление на инструмент, в результате чего возникали широкие (в 2–3 раза шире обычных) борозды с усиленной выкрошенностью бортов (рис. 1, 3 – центральная часть изображения); 3) отдельные, шедшие навстречу друг другу линии, не соединены или сведены неточно (рис. 5, 1, тыльная часть стопы и пятка; рис. 5, 3, 4). Полученные экспериментально следы процарапывания (гравирования) эмали моржового зуба иглой полностью совпадают с исследуемыми археологическими образцами (рис. 6, 1). При резании кончиком орудия (иглы или резца) материал выбирается стружкой перед инструментом. В большинстве случаев это сопровождается двусторонним, недалеко заходящим, сегментовидным или неправильно угловатым выкрашиванием кромок бортов канавки.

Изображение “тройного треугольника” является самым поздним (см. ниже) по времени нанесения (рис. 4, 1). Его размеры: 1.6, 1.8 и 2 см. Подобные

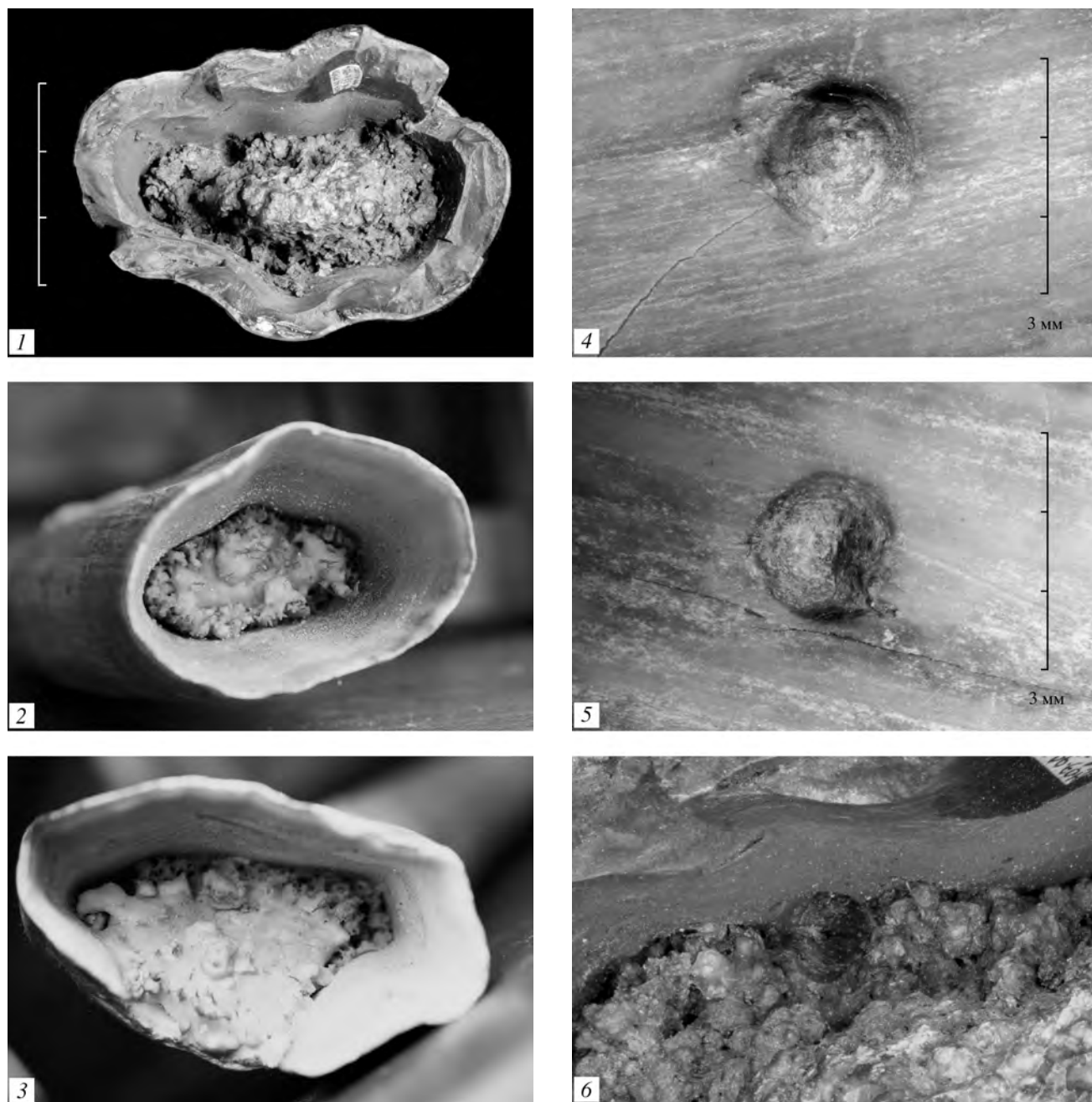

Рис. 4. 1 – торец слома клыка, видны сколы ретушной подправки слома, останец ячеистой сердцевинной массы клыка, канавка, образованная за счет удаления ячеистой массы по периметру, и два отверстия, высверленные на дне канавки. Блестящие участки – следы неутилитарного износа; 2 – торец проксимально конца моржового клыка в естественном состоянии. Центральное положение сердцевинной ячеистой массы. Коллекции ЗИН РАН; 3 – торец проксимально конца моржового клыка в естественном состоянии. Прилегание сердцевинной ячеистой массы к дентину. Коллекции ЗИН РАН; 4 – нижняя (по расположению на рис. 1) высверлина на внутренней плоской боковой поверхности клыка. Видны концентрические следы сверления; 5 – верхняя (по расположению на рис. 1) высверлина на внутренней плоской боковой поверхности клыка моржа. Видны концентрические не замкнутые следы сверления с неполным оборотом сверла; 6 – одно из отверстий в торцевой части клыка на контакте эмали и ячеистой массы. Видны концентрические линейные следы сверления с полным оборотом сверла.

фигуры часто называют “знаками бесконечности” или “узлами бесконечности” (Лебедев, 1985. С. 153; Мурашева, 2008. С. 9–11). Изображение было прорезано лезвием металлического ножа, о чем

свидетельствует морфология следов выполнения данного рисунка – надрезов. Они характеризуются следующим образом: 1) в плане линии надрезов очень прямые или плавно изогнутые, изгибы на

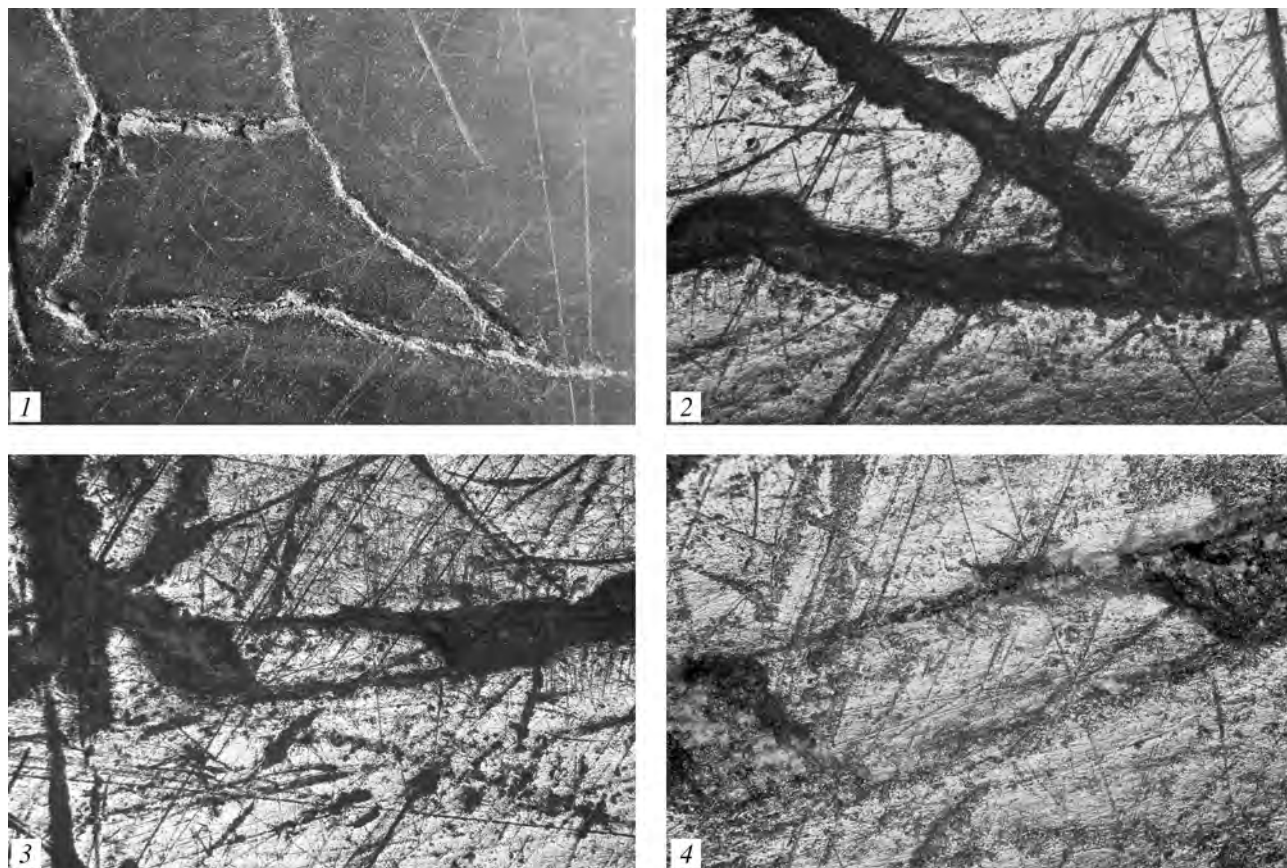

Рис. 5. 1 – изображение треугольника “из трех ног” (фрагмент). Видны недосоединенные линии и линии, сделанные с различным нажимом; 2 – фрагмент – носок ступни. Следы многократного гравирования линии. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК (здесь и далее – дифференциально интерференционный контраст), увеличение $\times 50$; 3 – фрагмент – пятка ступни. Следы многократного гравирования. Видны несоединенные линии, сделанные с различным нажимом. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 50$; 4 – фрагмент – пятка ступни. Следы многократного гравирования. Видны несоединенные линии, сделанные с различным нажимом. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 100$.

коротких участках отсутствуют, ширина и глубина линий стабильна (рис. 6, 2); 2) в профиле надрезы имеют вид симметричных и чаще асимметричных V-образных борозд; 3) борта надрезов четкие, резкие, угловатые, часто отвесные; 4) на бортах надрезов преобладает односторонняя выкрошенность в виде острых треугольных скошенных зубцов, из-за чего надрез в плане выглядит как плотно пилы (рис. 6, 3). Экспериментально полученные следы от резания эмали моржового клыка полностью совпадают с рассматриваемыми (рис. 6, 4). В ходе эксперимента лезвием ножа, расположенным горизонтально, выполнялись пиляще-режущие односторонние движения, направленные вдоль и в глубь поверхности клыка. При наклонном положении лезвия, а постоянно располагать его строго вертикально в ходе ручной работы достаточно сложно, выкрошенность возникает впереди лезвия – перед верхней, направленной в сторону движения, гранью. Под нижней гранью ножа, направ-

ленной в сторону, противоположную движению, на тыльной – той стороне разреза, которая остается позади лезвия, эмаль срезается ровно, и борт надреза имеет прямую кромку с четко обозначенным углом. Лезвие внедряется в глубь эмали, и материал, находящийся перед и над режущей кромкой, откалывается, благодаря чему кромка этого борта канавки разреза имеет зубчатый вид.

Справа от “трискелиона” находится объект, определенный как незаконченное или нефигуративное изображение (рис. 2, 2). По степени развития не-утилитарного износа, перекрывающего этот знак, он практически равен выгравированному изображению “трискелиона”, т.е. имеет приблизительно равную историю бытования на предмете. Решение вопроса о том, какое из двух рассматриваемых изображений более раннее, зависит от того, какие из линий будут признаны принадлежащими к правому, нефигуративному знаку. Этот знак выполнен

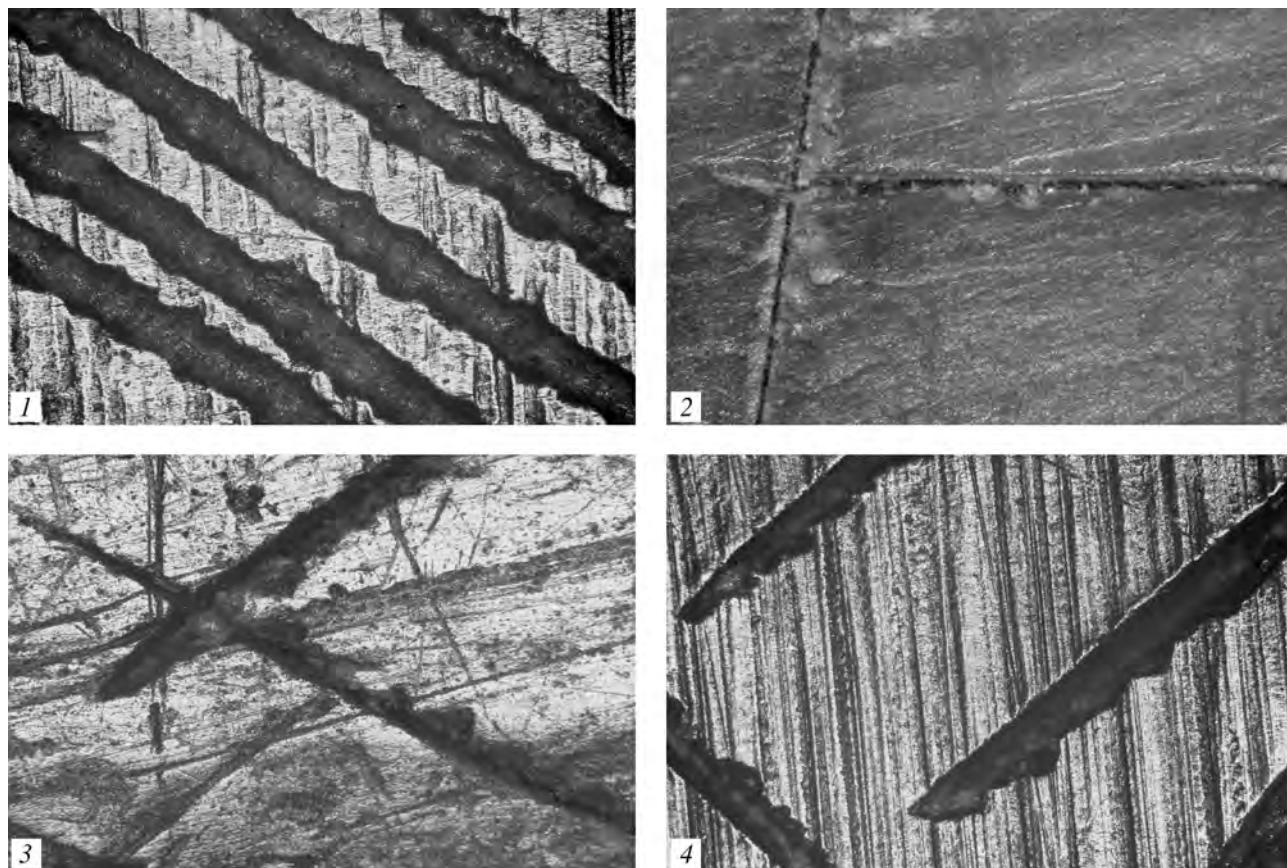

Рис. 6. 1 – экспериментально полученные следы гравирования эмали моржового клыка стальной иглой. Слегка извилистые линии гравировок с U-образным профилем и округлыми очертаниями фасеток выкрошенности бортов канавок. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 50$; 2 – линии надрезов, формирующих рисунок треугольника в виде “лабиринта”. Следы резания лезвием металлического ножа. Надрезы прямые, с V-образным сечением и “пильчатой” выкрошенностью бортов. Встроенное, проходящее через объектив освещение, увеличение $\times 50$; 3 – линии надрезов, формирующие рисунок “тройного треугольника”, – следы резания лезвием металлического ножа. Надрезы прямые, с “пильчатой” выкрошенностью бортов. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 50$; 4 – экспериментально полученные следы резания эмали моржового клыка лезвием металлического ножа. Надрезы прямые, с “пильчатой” выкрошенностью бортов. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 50$.

из нескольких линий: кривой L-образной линии, вертикальной черты и горизонтальной, уходящей влево от верхнего конца последней. Все эти линии имеют приблизительно одинаковые морфологические признаки. Еще одна горизонтальная линия, уходящая влево от верхнего конца L-образной кривой, несколько отличается от них. Она гораздо уже и тоньше. Возможно, это случайная царапина, но, равным образом, не исключено, что это небрежно выполненная часть знака. Эта линия пересекается “трискелионом”, причем не вызывает никаких сомнений, что треугольник по времени исполнения появился позже (он перекрывает ее).

По технике исполнения неfigurативное изображение отличается от обоих описанных ранее треугольников. Оно вырезано на поверхности клыка кончиком ножа. По кинематике – это резание-гравирование (работа мессерштихелем). Оно сочета-

ет в себе признаки двух предыдущих, описанных ранее типов обработки: резания – пиления и гравирования. В плане линии изображения прямые или слегка изогнутые. В поперечном сечении – это V-образные канавки с четкими углами бортов. Из-за неравномерного нажима начало линий широкое и углубленное, к окончанию они плавно выкливаются (сходят на нет). L-образная кривая представляет собой ломаную линию, выполненную как бы в три приема, что, возможно, было связано со сложностью прочерчивания плавной кривой с малым радиусом скругления ножом с широким лезвием.

Вся поверхность предмета покрыта выбоинами, царапинами и бороздами различной длины, ориентации и формы в плане и профиле, а также разрозненными следами стесов и надрубов. Весь комплекс следов перекрывается неутилитарным

износом: острые края пришлифованы и скруглены; все выступающие участки рельефа ярко, зеркально заполированы. Неутилитарный износ особенно заметен на концах предмета (рис. 1; 3, 1, 2). При увеличении в 100 раз и более видно, что заполированная поверхность представляет собой отдельные участки эмали клыка, покрытые гелем очень “рыхлой” заполировки, испещренные микроцарапинами и бороздами различных размеров и ориентации. В большинстве своем это настолько неглубокие, поверхностные линейные следы, что определить форму их сечения практически невозможно даже под микроскопом (рис. 7, 1). Природная же поверхность моржовых клыков, не измененная человеком, совершенно иная, она покрыта следами прижизненного износа – прежде всего более “плотной” и сплошной заполировкой (рис. 7, 2, 3).

Комплекс следов неутилитарного износа на данном предмете – “стратиграфически”/по времени последний, так как он в той или иной степени перекрывает все открытые участки поверхности (единственный участок поверхности артефакта, не перекрытый следами неутилитарного износа, – современный скол на вершине останца ячеистого сердцевинного материала внутри клыка, произведенный для его исследования). Следует отметить, что неутилитарный износ проникает достаточно глубоко даже на внутреннюю поверхность эмали в районе слома клыка (рис. 3, 2) и отсутствует только внутри выбранной канавки (рис. 4, 1) и на участках с пониженным рельефом вблизи края слома. Это вполне однозначно указывает на то, что предмет достаточно долго был в обиходе и подвергался различным манипуляциям: его часто трогали руками, клали на какие-то поверхности, роняли и т.д. и, безусловно, носили в чем-то мягком – кожаном или матерчатом мешке или сумке. Именно благодаря последнему обстоятельству наблюдается усиление заполированности на концах обломка клыка и на выступающих частях рельефа его боковых поверхностей.

Поверхности всех упомянутых выше изображений перекрыты следами неутилитарного износа, представленного, кроме многочисленных беспорядочно расположенных царапин, в виде затертости и скругления бортов гравировок и надрезов, формирующих каждую из линий рисунков. При этом вполне определенно можно судить о том, что борта надрезов, формирующих линии изображения “тройного треугольника” (рис. 8, 1), имеют относительно более “свежие”, острые, менее скругленные износом края, чем таковые на двух иных изображениях (рис. 8, 2), т.е. они изношены в меньшей сте-

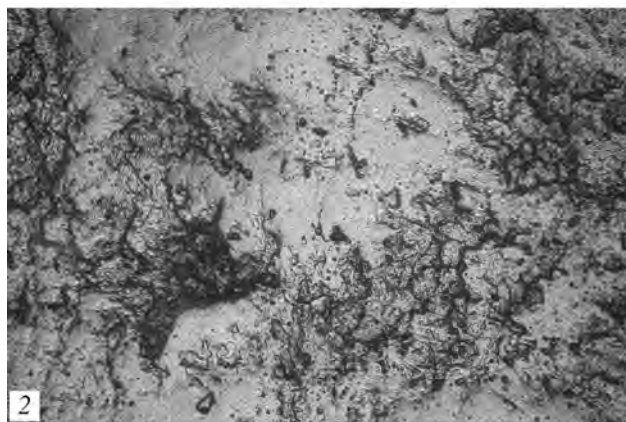
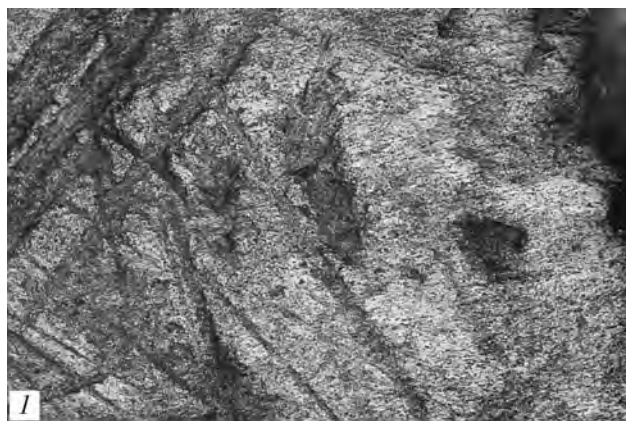

Рис. 7. 1 – поверхность неутилитарного износа на проксимальном (сломанном) конце клыка. Беспорядочные царапины и борозды различной ширины на фоне выглаженной заполировкой поверхности. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 100$. 2 – поверхность естественного прижизненного износа клыка моржа; встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 100$; 3 – поверхность естественного прижизненного износа клыка моржа. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 100$.

пени. Это, на первый взгляд не очень выразительное различие в степени износа, свидетельствует о более позднем появлении “тройного треугольника” на поверхности клыка.

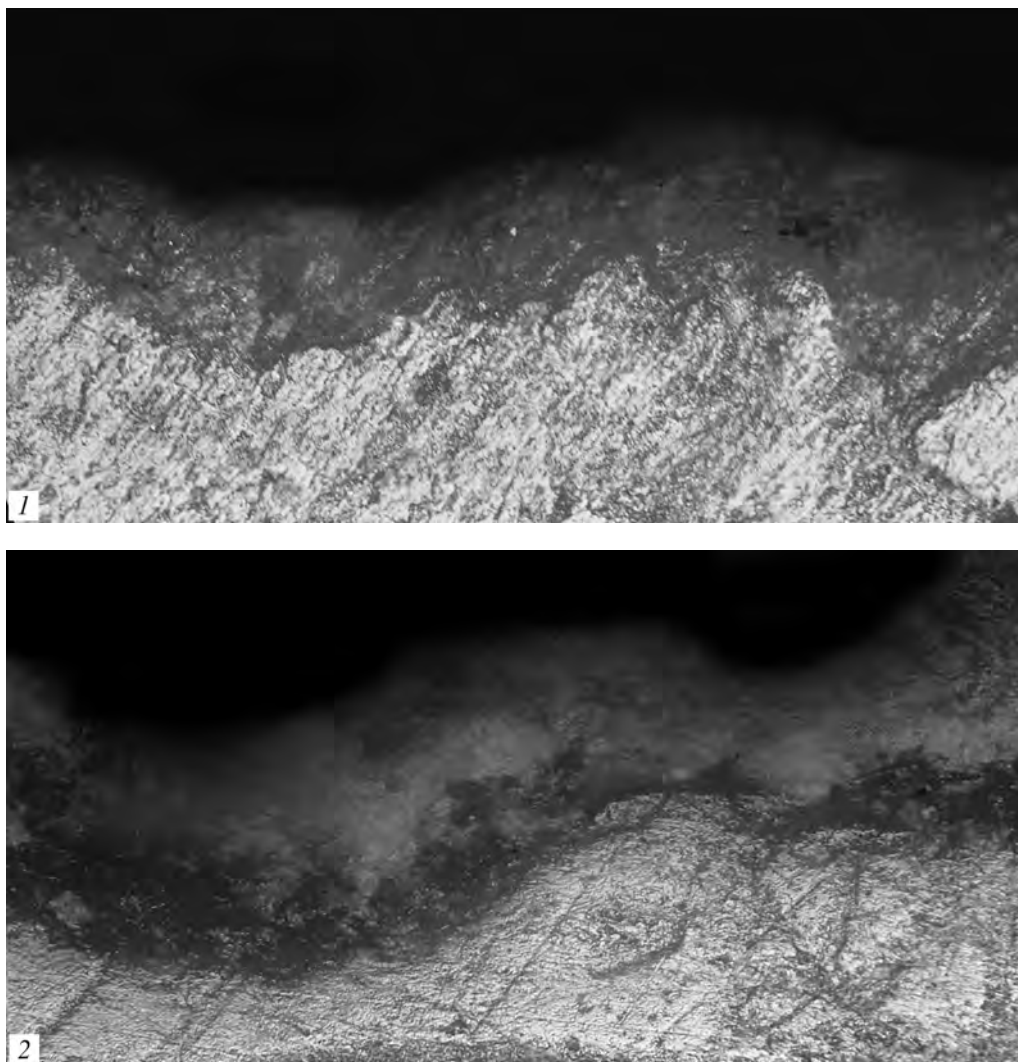

Рис. 8. 1 – борт надреза поверхности эмали, формирующего одну из линий изображения треугольника в виде “лабиринта”. Виден острый край борта в виде ломаной острозубчатой кромки. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 200$; 2 – борт края гравировки на поверхности эмали, формирующего одну из линий изображения треугольника “из трех ног”. Виден оглаженный, скругленный неутилитарным износом край борта в виде плавно изогнутой кромки. Встроенное, проходящее через объектив освещение, ДИК, увеличение $\times 200$.

Таким образом, на основании констатации различной степени развития неутилитарного износа отдельных объектов на поверхностях моржового клыка (наличия стратиграфии следов изнашивания, последовательно появлявшихся на различных этапах “жизни” данного предмета) можно сформулировать достаточно достоверные суждения о порядке возникновения этих объектов, т.е. реконструировать “историю”, процесс создания самого изделия.

Первый известный нам этап этого процесса – слом клыка, обработка его торца сколами, выдалбливание канавки по периметру ячеистой массы под дентином, производство сверления в торцевой части и встречных глухих отверстий на боковой

стороне. В это же время на боковой поверхности клыка были нанесены изображения “трискелиона” и нефигуративного знака. В таком виде предмет существовал некоторое время, находясь в пользовании, отчего приобрел весьма выразительные следы неутилитарного износа. Неизвестно, что конкретно с ним делали. Однако ясно, что предмет достаточно долго носили в чем-то мягком (коже или ткани), при этом его не хранили в неподвижном состоянии, а интенсивно им манипулировали. Степень развития следов неутилитарного износа находится в зависимости от времени, количества актов соприкосновения с иными предметами и веса самого изделия, увеличивающего плотность контакта. Но в нашем случае судить о скорости возникновения

конкретной степени неутилитарного износа на поверхности моржового клыка без экспериментально подтвержденных данных не представляется возможным. На следующем этапе “истории” моржового клыка рядом с уже имевшимися изображениями было сделано еще одно – “тройной треугольник”. После этого предмет использовался гораздо менее интенсивно, чем на предыдущем этапе, и в таком виде он попал в культурный слой.

Таким образом, трасологический анализ показал, что различия между тремя изображениями состоят не только в том, что они были выполнены различными способами и инструментами, но и во времени их нанесения.

Практически девственная чистота поверхностей внутренних полостей клыка, не затронутых неутилитарным износом, позволяет с уверенностью говорить об отсутствии значительных повреждений артефакта во время залегания в культурном слое. Последним этапом формообразования данного артефакта является снятие скола с останца сердцевинной ячеистой массы на торце клыка. Как уже было отмечено, этот скол был сделан авторами раскопок для получения образца материала для естественно-научных анализов.

Трасологическое исследование показало, что изначально клык не предназначался для использования его косторезами в качестве сырья. Об этом красноречиво свидетельствует отсутствие предварительной обработки моржового клыка, принятой в данном производстве, о чем уже было сказано.

Фигуры, процарапанные на городищенском клыке, нельзя отнести к знакам собственности, поскольку (правда, совсем в другое время) изображения с тремя ногами встречаются на античных зданиях и напольных мозаиках в Сицилии, кроме того, они часто помещались и на монетах этого времени (Сиракузы, Памфилия, Македония и т.д.). Это дает нам основание считать “трискелион” символом благополучия и богатства. “Тройной треугольник” (или “знак бесконечности”) известен по монетам Хедебю и Бирки, а также погребальным стелам Готланда (Arbman, 1962. Pl. 1; 31, 1;

Лебедев, 1985. С. 109. Рис. 30, 1; Роэсдаль, 2001. С. 102; Гуревич, 2007), его можно трактовать как защитно-охранительный знак. Все перечисленное позволяет сделать вывод о магическом назначении процарапанных на моржовом клыке изображений и отнести сам предмет к разряду апотропеев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуревич А. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Мурашева В.В. Супрутский клад: из раскопок 1969 г. М., 2008.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.А. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья. СПб., 2005.
- Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Дорофеева Т.С., Гиря Е.Ю. “Маленькая” находка в контексте большой истории // Хорошие дни: Сб. статей памяти А.С. Хорошева. В печати.
- Роэсдаль Э. Мир викингов. СПб., 2001.
- Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986.
- Смирнова Л.И. Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Матер. науч. конф. (Новгород, 23–25 января, 1996). Вып. 10. Великий Новгород, 1996.
- Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2006.
- У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища: Матер. междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия). СПб., 2007.
- Arbman H. Vikingarna. Stockholm, 1962.
- Smirnova L. Social Hierarchy of Early Novgorod on the Evidence of an Analysis of the 10th–11th Century Combs // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Jahrgang 30. Köln; Bonn, 2002.

Unique walrus tusk from Rurik's fortress: traceological analysis

Ye.Yu. Giria, T.S. Dorofeeva

Summary

The article is devoted to the unique find of a walrus tusk from Rurik's fortress. The object is outstanding due to both its age and the imagery. The incisions on the tusk, which include a triskelion, allow to conclude that their purpose was protective magic, and to class the find among apotropaia.

СЛЕДЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ДНИЩАХ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГНЁЗДОВА)

© 2010 г. О. Л. Шарганова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Гнёздово представляет собой особый памятник Смоленского Поднепровья периода становления Древнерусского государства. Время существования этого торгово-ремесленного центра ограничено рубежом IX–X – началом XI в. Его керамическая коллекция включает как лепные сосуды, так и изготовленные на гончарном круге, причем последние составляют около 90% (Каменецкая, 1998. С. 125). Гнёздово относится к числу памятников, где раньше других в Смоленском Поднепровье появляется гончарный круг, – во второй четверти X в. (Каменецкая, 1977. С. 186).

Археологические источники для изучения конструкций гончарных кругов представлены двумя категориями находок: это детали от кругов и керамические изделия, изготовленные с помощью гончарного круга. Малочисленность первой категории связана с плохой сохранностью дерева в слое большинства памятников. Выделение деталей кругов среди находок из других материалов (каменя, металла, обожженной глины) – также непростая задача. Поэтому особый интерес представляют следы технического происхождения (т.е. оставленные кругом) на днищах сосудов. Они представляют пока единственный источник информации о конструкциях гончарных кругов в Гнёздове (Бобринский, 1961. С. 62; Каменецкая, 1977. С. 18; 1991. С. 157; 2001. С. 108, 109).

Первые попытки соотнести гончарные изделия, найденные при раскопках, с определенными типами гончарных кругов в отечественной историографии связаны с работами М.В. Воеводского и Б.А. Рыбакова (1948) и основаны на изучении особенностей формовочной технологии керамики (Бобринский, 1962б).

Другой подход к определению конструкции гончарного круга предполагает изучение следов, оставленных им на керамических сосудах (Holubowicz, 1950; Бобринский, 1961; 1962а; б; в). Привлечение широких этнографических данных, а также проведение опытов на этнографических образцах и их моделях дало возможность А.А. Бобринскому

сделать эти признаки источником информации о конструкциях древних гончарных кругов. Он установил, что между формой и размерами элементов круга, выходящих на поверхность рабочего диска и оставляющих следы на сосудах, и устройством самих гончарных кругов существует определенная зависимость, и выявил шесть конструкций кругов, обладающих способностью оставлять определенные разновидности следов. А.А. Бобринский показал, что связь между орудиями и приемами труда не универсальна, а устанавливается исторически и зависит от конкретных условий, в которых существует гончарное производство.

Для Верхнего Поднепровья А.А. Бобринский отмечает наличие ножных кругов (со спицами и подвижной осью) и различных конструкций ручных кругов, в частности ручного круга с грибовидным диском (1962а). Именно такой круг зафиксирован им по керамике из гнёздовских курганов, где он является наиболее ранней конструкцией, применявшейся в X в.

Накопленный к настоящему времени новый материал позволяет продолжить изучение конструкций гончарных кругов, использовавшихся населением памятника в X – начале XI в.¹

При изучении гнёздовской керамики было обнаружено 34 сосуда (14 целых и 20 фрагментов) с отпечатками технического происхождения на днищах². Визуальному исследованию, в том числе с помощью микроскопа, были подвергнуты как сами образцы керамики, так и сделанные с них слепки, воспроизводящие реальную поверхность рабочего

¹ Выражаю искреннюю благодарность А.А. Бобринскому за помощь в освоении разработанной им методики изучения гончарных кругов, за ценные консультации и неизменную поддержку на всех этапах работы, а также Т.А. Пушкиной за предоставленные для исследования материалы.

² В работе были изучены коллекции, хранящиеся на кафедре археологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (раскопки Д.А. Авдусина, Т.А. Пушкиной, 1952–1953, 1970–2008 гг.). Керамическая коллекция Гнёздова насчитывает более 200 целых сосудов и более 25000 фрагментов.

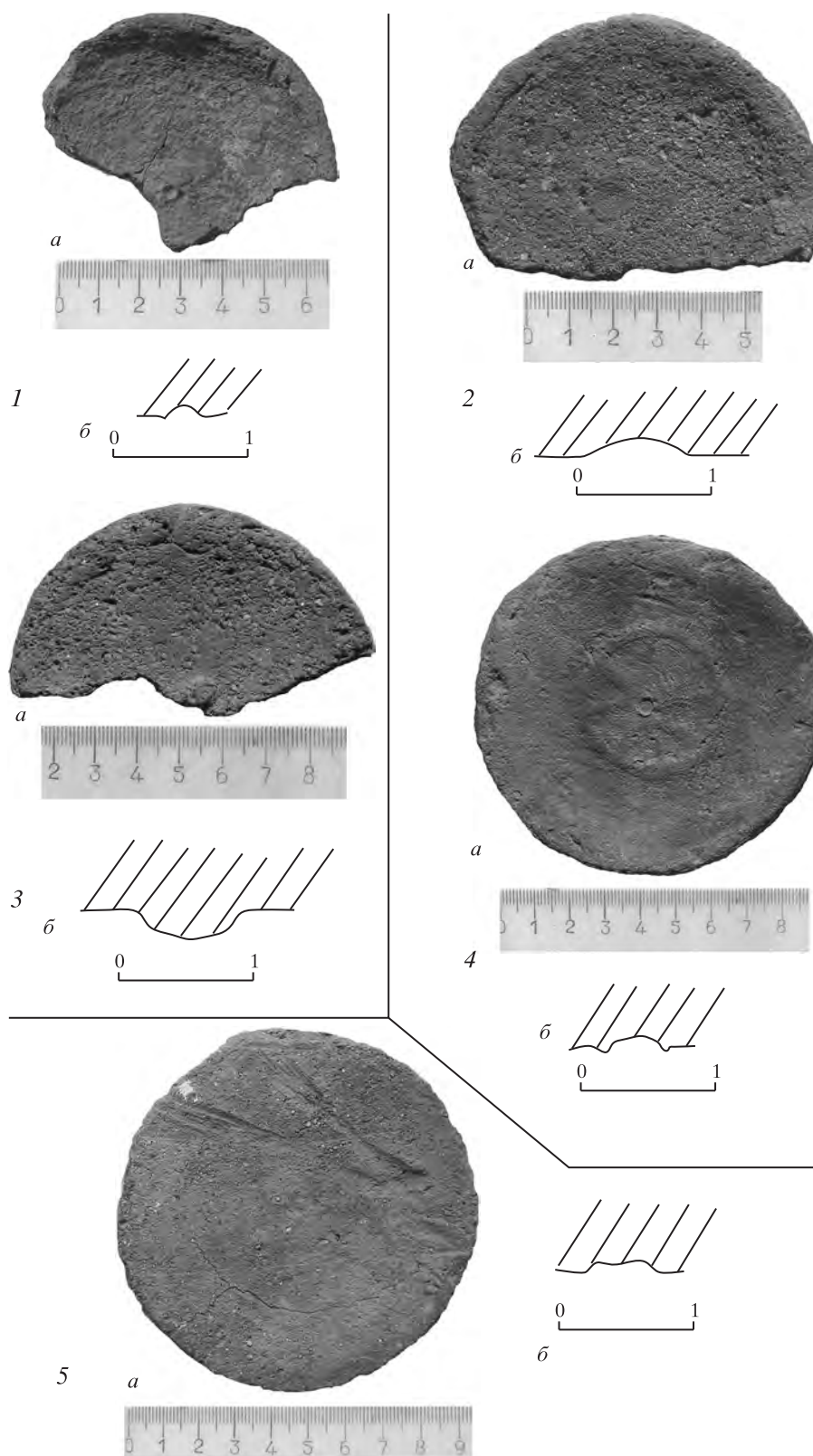

Рис. 1. Днища сосудов, изготовленных на грибовидном гончарном круге: 1а, 2а, 3а, 4а, 5а – общий вид поверхностей дна сосудов; 1б, 2б, 3б, 4б, 5б – схематическое изображение разрезов отпечатков (1 – Гн-53/ЦГ-II; 2 – Гн-84/ЦГ-XVII; 3 – Гн-98; 4 – Гн-88/ВС-10; 5 – Гн-80/ПОль-55, № 74).

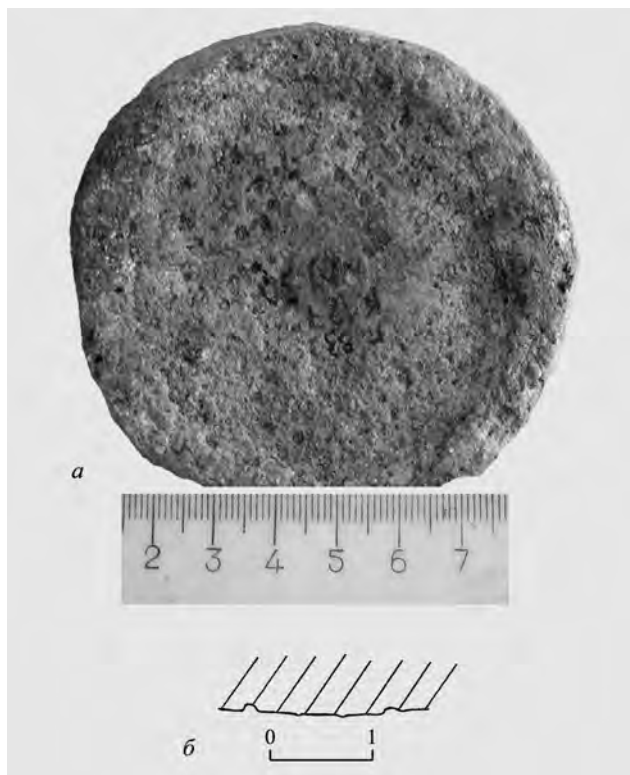

Рис. 2. Днище сосуда со следами ремонта гончарного круга (а – общий вид; б – схематическое изображение разреза отпечатка) (Гн-83/Л-127, № 50).

диска. Основываясь на методике, разработанной А.А. Бобринским, попытаемся связать выявленные отпечатки на днищах с конструкциями гончарных кругов.

По своему характеру следы делятся на динамические и статические, а по происхождению – на те, которые возникли в результате работы (износа) круга, и те, которые оставлены деталями круга, предусмотренными его конструкцией.

Динамические следы, возникшие в результате протирания рабочего диска осью, можно связывать с орудием, имевшим неподвижную ось, а именно с грибовидным кругом, для которого определены признаки, дающие возможность его идентифицировать и отличить от ручного круга со спицами, также имеющего неподвижную ось, способную протереть рабочий диск круга (Бобринский, 1962б. С. 35–38). Конец оси, протершей диск, имеет форму конусовидного острия со сферической вершиной небольшого радиуса (до 6 мм). Круг с протершимся диском гончары считали старым, плохим, но пригодным к работе после небольшого ремонта. Ремонт осуществлялся двумя способами: подрезанием старой оси или ее заменой. В этом случае конец оси оказывался ниже поверхности рабочего диска, а на донцах соответственно образовывались

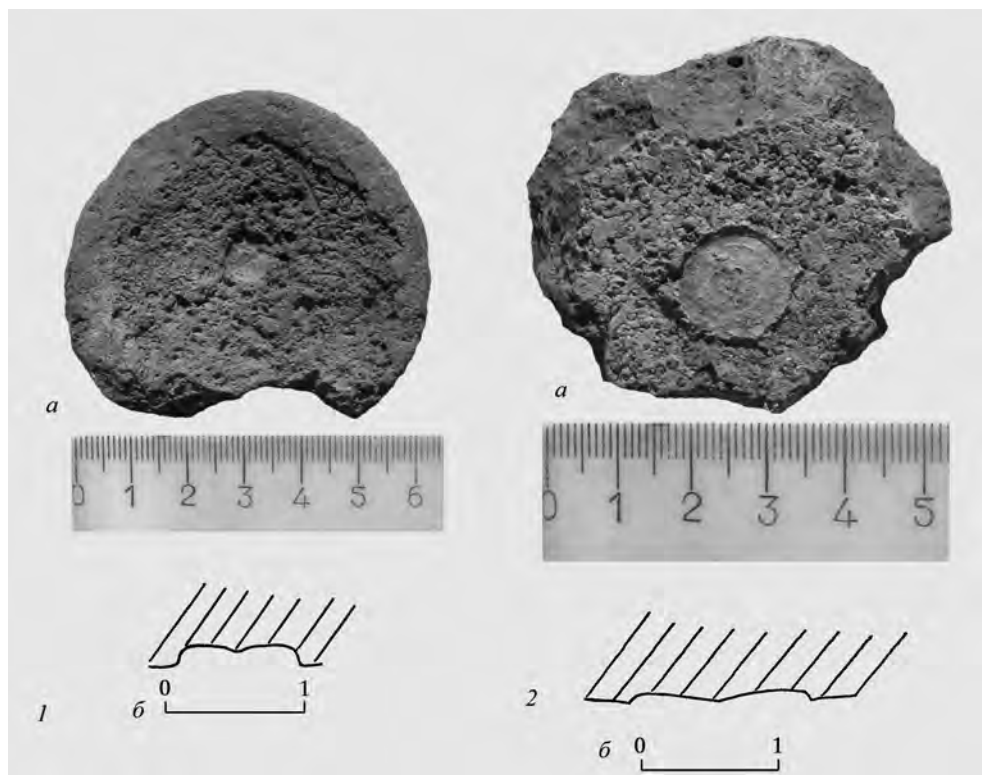

Рис. 3. Днища сосудов, изготовленных на ножных гончарных кругах со спицами: 1а, 2а – общий вид поверхностей днищ сосудов; 1б, 2б – схематическое изображение разрезов отпечатков (1 – Гн-73/ГС-V; 2 – Гн-88/ВС-10, яма 18).

Рис. 4. Днища сосудов с отпечатками подвижной оси (1 – Гн-71/ГС-IV; 2 – Гн-86/ЦГ-ХІХ; 3 – Гн-87/ЦГ-ХІХ; 4 – Гн-79/ПОль-39, № 4).

выпуклые отпечатки округлой или эллиптической формы (Бобринский, 1962б. С. 36).

К керамике, изготовленной на ручном круге с грибовидным диском и неподвижной осью, можно отнести пять образцов (рис. 1). Среди них есть углубленные и один выпуклый отпечатки. Углубленные имеют размеры 3,5–6 мм, выпуклый – 7 мм.

Один образец (Гн-88/ВС-10) (рис. 1, 4) демонстрирует характерный признак: “некоторое повышение микрорельефа поверхности по краям углублений, не имеющих признаков концентрического вращения, указывает, что они возникли в результате контакта неподвижного конца оси и вращавшейся вместе с диском донной поверхности сосуда” (Бобринский, 1961. С. 61).

Среди гнёздовской керамики есть сосуд, для которого можно предположить еще один способ ремонта круга, – вбивание в диск пробки, закрывающей отверстие, протертое осью (Гн-83/Л-127, № 50). Это след округлых очертаний, не имеющий признаков динамического происхождения, размером 14 мм (рис. 2).

Динамические следы, оставленные неподвижной осью, сквозное отверстие для которой в рабочем диске изначально предусмотрено конструкцией гончарного круга, характерны для ножного круга со спицами (Бобринский, 1962б. С. 38, 39).

Для ручных и ножных кругов со спицами характерна способность “оставлять следы с основанием в виде несмещенной сферы”. Это объясняется «центрированным устройством вращающейся ча-

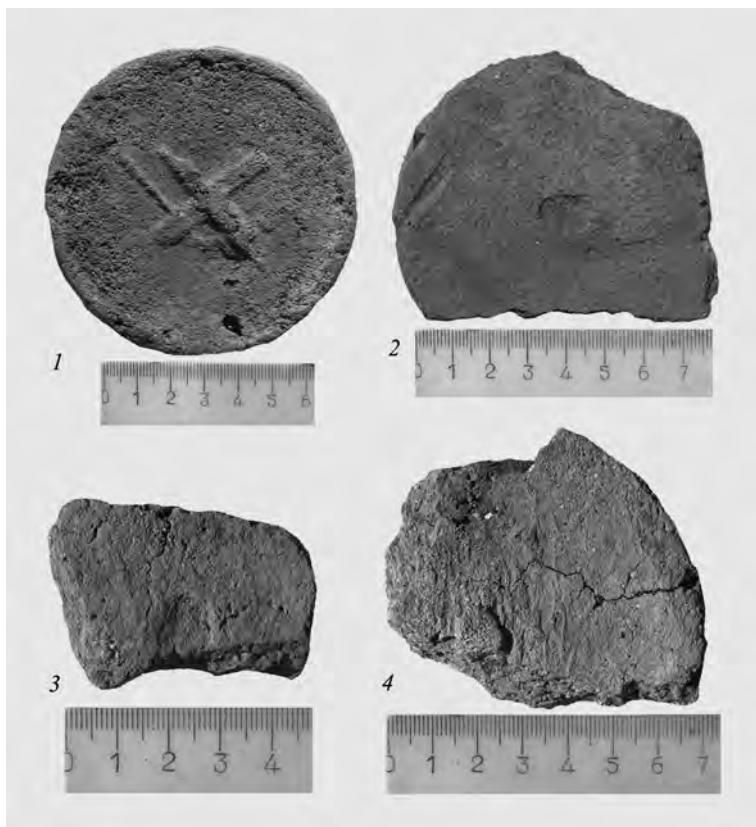

Рис. 5. Днища сосудов со следами от клиньев (1 – Гн-70/ГС-3; 2 – Гн-71/ВС-10; 3 – Гн-73/ВС-4, яма 1; 4 – Гн-85/ЦГ-ХVII).

сти конструкции: вся она опирается на конец оси, но ее колебательные движения во время вращения частично “гасятся” в результате трения стенок отверстия, сделанного в крестовине, о боковые цилиндрические поверхности оси». Существенное различие в конструкциях ручных и ножных кругов со спицами состоит в форме оси: у ручных кругов ось приобретает следообразовательную способность в результате протирания диска. В этом случае на днищах остаются углубленные отпечатки диаметром не более 5 мм. Ножной круг со спицами обычно имеет отверстие для оси размером 15–20 мм. Плоский торец оси чаще всего находится несколько ниже рабочей плоскости диска или на одном уровне с ней (Бобринский, 1962б. С. 38, 39).

Образцы из гнёздовской коллекции имеют размеры 8 мм (Гн-73/ГС-V) и 13 мм (Гн-88/ВС-10, яма 18) и форму углубленных круглых оттисков, в центральной части которых выпуклость сферической формы, меньшего радиуса, обращенная вершиной вниз, возникшая в результате колебаний круга при вращении (рис. 3). И хотя размеры этих отпечатков меньше, чем те, что указаны А.А. Бобринским в качестве признаков ножного круга со спицами (15–20 мм), их с большой долей вероятности можно считать следами именно такой конструкции.

Статические отпечатки образованы, во-первых, концом подвижной оси, закрепленной в рабочем диске; во-вторых, торцами спиц ручного круга со спицами; в-третьих, клиньями, служившими для укрепления в плоскости круга как оси, так и спиц.

Многогранный конец оси и признаки его закрепления в рабочем диске круга свидетельствуют о конструкции, предусматривающей вращение диска вместе с осью (Бобринский, 1962б. С. 42). Сосуды с подобными следами составляют большую группу (15 образцов)³. Отпечатки оси углубленные, их размеры от 17 до 50 мм (рис. 4). Не всегда возможно определить, был круг ручным или ножным.

На целом ряде донцев следов оси не сохранилось. Однако четкие следы клиньев, забитых для укрепления разошедшейся оси, позволяют отнести эти сосуды к той же группе (рис. 5). Интересен сосуд (Гн-71/ВС-10), на днище которого имеется углубленный отпечаток клина, который выступал над рабочей поверхностью круга. По рельефу торца этого клина, отпечатанному в глине, видно, что он был забит тремя ударами по нему (рис. 5, 2).

³ К этой же группе можно предположительно отнести еще четыре образца; следы на шести невозможно связать с определенной конструкцией гончарного круга.

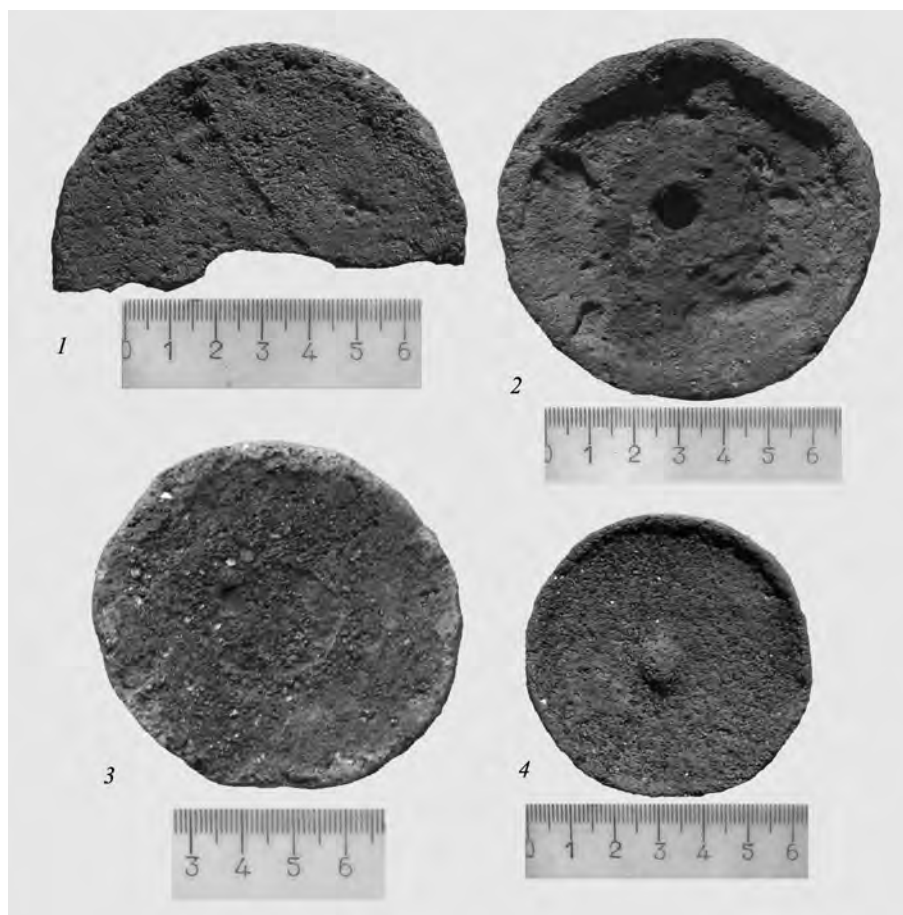

Рис. 6. Днища сосудов с отпечатками расклиненных осей (1 – Гн-72/ЦГ-I; 2 – Гн-88/ВС-10; 3 – Гн-77/Ц-239, № 4; 4 – Гн-98).

Клинья вбивались как в промежуток между осью и диском, так и в саму ось. Два образца (Гн-88/ВС-10 и Гн-77/Ц-239, № 4) представляют собой случаи, когда клинья (в среднем четыре) вбивались через равные расстояния по периметру конца оси (рис. 6, 2, 3). На одном сосуде (Гн-70/ГС-3) клинья размером 5×38 и 5×30 мм вбиты один поперек другого (рис. 5, 1).

Следы на днище одного сосуда (Гн-72/ЦГ-I) можно объяснить как не полностью сохранившийся отпечаток квадратного торца оси с забитым в щель между осью и диском клином (рис. 6, 1). Смещение отпечатка к краю может объясняться тем, что заготовку сосуда, сделанную вне круга, перед окончательной установкой на круге поставили со смещением относительно центра рабочего диска.

Затруднения вызывает идентификация одной из известных по этнографическим данным разновидностей грибовидного круга. Его рабочий диск состоит из двух частей, соединенных на стержне, квадратном в сечении и входящем в сквозное отверстие в рабочей плоскости круга (информация взята из Ар-

хива лаборатории “История керамики” Института археологии РАН). Отпечаток, возникающий на днище сосуда, сделанном на таком круге, неотличим от отпечатка, оставленного подвижной осью.

Из всех перечисленных выше статических следов только отпечатки спиц можно напрямую связывать с определенным устройством круга: встреченный в коллекции сосуд (Гн-53/ЦГ-II) изготовлен на миниатюрном ручном круге со спицами. На его днище хорошо читаются четыре квадратных торца спиц размером 15×18 мм, находящиеся на расстоянии 6 см друг от друга, и каждый из них дополнительно расклинен (рис. 7).

Таким образом, в Гнёздове зафиксированы различные конструкции гончарных кругов (таблица). С большой степенью вероятности можно говорить об использовании ручного круга с грибовидным диском. Наиболее многочисленную группу образцов составляют донца с отпечатками оси, закрепленной в плоскости диска, а значит, подвижной. Связывать этот признак с определенной конструкцией гончарного круга сложно, тем более что

Рис. 7. Днище сосуда, изготовленного на миниатюрном гончарном круге со спицами (Гн-53/ЦГ-II).

сходными слеодообразовательными способностями обладает один из типов грибовидных кругов. Редкими экземплярами представлены сосуды, изготовленные на гончарных кругах со спицами, предположительно ножных. Единственный образец можно связывать с ручным кругом со спицами. Это орудие является уменьшенной копией гончарного круга, которая была приспособлена гончаром и использовалась в соответствии с его навыками работы. Данный факт – яркий пример адаптации технического изобретения ремесленниками, не использовавшими всех возможностей нового для себя инструмента (Бобринский, 1999. С. 53).

Возможность существования описанных конструкций гончарных кругов в Гнёздове подтвер-

ждается находками в Новгороде, где известен диск грибовидной формы в слое XI–XII вв. и детали ручных и ножных кругов с подвижной осью (в слое X–XI вв. были обнаружены рабочие диски и обломок нижней части оси от ножного круга с подпятником) (Бобринский, 1962б. С. 48, 49).

Рассмотренный в настоящей работе источник информации о гончарных кругах – технические следы на днищах сосудов – позволяет с той или иной степенью вероятности сделать вывод о конструкциях орудий, известных населению памятника. Однако для более полной характеристики гончарных традиций необходимо учитывать функции, которые эти орудия выполняли. Это связано с тем, что использование гончарного круга часто является следствием привнесения нового орудия в среду местных гончаров, с его заимствованием, а функции круга, то, как он используется мастером, напрямую свидетельствует о навыках, которыми владеет этот гончар, а значит, и о гончарных традициях населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А. Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР // Вестн. МГУ. 1961. № 4.
- Бобринский А.А. Гончарные круги Восточной Европы IX–XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962а.
- Бобринский А.А. Древнерусский гончарный круг // СА. 1962б. № 3.
- Бобринский А.А. К изучению техники древнерусского гончарства // Вестн. МГУ. 1962в. № 2.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные

Распределение образцов, связанных с различными конструкциями гончарных кругов, по памятникам Гнёздова

Конструкции гончарных кругов	Центральное городище	Центральное селище	Курганы	Всего
Грибовидный круг	2	2	1	5
Грибовидный круг (?)			1	1
Круг с подвижной осью	2	7	6	15
Круг с подвижной осью (?)	2		2	4
Ножной круг со спицами		2		2
Миниатюрный круг со спицами	1			1
Конструкция не определена		1	5	6
Всего	7	12	15	34

- проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Камене́цкая Е.В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Камене́цкая Е.В.* Заольшанская курганная группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991.
- Камене́цкая Е.В.* Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Камене́цкая Е.В.* О возможности определения продукции одного гончара в древнем Гнёздове // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Holubowicz W.* Garncarstwo wiejskie zachodnich terenow Bialorusi. Torun, 1950.

Technical markings on the bottoms of clay vessels (based on the materials from Gnezdovo)

O. L. Sharganova

S u m m a r y

The author analyzes the technical marks on the bottoms of vessels from Gnezdovo (10th – the beginning of the 11th c.) and identifies the potter's wheels that the local population used. Constructions with fixed axis (mushroom-shaped wheel, kick wheels with spokes) and moving axis have been discovered, as well as a miniature hand-powered wheel with spokes.

ТЕКСТИЛЬ ИЗ МУЖСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА Ц-160 В ГНЁЗДОВЕ

© 2010 г. Е. Е. Щербакова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Текстиль составляет малую часть археологической коллекции из раскопок Гнёздовского комплекса. Редкость находок и их плохая сохранность объясняются в какой-то мере почвенными условиями комплекса, но в основном тем, что преобладающим погребальным обрядом здесь является кремация. Текстиль был обнаружен в 19 из более 1000 исследованных погребений. Одно из первых упоминаний о находках тканей относится к 1874 г. (Кусцинский, 1999. С. 23). Позже фрагменты изделий из органических материалов, связанных с костюмом, или шкур животных отмечались при раскопках курганов С.И. Сергеевым в 1899–1901 гг. (Спицин, 1905. С. 17, 44). Также фрагменты тканей упомянуты в отчетах Смоленской археологической экспедиции МГУ о раскопках курганов в 1960–1990 гг. (Щербакова, 2004. С. 2).

Археологический текстиль из Гнёздовского комплекса в основном не был описан специалистами и практически остается неизвестным для широкого круга исследователей. Исключением являются фрагменты тканей из трех погребений, раскопанных в 1970–1980-х годах, рассмотренные в небольшой статье М.В. Фехнер (1999. С. 8–10). Поэтому одним из направлений работ, начатых Центром исторических и традиционных технологий Российского научно-исследовательского института культурного наследия и кафедрой археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, является научное описание всей собранной текстильной коллекции из Гнёздова. На первом этапе описания коллекции был отобран текстиль, полученный в ходе работы Смоленской археологической экспедиции МГУ в 1990 г., а точнее материал из мужского погребения кургана Ц-160.

Погребение кургана Ц-160 относится к типу “камер”. В ходе раскопок выявлены остатки деревянной прямоугольной камеры, сооруженной в материковой яме. Тело умершего было размещено на полу камеры, по-видимому, покрытом берестой, в вытянутом положении на спине, головой на ЗЮЗ. Рост погребенного около 180 см. В районе правой бедренной кости была найдена подковообразная фибула, на которой сохранились остатки текстиля.

У тазовых костей располагался частично сохранившийся поясной ремень, украшенный 69 бронзовыми бляшками. К ремню с помощью бронзового кольца была прикреплена кожаная сумка, украшенная 19 бронзовыми бляшками. К другому поясному кольцу, видимо, крепился кошелек (не сохранился). На бляшках поясного набора обнаружены фрагменты текстиля. Под сохранившимися фалангами пальцев правой руки, расположенных в области таза погребенного, зафиксированы остатки нитей и меха. Погребение отнесено авторами раскопок ко второй половине X – рубежу X–XI вв. (Авдусин, Пушкина, 1990. С. 4–10).

Таким образом, в ходе расчистки погребения фрагменты текстиля были отчетливо зафиксированы в двух местах: в районе правой бедренной, участок № 1, и тазовых костей, участок № 2 (рис. 1, I).

Лабораторные исследования текстиля были проведены в Центре исторических и традиционных технологий Российского научно-исследовательского института культурного наследия под руководством канд. биол. наук В.П. Голикова.

Для всестороннего изучения текстиля использовались следующие экспериментальные методы. Визуальное исследование. Этот простейший метод позволил выделить, дать визуальное описание и классифицировать исследуемые фрагменты органических материалов. Микроскопия. Метод микроскопии использован для идентификации материалов каждого фрагмента, он позволил исследовать следующие технологические характеристики текстиля. 1) текстильное сырье определялось при помощи микроскопии в проходящем поляризованном свете¹ (“Полам Р-211”, увеличение ×400–600), а также микрохимии, гистохимии и термического анализа; 2) тип текстильного изделия определялся при малых увеличениях в отраженном свете на микроскопе МБС-10; 3) технология изготовления

¹ Для анализа природы текстильных волокон в проходящем поляризованном свете были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме.

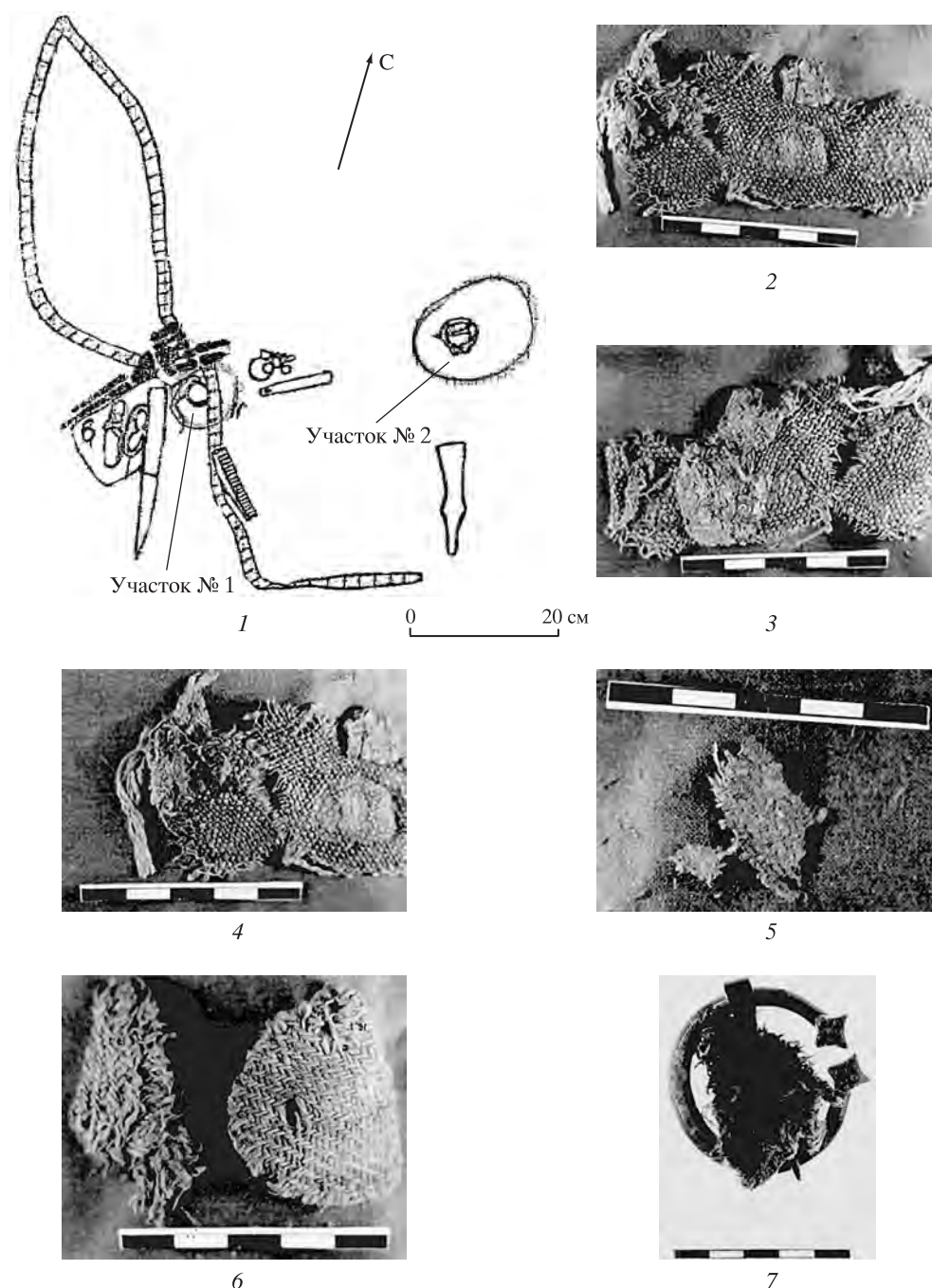

Рис. 1. 1 – план погребения Ц-160; 2–4 – шерстяная ткань полотняного переплетения 1/1 (ZZ); 5 – шерстяная ткань саржевого переплетения 2/1 (ZZ); 6, 7 – шерстяная ткань саржевого переплетения 2/2 (SZ).

нитей определялась при малых увеличениях в отраженном свете на микроскопе МБС-10. Снимались показатели: порядок нити, крутка и шаг крутки нити и ее толщина; 4) структура текстильных переплетений определялась на микроскопе МБС-10; 5) наличие окраски волокон определялось на микроскопе “Полам Р-211”. Для фиксации материала использовались макро- и микрофотография.

Описание текстильных изделий произведено в соответствии с требованиями международного текстильного центра CIETA (*Centre International d'étudian de textil ancient*).

Для успешного исследования текстиля необходимо было провести ряд предварительных действий, которые состояли из работ по выделению отдельных фрагментов и их разделению на образцы. Под

Таблица 1. Описание фрагментов и образцов

№ фрагмента	Описание фрагмента	Размер фрагмента	№ образца	Описание образца, входящего в данный фрагмент	Размер образца, см
1	Фрагмент ткани зеленого цвета*. На фрагменте обнаружено два отпечатка бляшки от поясного набора. На изнаночной стороне справа расположен загиб, с левой стороны загиб на лицевую сторону. На изнаночной стороне слева к основному фрагменту прикреплен образец "на нитке". Фрагмент имеет разрыв и сильно загрязнен почвенными отложениями (рис. 1, 1–3)	3.5 × 9	1.1	Основное полотно. Ткань полотняного переплетения	3.5 × 9
			1.2	(рис. 1, 1, 2). Кожа	1.7 × 1.4
			1.3	Ткань на изнаночной стороне полотняного переплетения	2 × 2.4
			1.4	Ткань находящаяся рядом с образцом 1.3 на изнаночной стороне рядом с загибом. Тип переплетения – саржа (2:1), (рис. 1, 5).	1.5 × 2.7
			1.5	Крученный, возможно сплюснутый шнур светло-зеленого цвета, (рис. 2 №4]	1.7 × 3.5
			1.6	Образец кожи. На коже обнаружены зеленые волокна без плетения, аналогичные образцу 1.5.	0.9 × 1.6
			1.7	Образец нитей. В процессе работы образец распался на два куска. Первый кусок представляет собой слабо скрученные и спрессованные волокна, аналогичные образцу 1.5. Второй кусок аналогичен первому, но на нем обнаружена шерсть животного и кусочки кожи.	0.4 × 2.8
2	Трехслойный фрагмент. Первый слой – береста. Второй – кожа. Третий – ткань зеленого цвета. На ткани находится отпечаток от подковообразной фибулы. С правой стороны плетение ткани ярко выражено, с левой стороны слабее (рис. 3, 3, 5)	3 × 5	2.1	Береста	3 × 5
			2.2	Кожа	3 × 5
			2.3	Ткань зеленого цвета, аналогична образцу 1.1.	3.7 × 4.5

Таблица 1 (продолжение)

№ фрагмента	Описание фрагмента	Размер фрагмента	№ образца	Описание образца, входящего в данный фрагмент	Размер образца, см
3	Фрагмент представляет собой плетеный шнур в форме косички из четырех прядей (рис. 2, 5)	0.3 × 4	3.1	Плетеный шнур	0.3 × 4
4	Двухслойный фрагмент, состоящий из кожи и плетеного шнура, аналогичного фрагменту 3 (рис. 3, 1)		4.1 4.2	Кожа Плетеный шнур	
5	Фрагмент представляет собой массу нескрученных и переплетенных между собой волокон, светло-зеленого цвета. Волокна аналогичны образцу 1.5. На лицевой стороне (деление фрагмента на лицевую и изнаночную стороны выбрано условно) находится образец кожи. На изнаночной стороне по всему фрагменту расположены волоски, похожие на мех животного, аналогично образцу 1.7	1.5 × 2.4	5.1 5.2	Волокна светло-зеленого цвета Кожа	1.5 × 2.4
6	Данный фрагмент аналогичен образцам 1.5, 1.6, 1.7, 5.1	1.9 × 2.7	6.1 6.2	Волокна светло-зеленого цвета Кожа	1.9 × 2.7
7	Фрагмент аналогичен образцам 1.5, 1.6, 1.7, 5.1, 6.1	1.5 × 2.2	7.1 7.2	Волокна светло-зеленого цвета Кожа	1.5 × 2.2
8	Фрагмент аналогичен образцам 1.5, 1.6, 1.7, 5.1, 6.1, 7.1 (рис. 2, 7)	1.3 × 2,5	8.1 8.2	Волокна светло-зеленого цвета Кожа	1.3 × 2.5
9	Фрагмент аналогичен образцам 1.5, 1.6, 1.7, 5.1, 6.1, 7.1, 8.1	1.2 × 2.5	9.1 9.2	Волокна светло-зеленого цвета Кожа покрытая шерстью	1.2 × 2.5
10	Фрагмент аналогичен образцам 1.5, 1.6, 1.7, 5.1, 6.1, 7.1, 8.1, 9.1	0.6 × 1.8	10.1 10.2	Волокна светло-зеленого цвета Кожа	0.6 × 1.8
12	Фрагмент аналогичен образцам 1.5, 1.7, 5.1, 6.1, 7.1, 8.1, 9.1, 10.1, 11.1	0.5 × 1.6	12.1	Волокна светло-зеленого цвета	0.5 × 1.6

Таблица 1 (продолжение)

№ фрагмента	Описание фрагмента	Размер фрагмента	№ образца	Описание образца, входящего в данный фрагмент	Размер образца, см
13	Фрагмент аналогичен образцам 1.5, 1.7, 5.1, 6.1, 7.1, 8.1, 9.1, 10.1, 11.1, 12	0.4 × 1	13.1	Волокна светло-зеленого цвета	0.4 × 1
14	Фрагмент аналогичен образцам 1.5, 1.7, 5.1, 6.1, 7.1, 8.1, 9.1, 10.1, 11.1, 12.1, 13.1		14.1 14.2	Волокна светло-зеленого цвета Кожа	
15	Многослойный фрагмент. Состоит из четырех слоев. Первый слой – береста, второй – ткань полотняного переплетения аналогично образцу 1.1. Третий – ткань полотняного переплетения аналогичную образцу 1.1, но прошит отдельной нитью. Четвертый – шелковая ткань. На фрагменте, между вторым и третьим слоями обнаружены остатки металлического предмета плохой сохранности, покрытого ржавчиной. Данный предмет, возможно, скреплял 2 и 3-й слои ткани. Весь фрагмент пропитан ржавчиной (рис. 3, 5)		15.1 15.2 15.3 15.4 15.5 15.6	Береста Ткань полотняного переплетения, второй слой Ткань полотняного переплетения, прошитая нитью, третий слой Шелк Нить на образце 15.3 Металлический предмет	2 × 3.2 2.3 × 5 1 × 1.6
16	Фрагмент ткани (зеленого цвета) саржевого переплетения, сложенный вдвое. На фрагменте обнаружено 2 прокола от фибулы. Первый прокол находится по середине фрагмента, второй прокол на сгибе. Фрагмент 16 приколот подковообразной фибулой к фрагменту 17 (рис. 1, 6, 7)	4 × 3	16.1	Основное полотно, сложенное вдвое	4 × 3

Таблица 1 (окончание)

№ фрагмента	Описание фрагмента	Размер фрагмента	№ образца	Описание образца, входящего в данный фрагмент	Размер образца, см
17	Многослойный фрагмент, состоящий из двух кусков ткани саржевого переплетения (зеленого цвета). На фрагменте обнаружен прокол от иглы фибулы (рис. 1, 6, 7)	1.5 × 4	17.1 17.2	Первый слой Второй слой	1.5 × 4 1.5 × 4
18	Фрагмент шелка желто-коричневого цвета с подгибом, саржевого переплетения (рис. 2, 2)	1.4 × 2.8	18.1	Основное полотно	1.4 × 2.8

* Визуальная оценка цвета.

фрагментом в данной работе принято считать полученный для исследования единый материальный объект, который может состоять из нескольких или одного вида материала. Фрагменты можно разделить на многослойные и однослойные. Многослойный фрагмент состоит из нескольких видов материала. Каждый такой вид мы принимаем за образец. Следовательно, в многослойном фрагменте содержится несколько образцов, а в однослойном – один.

Текстильный материал из погребения Ц-160 состоит из 18 фрагментов, из которых 15 – многослойные, 3 – однослойные. В этих фрагментах выделено 3 вида шерстяных и 2 вида шелковых тканей, а также два вида плетеных изделий (табл. 1). Текстильные характеристики изученных археологических тканей приведены в табл. 2. Цветовые характеристики волокон шерстяных и шелковых нитей определялись визуально и уточнялись с помощью микроскопа (данные внесены в табл. 3).

Шерстяные ткани представлены тремя видами: тканью полотняного переплетения 1/1(ZZ), образцы № 1.1, 1.3, 2.3, 15.2, 15.3 (рис. 1, 2–4); тканью саржевого переплетения 2/1(ZZ), образец № 1.4 (рис. 1, 5); тканью саржевого переплетения 2/2(SZ), образцы № 16.1, 17.1, 17.2. (рис. 1, 6, 7).

Волокна шерсти по наличию внутреннего канала были разделены на пуховые, остевые и промежуточные (Липенков, 1954. С. 10), что позволяет говорить о качестве шерстяных тканей. В ходе исследования определено высокое качество волокна, использованного для изготовления шерстяных тканей. Рассмотренные нами шерстяные ткани в основном вытканы из толстых нитей, которые

располагаются по 8–13 нитей на 1 см² по основе и по 6–13 нитей по утку. В соответствии со схемой плотности А. Нахлика, их можно отнести к тканям IV и III сортов². Следует отметить, что ткани, аналогичные фрагментам шерстяных тканей саржевого переплетения 2/2 (SZ), а именно образцы № 16.1, 17.1, 17.2, отмечены в Новгороде и Старой Ладогге. Шерстяные ткани полотняного переплетения 1/1(ZZ) изучаемого времени известны на широкой территории, в Европе, в том числе в памятниках Древней Руси (Нахлик, 1963. С. 237; Ефимова, 1966. С. 128; Давидан, 1989. С. 321).

Шелковые ткани представлены двумя видами: тканью полотняного переплетения 1/1(I/I), образец № 15.4 (рис. 2, 1); тканью типа саммит, образец № 18.1 (рис. 2, 2).

Рассмотрим образцы шелковых тканей, сравнивая их с технологическими особенностями тканей из различных регионов: Средиземноморье, Средняя Азия (Согд), Дальний Восток (Китай) и Иран. Особенностью шелковой ткани полотняного переплетения, обнаруженной нами, является высокая плотность нитей по утку и основе и отсутствие крутки нити. Такие технологические характеристики присущи шелковым тафтяным тканям, имеющим китайское или дальневосточное происхождение (Иерусалимская, 1992; Лубо-Лесниченко, 1994).

При изготовлении ткани типа саммит рисунок создается цветными утками, число которых мо-

² К тканям IV сорта А. Нахлик относит ткацкие изделия, густота которых не превышает в основе 10 нитей в утке 8 нитей на 1 см². К тканям III сорта относятся изделия, не превышающие в основе 15 нитей/1 см², в утке 12 нитей/1 см².

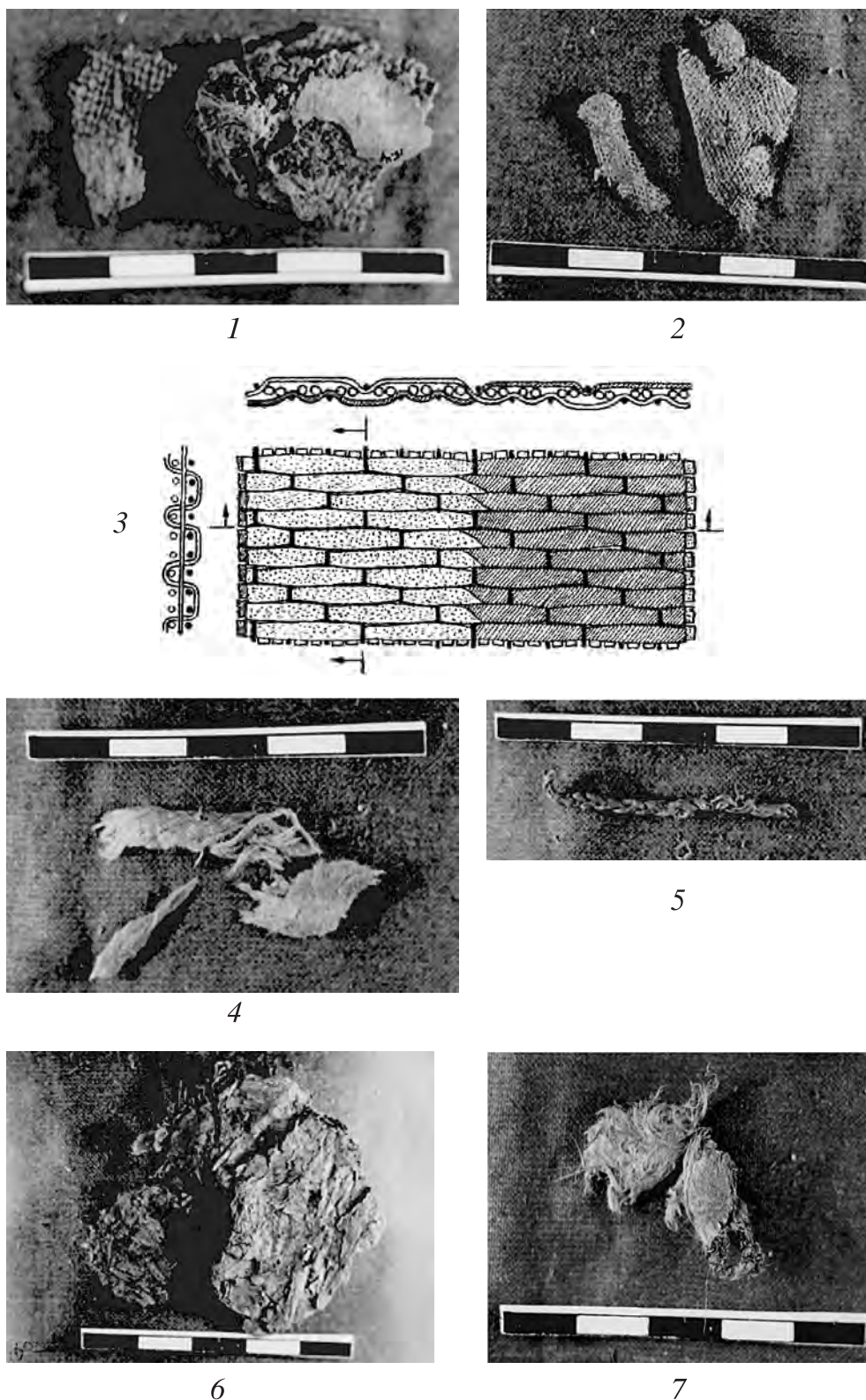

Рис. 2. 1 – шелковая ткань полотняного переплетения 1/1 (II); 2 – шелковая ткань типа саммит; 3 – схема текстильного переплетения типа саммит (точками изображены нити основ, а полосами – нити утков; черные точки – основа связующая, прозрачные – нити основы главной); 4 – шерстяной шнур; 5 – шелковый шнур; 6 – береста; 7 – мех животного и шерстяные волокна.

Таблица 2. Характеристика археологических тканей из раскопок Гнёздовского могильника (Гн-1990 Ц-160)

№ образ- ца*	Природа волокон	Тип текстиль- ного перепле- тения	Тип нити**	Характеристика нитей, мм				Расстояние между ни- тями, мм	Число нитей на 1 см ²
				Поря- док	Крутка				
					Тип	Шаг	Толщина		
1.1	Шерсть	Плотняное	О	I	Z	2.3	0.55	0.75	8
			У	I	Z	2.5	1.25	0.45	6
1.3	Шерсть	Плотняное	О	I	Z	–	0.5	1.1	6
			У	I	Z	–	0.7	0.9	6
1.4	Шерсть	Саржевое	О	I	Z	2.6	0.55	0	13
			У	I	Z	2.8	0.75	0	13
1.5	Шерсть	Шнур пло- ский	Р***	I	Z	2.65	0.45	****	–
2.3	Шерсть	Плотняное	О	I	Z	2.45	0.75	0.5	10
			У	I	Z	2.45	0.5	0.75	6
3.1	Шелк	Крученный шнур	Р	I	I	0	0.9	0*****	0
15.2	Шерсть	Плотняное	О	I	Z	2.65	0.65	0.5	8
			У	I	Z	2.85	0.8	1.1	6
15.3	Шерсть	Плотняное	О	I	Z	2.8	0.75	1.35	5
			У	I	Z	3.6	0.8	1.25	5
15.4	Шелк	Плотняное	О	I	I	0	0.25	0.05	33
			У	I	I	0	0.25	0.05	33
16.1	Шерсть	Саржевое	О	I	S	1.6	0.8	0.2	10
			У	I	Z	2	0.65	0.2	9
17.1	Шерсть	Саржевое	О	I	S	1.95	0.95	0.25	9
			У	I	Z	1.75	0.7	0.2	10
17.2	Шерсть	Саржевое	О	I	S	1.8	1	0.2	9
			У	I	Z	1.6	0.55	0.15	13
18.1	Шелк	Самит	О(св)	I	Z	0.75	0.15	0.9	9-10
			О(вн)	I	Z	1.05	0.14	0.7	10
				II	I	0	0.28	0.7	10
			У(1)	I	I	0	0.18	0.05	44-45
			У(2)	I	I	0	0.18	0.05	44-45
			У(3)	I	I	0	0.18	0.05	44-45

* Нумерацию образцов см. в табл. 1.

** О – основа, У – уток. Цифры в скобках обозначают номер утка в многоуточных тканях.

О(св) – связующая основа. О(вн) – внутренняя основа.

*** Р – рабочая нить в плетеных изделиях.

**** Показатель не определяем.

***** 0 – показатель отсутствует.

жет доходить до пяти. В ткачестве участвуют две системы основных нитей: главная и связующая. Схема текстильных переплетений представлена на рис. 2, 3. Анализ характеристик гнёздовского образца показал, что эта ткань наиболее полно соответствует технологическим характеристикам тканей византийского круга, которые в целом характеризуются высоким качеством изготовления и, как правило (за исключением некоторых провин-

циальных центров “второго положения”), использованием дорогих красителей (The Byzantine silk industry, 1993; The Glory of Byzance, 1997; Daniël De Jonghe, 2003).

К изделиям, выполненным в технике плетения, относятся: шерстяной, образцы № 1.5, 1.7 (рис. 2, 4) и шелковый, образцы № 3.1, 4.2, шнуры (рис. 2, 5). Шерстяной шнур скручен и спрессован (количество нитей определить точно невозможно

Таблица 3. Цветовые характеристики образцов

№ фрагмента	№ образца*	Тип нити**	Оценка цвета	
			визуальная	микроскопия***
1	1.1	О	Зеленый	Темно-голубой
		У	—	—
	1.3	О	—	—
		У	—	—
	1.4	О	—	—
2		У	—	—
	1.5	Р	Светло-зеленый	Голубой
	2.3	О	Зеленый	Темно-голубой
		У		
	5.1	—	Светло-зеленый	Голубой
15	15.4	О	Изумрудный	Изумрудный
		У	—	—
16	16.1	О	Зеленый	Темно-голубой
		У	—	—
17	17.1	О	—	—
		У	—	—
	17.2	О	—	—
		У	—	—
18	18.1	О(св)	Желто-коричневый	Желто-коричневый
		О(вн)	—	—
		У(1)	Желто-зеленый	Желто-зеленый
		У(2)	—	—
		У(3)	—	—

* Нумерацию образцов см. в табл. 1.

** О – нить основы, О(св) – связующая основа, О(вн) – внутренняя основа; У – нить утка;

Р – рабочая нить в плетеных изделиях; тип нити не определен.

*** Микроскоп “ПОЛАМ Р-211”.

из-за плохой сохранности фрагмента), крутка нитей неравномерная. Нити имеют зеленую окраску. Качество шерсти высокое. Шелковый шнур сплетен в виде косички из трех нитей. Кроме того, при разборе фрагментов были выделены образцы не текстильного происхождения. В ходе исследования удалось объединить идентичные образцы в группы: береста, № 2.1, 15.1 (рис. 2, 6); мех животного, № 1.7, 5.1, 6.1, 7.1, 8.1, 9.1, 9.2, 10.1, 11.1, 12.1, 13.1, 14.1 (рис. 2, 7); фрагменты кожи животного, № 1.2, 2.2, 4.1, 5.2, 6.2, 7.2, 8.2, 9.2, 10.2, 14.2 (рис. 3, 1).

Стратиграфия

Материал из погребения Ц-160 не подвергался ранее реставрации, и благодаря этому была сохранена естественная структура распределения слоев материала в погребении. Как было сказано выше, текстильный материал в ходе расчистки погребения

был отчетливо зафиксирован только в двух местах (рис. 1, 1). Таким образом, мы выбрали четыре многослойных фрагмента, № 1, 2, 15, 17, (рис. 3, 2–7) и разделили их в соответствии с расположением в погребении на два участка, где отдельные слои представлены разными образцами. Для таких фрагментов составлены стратиграфические разрезы (табл. 4).

Анализ таблицы позволяет сделать предположительную послойную реконструкцию расположения различных материалов в погребении относительно дна погребальной камеры, т.е. снизу вверх. На схемах видно, что в трех многослойных фрагментах, несмотря на их разное размещение в погребении, присутствуют одни и те же образцы, расположенные почти в одной и той же последовательности. Положение шелковой ткани (самит) в погребении, к сожалению, не определено. Данные фрагменты относились к одежде погребенного.

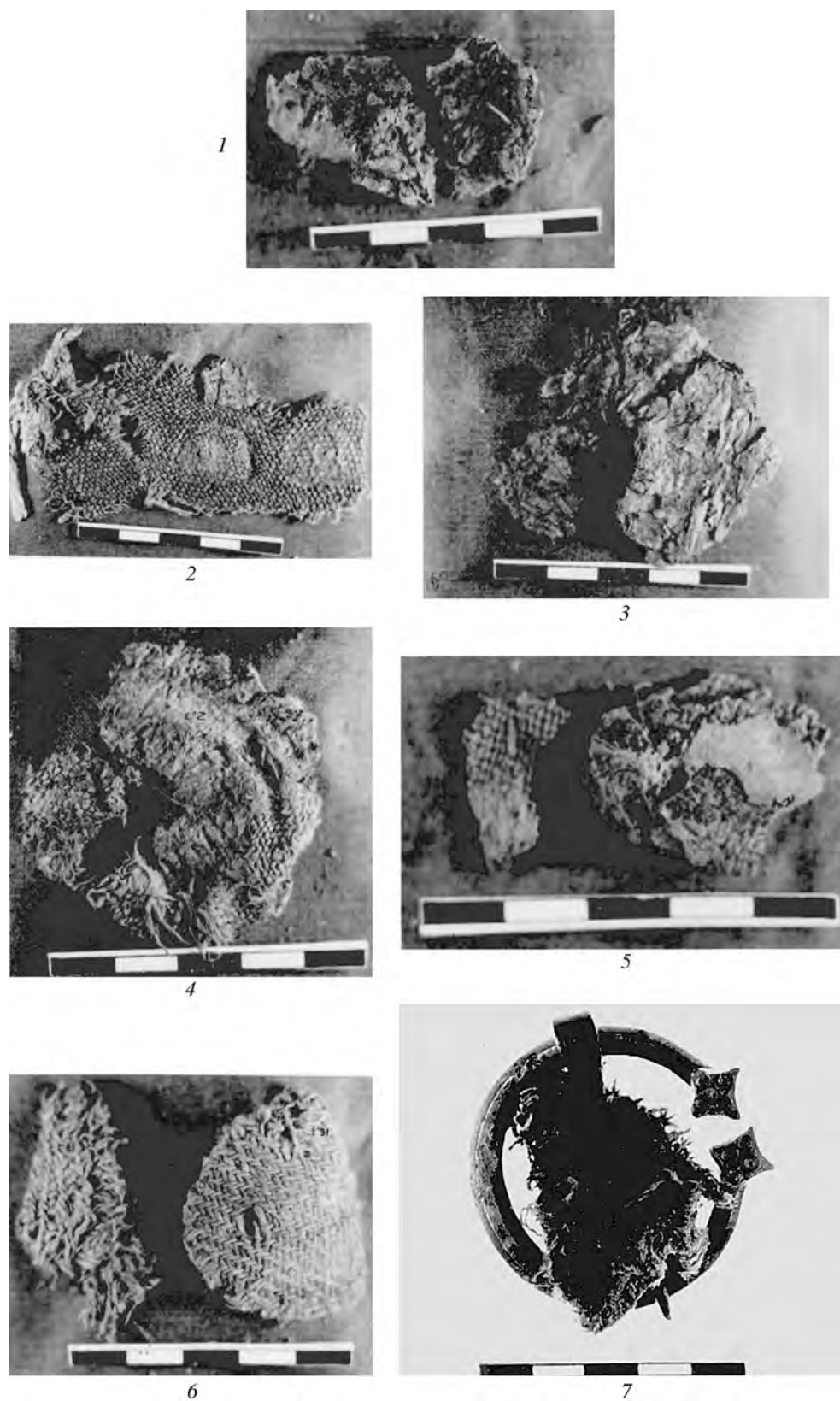

Рис. 3. 1 – фрагменты кожи животного; 2–7 – многослойные фрагменты.

Таблица 4. Стратиграфия образцов

№ слоя	Содержание слоя			
	Участок № 1 (область таза погребенного)		Участок № 2 (за пределами тела погребенного)	
	Фрагмент № 1	Фрагмент № 15	Фрагмент № 2	Фрагмент № 17
V	Береста	Береста	Береста	
IV	Шерстяная ткань полотняного переплетения (1/1)	Шерстяная ткань полотняного переплетения (1/1) Нить Следы металлического предмета Шерстяная ткань полотняного переплетения (1/1)	Кожа (животного?) Шерстяная ткань полотняного переплетения (1/1) с отпечатком фибулы	
III	Шерстяной шнур и слабоскрученные нити, спрессованные, на них шерсть животного и кожа	Шелковая ткань (тафта)	—	Фибула
II	Шерстяная ткань саржевого переплетения (2/1)		—	Шерстяная ткань саржевого переплетения (2/1)
I	Кожа (животного?)		—	

Реконструкция

Данные, полученные в ходе исследования фрагментов и образцов, а также их описания в отчете, позволяют реконструировать отдельные детали костюма погребенного и элементы погребального обряда.

В тексте отчета экспедиции за 1990 г. дана следующая реконструкция: "...умерший был завернут в плащ (положен на одну и прикрыт другой полый плаща). Под сохранившимися фалангами пальцев правой руки погребенного зафиксированы остатки меха – следы рукавицы или меховой оторочки плаща (если правая рука погребенного лежала на плаще). Судя по сохранившимся остаткам текстиля, помимо плаща на умершем была рубашка и кафтан, подпоясанный кожаным ремнем" (Авдусин, Пушкина, 1990. С. 10).

Несмотря на то что материала явно не хватает для полной реконструкции погребального обряда, можно предположить следующий порядок действий при совершении погребения: 1) дно погребальной камеры было покрыто слоем бересты (по наличию фрагментов и аналогиям с некоторыми другими гнёздовскими погребениями, см: Авдусин, Пушкина, 1989. С. 193); 2) на слой бересты была положена подстилка из шерстяной ткани полотняного переплетения синего или зелено-

го цветов, на которой расположили умершего; 3) погребенный был опоясан наборным ремнем из кожи и завернут в шерстяную ткань саржевого переплетения (2/2), края которой скреплены подковообразной фибулой; 4) пояс был надет поверх одежды из шерстяной ткани саржевого переплетения (2/1); 5) шелковая ткань (тафта), находившаяся непосредственно на шерстяной ткани полотняного переплетения, могла являться отделкой вышележащих изделий. Нельзя исключить и того, что это было самостоятельное изделие; 6) фрагменты меха, обнаруженные вместе с шерстяными волокнами светло-зеленого цвета и остатками шерстяного шнура (под сохранившимися фалангами пальцев правой руки погребенного), возможно, являются остатками рукавиц, как это и предполагалось в отчете.

Проведенные исследования позволяют согласиться с наличием плаща на погребенном. Рукавицы можно принять как версию. Шерстяная ткань саржевого переплетения (2/1) могла являться остатками рубашки или кафтана, но площадь фрагмента столь мала, что утверждать это не возможно. Однако наличие пуговицы в районе шейных позвонков свидетельствует в пользу ранее выдвинутой версии. Шелковые ткани, скорее всего, являлись отделкой указанных выше текстильных изделий, но, к сожалению, площадь фрагментов и их количество

не позволяют делать четкие выводы. Шелковый и шерстяной шнуры могли служить декором одежды или другого текстильного изделия.

Выводы

На погребенном была одежда из шерстяной ткани саржевого переплетения, подпоясанный поясом, и сверху был надет плащ из шерстяной ткани саржевого переплетения (2/1). Пол камеры был перекрыт берестой и, вероятно, подстилкой из шерстяной ткани полотняного переплетения. Статус погребенного можно определить как достаточно высокий, поскольку в погребении найдены дорогие шелковые ткани и шерстяные ткани высокого качества (в основном в нитях преобладает пух). Это подтверждается и некоторыми другими нетекстильными находками, например наборным поясом с подвешенной сумочкой, а также самим обрядом – погребением под курганом в просторной деревянной камере.

Наличие тканей из Средиземноморского региона, Китая или Дальнего Востока подтверждает тезис о вхождении Гнёздова в систему международных торговых связей, объединяющих Восток и Запад.

Приношу свою благодарность к.и.н. Орфинской О.В., к.и.н. Пушкиной Т.А., к.б.н. Голикову В.П. за оказанную помощь в подготовке данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Отчет Смоленской археологической экспедиции МГУ за 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15792.
- Давидан О.И.* Ткани курганов юго-восточного Приладожья // Кочуркина С.И. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Ефимова Л.Е.* Ткани финно-угорских могильников I тыс. н.э. // КСИА. 1966. Вып. 107.
- Иерусалимская А.А.* Кавказ на шелковом пути: Каталог выставки. Л., 1992.
- Кусцинский М.Ф.* Гнёздово. Из журнала раскопок курганов в Смоленской губ. в августе 1874 г., произведенных по поручению Московского археологического общества // Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. I. Памятники культуры. М., 1999 (Тр. ГИМ; Вып. XXXVI).
- Липенков Я.Я.* Общая технология шерсти. М., 1954.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на шелковом пути. М., 1994.
- Нахлик А.* Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // МИА. 1963. № 123.
- Спицин А.А.* Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15.
- Фехнер М.В.* Ткани из Гнёздова // Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер. М., 1999 (Тр. ГИМ; Вып. 111).
- Щербакова Е.Е.* Текстиль из раскопок Гнёздово: Дипломная работа. М., 2004 (рукопись).
- Daniël De Jonghe.* Etude technologique du Linceul // Bulletin de l'IRPA 29–2001/2002. Brussel, 2003.
- The Byzantine silk industry // J. medieval History. 19. Muthesius, 1993.
- The Glory of Byzance. Catalogue of exhibition. N.Y., 1997.

Textiles from a man's burial in kurgan Ц-160 at Gnezdovo

Ye. Ye. Scherbakova

Summary

The article presents the analysis of textiles from a man's burial in kurgan Ц-160 of the Gnezdovo archaeological complex. The author used experimental methods to investigate the technological characteristic of the textiles. The resulting data allowed to reconstruct details of the attire and of the funeral rite.

ВОЛОБУЕВСКИЙ КЛАД КУФИЧЕСКИХ ДИРХЕМОВ X в. ИЗ КУРСКОГО ПОСЕМЬЯ

© 2010 г. В. В. Енуков*, В. П. Лебедев**

* Курский государственный университет

** г. Дзержинск, Нижегородская область

История клада, хранящегося в музее г. Дмитриев Курской области под № 110, подробно проанализирована в специальной работе (Енуков, 2005а. С. 60–64). Кратко ее результаты сводятся к следующему. Клад из 82 обрезанных в круг арабских дирхемов общим весом 61.4 г был найден в 1947 г. в д. Волобуево бывшего Стрелецкого района Курской обл. Средний вес одного обрезанного дирхема составил 749 мг. В следующем 1948 г. клад вместе с глиняной кубышкой, в которой он был найден, был сдан его находчицей А.П. Посажковой в Дмитриевский музей. В настоящее время в кладе сохранилось 58 обрезанных в круг куфических дирхемов, два из которых являются половинками кружка. Суммарный вес всех 58 монет равен 43.73 г, а средний вес одной монеты – 754 мг. Подробному изучению этих 58 обрезанных в круг дирхемов и посвящена данная работа.

Кратко остановимся на характеристике региона, в котором был найден нумизматический комплекс. Впервые к мысли о связи круглых вырезок с “Курской землей” пришел еще более полувека назад В.Л. Янин (1956. С. 142–151). Тогда такого рода заключение имело в немалой степени характер предположения, так как базировалось на относительно небольшом количестве находок, однако в последующем их число многократно увеличилось. На сегодняшний день в междуречье Сейма и Псла известно 11 кладов, основу которых составляют круглые вырезки. Они представлены тремя комплексами из Курска (1946, 1998, 1999 гг.), кладами в Коренной Пустыни, Березе (1910 г.), Воробьевке 2-й, Жидеевке, Волобуево, Красниково, Шпилевке, на Ратском городище (Янин, 1956. Табл. I, II; Петров, Калинин, 2004. С. 184–204; Енуков, 2005а; б. С. 149–154. Табл. 4; Лебедев и др., 2009). Условно к ним можно отнести еще клад с географической привязкой “Курск–Орел” (Фомин, 2002). Не вызывает сомнений принадлежность по крайней мере подавляющего большинства этих находок населению роменской археологической культуры, основная часть которой в современной историографии

практически бесспорно отождествляется с северянами летописей. В письменных источниках в конце XI–XII в. упоминаются “семечи” и “Посемье” (последний термин – многократно), что является отражением более древних реалий, восходящих к X в. (Енуков, 1997; 2002. С. 3–7; 2005б. С. 11–56). Посемье помимо многочисленных монетных кладов отличается от остального мира северян ряд археологически фиксируемых специфических черт (заметно повышенная концентрация памятников, своеобразная структура расселения, в основе которой – система крепостей, активное участие населения в дальней торговле). Судя по всему, семичи представляли собой наиболее динамично развивающуюся часть северянского объединения. Развитие Посемья было прервано насильственным путем, свидетельством чему являются следы пожаров, которые отмечаются практически на всех исследованных позднероменских поселениях. Сменившие их древнерусские памятники имеют заметные отличия, что с одной стороны только подчеркивает резкий, переломный характер смены культур, а с другой – отражает процесс расширения Руси с центром в Киеве за счет соседних территорий (Енуков, 2005б. С. 275–306). Имеются и нумизматические иллюстрации к общей картине насильственного присоединения Посемья. Заметная часть кладов с круглыми вырезками содержит младшие монеты, чеканенные в середине 970-х годов. Позднее клады дирхемов в Посемье становятся крайне редкими (Шпилевка, возможно, Курск–Орел).

Таким образом, на историческом фоне региона находка Волобуевского клада выглядит, скорее, закономерной, нежели случайной. На рис. 1 приведены снимки всех 58 монет клада, а в табл. 1 – атрибуция и другие характеристики каждой монеты. Династийную принадлежность удалось установить лишь для 36 обрезанных дирхемов, из которых 33 монеты принадлежат династии Саманидов и три – Зийаридов. Половина кружков (29 экз.) вырезаны из центральной части дирхемов, и на них не попали выпускные данные, располагавшиеся на первой

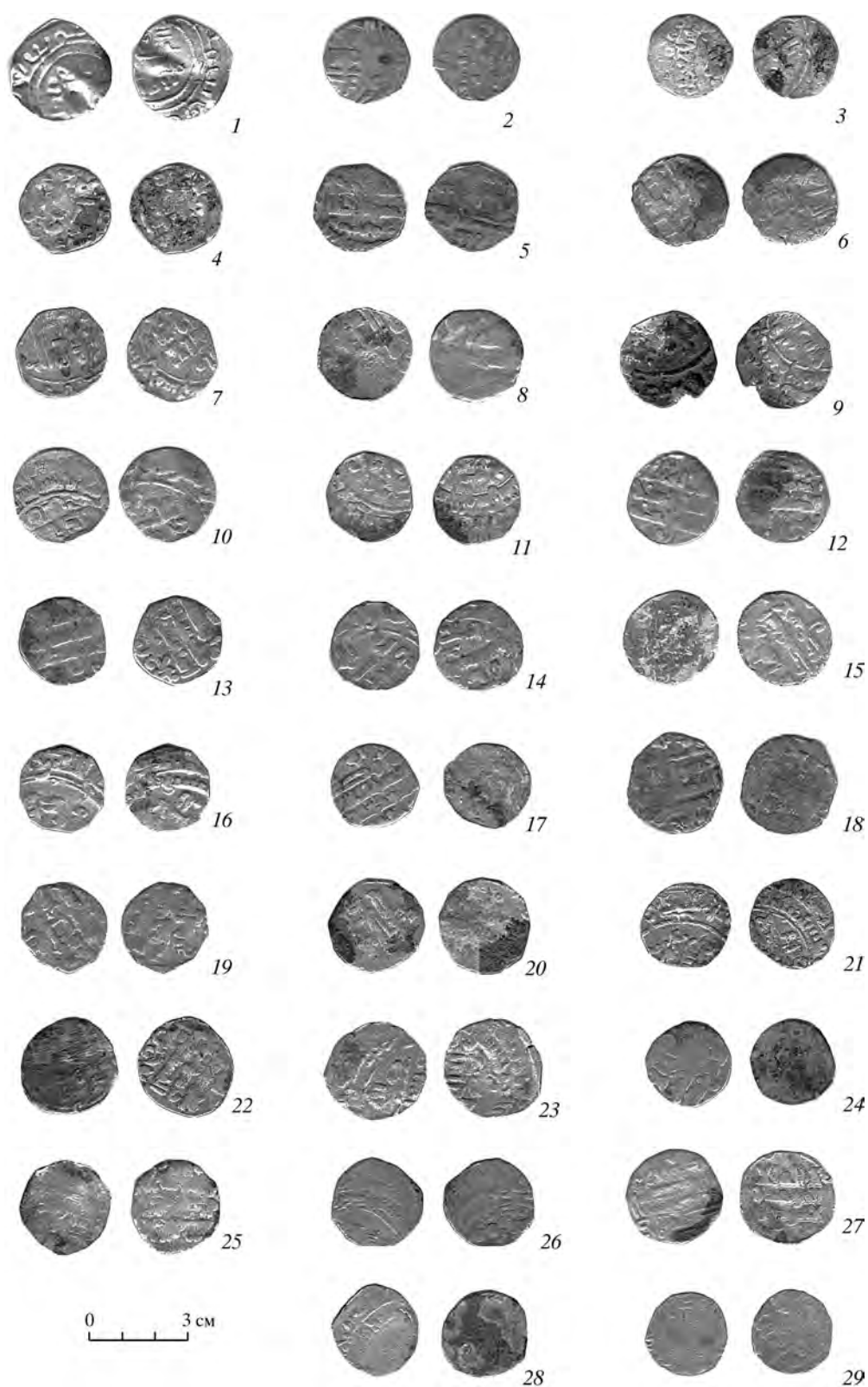

Рис. 1. Волобуевский клад (нумерация соответствует инвентарным номерам фондохранения Дмитриевского музея, а также табл. 1).

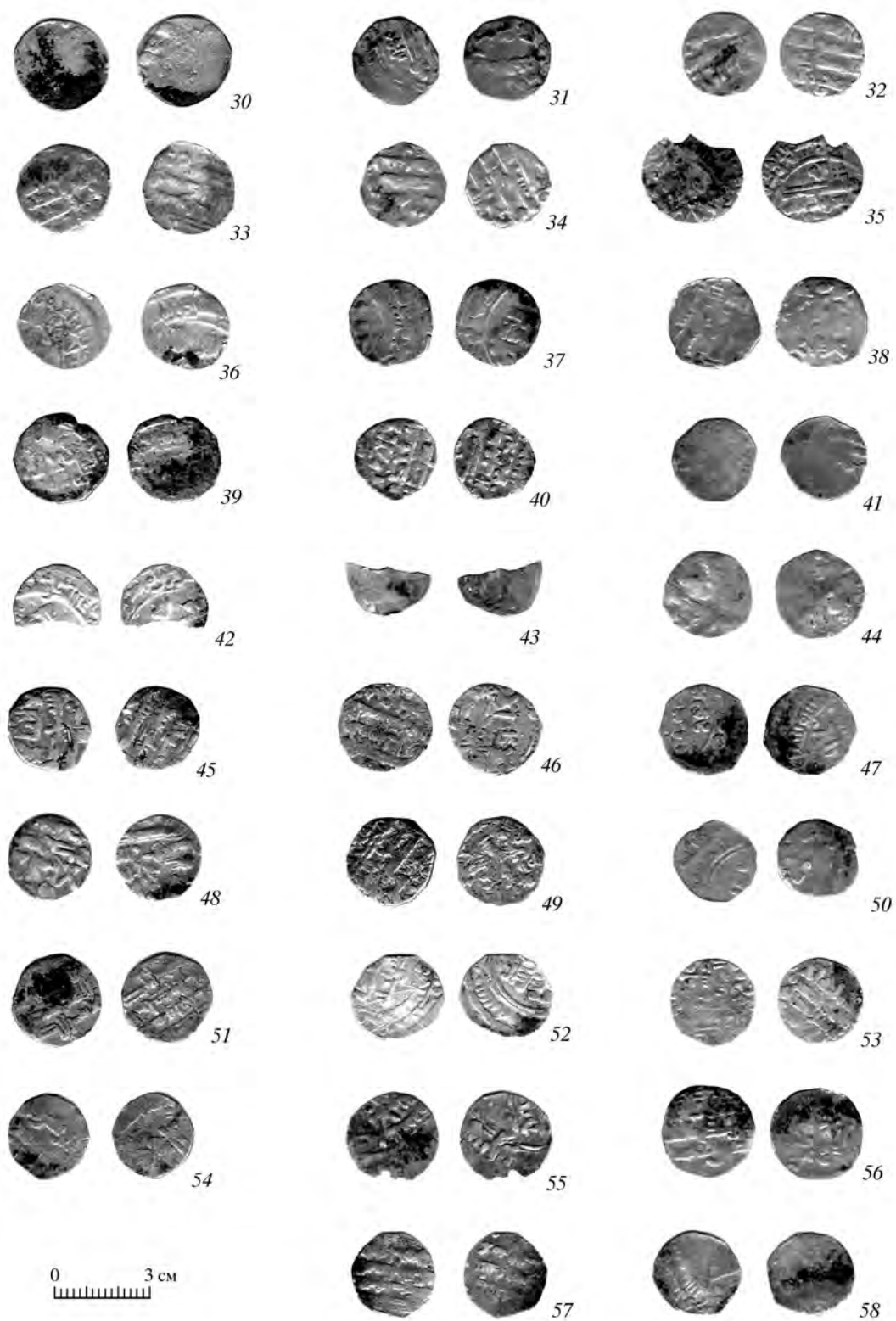

Рис. 1 (Окончание).

Таблица 1. Волобуевский клад. Атрибуция и метрологические характеристики монет

№ п/п	Л.с. (в поле)	1-я круговая легенда	О.с. (в поле)	Дмин–Дмак (мм)	Дср (мм)	Вес (г)	Вырезок из		Примечания
							центра	края	
1		Отсутствует	Вдавленный след от удара	13.7–15.3	14.5	0.67		+	Брактеат, династия ?
2	НСВ*	Не четкий фрагмент	ПСВ**	11.3–12.5	11.7	0.75		+	Саманиды
3	—"	—"	—"	10.5–12.3	11.4	0.67		+	Подражание, пробито
4	Фаик/НСВ	Не видна	ПСВ/ал-Мути /.....	11.2–12.8	12.0	0.69	+		Саманиды
5	НСВ/ф.♣	—"	ПСВ	11.7–12.9	12.3	0.95	+		Бувейхиды ?
6	НСВ/■	—"	ПСВ/ ар-Р(ади), Наср б. Ахмад	11.3–13.5	12.5	1.12	+		Саманиды
7	Фаик/НСВ	357	ПСВ/ал-Мути/(Мансур б.)Нух	11.6–12.9	12.3	0.68		+	—"
8	■/НСВ	Не видна	ПСВ	12.0–13.4	12.7	0.90	+		—"
9	НСВ	Не информативная часть	Пусто	12.1–13.5	13.0	0.75		+	—"
10	НСВ/Фаик	Аш-Шаш	ПСВ	11.7–13.5	12.6	0.65		+	Тизенгаузен, 1855. С. 224–229 360–367 гг. х.
11	π/НСВ	Не информативная часть	ал-Муттаки/Нух б. Наср	11.4–12.5	12.0	0.60		+	Тизенгаузен, 1855. С. 186 Шаш, 332 г. х.
12	НСВ	Не видна	ал-Мустакфи/Нух б. Наср	11.7–13.0	12.4	0.69	+		Саманиды
13	НСВ	Не видна	ПСВ/ал-Муттаки/Нух б. Наср	11.6–13.0	12.3	0.68	+		—"
14	НСВ/φϑ ϑ	Бухара	ПСВ	11.5–13.3	12.4	0.75		+	Тизенгаузен, 1855. С.194 Бухара, 335 г. х.
15	НСВ	Не видна	Пусто	12.2–13.4	12.8	1.00	+		—"
16	НСВ /...□≈	(3)5 (7/9?)	ПСВ/ ал-М(ути)/ Ман(сур)	11.4–12.4	11.9	0.90		+	—"
17	НСВ /...⊂ ϑ	Не видна	ПСВ/ал-Муктадир/....	11.1–12.4	11.8	0.68	+		Саманиды
18	НСВ	—"	ПСВ/ал-Мути/Мансур/б. Нух	12.7–14.3	13.5	0.85	+		—"
19	—"	—"	ПСВ	12.0–13.1	12.6	0.95	+		—"
20	Пусто	—"	ПСВ/ ар-Ради/ Наср б. Ахмад	13.1–13.9	13.5	1.15	+		—"
21	НСВ/Фаик	Аш–Шаш	.../(Ман)сур/(б). Нух	12.4–13.4	12.9	0.65		+	Тизенгаузен, 1855. С. 225–228. 361–366 г. х.
22	НСВ	Не видна	ПСВ/ал-Мустакфи/ Нух б. Наср	13.2–15.4	14.5	1.10	+		—"
23	—"	(Самар) канд	ПСВ	13.6–15.1	14.4	0.85		+	—"
24	—"	Не видна	Пусто	11.6–12.5	12.1	0.55	+		?
25	—"	—"	ПСВ/.../Нух б. Наср	12.3–13.3	12.8	0.65	+		?

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Л.с. (в поле)	1-я круговая легенда	О.с. (в поле)	Дмин–Дмак (мм)	Дср (мм)	Вес (г)	Вырезок из		Примечания
							центра	края	
26	—	(3)50	ПСВ/.../ Абу Мансур Вушмагир	12.5–13.6	13.1	1.15		+	Зийариды
27	НСВ/♠♠	Не видна	ПСВ/.../ (Исхак ?) б. Ахмад	12.8–14.6	13.7	1.00	+		Саманиды
28	Пусто	(Самар) канд	Пусто	11.9–13.3	12.6	0.65		+	—
29	НСВ	Не видна	—	11.4–12.5	12.0	0.40	+		?
30	Пусто	—	—	13.1–14.5	13.8	0.95	+		?
31	Не видно	Не информативная часть	... /Манс(ур) /б. Нух	12.7–13.8	13.3	0.75		+	Саманиды
32	НСВ	Не видна	ПСВ/ал-Мустакфи/ Нух б. Наср	12.5–13.5	13.0	0.80	+		—
33	«/[ф⊆сх]≈A □...х[≈A	—	ПСВ/ал-Мустакфи/ Нух б. Наср	13.6–14.9	14.5	0.75	+		Тизенгаузен, 1855. С. 301–206. 340–343 гг. х.
34	■/НСВ/♠♠	—	ПСВ/ал-Мустакфи/ Нух б. Наср	13.2–13.7	13.5	0.65	+		Саманиды
35	НСВ/■	Не разборчива	ПСВ /.../...Захир	15.0–15.7	15.4	0.67		+	Зийариды
36	Пусто	—	Пусто	12.8–14.3	13.6	0.68		+	?
37	Пусто	(3)64	ПСВ/Рукн ад-Дав(ла).. / Зах(ир)..	12.3–13.9	13.1	1.15		+	Зийариды
38	НСВ/♠♠	Не видна	ПСВ/ал-Мустак(фи)/ Нух б. Наср	13.4–14.5	14.0	0.95	+		Саманиды
39	НСВ	(3)30	Пусто	13.3–14.3	13.8	0.90		+	?
40	Фаик/НСВ	Не видна	ПСВ/(ал-)Мути/(Ман) сур б.Нух	11.4–12.7	12.0	0.50	+		Саманиды
41	Пусто	—	Пусто	11.8–13.1	12.5	0.40		+	?
42	НСВ	Не информативная часть	ПСВ	обломок в 2/3	(13.2)	0.45 (0.67*)		+	?
43	Пусто	Пусто	Пусто	обломок в 1/3	(13.5)	0.15 (0.45*)		+	?
44	—	Не видна	—	12.8–13.8	13.3	0.45		+	?
45	НСВ	—	ПСВ/(ар-)Ради/ Наср б. Ахмад	13.2–14.6	13.9	1.00	+		Саманиды
46	НСВ/♠♠	—	ПСВ/ал-Мустакфи/ Нух б. Наср	13.7–14.8	14.2	1.00	+		—
47	НСВ	34х	.../(Абд) ал-Малик/б. Нух	13.5–14.3	13.9	0.65		+	—
48	Фаик/НСВ	Не видна	ПСВ/(ал-Му)ти/...Нух	13.1–13.6	13.4	0.65	+		—
49	НСВ/♠♠	—	ПСВ /.../ Нух б. Наср	13.2–14.4	13.8	1.15	+		—
50	НСВ	3хх	Пусто	12.0–12.6	12.3	0.68		+	?
51	—	Не видна	ПСВ/ал-Муктадир/ Наср б. Ахмад	13.8–14.8	14.3	1.27	+		Саманиды
52	НСВ	Стерта	ПСВ/.../... (б. Ахмад)	12.6–14.4	13.5	0.65		+	—

Таблица 1 (окончание)

№ п/п	Л.с. (в поле)	1-я круговая легенда	О.с. (в поле)	Дмин–Дмак (мм)	Дср (мм)	Вес (г)	Вырезок из		Примечания
							центра	края	
53	НСВ/...≈A □...≈A	Не видна	ПСВ/ал-Мустакфи/ Нух б. Наср	13.0–14.0	13.5	0.60	+		Тизенгаузен, 1855. С. 301–206 340–343 гг. х.
54	НСВ	Стерта	ПСВ	12.2–12.8	12.6	0.67	+		?
55	.../..B_↵≈A	3хх	Пусто	13.8–14.4	14.1	0.67	+		?
56	НСВ	Не видна	ПСВ/ар-Ради/ Наср б. Ахмад	14.3–15.3	14.8	0.80	+		Саманиды
57	—”—	—”—	.../ал-Муктадир/(Нас) р б. Ахмад	12.7–13.6	13.2	0.65	+		—”—
58	Пусто	Не разбор- чива	ПСВ	12.3–13.7	13.0	0.65		+	?
ВСЕГО:							29	29	

* Негативная часть суннитского символа веры.

** Позитивная часть суннитского символа веры.

*** Расчетный вес целого кружка.

круговой легенде. Остальные 29 вырезаны у края дирхемов, поэтому на них видна небольшая часть круговой легенды. К сожалению, даты попали на кружок лишь у пяти монет: 330; (3)50; (3)57; (3)5(7/9); (3)64 гг. х. Еще для четырех дирхемов по типологическим признакам удалось установить дату выпуска: 320, 331, 332 и 335 гг. х. (табл. 2). Хронология остальных монет могла быть определена только в некотором интервале годов выпуска с опорой на даты правления правящего эмира и багдадского халифа, а также других лиц, имена которых иногда помещались на дирхемах. Такую примерную датировку удалось осуществить еще для 26 вырезков (табл. 2).

Старшей монетой определимой части клада является дирхем Насра б. Ахмада, чеканенный при халифе ал-Муктадире (301–320/913–932 гг.). Претендентов на младшую монету несколько: зийаридский дирхем 364/974–975 гг. и два саманидских дирхема с несохранившимися датами – один, чеканенный при халифе ал-Мути и с именем сановника Фаик (354–369/965–980 гг.), второй – с именем только Фаика (354–374/965–985 гг.). Полагаем, что даты обоих дирхемов в большей степени вероятности приходятся на середину указанных хронологических интервалов, нежели на их пограничья. Таким образом, чеканку младших монет Волобуевского клада с определенной долей осторожности можно отнести к середине 970-х годов.

Надо, однако, не забывать, что даты сокрытия кладов куфических дирхемов, определяемые по

младшим монетам в них, всегда занижены на срок доставки дирхемов из стран их выпуска в Восточную Европу и какого-то времени их обращения на новой территории до момента их выпадения. Случаи, когда, казалось бы, точную хронологию кладов можно еще более уточнить, конечно же редки, что вполне понятно. Впервые к этому вопросу позволили обратиться материалы Великого Новгорода. В 27 ярусе (972–989 гг.) были найдены 1 и 2-й Неревские клады, в которых младшими были дирхемы, чеканенные соответственно в 971–972 и 974–975 гг. (Янина, 1956. С. 180–207; 1963). В результате максимальный разрыв между датой чеканки и выпадением клада мог достигать 14–17 лет. Справедливости ради надо отметить, что он мог быть и меньшим, теоретически вплоть до сравнительно небольшого, буквально в несколько лет, когда напластования яруса были в начальной стадии формирования. В связи с этим крайне интересен клад с младшими монетами конца 920 – начала 930-х годов, найденный в 27/28 ярусах Троицкого раскопа (950–990 гг.) (Гайдуков и др., 2000). Минимальный разрыв здесь как раз фиксируется примерно в 20 лет, тогда как максимальный мог достигать более полувека. На еще один случай возможности дополнительной датировки, правда, на примере отдельной монеты, обратил внимание А.П. Моця. В погребении 123 Киевского некрополя, которое не могло быть совершено ранее начала строительства Десятинной церкви в 989 г., присутствовал дирхем времен правления Мансура ибн Нуха (961–976 гг.). Следовательно, между датой чеканки и временем

Таблица 2. Волобуевский клад. Дирхемы с точными или интервальными датировками

№ п/п	№ по табл. 1	Эмир	Халиф	Другие имена и титулы	Датировка гг. х.
1–2	51, 57	Наср б. Ахмад	Ал-Муктадир	Нух (б. Наср)	301–320
3	17	Он же	Он же		320
4–7	6, 20, 45, 56	Он же	Ар-Ради		322–329
8	39				330
9	27	(Исхак?) б. Ахмад			331
10	52	(Наср) б. Ахмад	?		301–331
11	11	Нух б. Наср	Ар-Ради		332
12	13	Он же	Ал-Муттаки		331–333
14–19	12, 22, 32, 34, 38, 46	Он же	Ал-Мустакфи*		333–343*
20–21	25, 49	Он же	?	Ал-Малик, Ал(-Муайид)	331–343
22–23	33, 53	Он же	Ал-Мустакфи		340–343
24	47	Абд ал-Малик	?		343–349
25	26	Абу Мансур Вушмагир	?		350
26–27	18, 31	Мансур б. Нух	Ал-Мути		350–366
28–29	40, 48	Он же	Ал-Мути	Фаик	354–366
30	7	Он же	?	Фаик	357
31	16	Мансур б. Нух	Ал-Мути		35(7/9?)
32	21	Он же		Фаик	361–366
33	37	Захир ад-Давла...	?		364
34	4	?	Ал-Мути**	Фаик***	354*** 369**
35	10	?	?	Фаик	360–367

* Имя халифа ал-Мустакфи, свергнутого в 334 г. х., на саманидских дирхемах помещалось до 345 г. х.

** Имя халифа ал-Мути, смещенного в 363 г. х., на дирхемах помещалось по 369 г. х.

*** Имя сановника Фаик на саманидских дирхемах встречается с 354 по 374 г. х.

возведения курганной насыпи прошло не менее 13, но и не более 28 лет (Моця, 1987. С. 98). Особенно важной является находка в Саркеле, что объясняется определенной близостью ситуаций, в результате которых выпали клады. Город был взят Святославом в 965 г. Причиной выпадения последних посемских кладов есть все основания считать так же военную кампанию, организованную Киевом. Саркельский клад, обнаруженный в слое, образовавшемся в результате разгрома города, содержал помимо гарнитур двух воинских поясов дирхемы, относящиеся к периоду с 907 по 954 г. (Плетнева, 2006. С. 37). В данном случае минимальный разрыв достигает 9 лет.

Таким образом, наиболее обоснованные, насколько это возможно, пределы хронологических “разрывов” укладываются в 10–20 лет. Эти расчеты близки уже имеющимся в литературе. К мысли о том, что саманидские дирхемы из Средней Азии

очень быстро поступали в Волжскую Булгарию, однако попадали в землю примерно через два десятилетия, пришел Т.С. Нунан (2004. С. 299, 300). А.П. Моця, проанализировав среднеднепровские захоронения с монетами, считает, что от момента чеканки до времени их использования в качестве погребального инвентаря проходило 10–20 лет (1987. С. 98). Следовательно, сокрытие Волобуевского клада реально приходилось на середину 980 – середину 990-х годов.

Характер распределения монет по десятилетиям имеет смысл проанализировать отдельно для 23 монет, вырезанных из центральной части дирхемов, и для 12, вырезанных у их края (рис. 2). Три четверти монет центральной вырезки сосредоточены в интервале от 930 до 950-х годов при максимуме распределения, который приходится на 940-е годы. С этим временем совпадает и первый, менее выраженный пик монет, вырезанных у края, однако

их максимум наблюдается в 960–970-е годы. На эти два последних десятилетия приходится 58.3%. В целом выборка невелика, что особенно справедливо относительно дирхемов второй группы, однако, на наш взгляд, здесь прослеживается определенная тенденция: поздние монеты клада гораздо чаще вырезались из крайних частей дирхемов, нежели из центральных.

Обратимся к метрологии обрезанных дирхемов изучаемого клада. На рис. 3 приведены весовые гистограммы всех монет клада, построенные с округлением веса до 0.1 г. Монеты центральной вырезки имеют два максимума при значениях 0.7 и 1.0 г. Для монет, вырезанных у края, наблюдается только один максимум при значении 0.7 г. С учетом характера распределения монет по десятилетиям следует считать, что из дирхемов 930–950-х годов обычно вырезалась их центральная часть, при этом она подгонялась как под норму в 1.0 г, так и 0.7 г. В свою очередь, из поздних дирхемов, чеканенных в 960–970-х годах, кружки гораздо чаще изготавливались из крайних частей, причем в своем большинстве они имели вес 0.7 г.

Как оказалось, форма всех монет не является правильным кругом, а представляет собой овал, поэтому на рис. 4 построены гистограммы отдельно для минимальных и максимальных значений диаметров всех 58 монет. В обоих случаях наблюдается по два максимума – 13.5 и 14.5 мм для минимальных, 15 и 16.5 для максимальных значений. Таким образом, как и при анализе весовых данных, по размерам монет выявляется две нормы вырезки, соответствующие размерам 13.5 × 15 и 14.5 × 16.5 мм. Разница между максимальными и минимальными размерами для этих пар составляет 1.5 и 2 мм, или 10.5 и 13%. Очевидно, что меньшие размеры соответствуют весовой норме в 0.7 г, а большие – в 1.0 г. Отметим, что при анализе этих параметров отдельно для монет, вырезанных из центра и у края дирхемов, результат оказался абсолютно тем же, поэтому эти гистограммы не приводятся. Среднее значение овальности монет, вырезанных из центра, составило 11, а из края – 10%.

На форму вырезков в прежних исследованиях не обращалось внимания, а выявленная их овальность является одним из объективных свидетельств, характеризующих технологию процесса вырезки. Другой неожиданной особенностью формы монет клада оказался неплавный контур у многих из них. У половины монет клада их форма имеет вид неправильного многоугольника (при этом 16 монет вырезаны у края, а 13 из центра). Таким образом, эллипсоидальная форма с разной степенью вытянутости всех монет клада и угловатый контур у

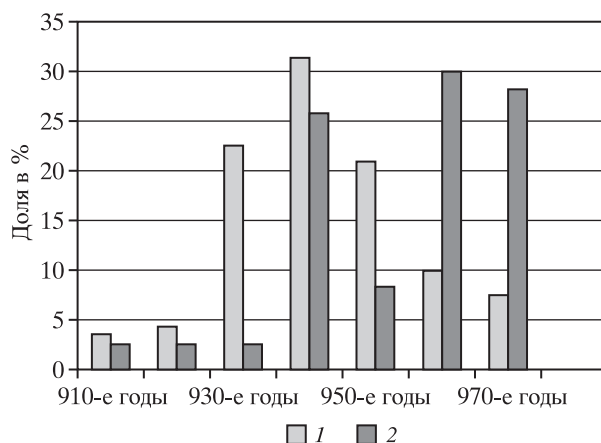

Рис. 2. Волобуевский клад. Распределение монет по датам выпуска (1 – вырезки из центра; 2 – вырезки из крайних частей монет).

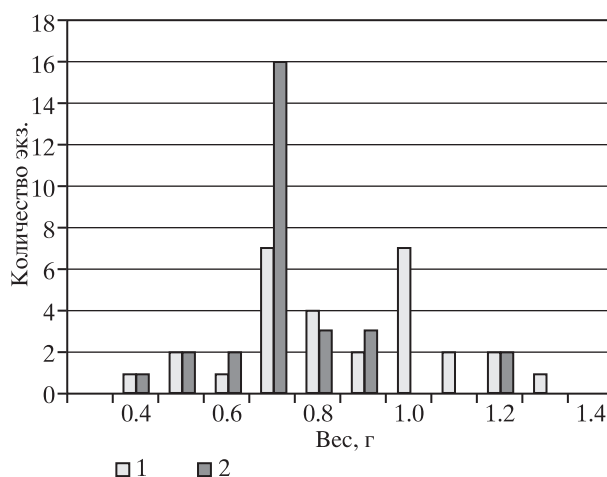

Рис. 3. Волобуевский клад. Гистограмма веса обрезанных в кружок монет (1 – вырезки из центра; 2 – вырезки из крайних частей монет).

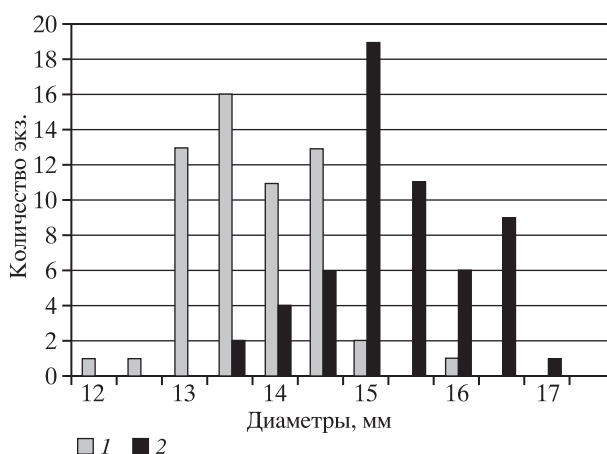

Рис. 4. Волобуевский клад. Размеры монет (1 – минимальные диаметры; 2 – максимальные диаметры).

Таблица 3. Клады куфических дирхемов, обрезанных в круг по разным весовым нормам

Место находки	Дата младшей монеты	Весовая норма, г	Средний диаметр, мм	Источники
Курск, 1999 г.	336/947	2.1–2.2	24–25	Петров, Калинин, 2004. С. 182, 183
Ратское городище, Курский р-н Курской обл., 1999 г.	329/940	1.3–1.4	18–20	Петров, Калинин, 2004. С. 184–193
Курск, 1998 г.	343/954	1.1–1.3	17–18	Петров, Калинин, 2004. С. 200–204
д. Переверзево, Курский р-н Курской обл., 2002 г.	347 / 958	1.0–1.3	17–18	Петров, Калинин, 2004. С. 193
д. Красниково, Курский р-н Курской обл., 1970-е	357/968	0.8	14.5	Лебедев и др., 2008
д. Волобуево, Курский р-н Курской обл., 1947 г.	364/975	1.0	15.5	КОКМ
д. Воробьевка 2-я, Золотухинский р-н Курской обл., 1965 г.	365/976	0.7	14	
		1.3	?	
		1.15	17	
		1.0	16	
		0.85	15	
		0.6–0.7	?	
Курск–Орел, 2002 г.	980-е годы	0.5–0.8	?	Фомин, 2002
Восточная Латвия (?), 1988 г.	980-е годы	0.6–0.7	?	Марков, 1988. С. 11

половины из них указывают на то, что монеты не вырубались из дирхемов инструментом круглого сечения, а вырезались ножницами.

Таким образом, анализ метрологии и морфологии вырезков Волобуевского клада приводит к следующим выводам.

1) В клад с младшими дирхемами середины 970-х годов из денежного обращения попали монеты, обрезанные под две весовые нормы в 1.0 и 0.7 г.

2) Монеты большей весовой нормы преимущественно вырезались из дирхемов 930–950-х годов, а меньшей чаще из дирхемов 960–970-х годов.

3) Вырезка монет производилась ножницами без использования вырубного инструмента.

В заключение остановимся на еще одном аспекте общей проблемы обращения обрезанных в кружок дирхемов. В курских кладах, несмотря на тяготение к определенным стандартам, их вес колеблется в довольно широких пределах от 0.6 до 2.2 г. В связи с этим возникает вопрос, было ли хождение разных весовых норм синхронным или асинхронным. К сожалению, далеко не все известные клады изда ны с исчерпывающей информацией по метрологии монет, поэтому круг источников для решения поставленного вопроса является довольно ограниченным. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют наметить пути его решения. Как следует из табл. 3, просматривается достаточно отчетливая зависимость введения в обращение

обрезанных монет по разной весовой норме от времени. Самые крупные номиналы в 2.1 и 1.35 г вырезались из дирхемов 940-х годов, номинал в 1.2 г реализовался из дирхемов 950-х, 0.8 г – из дирхемов 960-х и самый младший в 0.65 г – из дирхемов 970-х годов. Несомненно, что по мере накопления новых данных по метрологии обрезанных в круг дирхемов выявленная зависимость будет уточняться, но сам факт ее существования представляется вполне обоснованным.

Обсуждение вопроса, каким единицам денежно-весовой системы соответствовали выявленные весовые нормы, выходит за рамки настоящей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдуков П.Г., Федоров-Давыдов Г.А., Янин В.Л. Новый клад куфических монет X в. из Новгорода // Восьмая ВНК. Москва, 17–21 апреля 2000 г. М., 2000.
- Енуков В.В. О содержании летописного термина “Посемье” // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения Дмитрия Ивановича Багалея. Харьков, 1997.
- Енуков В.В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002.

- Енуков В.В.* Клад восточных монет X в. из г. Дмитриева // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005а.
- Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей // Сер. в 20 тт. Курск, 2005б (Курский край; Т. III).
- Лебедев В.П., Сотников А.В., Шпилев А.Г.* Клад арабских и византийских монет третьей четверти X в. из деревни 1-е Красниково (Котовец) Курской обл. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М., 2009.
- Марков Д.Б.* Клад обрезанных в кружок дирхемов из Восточной Латвии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988.
- Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987.
- Нунан Т.С.* Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004.
- Петров П.Н., Калинин В.А.* Обрезанные куфические дирхемы X в. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. М.; Нижний Новгород, 2004.
- Плетнева С.А.* Древнерусский город в кочевой степи: Историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006.
- Тизенгаузен В.А.* О саманидских монетах // ЗИРАО. 1855. Т. VI.
- Фомин А.В.* Южнорусский клад куфических дирхемов конца X в. // Тез. докл. и сообщений X ВНК. М., 2002.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
- Янина С.А.* Неревский клад куфических монет X в. // МИА. 1956. № 55.
- Янина С.А.* Второй Неревский клад куфических монет X в. // МИА. 1963. № 17.

Volobuevo hoard of 10th-century Kufic dirhams from the area of the Seim river basin in Kursk oblast

V. V. Yenukov, V. P. Lebedev

Summary

The hoard of Arab dirhams (58 extant), the latest of which were coined in the middle of the 970-s, was discovered in 1947 near the village of Volobuevo in the environs of Kursk. All the coins were cut into circular shape to fit the weight norms of 0.7 and 1 grams. The analysis of the hoard showed that the coins of the higher weight norm were cut mainly from dirhams of the 930-s – 950-s, and those of the lesser weight norm mainly from dirhams of the 960-s – 970-s. The first group were more often cut from the central part of the dirhams, and those of the second group – from the side.

ДОКРЕМЛЕВСКАЯ МОСКВА: НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ТОПОГРАФИИ И КЕРАМИКЕ ДАНИЛОВСКИХ СЕЛИЩ X/XI–XIV вв.

© 2010 г. Л. А. Беляев, Н. А. Кренке, С. Г. Шуляев

Институт археологии РАН, Москва

Мысль о существовании “докремлевской”, доньяжеской Москвы волновала уже древнерусских книжников, археологов же занимает со времен Зориана Доленги-Ходаковского. На ее роль предлагали чуть ли не все пригодные для создания укрепленных поселений мысы в долинах рек Москвы (Обыденское городище и устье ручья Черторый), Неглинной (Троицкая горка и место храма Николы в Драчах), Язуы (мыс при ее впадении в Москва-реку и Городище у Андроникова монастыря) и более мелких. Некоторые из них частично изучали в натуре (мыс на Котельнической набережной, Троицкая горка, монастырь в Драчах и др.). В поле зрения попадали и мало пригодные для укрепленных поселений зоны, которые пытались ассоциировать с мифическими “селами красными боярина Кучки” (церковь Троицы у Старых Поль), приречным торгом на посаде (Зарядье, кремлевский Подол). Разумеется, был среди претендентов и главный московский мыс в устье р. Неглинной, т.е. Кремль: материалы работ здесь в 1959–1960 гг. вызвали довольно активную дискуссию, причем поднятые вопросы и сегодня не решены до конца.

Во многих из этих пунктов обнаружили следы домонгольских поселений, но они не восходили к периоду ранее XII–XIII вв. (несмотря на все попытки доказать их значительную древность). Зато парадоксальным образом материалы “предкремлевского” периода оказались представлены в Даниловом монастыре – местности, от которой ожидали, скорее, слоев конца XIII в. При работах 1983–1990 годов на обоих берегах засыпанной в XIX в. речки Даниловки, в тонком (25–40 см) пласте, лежавшем непосредственно по погребенной почве и содержащем в изобилии очажные выбросы, обгоревшие камни и кости животных, обнаружилась характерная лепная керамика конца X в. и в том же слое раннегончарная керамика и вещи “нормального” для городов и селищ облика (два грушевидных крестопрорезных бубенчика, три шиферных пряслица, железные ножи с толстым и коротким лезвием, костяные проколки, височное кольцо “деснинского типа”, медный пластинчатый браслет; в 2006 г., к ним добавилось калачевидное кресало),

которые можно уверенно датировать XI–XIII вв. (рис. 1).

Таким образом, Даниловское селище (на археологических картах селища Даниловское-1 и Даниловское-2, см.: Кренке, 2004б. № 80, 80а) оказалось довольно крупным приречным поселением, существовавшим или периодически возобновлявшимся на том же месте на протяжении примерно 250–300 лет, вплоть до рубежа XIII–XIV вв., когда мы узнаем из письменных источников о создании здесь Данилова монастыря с его селом и позже слободой (их материалы мы не затрагиваем, см.: Беляев, 1993. С. 84–87; 1994. С. 101–151; 1995. С. 84–112; Беляев и др., 2007. С. 135–149).

Сегодня пришла пора вновь обратиться к Даниловскому селищу. За истекшие годы здесь собраны новые материалы; продвинулось изучение других раннеславянских и предславянских поселений на Москве-реке и ее притоках (прежде всего Пахре) и общие исследования культур I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Вновь обострился в связи с начавшейся “охотой на юбилей” городов вопрос о “докремлевской” Москве, и в то же время накапливается все больше аргументов “от отсутствия”. В современной Москве идут крайне активные земляные работы, сопровождаемые и археологическим надзором, и полнопрофильными раскопками в основных частях города, Кремле и Китай-городе, Занеглименье, Чертолье, Заяузье, большинстве древних монастырей. Но памятника, аналогичного Данилову в культурном и хронологическом отношении, в черте Москвы обнаружить не удастся. На таком фоне давно известные материалы Данилова выступают все рельефнее, ведь он остается самым близким к центру города поселением XI в.

В 2000-х годах в районе Данилова монастыря археологические работы велись трижды. В 2005 г. ЦАИ ГУОП г. Москвы¹ провел надзор (частичные зачистки с отбором находок) в ходе большого строительства к северу от его стен, за трамвайной линией (ул. Даниловский Вал, 13). Здесь, на обширном участке комплекса старого конюшенного

¹ Благодарим А.Г. Векслера за возможность ознакомиться с материалами его неопубликованного отчета.

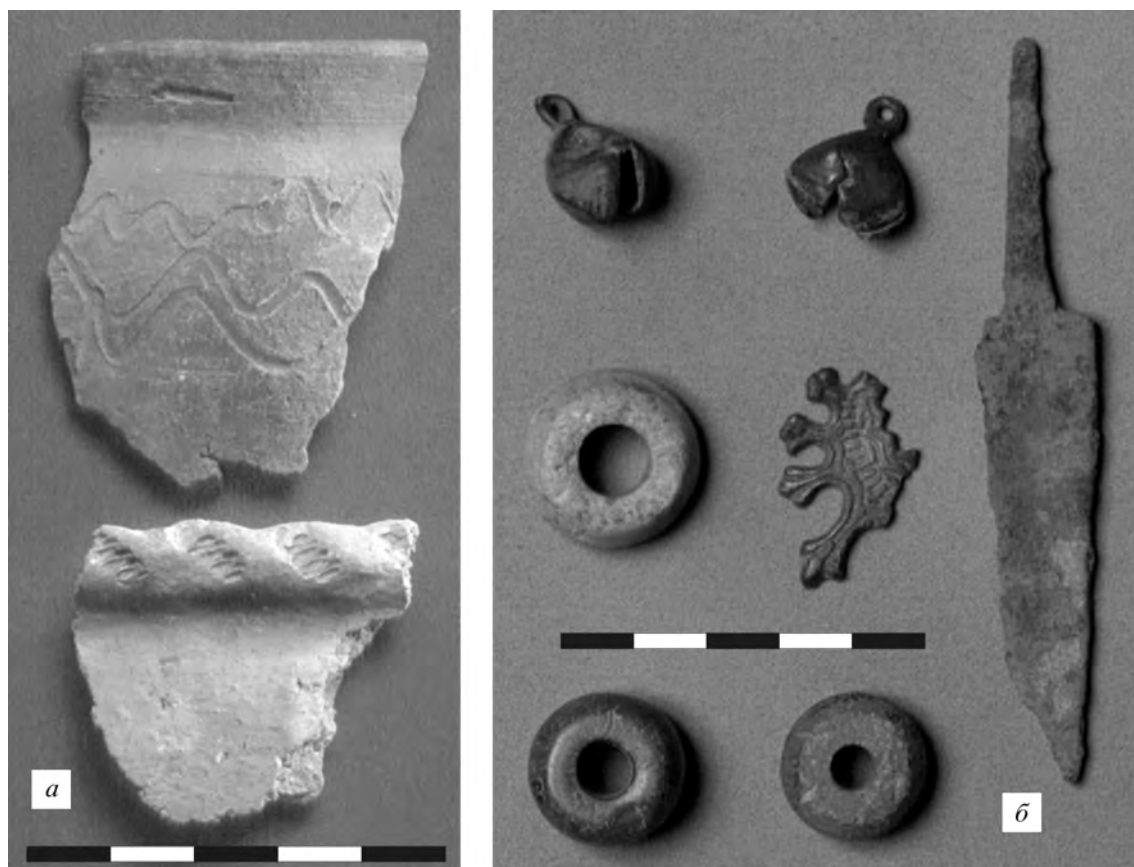

Рис. 1. Находки 1983 г. в нижнем слое Даниловского монастыря: *а* – лепная и подправленная на кругу керамика X (?) в.; *б* – изделия, маркирующие существование поселения в XI – первой половине XII в.: крестопорезные бубенчики, часть семилопастного височного кольца, нож с прямой толстой спинкой, шиферные пряслица.

и постоянного двора Данилова монастыря XVII–XIX вв. была собрана небольшая коллекция (около 40 фрагментов) ранней керамики, в основном “курганной” (Векслер, 2005. Описание керамики. № 38–80), и обнаружено два фрагмента лепных сосудов (Векслер, 2005. Описание инд. нах. № 82, 83). Исследователи отнесли их к дьяковскому периоду. Но облик по крайней мере одного, более крупного (7 см по слабо профилированному венчику), с характерными для москворецких славянских поселений зашипами по краю и без текстильной фактуры, говорит о более позднем (X–XI вв.) происхождении (второй черепок – фрагмент невыразительной стенки).

С оговоркой на крайне плохую сохранность слоя и режим наблюдений можно полагать, что эти находки маркируют распространение слоя X–XIII вв. вдоль берега реки Москва за пределы монастырских стен к северу на значительное (около 100 м) расстояние. Точки находок лепной керамики занимают теперь полосу длиной не менее 400–500 м вдоль береговой террасы, что следует признать весьма значительным размером. Наибольшая плотность находок такой керамики сохраняется вблизи древнейших храмов Данилова – у северной стены ц. св.

Отцов Семи Вселенских Соборов (XVI в.; вероятно, на месте монастыря рубежа XIII–XIV вв.) и у ц. Воскресения Словущего в Даниловой слободе (на месте деревянной ц. Даниила Столпника XVI–XVII вв.), т.е. по обеим сторонам Даниловского ручья.

Работы внутри монастыря также дали новые сведения. Зимой 2006–2007 гг. сектор археологии Москвы ИА РАН провел в связи с поисками погребения архиепископа Никифора (Феотоки) систематические раскопки внутри храма св. Отцов Семи Вселенских Соборов в восточном членении и апсиде его южной галереи. При этом были собраны сведения о палеорельефе (южная галерея оказалась стоящей на самой кромке площадки вытянутого мыса над оврагом Даниловского ручья) и обнаружены находки эпохи раннего железного века (рис. 2 и 3) (См. о материале более поздних слоев: Шуляев, 2008. С. 405–416; о погребении архиепископа: Беляев, 2009.) В слоях обнаружено значительное для небольших по площади работ количество фрагментов керамики, которые могут быть связаны с дьяковским периодом и славянским селищем X–XIII вв. (технологический анализ керамики проводился О.А. Лопатиной, см. таблицу 1 в Приложении).

Рис. 2. Раскоп 2006–2007 гг. в апсиде южной галереи ц. Св. Отцов Семи Вселенских Соборов: вид сверху с северо-запада.

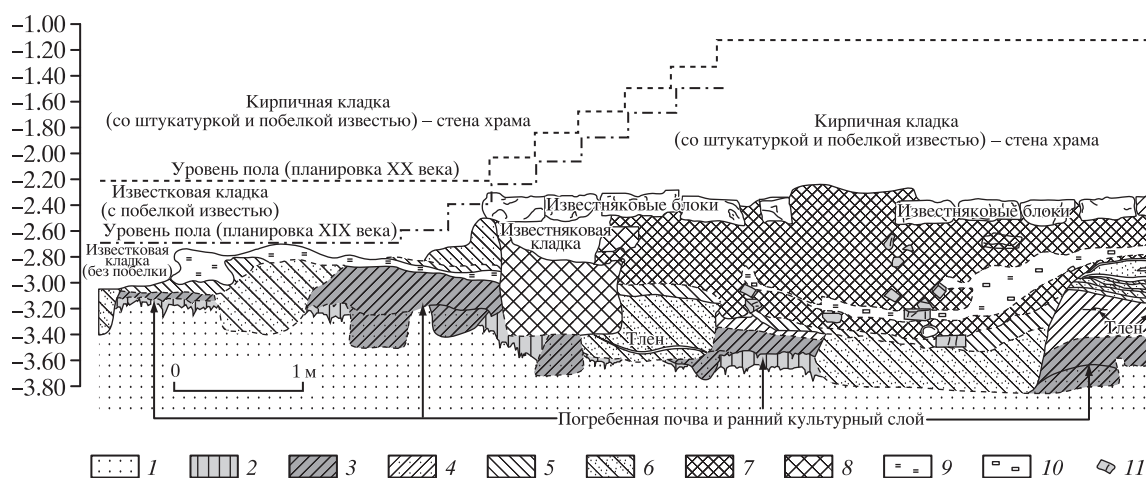

Рис. 3. Северный профиль раскопа 2006–2007 гг. в апсиде южной галереи с выделенным нижним слоем. 1 – материк (желтый песок с включениями моренного щебня и мелких ожелезнений); 2 – погребенная почва (слабо гумусированная супесь с затеками в материк); 3 – культурный слой дяковского и славянского времени (до XII в.); 4 – заполнение хозяйственных ям дяковского и славянского времени; 5 – культурный слой средневекового времени (XIII–XVII вв.); 6 – заполнение могильных ям средневекового времени (XIII–XVI вв.); 7 – могильные и строительные перекопы (XVII в.); 8 – могильный перекоп (начала XIX в.); 9 – слабо обожженная глина; 10 – битый кирпич; 11 – крупный обломок кирпича.

Наконец, последние наблюдения сектора археологии Москвы ИА РАН при перекладке коммуникаций в 2008 г. позволили заново изучить культурный слой на всей центральной части монастыря, между домом настоятеля и Святыми вратами. При этом выяснилось, что находки лепной керамики покрывают всю эту зону если и не особенно густым, то

все же заметным слоем. В протяженных траншеях надежно фиксируется начало склона к оврагу Даниловского ручья (на юге) и уровень надпойменной террасы Москва-реки (на севере). Поверх материка удовлетворительно сохранились участки погребенной почвы, достаточные для реконструкции палеорельефа, причем в южной части (у дома

Рис. 4. Карта окрестностей Данилова монастыря (1837 г.).

настоятеля) культурный слой дискретного накопления формировался непрерывно в X–XVII вв. и достиг мощности 1.2 м (включая внедренную при строительстве XVII в. стерильную выравнивающую прослойку). В нижнем пласте, над древним уровнем почвы, содержится довольно много лепной и раннегончарной керамики X(?)–XI вв. н.э.; выше последовательно откладывалась керамика всего средневековья, от XII до XVII в. В северной части монастыря средневековый слой существенно тоньше (до 0.4 м), но он насыщен ямами (в их числе остатки жилища конца XIV – начала XV в.) и четко подразделяется на домонгольский (XI–XIII вв.) и московский (XIII–XVII вв.).

Работами 2000-х годов и анализом картографических материалов установлено, что современный рельеф Даниловской местности претерпел сильнейшие искажения. Серия исторических топографических карт позволяет с достоверностью реконструировать исходный рельеф и наблюдать типичное для современной Москвы “выравнивание”: отрицательные формы заполняются рыхлыми отложениями, а межсетевые гребни срезаются. Это особенно наглядно при сравнении планов 2006 и 1838 гг. (рис. 4). На старом плане ясно видно, что монастырь располагался на оконечности мыса между двумя оврагами. С юга мыс ограничивал овраг,

по дну которого протекал Даниловский ручей, а с севера – безымянный овраг меньшей протяженности. Планы 1937 и 1951 гг. (рис. 5) позволяют детально восстановить высотные отметки рельефа: площадка мыса имела высоту 125–126 м (в Балтийской системе), причем мыс был подтреугольной формы и обращен вершиной на восток. Восточная бровка имела довольно крутой склон.

В геоморфологическом отношении мыс является бровкой первой террасы, к которому с восточной стороны примыкала пойма. Высота мыса над уровнем воды в 1951 г. составляла 5–6 м (урез – 120 м). Однако уровень Москва-реки здесь изменен Перервинской плотиной (сооружена в 1870-е годы, реконструирована в 1937 г.). До создания этой плотины уровень реки на интересующем нас участке был около 114–115 м (Котлов, 1962. С. 55), т.е. высота мыса над водой в древности составляла около 11–12 м (за вычетом толщи культурного слоя – 10–11 м). Разнообразие природных ресурсов, близость к воде (сочетавшаяся с безопасностью во время паводков) делала подобные ландшафтные урочища очень притягательными для заселения. Взглянув на археологическую карту Москвы железного века, нужно признать высокую степень вероятности обнаружения материалов железного века в Даниловом монастыре, более того, появление этой “точки”

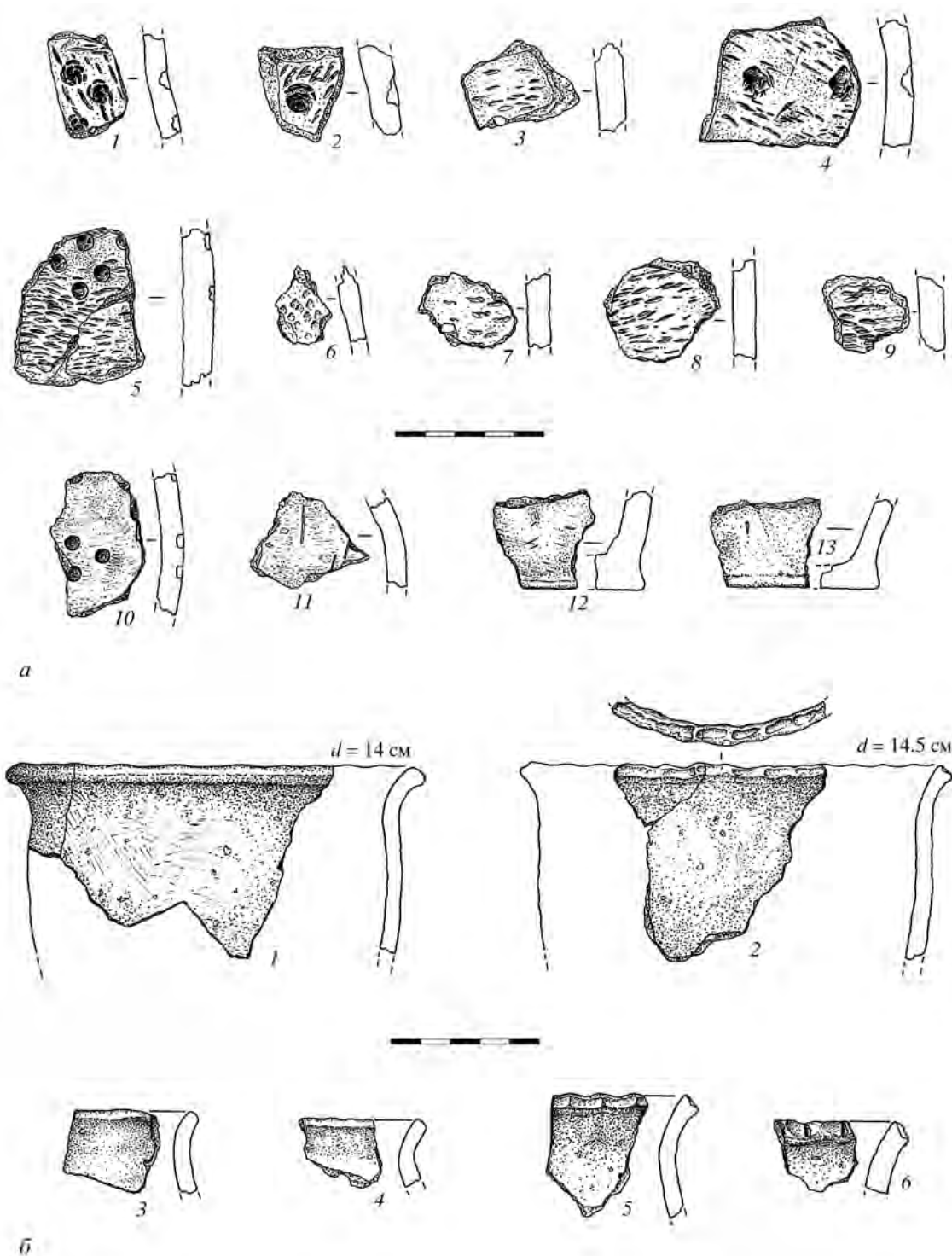

Рис. 6. Керамика раннего железного века из раскопа 2006–2007 гг. *а* – стенки с ромбическими нанесенными ямками и текстильным орнаментом; *б* – фрагменты сосудов со слабо выраженным горлом и защипами по краю венчика.

сгруппированы в ромбы. Этот орнамент характерен для комплексов V–III вв. до н.э. В частности, многочисленные аналогии имеются в материалах Дьякова городища, расположенного сравнительно недалеко от Данилова монастыря. Гладкостенная керамика представлена обломками горшков со слабопрофили-

рованным отогнутым наружу венчиком, украшенным вдавлениями по торцу (рис. 6, *б*). Подобная керамика находит аналогии в комплексах, относящихся к началу позднедьяковского этапа. Ближайшие аналогии происходят также с Дьякова городища, где датируются периодом около рубежа эр.

Таким образом, можно предполагать, что площадка мыса Данилова монастыря была заселена в железном веке достаточно долго, со второй половины I тыс. до н.э. до рубежа эр. В коллекции нет материалов начального периода железного века и поздней фазы развития дьяковской культуры (вторая четверть I тыс. н.э.), но находок слишком мало, чтобы настаивать на отсутствии материалов этих эпох на памятнике. Очевидно, что центр поселенческой активности в железном веке был приурочен именно к оконечности древнего мыса, на котором стоит храм св. Отцов Семи Вселенских Соборов. Гипотетически можно предполагать здесь дьяковское городище и, учитывая их обычные размеры, искать остатки оборонительных укреплений (вал и ров) примерно на траверзе монастырских ворот. Однако ландшафтные особенности памятника указывают на то, что поселение, скорее всего, относилось к числу неукрепленных. Городища железного века в среднем течении Москва-реки, как правило, занимали более высокие позиции в рельефе, единственное известное нам городище, находившееся на сходных высотных отметках, Мамоново, относится к более ранней эпохе, чем материал Данилова монастыря.

Второй по хронологии керамический комплекс Данилова монастыря – лепная и раннегончарная славянская (?) керамика – очень выразителен. При раскопках 2006 г. к нему было сделано важное дополнение: в коллекции 1983 г. не было форм ребристых горшков, а в материалах 2006 г. они представлены (рис. 7, а), так же как (и тоже в небольшом количестве) на других подмосковных памятниках: Болшево-3 (Чернов, Волков, 2009. Рис. 13. № 1612), Жданово (раскопки Гоняного 1997 и 1998 гг.², музей “Подолье”), Поречье и Хотяжи под Звенигородом. Ребристая керамика вызывает ассоциации, в первую очередь, с так называемой керамикой ладожского типа, широко представленной на северо-западе Руси (Плохов, 2005). Параллели с ребристой керамикой мерянских памятников (могильник Подболотье и др.), вероятно, менее продуктивны, хотя их также надо учитывать.

Датировка раннеславянской (?) керамики на селище Даниловское не вполне ясна. На северо-западе подобную керамику датируют IX–X вв. Поселения Подмосковья с аналогичным материалом исследователи относят к XI – началу XII в., хотя отрицать возможность датировки X в. нет достаточных оснований (особую позицию занимает А.А. Юшко (1998. С. 323–334), считающая этот слой поселений еще более ранним, – IX в.). Единственный случай, когда при изучении подобных памятников (селище Саввинская слобода под Звенигородом) было приме-

нено радиоуглеродное датирование, дал результаты, указывающие на большую вероятность X, чем XI в.

Селища с вполне аналогичным материалом в Подмосковье, конечно, известны, их число постепенно растет: кроме вышеназванных Болшево-3, Жданово, Поречье и Хотяжи, укажем на Заозерье, Жуковское, Покров-5, Стрелково. Но для района “большой Москвы” Даниловское остается пока уникальным. Ближайшими памятниками, давшими сходную керамику, является селище Павшино, расположенное выше по течению Москва-реки, и селище Боровский перевоз, расположенное ниже по течению возле устья Пахры.

На памятниках Подмосковья с лепной и раннекруговой славянской керамикой систематически встречаются дирхемы. В Москве известны три пункта находок арабских монет – “клады” в устье Черторыя и вблизи Симонова монастыря, а также новая серия с Кунцевского городища (Кренке, 2004а. С. 61. Рис. 7). Их даты чеканки, однако, значительно более ранние (вторая половина VIII – начало IX в.) и, возможно, не соотносятся с этапом славянского заселения.

Ранняя круговая керамика тоже присутствует в коллекции из Данилова монастыря. Она представляет следующий этап развития региона, столетие с конца XI до начала XII в. (памятники типа Дьяково-пойма), когда материалов, говорящих о славянском освоении, вообще становится несопоставимо больше: для XII – начала XIII в. их учтено не менее сотни, включая курганные могильники (см. подробную сводку: Кренке, 2004а. С. 66–74).

Все это заставляет видеть в Даниловском селище если не единственный, то, по крайней мере, один из немногих крупных пунктов колонизации Москворечья X–XI вв. в районе будущей Москвы. В какой-то мере именно это могло способствовать образованию здесь, при селе князя Даниила, первого монастыря в Москве и, в качестве архимандритии, центра церковного управления княжеством. Монастырь занял северный мыс, образованный слиянием речки Даниловки с Москвой-рекой, а на южном берегу речки впоследствии сформировался центр с. Даниловское (что хорошо выражено чертежом 1692 г.; см. рис. 8). В XV в. (возможно, что и в XIV в.) это село продолжало играть заметную роль в топографии города и оставалось в его юрисдикции несмотря на исчезновение монастыря и удаленность от центра (Даниловское считали в 5 верстах от Кремля). Во второй половине XV в. “Запись о душегубстве” фиксирует это текстуально (“А на Москве на посаде лучиться душегубство за рекою за Москвою, ино к тому и Даниловское...”), включив село в заречный посад и тем самым отнес его к кругу московских пригородов наряду с гораздо

² Авторы благодарят М.И. Гоняного за возможность использовать неопубликованные данные.

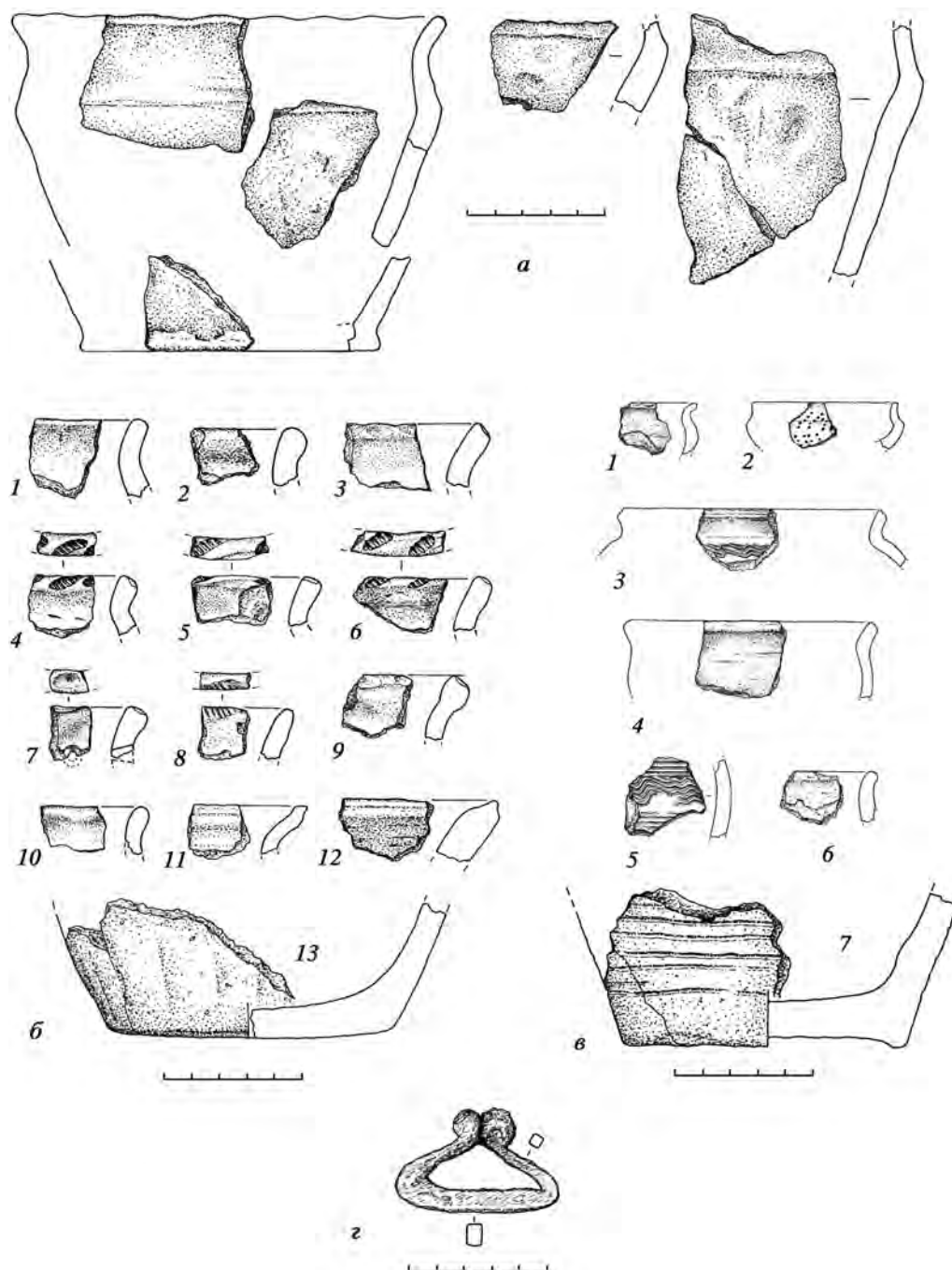

Рис. 7. Керамика раннеславянского и средневекового облика из раскопа 2006–2007 гг. *а* – лепная керамика с ребром (ладожский тип?), IX–X вв.; *б* – лепная и раннегончарная керамика X–XII вв.; *в* – раннегончарная керамика XI – первой половины XII в.; *з* – калачевидное кресало.

ближе расположенными к Кремлю селами Дорогомиловым, Семчинским, Напрудным и Сушевым.

Важность Данилова как топографического пункта подчеркивает его положение у дороги на переправе. К устью речки Даниловки сходились древние сухопутные пути на юго-восток, уводившие дальше за Москву-реку. След этого узла путей – особая Даниловская застава – сохранялся до XIX в., так же как и два моста через Москву-реку, с монастырской

и сельской стороны (на месте последнего сейчас тоже стоит мост). “Живой у Данилова монастыря” указывают В.Г. Рубан (1782. С. 83. № 13), “план Ивана Мичурина” 1739 г. и некоторые более поздние планы (например, 1760-х годов: ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21370. Л. 1. Ч. 3. Д. 22169). Словарь А. Щекатова (1805. Стб. 383) называет два моста (“деревянные: Даниловский в слободе сего ж имени; Даниловской же против Даниловского монастыря, содержится

Рис. 8. Фрагмент архаической схемы “Чертеж земель от Земляного города до речки Раменки”, изображающей Даниловскую местность в 1692 г., север – слева (РГАДА. Ф. 1209. Стб. Москва. № 32979).

от казны”). Более древний из них, видимо, мост у Даниловской заставы. С этим местом переправ могло быть связано само развитие местности и раннее возникновение здесь поселения.

Правда, в XVII–XVIII вв. дорогой мимо монастыря пользовались, видимо, совсем мало, поскольку рядом, через село, проходила новая основная трасса, Серпуховская (на планах конца XVII в. береговые дороги и переправы даже не показаны, см. рис. 8). Но Даниловская дорога, тянувшаяся по-над берегом от самого Кремля, могла сохранять рудиментарное значение. Позже эта трасса восстановит свою роль: именно по ее линии проложат железную дорогу, а ниже, по самой кромке воды, – автомобильную по набережной. Для средневекового периода значение этого пути было еще более оправдано: он позволял, миновав возвышенный левый берег Москвы-реки, выйти в широкое южное предполье Замоскворечья. Возможно, что удобство переправы и общего расположения было среди причин как раннего расцвета поселения в X–XI вв., так и образования на рубеже XIII–XIV вв. Данилова монастыря.

Название поселка XI–XII вв., конечно, неизвестно, но нет сомнений в том, что протекавшая вблизи него река уже тогда называлась “Москва”. Это селище, –

по крайней мере, один из прямых предшественников города Москвы. Материалов для иной археологической версии городские слои пока не предлагают.

Для того чтобы определить роль Даниловской местности в сложении города Москвы, необходимо, конечно, выйти за рамки случайных полевых открытий. Задача на археологическое решение “проблемы X в. в Подмоскovie” (и ее суженного варианта, “проблемы Кремля X–XI вв.”) сохраняет научную актуальность уже два столетия. Она сегодня особенно остра, поскольку к ней примешиваются социально-политические мотивы. Очевидно, Москве давно пора иметь широкую научно-исследовательскую программу, специально направленную на изучение памятников начального этапа славянской колонизации Подмоскovie. Она должна включить плановые натурные археологические работы (разведки и раскопки); комплекс палеогеографических работ для реконструкции природных условий X–XI вв. (пока практически неизвестных); целенаправленное радиоуглеродное датирование (включая эксперименты с нагаром на фрагментах керамики); приведение в известность всех отложившихся в архивах и музейных коллекциях материалов за XIX–XX вв. и их сравнительный анализ на фоне материалов всей территории древнейшей Руси.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Технологическая информация о керамике из раскопа на территории собора Данилова монастыря (2006 г.)

Керамика	Шифр	Исходное сырье		Искусственные примеси					Рецепт формочной массы
		Ожелезненность	Пластичность	Минеральные			Органические		
				Вид	Размер тах, мм	Концентрация			
Дьяковская ранняя	Гор. 9	+	Средняя	Дресва	4.5	1 : 6–1 : 5	–	Г + Д	
	Т-сер (черн.) сугл., гор. 9; к вост. от skleпа 9	+	Высокая	Дресва	4.0	1 : 4	+	Г + Д + О	
	Сев. ч. апсиды; –170–280; под skleп. 6; № 58	+	Высокая	Дресва	3.5	1 : 4	+	Г + Д + О	
Дьяковская поздняя	Гор. 9; сев. ч. апсиды –350–365; № 62	+	Средняя	Дресва	3.5	1 : 4	–	Г + Д	
	Я. 30	+	Низкая	Дресва	4.0	1 : 4	–	Г + Д	
	Гор. 9, сев. ч. апсиды; –350–365	+	Средняя	Дресва	4.0	1 : 4–1 : 5	+	Г + Д + О	
Ресбер-ская	Сев. ч. апсиды; гор. 5 –360; № 67	+	Высокая	Дресва Песок	1.75 2.0	1 : 4	–	Г + Д + П	
	Сев. ч. апсиды; я. 6; –325–343	+	Низкая	Дресва	2.5	1 : 5	–	Г + Д	
Дьяковская “славянская”	Центр. ч. апсиды; гор. 2 –350–360	+	Высокая	Дресва	2.5	1 : 4	?	Г + Д + О?	
	Гор. 6; темн. просл. над ним; 349–418	+	Высокая	Дресва	2.5	1 : 4	–	Г + Д	
	Юж. ч. апсиды; тсс –360–380	+	Высокая	Дресва	2.0	1 : 4	–	Г + Д	
	Юж. ч. апсиды; тем. сбс; –380	+	Высокая	Дресва	2.0	1 : 4	+	Г + Д + О	
Гончарная	Тсс; СЗ уч.; –320–335; + я. 21	+	Высокая	Дресва	3.0	1 : 3	–	Г + Д	
	Центр. ч. апсиды перекоп; –330–340	+	Высокая	Дресва Песок	1.75 0.7	1 : 6 1 : 5	–	Г + Д + П	
Гончарная	Гор. 6А; –352–349	+	Высокая	Дресва Песок	2.0 1.25	1 : 5 1 : 5	–	Г + Д + П	

Комментарии к таблице

Изучены фрагменты керамики, относящиеся к шести разным морфологическим и хронологическим группам. Всего 15 фрагментов от разных сосудов. Это 1) раннедьяковская и 2) позднедьяковская керамика, 3) керамика с ребром (“ладожского типа”), 4) славянская лепная и славянская так называемая “раннегончарная” (подправленная на круге), 5) ранняя круговая и 6) развитая? круговая (сероглиняная).

Изучены технологические особенности в области отбора исходного сырья и составления формовочной массы.

Группы характеризуются следующими наблюдениями.

Дьяковская ранняя. Наблюдения “вписываются” в систему технологических наблюдений за раннедьяковской керамикой – использование глин разной пластичности, использование несортированной дресвы, составление формовочной массы с добавлением в качестве минеральной примеси только одной дресвы.

Позднедьяковская керамика. Проявления сходны с предыдущей группой раннедьяковской керамики.

Керамика с ребром (“ладожского типа”). Использование глин как высокой, так и низкой пластичности. Явные признаки тщательной сортировки искусственных минеральных примесей дресвы и песка (стандартный размер которых 0.5–1.0 мм, а максимальный не более 2.0–2.5 мм). Составление формовочной массы на основе дресвы. Специальное добавление песка в формовочную массу одного из ребристых сосудов незначительно, доля песка в ф/м небольшая.

Славянская лепная и подправленная на круге. Использование только высокопластичных глин. Специальная сортировка дресвы (как и предыдущей группе). Составление формовочной массы на основе одной только дресвы.

Ранняя круговая. Использована глина высокой пластичности. Искусственные минеральные примеси (кварцевый песок и дресва) хорошо сортированы (максимальный размер не более 2.0 мм). Формовочная масса составлена на основе кварцевого песка и дресвы, причем доля дресвы гораздо менее существенна, чем песка.

Круговая развитая (сероглиняная). Все те же проявления, что и в предыдущей группе.

Общее для всей керамики: изготовлена из ожелезненной (“красножгущейся”) глины. Органика в

составе формовочных масс представлена единичными отпечатками травянистых растений, которые не позволяют реконструировать достоверно вид органической примеси.

Выводы. Раннедьяковская и позднедьяковская керамика не показала различий (объясняя недостаточной выборкой). Вместе с тем, полученная технологическая информация обычна и для группы раннедьяковской, и для группы позднедьяковской керамики. Основные технологические особенности керамики “ладожского типа” сходны по проявлениям с лепной славянской керамикой. В то же время, последняя (лепная славянская) отличается по рецепту формовочной массы от ранней круговой керамики. При этом, одинаковые рецепты формовочных масс, а также другие технологические особенности сближают раннюю круговую и развитую (сероглиняную) керамику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Даниловское // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 5. М., 1993.
- Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994.
- Беляев Л.А. Древности Данилова монастыря // Культура средневековой Москвы: XIV–XVII вв. М., 1995.
- Беляев Л.А. Обряд погребения церковного иерарха на рубеже XVIII–XIX в. по материалам исследований в Московском Даниловом монастыре // Живая старина. 2009. № 4.
- Беляев Л.А., Маштафаров А.В., Масиель Санчес Л.К. и др. Данилов Московский монастырь // Православная энциклопедия. Т. XIV. М., 2007.
- Векслер А.Г. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством Центра духовного развития молодежи при Данилове монастыре по адресу: ул. Даниловский Вал, 13 // Архив “Москомнаследия”. М., 2005.
- Кренке Н.А. Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. I. Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. М., 2004а.
- Кренке Н.А. Каталог памятников археологии X–XIII вв. на территории г. Москвы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. I. Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. М., 2004б.
- Котлов Ф.В. Изменение природных условий территории Москвы. М., 1962.
- Плохов А.В. Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище

- под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб., 2005.
- Рубан В.Г. Описание императорского столичного города Москвы. СПб., 1782.
- Чернов С.З., Волков И.В. Болшево-3 и особенности древнерусской колонизации севера Московского края в XI в. // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009.
- Шуляев С.Г. Горизонты XIII–XVII вв. в южной галерее Покровской церкви Данилова монастыря в Москве // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л.А. Беляева. М., 2008.
- Щекатов А. Словарь географический Российского государства ... В 7 частях. Ч. 4. М., 1805.
- Юшко А.А. Ранние славяне в Подмоскovie // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию Д.А. Авдусина. М., 1998.

Pre-Kremlin Moscow: new data on the topography and ceramics of the Danilov settlements, 10th/11th–14th cc.

L. A. Beliaev, N. A. Krenke, S. G. Shuliaev

S u m m a r y

The article gives new data about the dimensions, relief and ceramic chronology of the Danilov settlement, which is the earliest Slavic settlement on the territory of contemporary Moscow. The works carried out in 2003 revealed that the settlement, which was discovered in the 1980-s on the territory of the Danilov monastery (6 km to the south of the Medieval city center), had occupied a quite extensive area of about 500 km along the river Moskva. The new data showed that the settlement had emerged not at the end of the 10th – the 11th cc., as previously assumed, but 50 – 100 years earlier. The investigations also revealed that the first Slavic settlement was centered around the river promontory, where an Early Iron Age settlement had previously existed (second half of the 1st millennium BC – the turn of the present era). The data will be of relevance for clarifying the existence, the dating and the layout of the settlements that will have preceded the prince's fortress that was built on the Kremlin hill in the 1150-s.

ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ КРЕМЛЯ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

© 2010 г. В. М. Буланкин*, В. И., Завьялов**, В. В. Судаков***

*ГУК "Центр сохранения объектов культурного наследия", Рязань

**Институт археологии РАН, Москва

***ФГУК "Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник"

Культурный слой – ценнейший источник по истории человеческого общества на всех этапах его развития. Образование культурного слоя – сложный процесс, поэтому при его изучении следует учитывать разнообразные факторы как связанные с деятельностью человека, так и природные, оказывающие влияние на его характер и скорость накопления.

Сложный геоморфологический характер платформы кремля Переяславля Рязанского, сформировавшийся в ледниковый период из двух террас, наличие на ней в древности многочисленных низин и возвышенных мест оказали определяющее влияние на характер и мощность культурных напластований в разных частях территории кремля.

К сожалению, в археологическом отношении культурный слой кремля изучен еще недостаточно хорошо: при общей площади памятника в 26 га вскрыто всего лишь немногим более 1100 м², при этом далеко не на всех участках культурный слой по тем или иным причинам исследовался до материка (рис. 1).

Начало археологического изучения Переяславля Рязанского относится к 1890 г., когда В.А. Городцов обследовал кремлевский вал, в восточной части которого произошел крупный оползень. В ходе этих работ было выделено два слоя насыпи вала (Городцов, 1905. С. 590). Позднее, в 1924 г., В.А. Городцов вместе со студентами МГУ заложил 25-аршинную траншею в юго-восточной части бывшего архиерейского сада. После вскрытия около 2 м культурных напластований был перерезан водоносный слой, и траншея заполнилась водой, из-за чего работы пришлось прекратить (Титов, 1924; Фонд Яхонтова).

В 1929 г. Н.П. Милоновым при участии А.А. Мансурова, И.И. Проходцева, Н.В. Говорова были заложены пять разведочных шурфов в разных частях Кремля: два во дворе "Дворца Олега", по одному в северо-западной части сада музея, в б.

Спасском монастыре и на улице Рабочих (Милонов, 1929; 1935). В 1931 г. Н.П. Милонов продолжил исследование жилища, открытого в шурфе 1 (Милонов, 1931). К сожалению, эти раскопки были неудовлетворительными как по масштабам работ – незначительные по площади шурфы или траншеи, – так и в методическом плане. Кроме того, нет и точной привязки мест раскопок. В 1945 г. Н.П. Милоновым были проведены новые исследования: сделан разрез вала с восточной стороны, в северо-западном углу площадки кремля, у Духовской церкви проведена зачистка обрыва длиной 10–12 м, а у Архангельского собора заложен небольшой раскоп (Милонов, 1945).

В 1955–1957 годах в Кремле работала экспедиция ИА АН СССР под руководством А.Л. Монгайт, планировавшего организовать здесь широко-масштабные раскопки по примеру Новгородской экспедиции. Было заложено четыре сравнительно небольших раскопа: один на территории архиерейского двора к востоку от апсиды Архангельского собора, и три – на территории архиерейского сада (Монгайт, 1955–1957; 1961). Культурный слой в раскопе на территории архиерейского двора оказался нарушенным большими каменными постройками XVI в. (Монгайт, 1961. С. 168). В раскопе № 2, заложенном к востоку от Гостиницы черни, был обнаружен насыщенный культурный слой мощностью 4 м. Автор раскопок датировал его XIII–XVIII вв. Отличительной чертой слоя была его повышенная влажность, способствовавшая хорошей сохранности органики (Монгайт, 1961. С. 168).

В раскопе № 3, заложенном на территории Спасского монастыря, найдены артефакты, датируемые XIII в. Но сам слой оказался сильно нарушенным кладбищем XVIII в. и посадкой фруктовых деревьев (Монгайт, 1961. С. 170).

Мощный – свыше 7 м – культурный слой обнаружен А.Л. Монгайтом в раскопе № 4. Исследователь отмечает повышенную увлажненность слоя: начиная с глубины 4 м от современной дневной поверх-

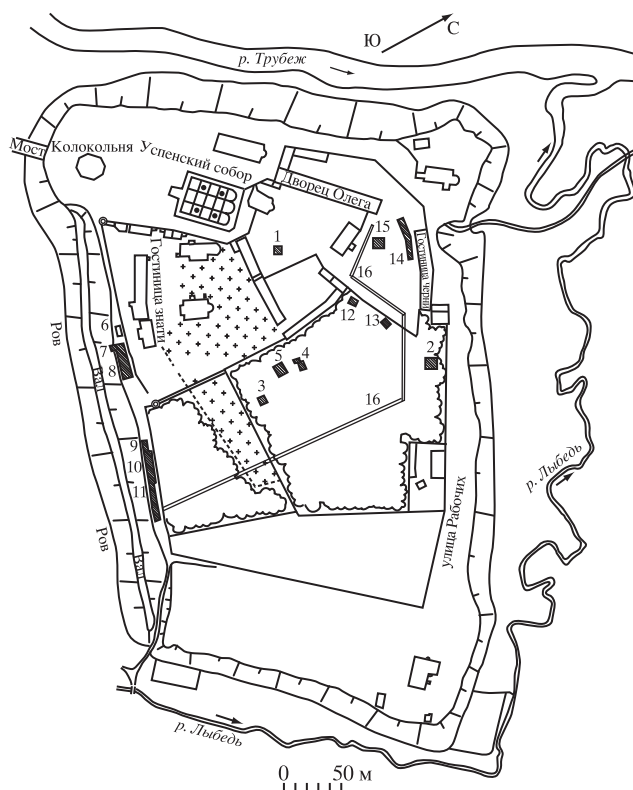

Рис. 1. План кремля Переяславля Рязанского с обозначением археологически исследованных территорий: 1–4 – раскопы А.Л. Монгайт (1956–1957 гг.); 5 – раскоп А.А. Коновалова (1980 г.); 6–8 – раскопы М.М. Макарова (6 – 1983 г., 7 – 1987 г., 8 – 1989 г.); 9–11 – раскопы В.В. Судакова (9 – 1986 г., 10 – 1988 г., 11 – 1990 г.); 12 – раскоп № 1 Е.А. Толмачева (1972 г.); 13 – раскоп № 2 Е.А. Толмачева; 14 – раскоп В.П. Челяпова (1981 г.); 15 – раскоп В.И. Завьялова (2004–2007 гг.); 16 – археологические наблюдения за прокладкой траншей коммуникаций (В.М. Буланкин, В.И. Завьялов, 2006–2007 гг.).

ности все вскрытые сооружения находились в воде (Монгайт, 1961. С. 172). Материк, представленный песчаным слоем, был открыт на глубине 6.9–7 м (Монгайт, 1961. С. 179).

Вновь археологические работы в Кремле возобновились только в 1979–1980 годах. Совместной экспедицией РИАМЗ и ГИМ под руководством А.А. Коновалова был исследован участок площадью 100 м² бывшего Архиерейского сада. К сожалению, автор раскопок не успел закончить отчет, а материал остался депаспортизованным.

Наиболее широкие исследования в кремле падают на вторую половину 1980-х годов: в связи с проектированием магистральной теплотрассы раскопки проводились в южной части кремлевской платформы у внутреннего подножия вала (1983, 1987, 1989 гг. – рук. М.М. Макаров, 1986, 1988, 1990 гг. – рук. В.В. Судаков) (Макаров, 1984; 1988; Судаков, 1987; 1989).

Кроме того, в кремле проводились многочисленные (хотя и небольшие по площади) архитектурно-археологические раскопки, как, например, работы И.В. Ильенко, Е.А. Толмачева (1972), Е.Л. Хворостовой (1977а; б), но они в основном дают информацию о верхних напластованиях культурного слоя конца XVII–XIX в., так как в силу поставленных перед исследователями задач эти шурфы до материка не доводились.

Важные данные о характере культурных напластований XVI–XIX вв. на территории Архиерейского сада были получены в 2006–2007 гг. при наблюдениях за прокладкой коммуникаций для строящейся котельной (Буланкин, 2008. С. 129, 130). В ходе наблюдений удалось установить, что на глубинах около 40–130 см от дневной поверхности почти непрерывно прослеживаются следы сильного пожара в виде стратиграфически связанных между собой прослоек угля, золы, прокаленной глины мощностью 2–10 см. Этот слой предположительно можно датировать 1646 г., когда “город Переславль сгорел и монастыри и все церкви... и торговые ряды, все лавки и дворы все сгорели...” (Макарий, 1863. С. 58). Выше слоя пожара залегают слои гумусированного суглинка с битым кирпичом, с фрагментами прокаленной и обожженной глины и керамикой XVII – начала XIX в.

Ниже слоя пожара в гумусированном суглинке примесь битого кирпича отсутствует (не считая перекопов). В слое отмечается большое количество перегнившей органики, что указывает на его периодическое увлажнение. Эти слои уходили ниже дна траншеи (–160... –200 см от дневной поверхности). По керамическому материалу они датируются XV–XVI вв.

Определенную информацию о мощности и характере культурного слоя дают результаты инженерно-геологических изысканий (включая геологическое бурение ручным буром), более десяти лет проводящиеся на территории кремля. Согласно данным геоморфологии, грунты, слагающие культурный слой, в большой степени генетически связаны с подстилающими их естественными образованиями материкового слоя. Поэтому они существенно различаются по своим физическим показателям в зависимости от места их образования. Так, на поверхности междуречного плато они представлены близкими по своим характеристикам покровными суглинками и супесями, подстилающими их. В основном это темно- и светло-серио-коричневая супесь, гумусированная, реже с примесью органических веществ, с прослоями пылеватого серого песка. Консистенция грунтов преимущественно полутвердая. Включений в слое по данным бурения

немного, в основном это черепки керамики, кости животных и др.

На поверхности первой и второй надпойменных террас отложения нижнего слоя представлены, как правило, сильно гумусированными, иловатыми, органо-минеральными (зачастую торфами) грунтами со значительным количеством древесного тлена, бересты, разложившегося навоза, с фрагментами изделий из керамики и кожи, с костями животных, древесных углей, редко скорлупой лещины и др. В толще этого периода часто встречаются фрагменты деревянных конструкций, крупные обломки древесины и др. По цвету отложения этого возраста здесь темно-серые, почти черные. Эта часть толщи отличается достаточно высокой влажностью (от 50–60 до 120–150%), с этим во многом связано преимущественное текучее или текучепластичное состояние супесей и суглинков ее слагающих (Заботкина, 2007).

Полученные в ходе археологических работ данные позволили наметить основные характеристики культурного слоя кремля Переяславля Рязанского. Вместе с тем исследования показали, что для решения многих вопросов, таких как историческая топография и планировка города, выявление первоначального ядра поселения; документирование археологическими находками одного из периодов расцвета Переяславля Рязанского, приходящегося на XVII в., требуется проведение широкомасштабных фундаментальных археологических исследований памятника широкой площадью с использованием всех существующих методов изучения археологического материала (палеозоология и палеоботаника, дендрохронология, химический анализ цветного металла и стекла, металлографический анализ изделий из черного металла, статистико-технологический анализ керамики и т.д.).

Эти работы начались в 2004 г. под руководством В.И. Завьялова. Раскоп размерами 16 × 10 м разбит в северо-западной части кремля между Певческим корпусом и Гостиницей черни. Судя по планам XVIII в. и письменным источникам, между этими зданиями другой каменной застройки не было, т.е. можно было предполагать, что культурный слой не сильно испорчен позднейшими перекопами.

Археологические изыскания предыдущих лет позволили составить самое общее представление о культурных напластованиях исследуемого участка. Так, наблюдения в 1973 г. за стратиграфией траншеи, прошедшей почти параллельно стенке Певческого корпуса, показали, что слой мощностью до 2.3 м (траншея не была доведена до материка) в этой части кремля датируется временем не позднее XV в. (Макаров, 1973). Верхняя его часть

(около 0.6–0.7 м) – слой XVIII–XIX вв. с большим количеством строительного мусора. Ниже (0.7–1.6 м) шел слой, который по керамике датируется XVI–XVII вв. С глубины 1.4–1.6 м и до дна траншеи (глубина 1.8–2.3 м) – слой XV в.(?) – также темный суглинок, с включениями большого количества угольков, прокаленной глины, обгоревшего зерна и т.п. В верхней части этого слоя залегала прослойка со следами сильного пожара, который, по мнению М.М. Макарова, можно датировать 1494 г. Как считает В.В. Судаков (Судаков, Буланкин, 2005. С. 245), этот слой следует датировать не XV., а XVI–XVII вв. – керамика здесь преимущественно чернолощеная, мореная и сероглиняная XVII в.

Более позднюю датировку этого слоя подтверждает и раскоп 1977 г. у западного фасада Певческого корпуса, где культурный слой был вскрыт до глубины 280 см (Хворостова, 1977а). Под поздним строительным мусором (50–60 см) вплоть до дна раскопа (раскоп не доведен до материка) залегал однородный темный суглинок с включением строительного мусора. Сам фундамент опирался на суглинок темного (до черного) цвета, датируемый, в лучшем случае, концом XVI в., а скорее всего серединой – второй половиной XVII в.

В 1981 г. В.П. Челяповым обследована верхняя часть культурного слоя Кремля между зданиями Певческого корпуса и Гостиницы черни общей площадью 36 м² и участок у Гостиницы знати (Челяпов, 1981). Культурный слой у Гостиницы черни, как показали эти работы, превышает 2 м, сам слой довольно влажный, в нем хорошо сохраняется органика (из-за притока грунтовых вод раскоп не был доведен до материка). На глубине около 1.5 м вскрыты остатки многочисленных деревянных сооружений.

В 1984 г. проводилась расчистка фундаментов Солодовенных палат, но были исследованы только верхние (до 1 м) слои, представлявшие поздний строительный мусор.

Таким образом, результаты проделанных работ свидетельствовали, что на участке между Певческим корпусом и Гостиницей черни располагается довольно мощный (до 1 м) насыпной слой поздних техногенных отложений. Не менее важен и тот факт, что слои на этом участке сильно переувлажнены и в них можно ожидать хорошей сохранности органических материалов.

В результате четырех полевых сезонов (2004–2007 гг.) на раскопе удалось вскрыть напластования до глубины –2.6 м. Нивелировка дневной поверхности показала, что площадь, на которой располо-

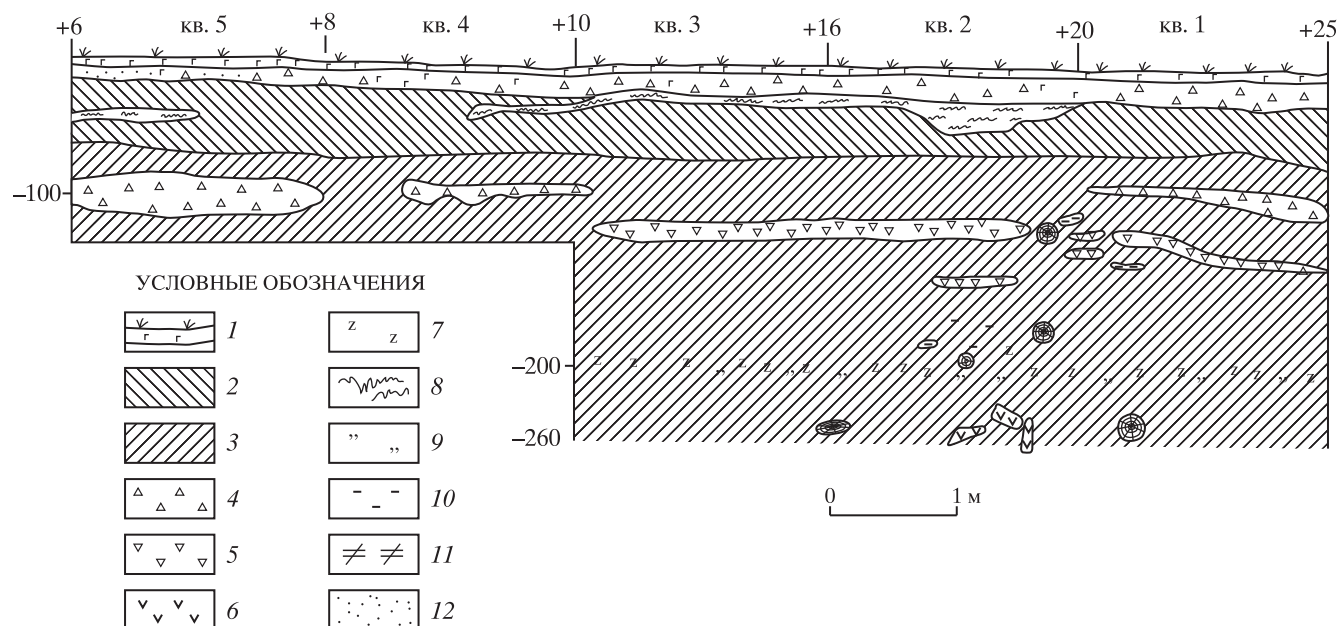

Рис. 2. Стратиграфия западной стенки раскопа между Певческим корпусом и Гостиницей черни (2004–2007 гг.): 1 – дерн; 2 – темные суглинки; 3 – светлые суглинки; 4 – битый кирпич; 5 – известь; 6 – уголь; 7 – щепа; 8 – древесный тлен; 9 – навоз; 10 – глина; 11 – прокаленная глина; 12 – песок.

жен раскоп, имеет уклон около 1 м по линии запад-восток.

Для предварительной оценки мощности культурного слоя после снятия пятого пласта (на отметке –100 от условного репера) было проведено геологическое бурение ручным буром диаметром 3 см. Работы проводились сотрудником научно-методического центра по комплексному изучению и сохранению исторических территорий Рязанской области РИМЗ В.А. Усковым. Скважины заложены в центрах квадратов 5, 16, 28 и 36. В скважине № 1 (кв. 5) серо-голубой суглинок обнаружен на глубине около 2.6 м от репера¹. В скважине № 2 (кв. 16) на глубине 2.6 м встречен темно-коричневый слой со щепой. На глубине 5.5–5.8 м количество щепы уменьшается и с глубины 5.8 м идет пылеватая супесь, а с глубины 6.3 м – серо-голубой суглинок. Таким образом, можно полагать, что мощность культурных напластований на исследуемом участке составляет около 6 м².

Следует признать, что несмотря на наши надежды не удалось обнаружить хорошо стратифицированные слои конца XVII–XVIII в. О ненарушенных культурных отложениях можно говорить только для времени не позднее первой половины XVII в. Позднейшие же слои представляют сильно переме-

шанный супесчаный по характеру слой с большим количеством техногенного мусора.

Хотя на раскопе вскрыты только верхние напластования, есть основания рассмотреть стратиграфическую колонку раскопа на примере западного профиля (рис. 2). Дневная поверхность профиля горизонтальна. Все напластования, простирающиеся с севера на юг, также практически горизонтальны. Под слоем дерна мощностью 25–30 см располагается серо-коричневый рыхлый слой с техногенными остатками до глубины –80 ... –100 см. В этом слое на глубине 75 см прослежены небольшие линзы разложившегося известняка. Эти линзы расположены на тонкой (1–2 см) прослойке древесного тлена, проходящей вдоль всего профиля².

В южной части профиля на глубине 105 см расположена линза битого кирпича мощностью до 40 см. Еще одна линза битого кирпича в северной части на глубине 90–95 см. На протяженности 60 см эта линза имеет толщину 20–22 см, а далее начинает выклиниваться и исчезает на расстоянии около 140 см от северной границы профиля. В нижней части линзы отмечена прослойка древесного угля.

В центральной части профиля на глубине 110–115 см прослежена прослойка извести. В северной

¹При снятии 13 пласта (отметка 2.6 м) оказалось, что слой серо-голубой глины в кв. 5 представляет мощную (15–20 см) линзу под сооружением № 7.

²Все глубины приводятся от условного репера в юго-западном углу раскопа, абсолютная отметка которого 112.51 см над уровнем Балтийского моря.

Рис. 3. Граница между сухим слоем с техногенным мусором и влажным стратифицированным слоем (черная прослойка между слоями – следы пожара 1646 г.).

части на протяженности 110 см эта прослойка имеет толщину 16–18 см, а в остальном не более 8–10 см.

Плотный темно-коричневый гумусированный слой на всей площади раскопа фиксируется с глубины 90–95 см (рис. 3). Он характеризуется повышенной влажностью, хорошей сохранностью органических материалов.

Наряду с современным строительным мусором в верхних напластованиях раскопа между Певческим корпусом и Амбарами зафиксированы прослойки, которые можно связать со строительной активностью второй половины XVII в. (возведение Певческого корпуса, Амбаров, Солодёжни). В слое прослежены примеси (местами значительные) кирпичной крошки и извести. Особенностью напластований участка являются мощные линзы (до 10–15 см) извести в большинстве случаев неправильных форм (рис. 4). Их границы, как правило, расплывчатые. Начинаются эти линзы примерно с глубины 125 см, а на глубине 140 см образуют мощные прослойки. Интерес представляет конструкция, вскрытая в 7-ом пласте в кв. 6. Культурный слой на этом участке характеризуется большим количеством обожженной глины и

палевого суглинка, перемежающихся темно-коричневым слоем. Суглинок располагается пятнами подпрямоугольных очертаний, образующих своеобразную “кладку”, оконтуренную тонкой (около 2 см) прослойкой древесного тлена. По всей видимости, это остатки сушильни для кирпича перед обжигом. Следует отметить, что слои, связываемые со строительной деятельностью второй половины XVII в., зафиксированы только в этой части кремля.

Не совсем ясны мощность и стратиграфия культурного слоя на территории так называемого архиерейского двора (между “Дворцом Олега”, консисторией и хозяйственными постройками), так как здесь он в значительной степени нарушен остатками больших каменных зданий XV–XVIII вв. и многочисленными коммуникациями. Разведочный шурф № 1 А.Л. Монгайта (1956 г.) как раз попал на фундаменты поздних строений и поэтому не был доведен до материка. Было установлено, что белокаменный фундамент одного из зданий уложен в глубокие (2 м) рвы, в дно которых вбиты дубовые сваи, а на них уже устроена подушка из тесаного белого камня, залитого известью. Отдельные находки: фрагменты стеклянных браслетов, шиферные пряслица, а особенно “курганная” керамика – позволили

Рис. 4. Слой извести ("горизонт каменного строительства") в северном профиле раскопа 2004–2007 гг.

А.Л. Монгайту сделать вывод о несомненном наличии здесь домонгольских слоев (1961. С. 168).

Северо-западная часть кремлевской платформы (рядом с ц. Святого Духа) археологически почти не исследована, и некоторую информацию о культурном слое конца XVII–XX в., связанном с активным каменным строительством, мы имеем только по результатам зачистки Н.П. Милонова в 1945 г. (траншея длиной 10–12 м и глубиной до 3 м). На вскрытом участке Н.П. Милонов выделил четыре горизонта. Под верхним слоем почвы и щебня шел горизонт XVIII в. с битым кирпичом и известью, в нижней части которого встречена керамика и стекло XVII в. Второй горизонт – супесчаные слои светло-серого цвета с многочисленными фрагментами простой и лощеной керамики, костями животных. По фрагментам изразцов Н.П. Милонов датировал его XVI в.

Третий горизонт – темно-серый, неодинаковый по мощности, в нем зафиксированы контуры ямы (подпол жилища) с остатками дерева, обожженной глины; на дне ямы найдены обрезки кожи и фрагменты кожаной обуви. В этом горизонте найдена монета эпохи Рязанского княжества. Четвертый (нижний) горизонт – суглинистые по составу и темно-коричневые по окраске слои, где были найдены два фрагмента стеклянных браслетов, два красных шиферных пряслица, биконическая бусина и донца сосудов с клеймами. Н.П. Милонов датировал этот горизонт XI–XIII вв., указывая, что керамика из данных слоев сходна с керамикой XI–XII вв. с Борковского селища.

Н.П. Милонов в 1945 г. исследовал и территорию у Архангельского собора. Он отметил, что под известняковыми плитами фундамента залегал мощный культурный слой, разделенный им на два горизонта – XV и XII вв. Датировка нижнего горизонта на основании находок (шиферного пряслица и железного ножа, как явствует из отчета) вызывает очень серьезные сомнения. Описание остальных найденных в траншее предметов, в том числе изразцов, дают дату XVII–XVIII вв., самое раннее – XVI в. Но по отчету Н.П. Милонова очень трудно установить конкретное место и глубину находок, мощность слоев. Остается неясным, были ли доведены раскопки до материка.

К юго-западу от раскопа № 2 А.Л. Монгайта (1956 г.) в северо-западном углу Архиерейского сада в 1972 г. Е.А. Толмачевым было заложено два раскопа. К сожалению, раскопы не были пройдены до материка, слой снят только до глубины около 2 м. В раскопе № 1 (4 × 6 м) верхнюю часть наслоений (до глубины около 0.7 м) составлял строительный мусор XVIII–XIX вв. Ниже шел влажный, обеспечивающий сохранность органики, темно-серый гумусный грунт с включениями дерева, золы и мелких угольков. На глубине 0.9–1 м был расчищен развал глинобитной печи, а немного ниже – остатки сруба, рубленного в обло, рубежа XVI–XVII вв. В заполнении сруба и рядом – много щепы и обрывков кожи. На глубине 1.2–1.8 м расчищены остатки двух срубов, один из которых находился внутри другого. Подавляющая масса керамики, найденная в нижних слоях, относится к горшкам XV в.

В раскопе № 2 (первоначальная площадь 16 м², затем расширен до 72 м²) слой с 1-го по 8-ой пласт представлял, как и в раскопе № 1, поздний строительный мусор, насыщенный известкой, белокаменной крошкой, обломками и целыми блоками белого камня. Через весь раскоп на линии СВ–ЮЗ проходила траншея от фундамента каменного здания (камень из нее почти весь выбран), со дна которой (на глубине 180–190 см) были забиты деревянные сваи. На глубине 200 см под сваями расчищены остатки деревянного сруба и прослежены следы частокола.

На различной глубине (от 25 до 80 см) в раскопе обнаружено восемь человеческих черепов и значительное количество человеческих костей. В кв. 4 на глубине около 0.4 м расчищены два практически полных скелета. Найдены и фрагменты надгробных плит. Е.А. Толмачев предполагал, что остатки фундамента и захоронения относятся к церковному зданию XVII–XVIII вв.

Датировка нижнего слоя не выходит за пределы XV в., хотя под ним, несомненно, шли более древние слои, о чем свидетельствует и находка фрагмента золотоордынской керамики в верхнем перемешанном слое.

Наибольшая мощность культурного слоя зафиксирована в раскопе № 4 А.Л. Монгайта 1956–1957 гг. (Монгайт, 1961). Участок, где располагался раскоп, в древности был сильно заболочен. Верхний слой XVI–XIX вв. достигал толщины 1.5 м и состоял из гумусированного чернозема с большим количеством строительного мусора (0.6–0.7 м) и чернозема с прослойками щепы и линзами желтой глины (0.8 м). Слой XV в. мощностью 1.6 м почти сплошь состоял из плотно слежавшегося навоза с большим количеством щепы и соломы. Толщина слоя XIV в. равнялась 2 м, он представлял собой черную плотную землю с отдельными прослойками коричневой. Слой XIII в. мощностью 1–1.2 м состоял из суглинка с увеличивающимся книзу количеством навоза (на глубине от 5.5 до 6 м шел сплошной его слой). Слой XII в. толщиной 0.8–1 м представлял собой суглинок с большим количеством щепы и перегноя. На глубине 6.9–7 м начался материк – пески ледникового периода. Слой влажный и с глубины 4 м все постройки находились в воде. В раскопе открыты небольшие хозяйственные и жилые постройки разных эпох, частоколы, мостовые, при этом не только в верхних горизонтах, но и в слоях XII–XIII вв. В самом низу был обнаружен настил из больших плах, в край которого были забиты сваи.

В раскопе 1979–1980 гг. Л.А. Коновалова (площадь 100 м²), расположенном всего в 25 м к югу от раскопа А.Л. Монгайта 1957 г., мощность слоя

неодинакова. На значительной части раскопа материк начинался на глубине около 2 м, в то же время в северо-восточной части раскопа отмечалось резкое понижение – до –3.60 м. Верхний горизонт культурного слоя состоял из строительного мусора и серого суглинка мощностью около 1 м, ниже залегала щепя с навозом и коричневый суглинок с органикой (мощность этого слоя – 50–100 см). Верхние слои датируются XVII–XIX вв., слои с органикой – XV–XVII вв., нижние – второй половиной XIII–XIV в. В раскоп частично попал могильник, некоторые из погребений которого, вероятно, датируются XIV–XV вв. Грунт в раскопе влажный, прекрасно сохраняющий органику.

Культурный слой на территории бывшего Спаского монастыря, занимающего южную часть архиерейского сада, в значительной мере поврежден кладбищем XVII–XX вв. и позднейшей посадкой фруктовых деревьев. Мощность слоя в раскопе № 3 А.Л. Монгайта (в 47 м к юго-востоку от раскопа № 4) составила всего 1.5 м, материк – глина. Слой сухой, очень сильно поврежден кладбищем. В основном он датируется XVI–XVIII вв., но ряд находок и керамика свидетельствуют о заселении этого участка начиная с XIII в.

В южной части кремлевской платформы, у подножия вала, грунт в основном сухой. В юго-западной ее части (раскопки М.М. Макарова 1983, 1987, 1989 гг., вскрытая площадь – 240 м²) мощность культурного слоя превышала 2 м, а в материковых ямах доходила до 5 м. Верхняя часть наслоений (до глубины 100–150 см) датируется XVI–XVIII вв., при этом в ряде случаев отмечались сильные нарушения культурного слоя. Так, в раскопе 1987 г. постройка XVI–XVII вв. прорезала все слои и уходила в материк. Нижняя часть культурного слоя датируется второй половиной XIII–XV в., в то же время отдельные предметы из заполнения некоторых ям свидетельствуют о заселении данного участка уже в конце XII – начале XIII в. (Макаров, 1984; 1988).

В юго-восточной части кремлевской платформы (раскопки В.В. Судакова 1986, 1988, 1990 года – 334 м²) отмечено довольно резкое понижение дневной поверхности с запада на восток и соответственно уменьшение толщины культурного слоя со 1.2–1.5 м до полного исчезновения (он сохранялся только в материковых ямах). Верхняя часть культурного слоя, начинающегося под асфальтовой дорогой, – плотная супесь серого цвета с большим количеством строительного мусора мощностью до 50 см. Ниже шли слои темно-серого, серовато-коричневого или темно-коричневого цветов с линзами или отдельными включениями глины (обожженной и необожженной), углей, золы, органики, максимальная

мощность данных слоев – около 80 см. Подстиляет культурный слой пепелисто-серый, однородный суглинок – мощность погребенной почвы 5–30 см. Материк – коричневая глина. Грунт сухой, сохранность органики плохая (Судаков, 1987; 1989; 1991).

Культурный слой в данной части кремля, в отличие от других участков, датируется не позднее XV в., слоев XVI–XVII вв. здесь нет. Встречаются только отдельные предметы и немногочисленные фрагменты керамики этого времени. Это объясняется не только смывом слоя из-за уклона местности, но и тем, что, по крайней мере, с XVI в. здесь проходила дорога, – следы канавок от дороги были хорошо видны в материке на раскопе 1990 г. Слой датируется в целом второй половиной XIII – XV в., при этом основная его часть – XIV–XV вв. Слои XII–XIII вв. стратиграфически почти не выделяются, об этом периоде можно судить по отдельным находкам и заполнению ряда материковых ям. В материке вскрыта часть кладбища первой половины XII в. (Судаков, 1993).

Таким образом, археологические исследования кремля Переяславля Рязанского свидетельствуют, что в стратиграфическом отношении хорошо выделяются слои XVI–XIX вв., связанные с активной хозяйственной и строительной деятельностью (в том числе каменным строительством). На всех вскрывавшихся участках верхний горизонт культурного слоя³ представлен рыхлым серо-коричневым грунтом, перемешанным с современным техногенным мусором (битое оконное стекло, фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, кирпичная крошка, железная проволока и гвозди, обломки пластмассовых изделий и т.п.). Вместе с тем в этих напластованиях встречаются находки более ранних эпох: древнерусская керамика (обычно мелкие фрагменты), стеклянные браслеты, железные наконечники стрел, ножи и т.п. Последнее наблюдение свидетельствует о значительной перемешанности поздних напластований. Не исключено, что часть грунта переносилась из других мест. Все это делает указанные слои малоинформативными с археологической точки зрения. Мощность техногенного горизонта составляет от 30–40 см до 1.5 м. На территории между Певческим корпусом и Амбарами (Гостиница черни) непосредственно под дерном лежит мощный (до 25–30 см) слой желтого песка без находок, который был, вероятно, насыпан для выравнивания поверхности. Слой песка зафик-

сирован в раскопе и шурфах у Солодёжни. Подсыпка проводилась не позднее рубежа 60–70-х годов XX в. На других участках кремля прослойка песка под дерном не фиксировалась.

Значительны и слои конца XIII – XV в., что отражает бурный рост Переяславля в результате превращения в столицу великого Рязанского княжества. В то же время слои XII – первой половины XIII в. стратиграфически почти не выделяются, хотя в этот период территория кремля была заселена, о чем свидетельствует могильник первой половины XII в., материалы ряда материковых ям и отдельные находки. Слоев, которые могли бы датироваться концом XI – началом XII в., в кремле пока не найдено.

По характеру культурных напластований территорию кремля Переяславля Рязанского условно можно разделить на две зоны. Первая, занимающая поверхность первой и второй надпойменных террас, содержит сильно увлажненный культурный слой (отмечалось заполнение раскопов и шурфов грунтовыми водами) с хорошо сохраняющимися изделиями из органических материалов и металлов. Насыщенность слоя влагой способствовала сохранению деревянных конструкций. Культурный слой с такими характеристиками прослежен между Певческим корпусом и Гостиницей черни, у ц. Святого Духа, на территории Архиерейского сада (раскопы А.Л. Монгайта и А.А. Коновалова, траншеи 2006–2007 гг.). Вторая зона, располагающаяся на большей части платформы, представлена сухим слоем, где органика сохраняется плохо (дерево в виде тлена, из органических материалов удовлетворительно сохраняется кость). При этом на отдельных участках этой зоны слой может быть в той или иной степени увлажнен, что тем не менее не влияет на его основные показатели.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 07-01-53002а/Ц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буланкин В.М. Отчет об археологических наблюдениях при прокладке второй очереди газопровода в саду кремля Переяславля Рязанского (третий этап работ – 21.07.2007 г. – 5.08.2007 г.) / В.И. Завьялов. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // Научный архив ИИАМЗ. 2008. № 3955.

Городцов В.А. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Тр. XII АС. Т. 1. М., 1905.

Заботкина Л.В. Отчет о научно-исследовательской работе “Составление карты культурного слоя террито-

³ Следует отметить, что замечания о культурном слое кремля Переяславля Рязанского касаются только территории Рязанского историко-архитектурного музея заповедника, поскольку систематические археологические работы на других участках (ул. Рабочих) не проводились.

- рии Рязанского кремля” // Научный архив РИАМЗ. 2007. № 3924.
- Макарий*. Сборник церковно-исторических сведений о Рязанской епархии. М., 1863.
- Макаров М.М.* Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в кремле Переяславля Рязанского летом 1973 г. // Научный архив РИАМЗ. III. 1973. № 2873.
- Макаров М.М.* Отчет об охранных работах в кремле г. Рязани в 1983 г. // Архив ИА РАН. 1984. Р-1. № 11181.
- Макаров М.М.* Отчет об археологических раскопках в кремле г. Рязани в 1987 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р-1. № 14991.
- Милонов Н.Л.* Отчет о палеонтологических исследованиях на месте кремля Переяславля Рязанского летом 1929 г. // Архив ИИМК РАН. 1929. № 1060/12.
- Милонов Н.П.* О результатах археологических раскопок в б. кремле Переяславля Рязанского в июле 1931 г. // Научный архив РИАМЗ. 1931. III. № 560.
- Милонов Н.П.* Разведки 1929–1930 гг. в Переяславле Рязанском // ПИДО. 1935. № 5, 6.
- Милонов Н.П.* О результатах археологических раскопок в б. кремле Переяславля Рязанского летом 1945 г. // Научный архив РИАМЗ. 1945. III. № 1300.
- Монгайт А.Л.* Отчет о работе Рязанского отряда Среднерусской экспедиции в 1955 г. // Архив ИА РАН. 1955. Р-1. № 1205.
- Монгайт А.Л.* Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. № 1354.
- Монгайт А.Л.* Отчет о раскопках в 1957 г. в кремле Переяславля Рязанского // Архив ИА РАН. 1957. Р-1. № 1621.
- Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961.
- Судаков В.В.* Отчет об охранных раскопках в кремле г. Рязани в 1986 г. // Архив ИА РАН. 1987. Р-1. № 12119.
- Судаков В.В.* Отчет об охранных раскопках в кремле г. Рязани в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 14169.
- Судаков В.В.* Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля и Верхнего Посада г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1991. № 17660.
- Судаков В.В.* Славянский могильник Переяславля Рязанского // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.
- Судаков В.В., Буланкин В.М.* Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.
- Титов С.М.* Тайники Рязанского кремля // Рабочий клич. № 177. Рязань, 1924.
- Толмачев Е.А.* Отчет о работе археологического отряда на территории Рязанского кремля, июнь–октябрь 1972 г. // Научный архив РИАМЗ. 1972. III. № 2863.
- Фонд Яхонтова // Государственный архив Рязанской области. Фонд Яхонтова. Р-2798.
- Хворостова Е.Л.* Отчет об археологических исследованиях у северного фасада Архангельского собора Рязанского кремля // Архив ИА РАН. 1977а. Р-1. № 6519.
- Хворостова Е.Л.* Отчет об археологических исследованиях у западного фасада Певческого корпуса Рязанского кремля // Архив ИА РАН. 1977б. Р-1. № 6520.
- Челяпов В.П.* Отчет о раскопках и разведках на территории Спасского и Рязанского р-ов Рязанской обл. в 1981 г. (раскопки Засеченского могильника и в г. Рязани) // Архив ИА РАН. Р-1. 1981. № 8501.

The cultural layer of the kremlin at Pereyaslavl Ryazansky

V. M. Bulankin, V. I. Zavvalov, V. V. Sudakov

Summary

So far, there has been little archeological study of Pereyaslavl Ryazansky. The complex geomorphology of the platform on which the site is located was a significant factor in the formation of the cultural layer. The first archeological study of the site was conducted by V.A. Gorodtsov in 1890. Integrated archeological works at the kremlin were started in 2004. The cultural layer at the excavation site is damp, and the remains of the timber buildings and the organic finds are well-preserved. Analysis of the archeological, engineering and geological data allowed to identify two zones with two different types of cultural strata. The cultural layer in the first zone, which is the above flood-plain terraces, is quite damp. The second zone, which occupies the larger part of the platform, has a dry cultural layer, in which much less organic matter is preserved.

ЖУТОВСКИЙ КУРГАН № 27 САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОЛГО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

© 2010 г. А. С. Скрипкин, О. А. Шинкарь

Волгоградский государственный университет

Упоминания об отдельных находках из кургана 27 Жутовского курганного могильника, раскопанного в 1964 г. экспедицией под руководством В.П. Шилова, довольно часто встречаются в литературе. Однако отсутствие публикации всех материалов кургана не дает полного представления о комплексе и его значении для сарматской археологии.

Курганный могильник располагался на правом берегу р. Есауловский Аксай, левого притока Дона, в Октябрьском районе Волгоградской обл., в 3 км к В от районного центра (другое его название – Жутово). Всего здесь, по надпойменной террасе Аксая, на протяжении 1.5 км выявлено более 50 курганов, которые затем были раскопаны (Шилов, 1964; Маловицкая, 1965). До этого в 1963 г. местными школьниками после распашки поля, где находились курганы, на одном из них (№ 27) были найдены серебряные умбон и восемь фаларов. В 1964 г. в руки ученых попали лишь пять фаларов. Дальнейшее описание фаларов и раскопок кургана 27 дано по отчету В.П. Шилова в сокращенном и отредактированном варианте. Серебряные фалары были найдены в 2 м к Ю от центра кургана в насыпи (рис. 1, 1).

1. Большой фалар с выпуклой лицевой поверхностью. Край его был слегка загнут вверх. По краю имелись два концентрических валика, украшенные косыми насечками. В центре располагалась розетка из четырех чередующихся листьев лавра и аканфа. Пространство между листьями розетки и внутренним валиком заполнено мелкими наколами. Приподнятый край фалара украшен дугообразными фигурами, выполненными насечкой. Между ними и внешним валиком – зигзагообразный орнамент. На двух противоположных сторонах фалара, между валиками пробиты отверстия диаметром 0.3 см. В них вставлялись серебряные заклепки, с помощью которых с обратной стороны крепилась железная скоба. Кроме того, с одной стороны фалара на бортике имелось еще одно небольшое отверстие. На обратной стороне фалара прослеживалась окись железа. На его лицевой

стороне сохранились следы сплошной позолоты. Диаметр фалара 10.15 см, толщина листа 0.5 мм (рис. 1, 2).

2, 3. Два одинаковых серебряных фалара меньших размеров с изображением фигуры свернувшегося бородатого козла вокруг выпуклости в центре с круглым отверстием, в которое с внутренней стороны вставлен сердолик оранжевого цвета. У одного из фаларов с обратной стороны сохранилась бронзовая скоба, крепившаяся двумя серебряными заклепками. Судя по наличию двух отверстий по краям второго фалара, он также имел аналогичную скобу. Диаметр фаларов 5 см, толщина пластины 1.25 мм (рис. 1, 3).

4. Край фалара, украшенный зигзагообразным орнаментом, загнут кверху. Центральная выпуклая часть фалара разделена на четыре сектора крестообразной фигурой. Каждый сектор заполнен четырьмя параллельными валиками, на окончании которых изображены полуовальные фигурки. Вся центральная композиция представляет декоративный четырехугольник. Пространство между четырехугольником и ободком заполнено наколами. С обратной стороны фалара двумя серебряными заклепками крепилась железная скоба, от которой сохранился незначительный фрагмент. На внешней поверхности фалара сохранились следы сплошной позолоты. Его диаметр 7.3 см, толщина пластины 0.5 мм (рис. 1, 4).

5. Фалар с выпуклой поверхностью и частично обломанным краем, украшенный зигзагообразным орнаментом. Декор представлен розеткой из чередующихся четырех листьев лавра и аканфа, с выпуклостью в центре. Розетка ограничена валиком с косыми насечками. Пространство между листьями розетки и валиком заполнено наколами. С обратной стороны к фалару серебряными заклепками была прикреплена железная скоба, частично сохранившаяся в местах крепления, ширина которой равнялась 1.3 см. На внешней стороне фалара – следы сплошной позолоты. Его диаметр 7.2 см, толщина пластины 0.5 мм (рис. 1, 5).

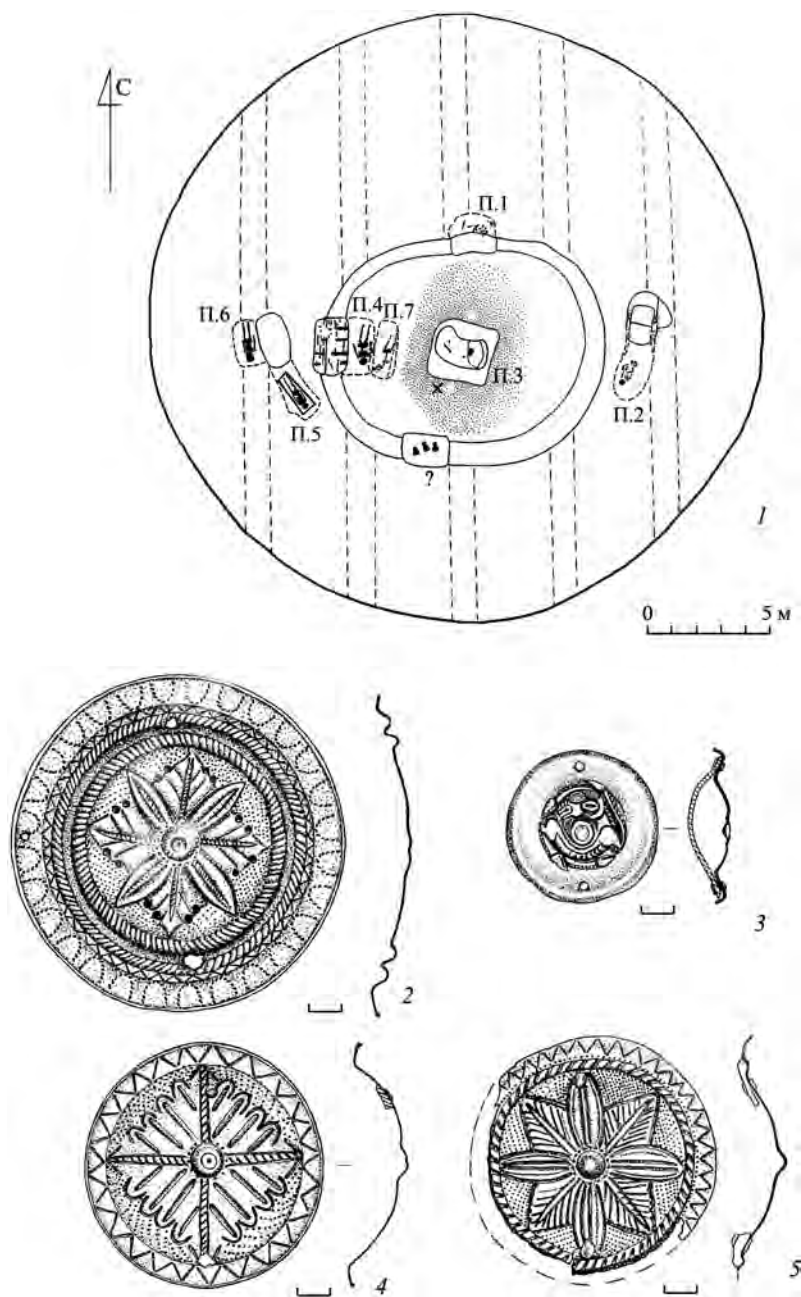

Рис. 1. План кургана 27 (1) и серебряные фалары из насыпи (2–5). Условное обозначение: × – место обнаружения фаларов.

Есть мнение, что несохранившийся умбон также являлся фаларом, но с более выпуклой поверхностью (Мордвинцева, Хабарова, 2006. С. 38).

Курган 27 (высота – 1.6 м, диаметр – 24 м) располагался в западной стороне могильника. Насыпь снималась бульдозером. Были заложены четыре траншеи, ориентированные по линии С–Ю, шириной по 3 м, с оставлением между ними бровок шириной 1 м.

Под насыпью на уровне материка выявлен ровик (глубина 0.4 м от уровня погребенной

почвы, ширина по верхнему краю 0.6–1.1 м, диаметр по внешнему краю по линии С–Ю – 9 м, по линии З–В – 11.2 м), опоясывающий центральную часть кургана. Обнаружено семь погребений (рис. 1, 1). В центре кургана выявлен материковый выкид диаметром около 6 м и мощностью 0.8 м, залегавший на погребальной почве.

Погребение 1 – впускное – в 2.5 м к С от центра кургана. В центральной бровке отчетливо просматривалась его входная яма, прорезавшая

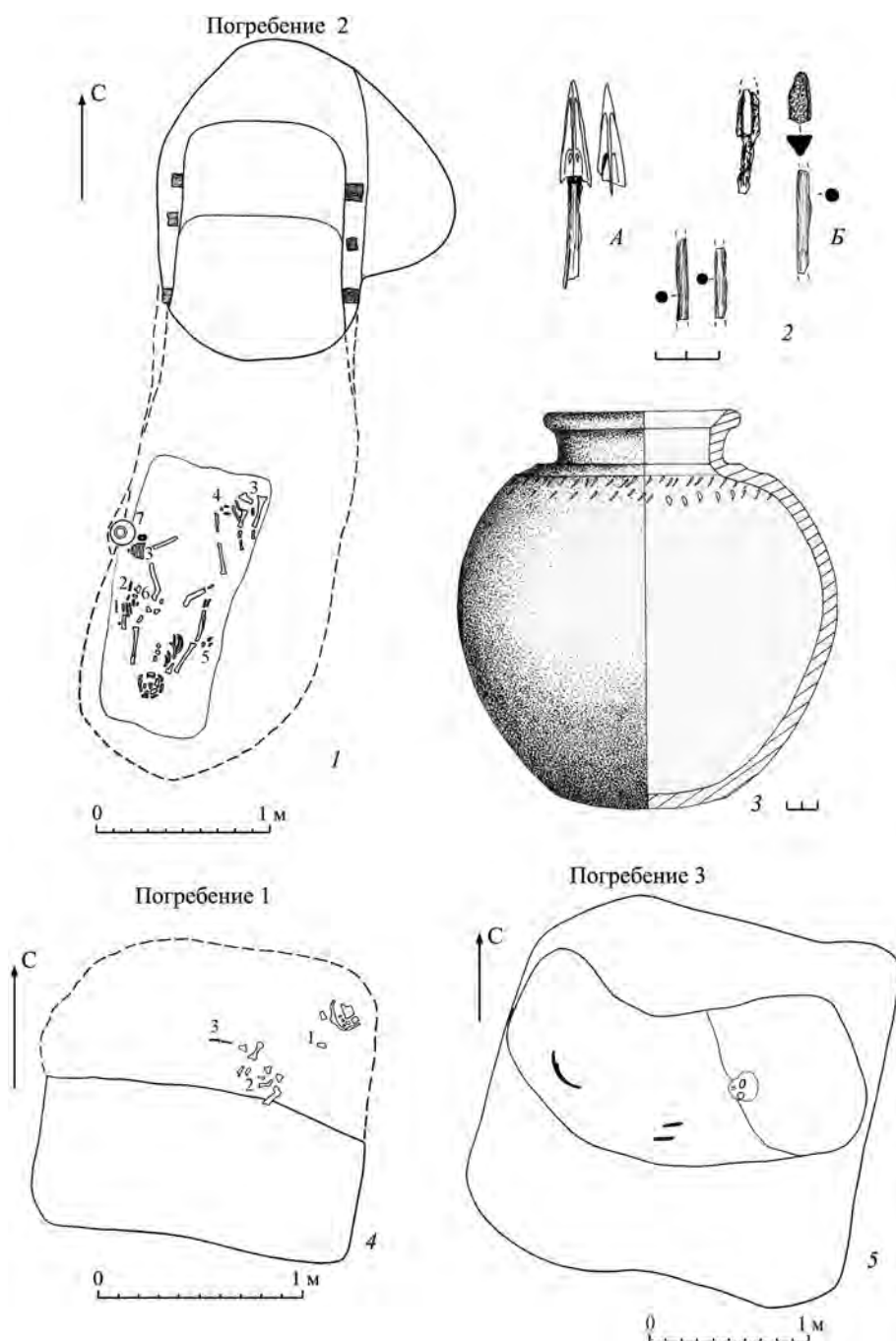

Рис. 2. Планы погр. 1–3 и находки из погр. 2. 1 – план погр. 2; 2а – бронзовые наконечники стрел; 2б – железные наконечники и черешки стрел; 3 – лепной сосуд; 4 – план погр. 1; 5 – план погр. 3.

насыпь. Оно было сооружено в подбойной яме. Входная яма прямоугольной формы (1.6×0.7 м) ориентирована длинной осью по линии СЗЗ–ЮВВ, глубина от уровня погребенной почвы 1 м. Подбой (1.65×0.7 , высота 0.9 м) был сооружен с северной стороны. Его дно ниже дна входной ямы на 10 см. На дне подбоя лежали в беспорядке, вероятно, нарушенные грызунами кости ребенка в возрасте

6–7 лет. Кости черепа находились в восточной стороне, возможно костяк ориентирован головой на В (рис. 2, 4).

Находки (номера находок здесь и далее соответствуют номерам на планах погребений): 1 – кусок необработанного песчаника (возле черепа); 2 – разбросанные кости ног овцы (у входа в подбой); 3 – фрагментированный железный нож (длина 8.3, ши-

рина лезвия 2.2 см) с остатками дерева на черешке (рядом с костями овцы).

Погребение 2 – в восточном поле кургана за пределами ровика. Оно было сооружено в яме катакомбной конструкции. Входная яма на уровне материка имела в плане очертание неправильного овала; с восточной стороны – ступенька треугольного очертания глубиной от уровня погребенной почвы 0.75, наибольшей шириной 0.5 м. На ее уровне входная яма приобретала форму вытянутого овала (длина по линии С–Ю 2, ширина 1.25 м). С северной стороны яма имела несколько ступенек; первая шириной 0.55 м – на глубине 1.9 м от уровня погребенной почвы; вторая шириной 0.6 м – на 0.4 м ниже первой; третья (на 0.4 м ниже предыдущей) полого переходила в дно катакомбы. Катакомба (длина 2.45, ширина 1.3, высота 2.1 м) была вырыта в южной стенке входной ямы. Дно у торцевой стенки катакомбы было на 0.25 м ниже последней ступеньки. На уровне первой ступеньки вдоль ее длинных сторон были оставлены заплечики шириной 0.15 м, которые постепенно сужались, сходя на нет уже в пределах катакомбы. На них сохранились остатки дерева от плах, которые, видимо, перекрывали входную яму на этом уровне. Остатки дерева были обнаружены и на дне у входа в катакомбу, возможно, от того же перекрытия или специального деревянного заслона катакомбы.

На дне катакомбы, ближе к западной стенке, на плохо сохранившейся деревянной вымостке, посыпанной мелом, лежал мужской (?) костяк на спине, головой на ЮЮЗ, с распавшимися в разные стороны ногами, образующими ромб. Руки вытянуты, кисть левой руки располагалась на тазовых костях (рис. 2, 1).

Находки: 1 – кости ног и ребра овцы (у левой руки); 2 – железный нож длиной 8.3, шириной лезвия 1.5 см (среди костей овцы); 3 – ребра овцы в анатомическом порядке (у левого колена); 4 – у стопы правой ноги найдены два бронзовых трехлопастных наконечника стрел (длина 3.3 см) с внутренней втулкой и опущенными жалцами, в одном из них сохранился фрагмент древка (рис. 2, 2а); 5 – у правого локтя с наружной стороны обнаружены два плохо сохранившихся железных трехгранных черешковых наконечника стрел и несколько железных черешков от стрел (рис. 2, 2б); 6 – остатки деревянного сосуда, скрепленные бронзовыми скобками, длиной 2 см (у левой руки погребенного, рядом с костями овцы); 7 – слева от костяка на уровне колена в небольшой нише стоял лепной шаровидный сосуд с невысоким прямым горлом и отогнутым наружу венчиком (высота сосуда 26.7, наибольший диаметр тулова 24.5, диаметр горла по

венчику 13, днища – 11 см), при переходе горла в плечики – два круговых уступчика, под нижним из них – два ряда косых насечек; дно уплощено; поверхность коричневая с темными пятнами, черепок в изломе темно-серый с включениями частиц извести и песка (рис. 2, 3).

Погребение 3 – в центре кургана. На уровне материка яма имела подквадратную форму (размеры по линии 3–В – 2.45 м, по линии С–Ю – 2.05 м), с северной и южной сторон сужалась ко дну (2.4 × 1.2 м). Глубина ямы в отчете не указана. В восточной половине ямы в засыпи был обнаружен череп и фрагменты больших берцовых костей человека, в западной половине – ребро лошади. Первоначальные контуры ямы, как и само погребение, были нарушены грабительскими раскопками (рис. 2, 5).

Погребение 4 – в 5 м к 3 от центра кургана. Погребение было совершено в подбойной яме. Входная яма (длина по линии ССВ–ЮЮВ – 2.25, ширина 1.25, глубина 2.2 м от уровня погребенной почвы) прорезала описанный выше ровик, в ней имелась ступенька шириной 1.2 м, покато спускающаяся ко дну подбоя, ее высота у стенки входной ямы – 0.88 м. Подбой был устроен в восточной стенке. Его длина соответствовала длине входной ямы, ширина – 1.1, высота в средней части – 0.85 м. Задняя стенка подбоя и его наклонный потолок были обложены деревянными досками, от которых сохранились только отпечатки, судя по ним ширина досок равнялась 10–12 см. Облицовка потолка поддерживалась четырьмя вертикально стоящими по углам подбоя столбами диаметром около 10 см, от которых сохранились углубления в полу подбоя и остатки дерева в них. На торцы этих столбов были положены, вероятно, поперечные доски, на которые и опиралась деревянная облицовка потолка подбоя. Подбой был закрыт деревянным заслоном, состоящим из плах, опиравшихся одним концом на угол стенки входной ямы и ступеньки, а другим, возможно, на деревянную облицовку потолка подбоя или стенку над подбоем. На наклонно стоящие плахи поперек были положены круглые жерди диаметром 4–5 см (рис. 3, 2). Входная яма и подбой были вырыты при помощи орудия с узкой рабочей частью, следы от которого шириной 3–4 см и длиной 20 см хорошо сохранились на стенках. На дне подбоя, ближе к восточной стенке, на подстилке из камыша, покрытой войлоком, лежал костяк мужчины на спине, вытянуто, головой на Ю. Череп повернут вправо, левая рука отведена в сторону. Две фаланги безымянного пальца правой руки срослись вместе, а на бедренных костях имелись мощные костяные наросты – результат какой-то болезни погребенного (рис. 3, 1).

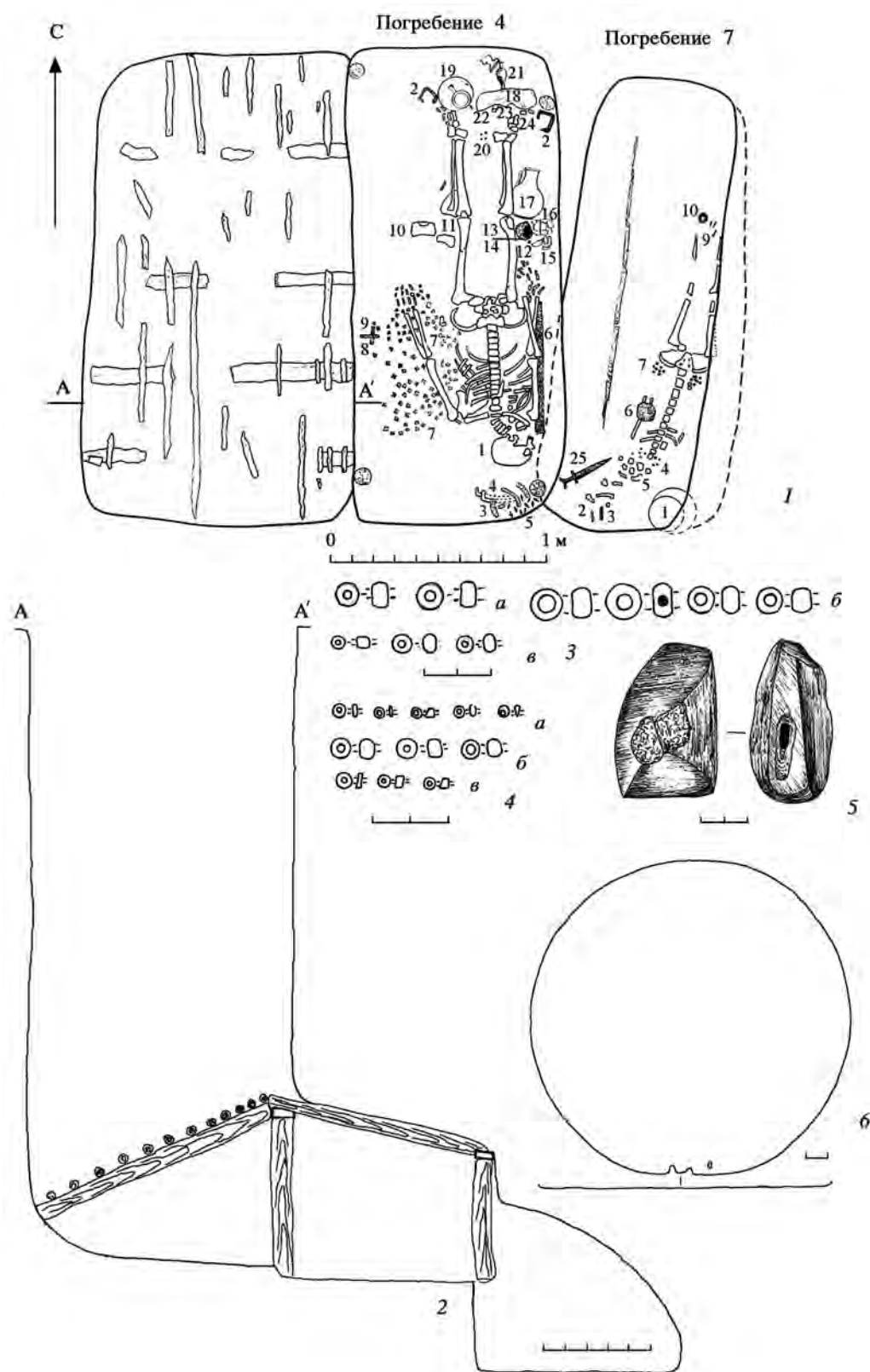

Рис. 3. План погр. 4, 7 (I), разрез по линии А-А' погр. 4 (2) и находки из погр. 7: 3, 4 – стеклянные бусы; 5 – камень; 6 – бронзовое зеркало.

Находки. 1. Под черепом выявлено серое перегнившее органическое вещество. 2. Умерший лежал в деревянном гробу, от которого сохранились лишь пять железных угольников, скреплявшие углы деревянной конструкции. 3. В юго-восточном углу подбоя, за пределами гроба, у опорного столба стоял деревянный колчан длиной 0.4 м, облицованный кожей, от которого сохранились мелкие остатки краев, закатанные в валик. 4. Валик был прошит золотой спиральной лентой (шириной 0.9, диаметр 0.6 см), которая, по-видимому, окаймляла верхний и нижний края колчана, а также вертикальные швы на нем. Найдено 29 обрывков различной длины (рис. 4А, 8).

5. Колчан был заполнен стрелами остриями вверх, длиной около 0.45 м. Найдено 102 стрелы с железными черешковыми трехлопастными наконечниками с опущенными жалъцами, длина большинства головок наконечников – 3, вместе с черешком – до 8.3 см (рис. 4Б, 4), и несколько оснований стрел с вырезами для тетивы, окрашенными в красный цвет.

6. Вдоль правой руки лежал железный меч с прямым перекрестием с ручкой-штырем без металлического навершия. На штыре сохранились остатки деревянной ручки, крепившейся при помощи железной клепки. Прослеживались остатки дерева и на клинке, видимо, от ножен. Общая длина меча 0.98 м, ширина клинка у перекрестия 6.1 см, длина штыря для оформления рукояти 12.5 см, сечение клинка линзовидное (рис. 4Б, 1).

7. Вблизи отведенной в сторону левой руки обнаружена россыпь золотых бляшек, происходящих, видимо, от плаща, накинутого на левое плечо: 190 экземпляров в виде ступенчатых пирамидок с Т-образным вырезом в середине и тремя отверстиями по углам для пришивания, шириной основания 0.9 см (рис. 4А, 5а); 45 целых и 11 фрагментов ромбических бляшек длиной 1.5 м с ромбическим вырезом в центре и четырьмя округлыми выступами по бокам с отверстиями для пришивания (рис. 4А, 5б); пять мелких полусферических бляшек диаметром 0.3 см с двумя отверстиями по краям.

8. Рядом с золотыми бляшками у входа в подбой найден тонкий оселок (длина 9.5, ширина 2.3, толщина 0.75 см) из светлого песчаника с отверстием для подвешивания. 9. Под оселком поперек лежал железный нож (длина 10 см) с черешком для насадки ручки. 10, 11. Возле левого колена, с наружной стороны, находились две прямоугольные гагатовые пластины – поясные пряжки (одна разломлена на две части). По краю и наискось из угла в угол пряжки украшены мелкими наколами. На одной из них у края – три круглых отверстия с сильно запо-

лированными краями. На противоположном конце – вытянутое овальное отверстие, края его также сильно заполированы. Между этим отверстием и краем пряжки выступает обломанный медный крючок. Размеры пластины 10.6 × 6.8 × 1.3 см. Вторая пластина (10.5 × 6.9 × 1.1 см) имела по два круглых отверстия с обеих сторон (рис. 4А, 6).

12. У колена правой ноги найдены обломки и сохранившаяся нижняя часть сосуда с кольцевым поддоном из синего стекла. Поддон инкрустирован чередующимися косыми полосками из белого, синего и желтого стекла. Край его был обрамлен валиком, украшенным такими же полосками. На плечиках сосуда располагался зигзагообразный орнамент из белого и желтого стекла. Полностью форма его не восстанавливается. Диаметр дна равен 3.15, верхнего края около 3.5 см (рис. 4А, 1).

13. Под фрагментами этого сосуда было обнаружено небольшое бронзовое плоское тонкое зеркало диаметром 6.5 см с посеребренной (?) лицевой стороной (рис. 4А, 7). 14. Зеркало находилось в деревянном футляре с кожаной подкладкой. Край футляра был прошит узкой золотой лентой. 15, 16. Здесь же найдены тонкая серебряная полоска длиной 2.5 см и три бронзовые обоймочки (3.9 × 1 см) с железными заклепками. 17. Рядом с зеркалом лежал на боку красноглиняный кувшин (высота 26.9, наибольший диаметр тулова 19, диаметр горла по верху 9.3, дна 9.2 см) с лентовидной ручкой с двумя продольными бороздками. Дно выделено валикообразным утолщением. Под горлом – две круговые линии (рис. 4А, 2).

18. У ног костяка находился помятый медный кованый котел с выпуклыми боками и отогнутым наружу краем. Он имел две кольцевидные ручки, прикрепленные к верхнему краю с помощью фигурных пластин. Каждая пластина к тулову котла крепилась тремя медными клепками. Судя по всему, котел был помят преднамеренно, его ручки были оторваны, одна из них находилась внутри котла, вторая рядом с ним. Уплощенное дно котла было повреждено и отремонтировано необычным способом: пробиты многочисленные отверстия диаметром 2–3 мм, с наружной и внутренней стороны наложены кожаные заплатки, которые затем через пробитые отверстия были прошиты узким ремешком. Котел был реставрирован. Его высота 26.3, диаметр края поверху 26, наибольший диаметр тулова 37.2 см (рис. 4А, 9).

19. Рядом с котлом стоял двуручный сероглиняный кувшин (высота 27.7, диаметр горла по верху 10.5, наибольший диаметр тулова 20, диаметр дна 10 см), изготовленный на гончарном круге. Верхний край кувшина был отбит в древности, на горле две круговые бороздки, на нижней части тулова

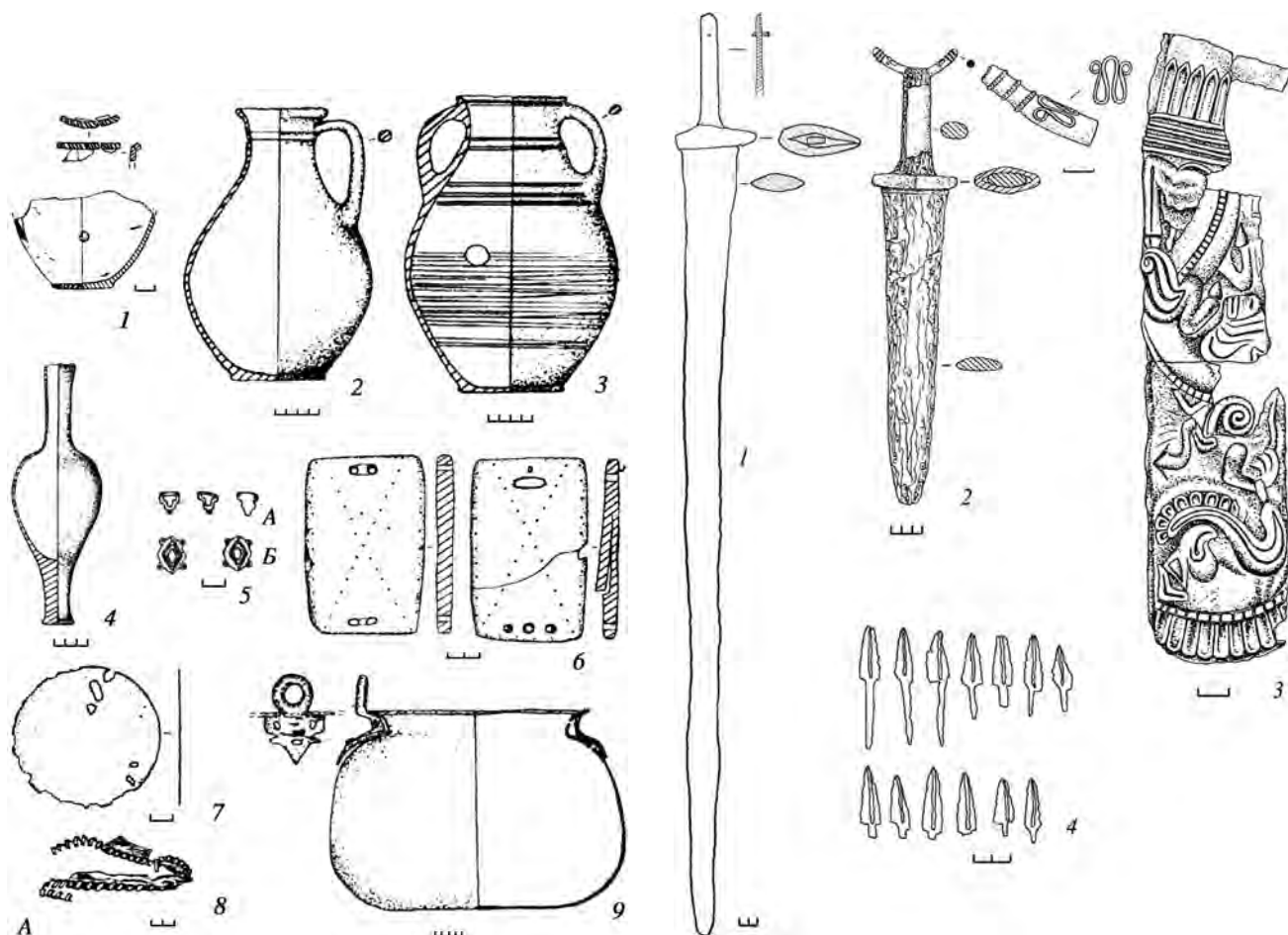

Рис. 4. Находки из погр. 2. А: 1 – стеклянный сосуд; 2 – красноглиняный кувшин; 3 – сероглиняный кувшин; 4 – красноглиняный угвентарий; 5 – золотые бляшки; 6 – гагатовые пряжки; 7 – бронзовое зеркало; 8 – золотая спиральная лента от края колчана; 9 – бронзовый котел, Б: 1 – железный меч; 2 – железный кинжал в золотых обкладках; 3 – золотая пластина от деревянных ножен кинжала; 4 – железные стрелы.

круговые полосы от лощения, на тулове – круглое отверстие с зашлифованными краями. Ручки овальные в сечении. Дно имело слабо выраженный кольцевой поддон (рис. 4А, 3).

20. Между стопами ног были найдены четыре круглые золотые бляшки диаметром 0.6 см с выпуклостями в центре и двумя отверстиями по краям для крепления. 21. Рядом с котлом находился красноглиняный угвентарий с отбитым в древности верхним краем. Его высота 22.7, наибольший диаметр тулова 7.7 см (рис. 4А, 4).

Под котлом были обнаружены: 22 – фрагментированная железная скоба (длина 6, ширина 3.8 см), изготовленная из овального в сечении стержня; 23 – железная фрагментированная петля из округлого стержня, согнутого пополам, сохранившаяся ее длина 3.5, диаметр стержня 0.6 см; 24 – фрагменты железной скобы, дуговидно согнутой из округлого стержня, сохранившаяся ее длина 6, диаметр

стержня 0.5 см. Предположительно, эти скобы и петля являлись деталями гроба.

25. Погребению 4 принадлежал железный кинжал, обнаруженный в заполнении погребения 7. Он, видимо, был прислонен к деревянной обшивке подбоя, отделявшей погребения, а затем по мере тления дерева завалился в подбой погребения 7. Кинжал с прямым перекрестием и серповидным навершием, все детали его рукояти были покрыты тонким листовым золотом. На навершии с обеих сторон напаяны по три кольца из золотой проволоки, украшенных насечками, ниже них, также из золотой проволоки, – по тамгообразному знаку. Кинжал был вложен в ножи, от которых сохранились останки дерева. Нижнюю половину ножен украшала в значительной мере поврежденная тонкая пластина из золота со сложным сюжетом. На пластине в низком рельефе изображены: грифон (хорошо видны его голова и крыло) и лошадь с S-образно вывернутым телом. Сверху и снизу изоб-

ражение ограничено орнаментальной композицией. Можно предположить, что на деревянной основе ножен была вырезана та же самая композиция, что и на золотой пластине, что сохраняло рельефное изображение от помятостей. Это подтверждается остатками дерева в углублениях на обратной стороне пластины и отсутствием на ней отверстий для крепления. Видимо, золотая пластина наклеивалась на деревянную основу (рис. 4А, 2, 3).

Погребение 5 имело общую входную яму с погребением 6, которая располагалась в 1 м к 3 от входной ямы погребения 4 (рис. 1, 1). Размеры входной ямы на уровне материка: длина по линии ССЗ–ЮЮВ 2.15, ширина 1.1, глубина от уровня погребенной почвы 2.85 м. Погребение было сооружено в катакомбе (длина 2.25, ширина 1.1, высота 1.2 м; в самом конце катакомбы сужена до 0.9 м), вырытой в южной стенке входной ямы и располагавшейся под небольшим углом к ее центральной оси. Дно катакомбы расположено на одном уровне с дном входной ямы. На дне катакомбы в деревянном гробу, несколько сужающемся к ногам, находился костяк женщины (?) на спине в вытянутом положении, головой на ЮЮВ. Левая рука лежала вдоль туловища, правая несколько отведена в сторону. Кости ног слегка кальцинированы¹. Гроб сохранился плохо. Он был сооружен из двух торцовых и двух боковых досок, поставленных на ребро. Дно состояло из поперечных плашек, располагавшихся на расстоянии 10 см друг от друга, которые должны были соединяться с продольными досками. Однако способ их соединения в связи с плохой сохранностью всей конструкции установить не удалось. Концы боковых досок выступали за пределы торцовых. Длина гроба 1.7, ширина в изголовье 0.6, в ногах 0.43 м (рис. 5, 2)².

Находки. 1. Справа от черепа погребенной, в пределах гроба, был обнаружен небольшой лепной горшок с широким горлом и отогнутым наружу венчиком, украшенным косыми насечками. Внутри, на боках и дне, – нагар от содержимого. Поверхность горшка коричневатая с темными пятнами. Его высота 9.8, наибольший диаметр тулова 10.6, диаметр горла по верху 9.2, дна – 6.1 см (рис. 5, 11). 2. Слева от черепа, за пределами гроба был обнаружен железный кинжал (длина 28.2 см) с прямым перекрестием и серповидным навершием, воткну-

тый острием в дно катакомбы. На клинке с одной стороны – два параллельных желобка (рис. 5, 10). 3. Слева у черепа найдено золотое проволочное спиральное височное колечко диаметром 1 см с заходящими друг за друга концами (рис. 5, 15).

4. Вокруг шейных позвонков и под лопатками погребенной обнаружены бусы, составлявшие, видимо, ожерелье, из них: 95 кольцевидных из светлого стекла с внутренней позолотой с округлыми гранями диаметром 5 и шириной 2.5–3 мм (рис. 5, 6а, б); 259 кольцевидных из светлого и темного стекла диаметром 4, толщиной 1–3 мм (рис. 5, 6в, г). 5. У правого плеча погребенной лежал бесформенный кусочек мела. 6. Справа, напротив черепа, вне гроба, находились два куска дерева (8.5 × 3.5 × 3; 6.8 × 4.7 × 2.8 см) со следами поперечных спилов. 7. На правой стороне груди – бронзовая сегментовидная пластина с фигурно срезанными краями, лежавшая на деревянной дощечке и прикрепленная к ней посередине нитками. На пластине сохранились кусочки ткани и тонкой кожи.

8. Напротив, у стенки гроба найден небольшой фрагмент железного ножа длиной 2.5 см. 9. Рядом находился кусочек реалгары. 10. Здесь же лежал фрагмент бронзового, посеребренного с обеих сторон, плоского зеркала диаметром около 9 см. С правой стороны, по середине плечевой кости сохранился отпечаток деревянной полусферической чашечки, диаметр ее по краю составлял около 11, высота около 4 см.

11. У кисти левой руки найдены бусы: 28 кольцевидных (диаметр 5, ширина 4 мм) из светлого стекла с внутренней позолотой с округлыми краями (рис. 5, 4а); 59 дисковидных гешировых диаметром 6 и шириной 2 мм (рис. 5, 4б). 12. На запястье правой руки были обнаружены следующие бусы: 32 стеклянные с внутренней позолотой и 67 гешировые, аналогичные найденным бусам на левой руке (5, 5а, б). 13. На правой руке – золотой перстень (диаметр 2.2 см) с выпуклым щитком (ширина 1 см) с разьединенным кольцом, концы которого заходят друг за друга (рис. 5, 16). 14. С внутренней стороны предплечья правой руки обнаружены три обломка железного перстня с щитком шириной 1.8 см. Размеры его полностью не восстанавливаются. 15. Там же найдена сложенная в кучку цепочка, состоящая из железных колец диаметром 1.1 см (рис. 5, 7в). 16. К цепочке пристали кусочки ткани с бусами на ней из светлого стекла с внутренней позолотой диаметром 7 и шириной 3.5 мм. Эти бусы, видимо, относились к тем, которые были обнаружены на правом запястье.

17. Вне гроба, с левой стороны, находился раздавленный сероглиняный чернолощеный кувшин

¹ Речь идет о том, что кости ног были обожжены, но следы огня в самом погребении не обнаружены. В этом случае можно допустить, что погребенная подверглась воздействию огня до захоронения.

² Описание деревянной конструкции не исключает возможности использования в этом погребении деревянных носилок, поскольку сверху костяка остатки дерева не обнаружены.

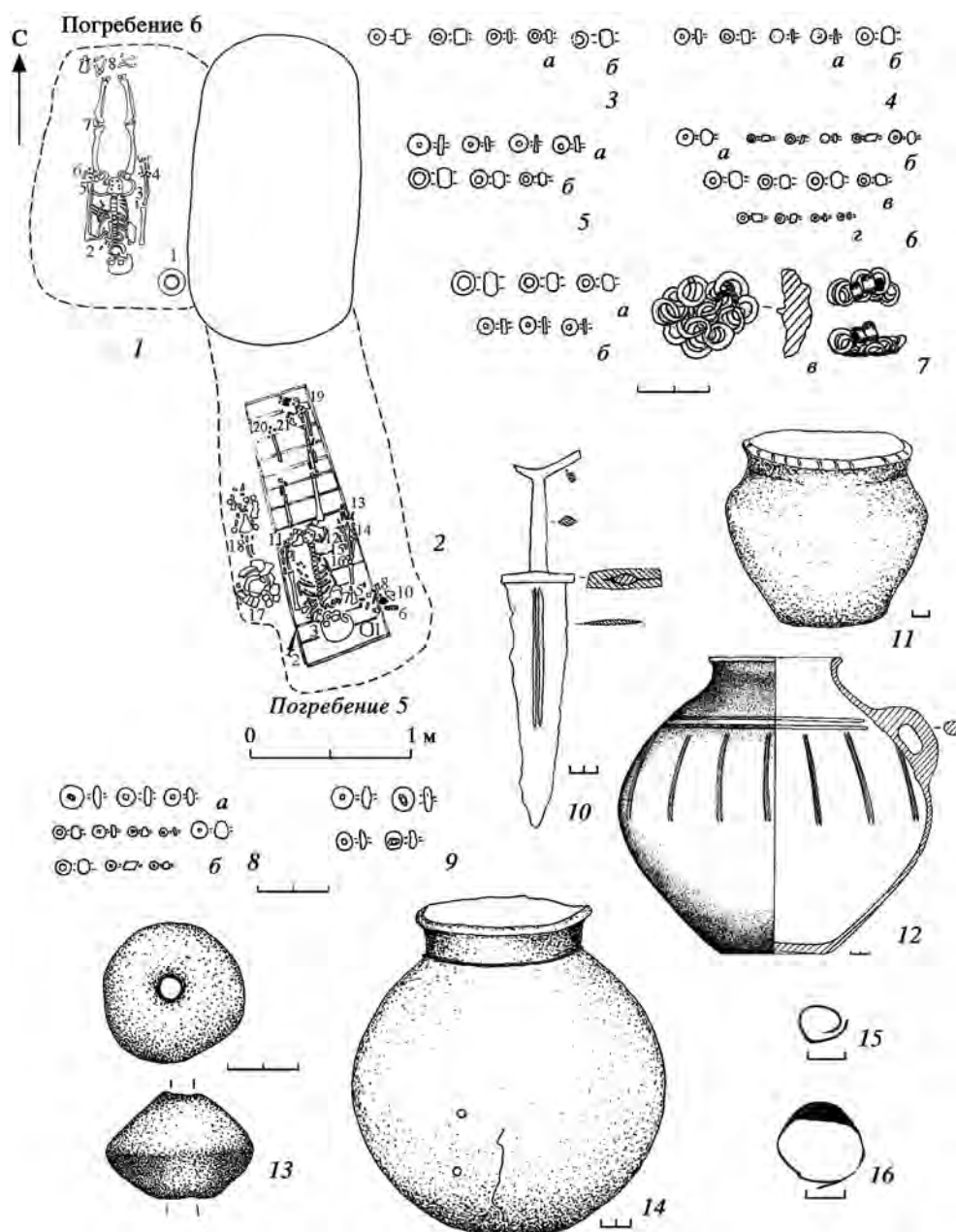

Рис. 5. Планы погр. 5, 6 и находки. 1 – план погр. 6; 2 – план погр. 5. Находки из погр. 5: 3 – бусы с левой стопы; 4 – бусы с запястья левой руки; 5 – бусы с запястья правой руки; 6 – бусы с шейных позвонков; 7а, б – бусы с правой стопы; 7в – железная цепочка; 10 – железный кинжал; 11 – глиняный сосуд; 12 – сероглиняный кувшин; 15 – золотое височное колечко; 16 – золотой перстень. Находки из погр. 6: 8 – бусы с шейных позвонков; 9 – бусы с правого и левого запястий; 13 – глиняное пряслице; 14 – глиняный сосуд.

с широким туловом (высота 31,5, наибольший диаметр тулова 29,5, диаметр горла по верху 13,8, дна – 2,3 см) и одной ручкой. Венчик отогнут наружу, дно слегка вогнутое. Сосуд был разбит еще в древности и скреплен при помощи отверстий вдоль сломов, через которые продевалась веревочка. На его плечиках – два круговых желобка, от которых вниз опускались парные линии (рис. 5, 12). 18. Рядом с кувшином стоял, по всей видимости, деревянный

столик, от ножек которого на дне катакомбы сохранились четыре углубления диаметром и глубиной по 3 см. Соединение этих углублений образовывало четырехугольник (17 × 22 см). На этом пространстве и несколько за его пределами находились кости ног с лопаткой и ребра овцы. Вероятно, первоначально они были положены на столик.

19. Возле пяточной кости правой ноги обнаружены два кремневых отщепа размерами 4 × 2,8 × 2,2

и $2.2 \times 0.9 \times 0.7$ см. 20. У стопы левой ноги найдено 20 гешировых дисковидных бусин диаметром 0.5 и шириной 0.15–0.3 см (рис. 5, 3а, б). 21. У стопы правой ноги находилась 61 такая же гешировая бусина и 32 из прозрачного стекла с внутренней позолотой диаметром 0.5 и шириной 0.4 см.

Погребение 6. Как уже указывалось, его входная яма была общей с погребением 5. Погребение 6 было сооружено в подбоя (длина 1.8, ширина 1, высота 0.95 м), вырытом в западной стенке входной ямы. На дне подбоя лежал женский костяк вытянуто на спине, головой на ЮЮВ (рис. 5, 1).

Находки. 1. Справа от черепа стоял глиняный шаровидный сосуд (высота 22.2 см, наибольший диаметр тулова 19.5, диаметр прямого горла по верху 11.7, уплощенного дна – 9 см) с отогнутым наружу венчиком. У дна сосуд имел трещину, которая появилась еще в древности, о чем свидетельствуют следы ремонта в виде трех просверленных небольших отверстий. Поверхность сосуда коричневатая со следами лощения и копоти. При переходе горла к плечикам имелся круговой валик (рис. 5, 14). 2. В районе шеи обнаружены бусы: 14 из темного стекла диаметром 0.7 и шириной 0.3 см; 93 из синеватого стекла диаметром 0.35 и шириной 0.2–0.3 см; 9 кольцевидных из белого непрозрачного стекла диаметром и шириной по 0.3 см (рис. 5, 8а, б).

3. У правого локтя с внутренней стороны найден кусочек реальгара. 4. На запястье правой обнаружены 18 бусин уплощенной формы из темного непрозрачного стекла диаметром 0.7 и шириной 0.3 см (рис. 5, 9). 5. На запястье левой руки – 20 аналогичных бус. 6. Под кистью левой руки – железный нож с обломанным острием (сохранившаяся длина 7, ширина лезвия 1.4 см). 7. С наружной стороны левого колена найдено биконическое глиняное пряслице диаметром 4.2, высотой 3 см (рис. 5, 13). 8. В ногах были положены кости ног и лопатка овцы.

Погребение 7 было сооружено в подбоя, вырытом с юго-восточного угла подбоя погребения 4. Оба погребения представляли собой единый комплекс. Вход в подбой погребения 7 сооружался не по всей длине стенки камеры погребения 4, а лишь в южной ее половине. Длина входа, таким образом, – 0.9, высота от дна подбоя погребения 4 – 0.3 м. Длина подбоя погребения 7 – 2.2, ширина 0.85, высота 0.7 м. Дно подбоя погребения 7 находилось на 0.5 м ниже дна подбоя погребения 4 (рис. 3, 1). Судя по отпечаткам, боковые стенки подбоя погребения 7 были облицованы вертикально стоящими досками шириной 0.2–0.3 м. На стенках подбоя хорошо со-

хранились следы (ширина 3, длина до 15 см) орудия, с помощью которого он был выкопан.

На дне подбоя, на земляной подсыпке толщиной до 0.15 см, в деревянном гробовище лежал женский костяк на спине вытянуто, головой на ЮЮВ. Остатки гробовища прослежены только с левой стороны, полностью его размеры и конструкция не восстанавливаются.

Находки. 1. Справа от черепа выявлен отпечаток деревянного сосуда (диаметр 20, высота около 16 см) с округлым дном и цилиндрическим туловом. 2. За черепом слева лежали кости ног овцы. 3. Среди них – железный нож (длина 10.5, ширина лезвия 1.8 см) с черенком и остатками дерева на нем. 4. В области шейных позвонков обнаружены бусы: 199 из темного стекла диаметром 0.4 и шириной 0.1–0.3 см (рис. 3, 4а, в); 12 кольцевидных из светлого стекла с внутренней позолотой диаметром 0.5, шириной 0.35 см (рис. 3, 4б). 5. Под черепом найдена бронзовая подвеска.

6. Сверху левого локтевого сустава было положено бронзовое зеркало в футляре из ткани (внутри) и меха (снаружи). Зеркало (диаметр 14.7, толщина диска 0.2 см) плоское круглое со слегка приподнятым краем и тремя отверстиями для крепления боковой ручки (рис. 3, б). 7. На левом запястье – кольцевидные бусы из светлого стекла с внутренней позолотой: 17 диаметром 0.9, шириной 0.5 см (рис. 3, 3а); три диаметром 0.5, шириной 0.35 см (рис. 3, 3в). 8. На запястье правой руки – 10 таких же бусин диаметром 0.9, шириной 0.5 см (рис. 3, 3б).

9. Между голеней было обнаружено небольшое железное шильце (длина 5 см), круглое в сечении. 10. Рядом найдена галька из серого камня (длина 6.8, поперечное сечение 4.4×3.3 см) с тремя сильно стертymi плоскостями на одном конце (рис. 3, 5).

Стратиграфические наблюдения и анализ вещевого материала позволяет выявить очередность совершения захоронений в кургане 27. Материковый выкид в центре относится к погребению 3, именно с ним связана начальная фаза сооружения кургана. Вероятно, в то же время был сооружен и ровик, очертивший пространство, в центре которого находилось погребение 3, оказавшееся полностью разрушенным. Предположительно его можно отнести к савроматской культуре. Прямоугольная яма погребения 3 вытянута по линии 3–В, череп найден в засыпи ямы в восточной ее половине. В любом случае – лежал ли погребенный головой на В или 3, ориентировки обычны для савроматской культуры. Найденное в засыпи ямы ребро лошади как элемент ритуальной пищи также характерен для этой культуры.

Остальные погребения относятся к раннесарматскому времени. Стратиграфически достаточно четко удалось установить, что погребение 1 было впущено в уже готовую насыпь кургана. Видимо, то же можно сказать и об остальных погребениях. Информация о каких-либо досыпках курганной насыпи в связи с сооружением новых погребений отсутствует. Курганная насыпь длительное время распаивалась, что привело к нарушению ее первоначальной стратиграфии. Погребения 1, 2, 5 и 6 должны быть близкими по времени сооружениями, они располагаются по кольцу вокруг центра, что характерно для раннесарматского времени. Погребения 4, 7, видимо, являются самыми поздними в кургане.

Неясным осталось назначение ямы (?), расположенной к Ю от центра в ровике, в которой находились то ли остатки дерева, то ли камни. На плане она не обозначена как погребение (рис. 1, 1), но пояснений в отчете нет.

Погребения 2 и 5 совершены в катакомбах, причем погребение 5 имеет общую входную яму с погребением 6 в подбое. Сочетания разных конструкций погребальных ям, представляющих собой единый комплекс, известны в целом ряде случаев в разные периоды сарматской культуры (Скрипкин, 1987. С. 88–104). Описаны четыре случая совмещения катакомбы и подбоя при одной входной яме (Мошкова, Малашев, 1999. С. 186). Такая конструкция погребальной ямы наиболее характерна для раннесарматского времени. Аналогичное сочетание катакомбы и подбоя было обнаружено в кургане 9 (погребение 9) могильника Покровка 7 (Курганы..., 1996. С. 38–40). Сближает это погребение с жутовским то, что в них находились костяки женщин с близким набором бус (в районе шеи и запястий). Для покровского погребения имеется антропологическое определение, что позволяет более определенно говорить о жутовском погребении 5 как женском. Обнаруженный кинжал в этом погребении не входил в экипировку погребенной. Он находился за пределами гробовища и имел, видимо, иную семантическую нагрузку. Найденные бронзовые наконечники в подбойной могиле покровского погребения типологически близки наконечникам стрел из жутовского погребения 2 (рис. 2, 2а), также сооруженного в катакомбе.

По конструкции обе жутовские катакомбы относятся к типу 3, для которого характерно расположение оси катакомбы под углом к оси входной ямы. Исследователи отмечают близость этого типа катакомб с типом 2, у которого катакомба и входная яма расположены по одной оси (Смирнов, 1972.

С. 74; Мошкова, Малашев, 1999. С. 173). Совокупно катакомбы типов 2 и 3 занимают доминирующее положение среди других типов катакомб в раннесарматское время. Появление катакомб типа 3 в Нижнем Поволжье относят к IV в. до н.э. Наиболее известная из них происходит из курганного могильника Никольский I, кургана 3, погребения 3 (Шилов, 1975. С. 5, 6). Большая же часть катакомб этого типа датируется III–II или II в. до н.э. (Мошкова, Малашев, 1999. С. 181, 189).

Весьма интересна конструкция могильной ямы, содержащей погребения 4 и 7, которая представляет собой единый погребальный комплекс (рис. 3, 1, 2). В этом случае первоначально была сооружена входная яма с обширным подбоем в восточной стенке, в юго-восточном углу которого был сделан проход во второй подбой, располагавшийся под острым углом к первому. Очередность погребений была обратной. Сначала во втором подбое была погребена женщина, затем в первом подбое, обшитом деревом, был захоронен мужчина. В этом погребальном комплексе центральное положение явно занимало мужское погребение 4: по обилию и престижности находок – это погребение знатного воина. Видимо, с ним связано и нахождение в насыпи кургана богатой конской упряжи, о чем свидетельствуют сохранившиеся фалары.

Наиболее поздняя дата погребений 4 и 7 основывается на хронологическом анализе вещей, преимущественно из первого. Так, сарматские погребальные комплексы с парадными кинжалами типа жутовского датируются в основном II–I вв. до н.э. (Мордвинцева, Шинкар, 1999. С. 141). Угвентарии также достаточно часто встречаются в памятниках Северного Причерноморья того же времени (Максимова, 1979. С. 139; Античные государства..., 1984. Табл. XXXIX, 19). Наиболее близкий по форме жутовскому угвентарий происходит, например, из мавзолея Неаполя Скифского и датируется, по крайней мере, не ранее II в. до н.э. (Зайцев, 2003. С. 54–61. Рис. 91, 4). Еще одним хронологическим показателем является колчаный набор из погребения 4. Все наконечники стрел являлись железными черешковыми трехлопастными. Эта черта становится характерной для сарматских погребальных комплексов II–I вв. до н.э., поскольку в более раннее время чаще встречаются железные наконечники стрел вместе с бронзовыми (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 64, 65). Это еще раз подчеркивает наиболее позднюю дату погребения 4 по сравнению, например, с погребением 2, сооруженным в катакомбе, в котором были найдены железные и бронзовые наконечники стрел.

В свое время фалары, обнаруженные в насыпи кургана 27, В.И. Мордвинцева отнесла к группе “причерноморского графического стиля”, в совокупности датируемой II–I вв. до н.э. Собственно жутовские фалары она датировала концом II – началом I в. до н.э. (Mordvinceva, 2001. S. 64, 76). Если дата верна, то это подтверждает, что фалары являлись частью ритуального действия, связанного с погребением 4, в котором покоился знатный воин. В недавней статье В.И. Мордвинцева (2008) на основании разработанной ею типологии фаларов и характера их распределения на территории от Южного Урала до Северного Причерноморья и специфики их захоронений пришла к выводу о наличии двух районов, существенно отличающихся между собой по названным параметрам. Рубежом между этими районами названа Волга. К востоку распространены фалары “греко-бактрийской” стилистической группы, а к западу – преимущественно “причерноморского графического стиля”. Различна и обрядовая практика, связанная с этими группами фаларов; первые обычно находятся в погребениях, вторые – в составе кладов, обнаруживаемых в курганных насыпях или в других местах. По мнению автора, эти факты позволяют предполагать культурное и существенное этническое различие между двумя обозначенными районами.

Что касается погребения 4 рассматриваемого Жутовского кургана 27, следует отметить, что оно находит сходство с рядом погребальных комплексов Волго-Донского региона. К этому же кругу памятников можно отнести погребение 3 из майеровского кургана 4 (Волгоградское Заволжье), погребение 45 из Косики (Астраханская обл.), погребение из кургана у с. Яшкуль (Калмыкия, 1987 г.). Все они принадлежат кочевнической знати, о чем говорит представительный набор вещей в каждом из них. Общим для них является однотипное клинковое оружие (кинжалы с серповидным навершием и длинные мечи без металлического навершия), наличие медных или бронзовых котлов, подчеркивающих, видимо, социальный статус погребенных, а также влияние восточных традиций, просматриваемых в вещевом материале (этот известный по публикациям аспект в рамках данной статьи нами не рассматривается). Различные типы фаларов и ситуации их нахождения в жутовском (в насыпи) и яшкульском (в погребении) курганах не противоречат (в противовес мнению В.И. Мордвинцевой) принадлежности их к одной или близкородственным группировкам кочевников, обитавших в междуречье Волги и Дона в одно время.

Дата всех этих поздних сарматских комплексов – II–I вв. до н.э. Наиболее убедительным является отождествление их с аорской знатью, поскольку дата погребений совпадает с временем расселения в Северном Прикаспии и на Нижнем Дону аорсов Страбона (Скворцов, Скрипкин, 2004. С. 187–189; Skvorcov, Skripkin, 2006. S. 251–267).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984 (Археология СССР).
- Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 5. Волгоград, 2002.
- Курганы левобережного Илека. М., 1996.
- Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Маловицкая Л.Я. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3429.
- Мордвинцева В.И. Фалары из вотивных кладов Северного Причерноморья III–I вв. до н.э. и сарматская парадигма // ВДИ. 2008. № 3.
- Мордвинцева В., Хабарова Н. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь, 2006.
- Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. Вып. 2. Волгоград, 1999.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребенных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.
- Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. Сарматский погребальный комплекс из курганного могильника Майеровский III (проблема интерпретации) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Скрипкин А.С. Этнические проблемы сарматской культуры // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.
- Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1.

- Шилов В.П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции за 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3156.
- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren // Archäologie in Eurasien. Bd. 11. Rahden / Westf.: Leidorf, 2001.
- Skvortsov N.B., Skripkin A.S.* Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet // Eurasia Antiqua. 2006. Bd. 12.

Sarmatian-time kurgan Zhutovsky № 27 in the Volga-Don interstream region

A.S. Skripkin, O.A. Shinkar'

S u m m a r y

The materials from kurgan Zhutovsky 27, which was excavated by V.P. Shilov's expedition in 1964, are quite often used in Sarmatian studies. Nonetheless, the present article is the first comprehensive publication of the materials from the site. The article gives detailed description of the funeral complexes of the kurgan, and substantiates the dating. The main burial in the kurgan appears to have belonged to the Sauromatian culture. Of especial interest is burial 4, that of a noble warrior. It is connected with the finding of horse harness, represented by silver phalerae. Burial 4 and the phalerae are dated to the 2nd–1st cc. BC. In our opinion, the complex will have belonged to Aorsian nobility. The time and the territory are those indicated for the Aorsi by Strabo.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НАЧАЛА III в. н.э. ИЗ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

© 2010 г. Д. С. Коробов

Институт археологии РАН, Москва

Данная статья является продолжением публикации новых материалов из катакомбных захоронений Кисловодской котловины, обнаруженных в последние годы автором (Коробов, Мастыкова, 2009). Публикуемое погребение было доследовано в пос. Высокогорный Предгорного района Ставропольского края, расположенном к Ю от Кисловодска, на левом берегу р. Сухая Ольховка. Здесь на северной окраине поселка по обе стороны реки находится комплекс из нескольких разновременных могильников и укрепление эпохи раннего средневековья, краткое описание которых можно найти в каталоге памятников Кисловодской котловины (Афанасьев и др., 2004). Это укрепление Высокогорное 2 (№ 100, 801)¹ и могильники Высокогорный 1 (№ 98, 99) и 2 (№ 403) (рис. 1, 1). Поскольку один из могильников возле Лермонтовской Скалы, находящейся примерно в 2 км к ССВ, носит название Высокогорный 3 (№ 91), новый памятник получил название Высокогорный 4, продолжив имеющуюся нумерацию.

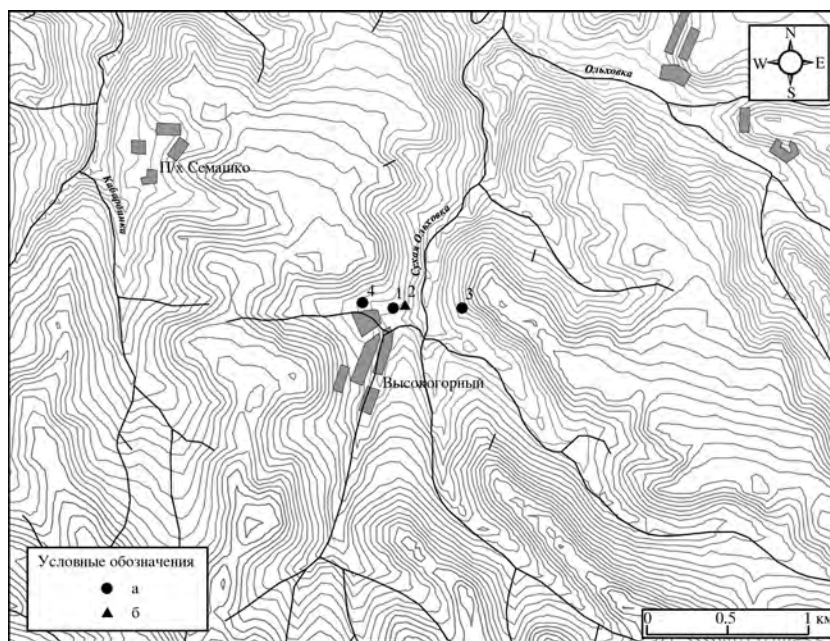
В 2008 г. во время работы Кисловодской археологической экспедиции мы были проинформированы местным жителем А.Х. Байрамкуловым о том, что на территории его усадьбы при строительных работах обнаружено захоронение, которое было нами доследовано как катакомба 1 могильника Высокогорный 4 (рис. 2). Первые сведения о присутствии здесь катакомбных захоронений были получены Я.Б. Березиным, осуществлявшим в 1990–1991 гг. раскопки на могильнике Высокогорный 1. Могильник Высокогорный 4 занимает глинистый склон левого берега небольшого ручья, левого притока р. Сухая Ольховка. Несколько захоронений расположено внутри скотного двора усадьбы А.Х. Байрамкулова, представляющего собой навес, пристроенный к склону. Внутри на склоне нами были обнаружены дромосы как минимум еще двух катакомбных погребений, пока нетронутых. Доследованная катакомба была нарушена хозяином

усадьбы при расширении территории под навесом. По словам А.Х. Байрамкулова, были вынуты кости трех человек, расположенных в следующем порядке от входа: в южной части находился мужчина, следом за ним ребенок, а в северной части камеры – женщина. Они были ориентированы головой на ЮВ. Возле головы ребенка был найден каменный антропоморфный амулет, вырезанный из белого известняка (рис. 3, 3; 4, 6), и фрагмент бронзовой витой гривны (рис. 4, 7). Хозяин участка вынул и перезахоронил кости, которые потом были нами отправлены вместе с остальной антропологической коллекцией в Институт археологии РАН. Обработка коллекции велась аспиранткой МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Я. Березиной.

Если предположить, что несохранившийся дромос этой катакомбы, как и дромосы находящихся рядом нетронутых погребальных сооружений, соединялся с камерой с северо-восточной стороны, то погребенные были уложены в камеру головой влево от входа.

Остатки разрушенной камеры катакомбы 1 были нами расчищены (рис. 1, 2; 3, 1). Раскопки велись только в разрушенной части катакомбного захоронения. Они затруднялись тем, что проходили внутри помещения хозяйственной постройки. При расчистке камеры стало очевидно, что она заполнена рыхлым светло-коричневым суглинком вперемешку с остатками рухнувшего свода в виде крупных кусков плотно слежавшейся глины. На разных уровнях этого заполнения встречаются человеческие кости, кости мелких грызунов и предметы погребального инвентаря (рис. 1, 2). Расчищенная камера овальной в плане формы имела размеры 1.76 × 0.88 м, ориентирована длинной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ (рис. 2, 2; 3, 1). Реконструируемая высота свода – 0.76 м (рис. 2, 4). Лаз в камеру и дромос не сохранились, но располагались они с южной стороны. Камера вырублена в слое плотной глины желтого цвета, дно ее ровное, понижается в направлении ВСВ. С учетом полученной от А.Х. Байрамкулова информации и наших наблюдений в процессе расчистки камеры реконструируется следующая по-

¹ Здесь и далее используются номера памятников по упомянутому каталогу древностей Кисловодской котловины.

1

2

Рис. 1. 1 – карта расположения могильника Высокогорный 4, цифрами обозначены: 1 – Высокогорный 1; 2 – Высокогорный 2; 3 – Высокогорный 2; 4 – Высокогорный 4 (условные обозначения: а – могильник; б – укрепление); 2 – вид с ЮЮВ на катакомбу 1 перед началом расчистки.

следовательность захоронений, нумерация которых ведется от входа в камеру.

Погребенный 1 (по информации А.Х. Байрамкулова, мужчина крупного роста) находился возле входа в камеру. *In situ* не сохранился, однако антропологический анализ извлеченных из места перезахоронения черепов и фрагментов посткраниального скелета позволяет сделать вывод о

присутствии среди погребенных мужчины возраста *maturus* (35–55 лет). Предметов, непосредственно связанных с этим захоронением, найдено не было.

Следующим от него находилось захоронение ребенка 5–6 лет (погребение 2), лежавшего, скорее всего, в вытянутой позе головой влево от входа. В пользу этого предположения говорят сохранившиеся

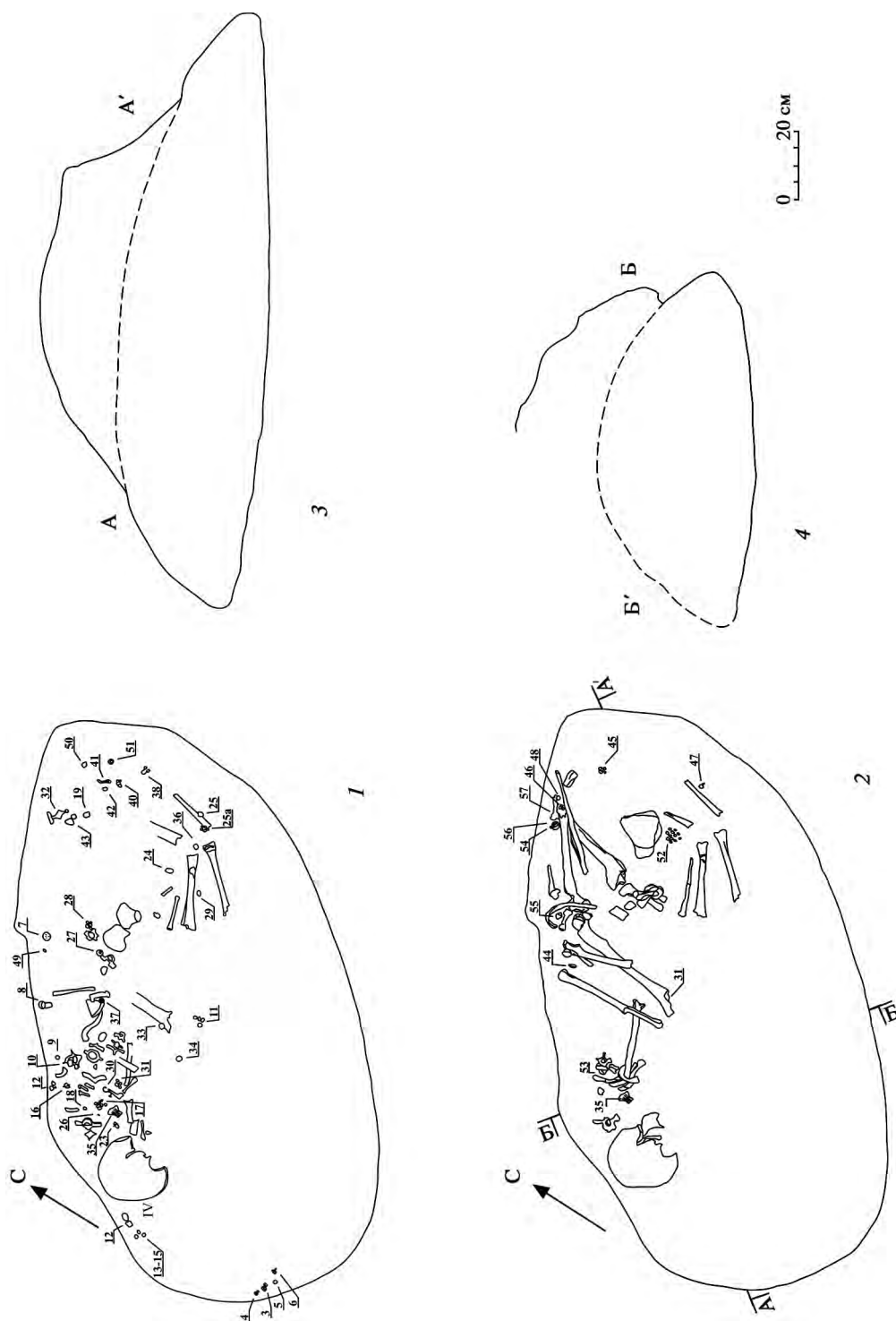

Рис. 2. Катакомба 1 могильника Высокогорный 4. 1 – план верхнего уровня расчистки; 2 – план нижнего уровня расчистки; 3 – разрез по линии А-А'; 4 – разрез по линии Б-Б'. Цифрами на планах обозначены: 3, 24, 41 – фрагменты железных ножей; 4-6, 9, 11, 13, 28, 29, 36, 42, 44, 47, 52 – стеклянные бусины; 7 – глиняный шарик; 8, 54 – бронзовые пряжки; 10, 12, 25, 43, 50, 55 – фрагменты керамики; 14, 15, 18, 26, 28, 31, 45, 46, 49, 52 – стеклянный бисер; 16, 23 – фрагменты бронзовых обоев; 17, 40 – фрагменты железного предмета; 19 – фрагмент стеклянного сосуда; 27, 33, 37, 51, 53 – бронзовые накладки; 30, 32 – бронзовые фибулы; 35 – глиняный предмет в форме цилиндра с перехватом; 38 – бронзовая подвеска; 48 – фрагмент глиняной обкладки; 56 – фрагменты золотой фольги.

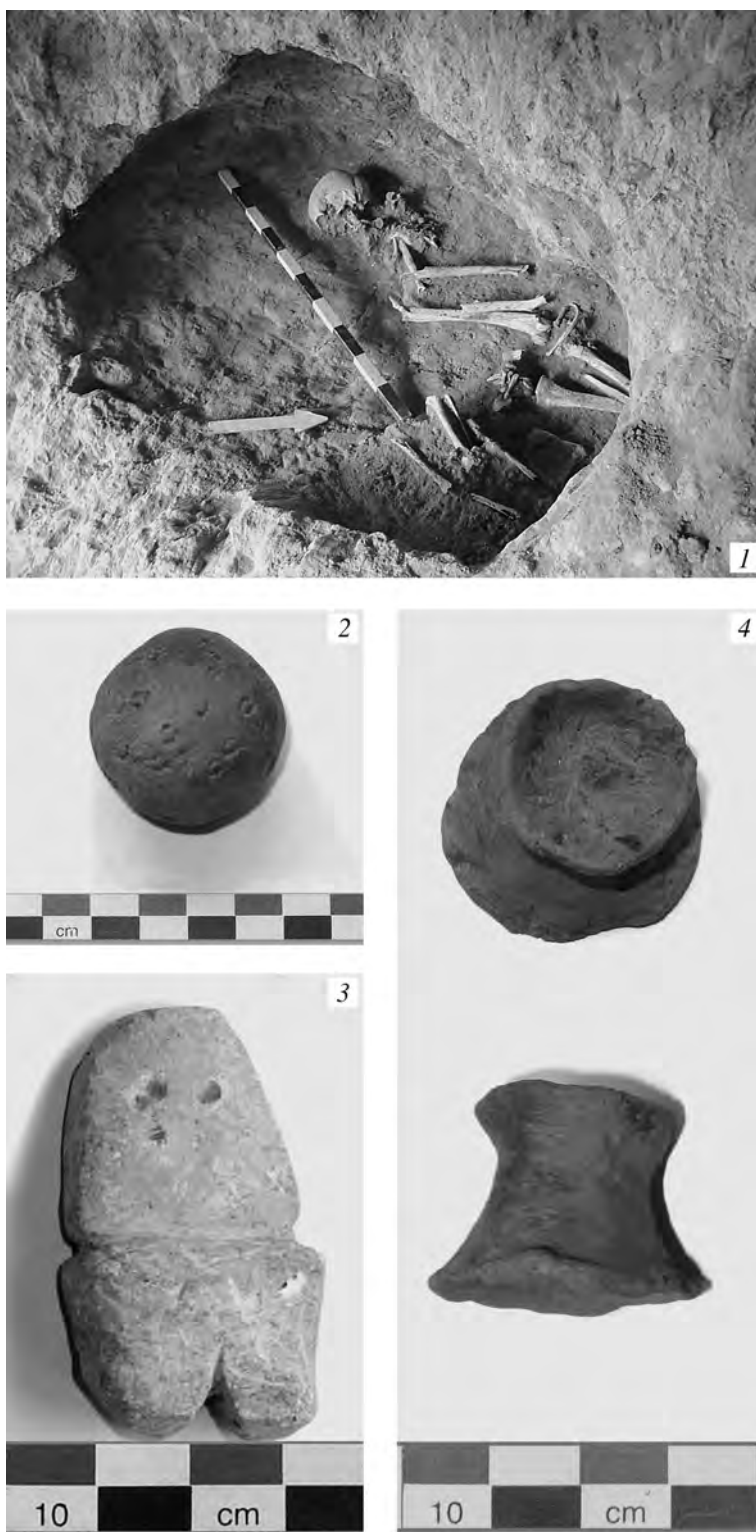

Рис. 3. 1 – вид с востока на катакомбу 1 могильника Высокогорный 4 после расчистки; 2 – глиняный шарик; 3 – антропоморфный амулет из известняка; 4 – глиняный предмет в форме цилиндра с перехватом.

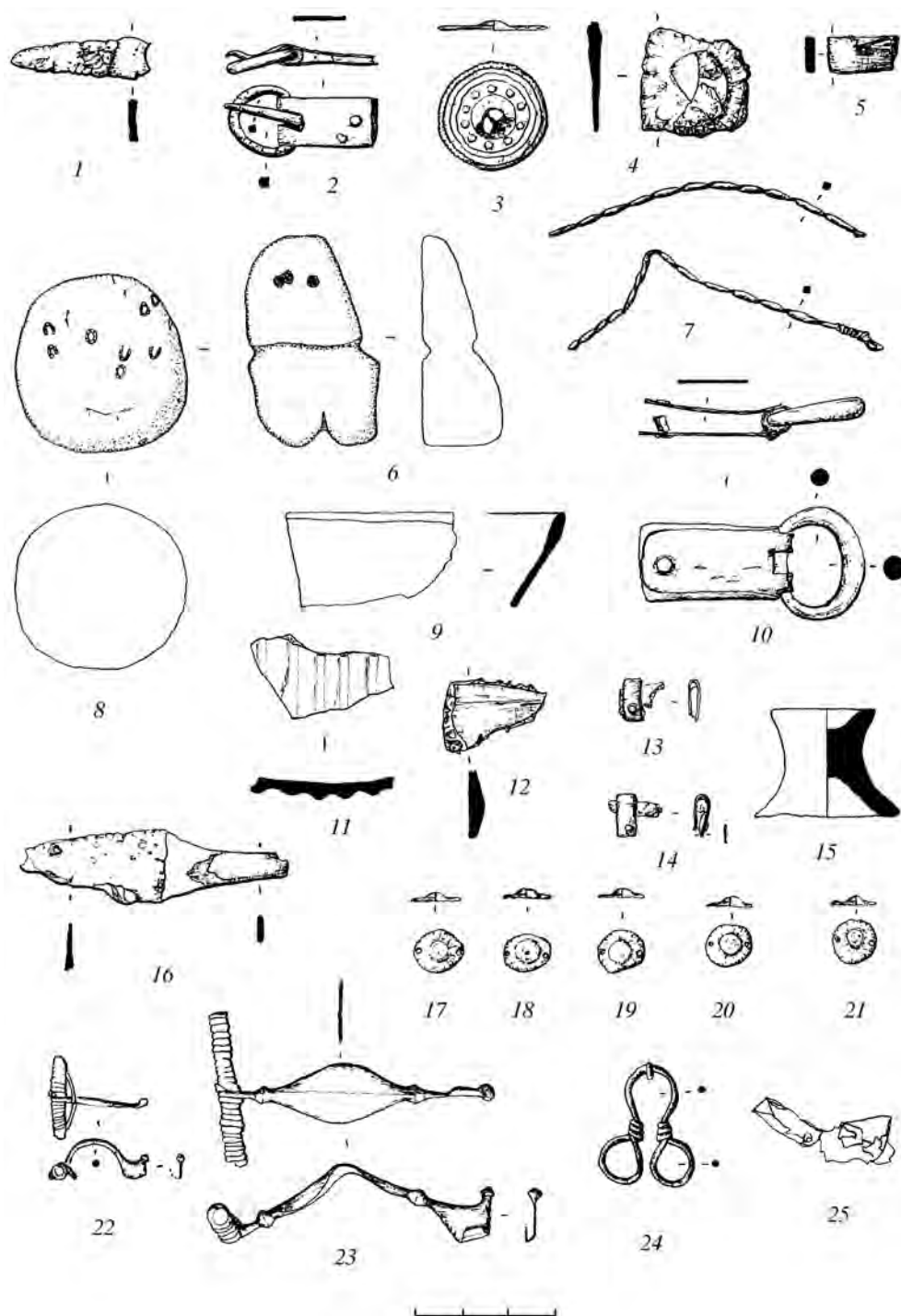

Рис. 4. Находки из катакомбы 1 могильника Высокогорный 4. 1, 12, 16 – фрагменты ножей; 2, 10 – пряжки; 3 – накладка; 4, 5 – фрагменты предметов; 6 – антропоморфный амулет; 7 – гривна; 8 – шарик; 9, 11 – фрагменты сосудов; 13, 14 – обоймы; 15 – амулет; 17–21 – бляшки; 22, 23 – фибулы; 24 – подвеска; 25 – фрагмент фольги. 1, 4, 5, 12, 16 – железо; 2, 7, 10, 17–24 – бронза; 3 – бронза, стекло; 6 – камень; 8, 11, 15 – глина; 9 – стекло; 13, 14 – бронза, дерево; 25 – бронза, золото.

длинные кости ног, найденные возле северо-восточной стенки камеры. На левой ноге на малых берцовых костях находилась бусина из глухого стекла золотого цвета. Возле ног обнаружены фрагменты бусины из глухого стекла зеленого цвета. Обе бу-

сины были плохой сохранности, поэтому отобрать их не удалось. Возле стопы правой ноги на полу найдено шесть бисерин из глухого стекла уплощенно-округлой формы (рис. 5, 18) и кусок глиняной обмазки.

Вслед за детским погребением 2 было уложено тело взрослого индивида (погребение 3), возраст которого в широких пределах также определяется как *maturus* (35–55 лет), а половая принадлежность осталась неопределенной. Это захоронение, скорее всего, было также совершено в вытянутой позе на спине, головой влево от входа в камеру, поскольку от погребения прослежены бедренная кость левой ноги, большие берцовые кости обеих ног и малая берцовая кость левой ноги (рис. 2, 2; 3, 1). Рядом с последней лежат две фаланги пальцев ног, а ближе к стопе – бронзовая пряжка от обуви (?). Пряжка имеет полукруглую рамку, квадратную в сечении, и прямоугольный щиток из согнутой пополам бронзовой пластины; на конце щитка штифт для крепления; язычок квадратный в сечении, прогнут в средней части, а в передней не доходит до середины сечения рамки (рис. 4, 2). Пряжка находилась на фрагменте кожи. Там же была обнаружена золотая фольга, положенная на тонкую пластинку из бронзы (рис. 4, 25). На месте большой бедренной кости левой ноги расчищены фаланги пальцев ног, расположенные в переотложенном состоянии перпендикулярно длинным костям ног. У левой бедренной кости погребения 3 найден фрагмент стенки глиняного сосуда. Возле малой берцовой кости правой ноги обнаружены две бусины грибовидной формы с вытянутыми петлями для подвешивания (рис. 5, 19).

Между ногами погребенных 2 и 3 находился плоский камень треугольной формы размерами 13 × 12 см и толщиной 2 см, над которым выявлено скопление из 24 стеклянных бусин и пяти бисерин (рис. 5, 21, 22). В ногах этих погребенных найдены фрагменты железного ножа (рис. 4, 16) и стенки глиняного сосуда, а также бисер.

Наилучшая степень сохранности прослежена при расчистке погребенной 4 (женщина 25–35 лет), уложенной в скорченной позе на правом боку головой влево от входа в камеру. Сохранность костей плохая. Череп лежит теменем на 3, лицевой стороной на ЮВ. Нижняя челюсть практически не сохранилась. Под черепом находилось две бисерины из непрозрачного стекла аквамаринового цвета уплощенно-округлой формы (рис. 5, 20). *In situ* сохранились только малые берцовые кости ног, а также плечевая кость правой руки, на которой лежала берцовая кость левой (?) ноги. Берцовая кость правой ноги находилась на большой бедренной кости левой ноги погребенного 3 (рис. 2, 2; 3, 1), что говорит о более позднем времени захоронения погребенной 4.

Возле головы погребенной найдены два фрагмента керамического сосуда. Оттуда же происходят

стеклянные бисерины, обнаруженные при переборке грунта (рис. 5, 9, 10), и небольшая бронзовая обойма из согнутого пополам тонкого листа с заклепкой на конце, внутри которой сохранились фрагменты дерева (рис. 4, 14). Под шеей погребенной в области груди найден глиняный предмет в форме цилиндра с перехватом посередине и углублениями с торцевых сторон (рис. 3, 4; 4, 15), а также накладка из листовой бронзы со штампованным орнаментом в виде концентрических кругов, по центру которой семь полусферических выступов; в центральной части круг, в который вставлена круглая вставка из белого непрозрачного стекла, возможно, имитирующая камень (рис. 4, 3).

На уровне плечевых костей было обнаружено 16 мелких фрагментов железного предмета, форма которого не восстанавливается; среди плоских фрагментов – две заклепки гвоздевидной формы, один крупный прямоугольный фрагмент похож на лезвие (рис. 4, 4), а более мелкий с округлым сечением – на черешок ножа (рис. 4, 5).

У левого плеча погребенной над шеей найден фрагмент бронзовой обоймы с остатками дерева (рис. 4, 13). Возле плеча над ним находилась бисерина из глухого стекла, уплощенно-округлой формы (рис. 5, 12), а также бронзовая бляшка умбоновидной формы, сделанная из тонкого листа. Она имеет штампованный орнамент в виде расходящихся из центра лепестков и два отверстия для пришивания с сохранившейся ниткой (рис. 4, 18). Оттуда же после переборки извлечены стеклянные бусины и бисер (рис. 5, 13).

В области шеи погребенной 4 найдена бронзовая сильно профилированная фибула с нижней тетивой, игла которой не сохранилась (рис. 4, 22). Из области груди при переборке выявлены две бисерины из глухого стекла уплощенно-округлой формы (рис. 5, 16) и две бронзовые круглые умбоновидные бляшки (рис. 4, 20, 21), аналогичные описанной выше. В ногах погребенной возле стенки камеры найдена бронзовая, сильно профилированная фибула с пластинчатой ромбической спинкой и крючком для тетивы, игла которой тоже не сохранилась (рис. 4, 23).

После расчистки верхнего уровня костей погребенной 4 над лопаткой обнаружена бронзовая умбоновидная бляшка (рис. 4, 17), а возле северо-восточной стенки камеры найдена бронзовая петля, в верхней части которой сохранились остатки нити, видимо, для пришивания (рис. 4, 24). При переборке грунта из этого же места извлечены мелкие фрагменты бронзового предмета с отверстием. Оттуда же происходят фрагменты железного предмета, форма которого не восстанавливается, а

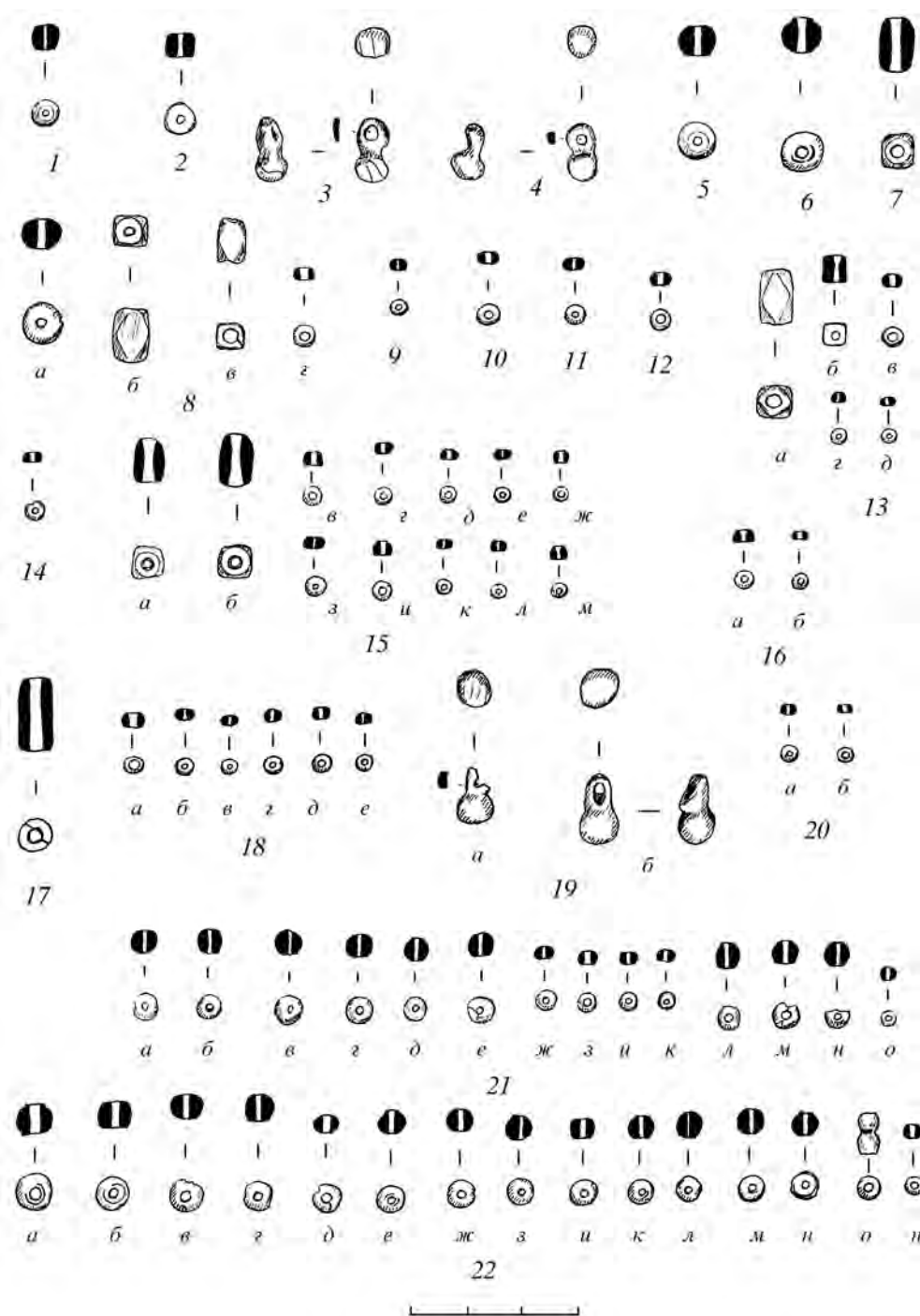

Рис. 5. Стекланные бусы из катакомбы 1 могильника Высокогорный 4. Цвета: 1 – золотистый; 2, 17 – белый; 3 – бирюзовый; 4, 8з, 7, 9, 10, 12, 13в–д, 14, 15з–з, к–м, 16, 18а, з, е, 20, 21ж–к, 26 – аквамариновый; 5, 6, 8а, 18д, 21а–е, л–о, 22а–о – светло-коричневый; 8б, в – светло-голубой; 11 – желтый; 13а, 19а – голубой; 13б – черный; 15а – фиолетовый; 15б – синий; 15в, и, 18б, в – салатовый; 19б, 22н – темно-синий.

также фрагмент лезвия железного ножа (рис. 4, 1), 14-гранная стеклнная бусина (рис. 5, 7) и фрагменты стенок сосудов из серой глины.

Между костями ног погребенной 4 ближе к северо-западной стенке найдена стеклнная бусина цилиндрической формы (рис. 5, 17).

Практически все остальные предметы находились в заполнении выше костей погребенных, что говорит о том, что камера скорее всего была ограблена в древности. Так, под сводом в северной части заполнения камеры найдены две стеклнные бусины (рис. 5, 1, 2). В юго-западной части камеры

у ее задней стенки – расслоившиеся фрагменты железного ножа со следами деревянных ножен и две грибовидные стеклянные бусины с шариком на конце и уплощенной петлей с отверстием для подвешивания (рис. 5, 3, 4), а также стеклянная бусина округлой формы (рис. 5, 5). В северной части камеры обнаружен глиняный шар с орнаментом в виде небольших вдавлений (рис. 3, 2; 4, 8). Здесь же под сводом лежали крупные куски материковой глины, являющиеся, скорее всего, частями рухнувшего свода камеры. В северо-западной части камеры найдена бронзовая пряжка с утолщением в передней части рамки и прямоугольным щитком из согнутого пополам бронзового листа с заклепкой для крепления на конце. Щиток имеет вырез посередине в месте крепления язычка, который не сохранился; задняя пластина щитка уже лицевой (рис. 4, 10).

В заполнении под сводом камеры в западной ее части, ближе к юго-западной стенке найдены бусины уплощенно-округлой формы (рис. 5, 6) и три фрагмента керамики. Недалеко от центра камеры обнаружены две стеклянные 14-гранные бусины и две уплощенно-шаровидной формы (рис. 5, 8). В юго-западной части камеры в заполнении найден небольшой фрагмент древесного угля.

Из северо-западного угла камеры происходят три бисерины из глухого стекла, округло-уплощенной формы (рис. 5, 11). У северо-восточной стенки найден фрагмент венчика стеклянного сосуда из черного непрозрачного стекла с белой полосой по краю с наружной стороны; он прямой формы, со слегка заостренным верхом (рис. 4, 9). При переборке грунта извлечены две стеклянные 14-гранные бусины, а также 11 бисерин уплощенно-округлой формы (рис. 5, 15); небольшой фрагмент керамического сосуда с хорошо заглаженной поверхностью светло-коричневого цвета, на внешней стороне которого имеется орнамент в виде глубоких вертикальных каннелюр (рис. 4, 11), а также железный фрагмент, скорее всего от лезвия железного ножа, со следами дерева на поверхности (рис. 4, 12) и бисерина из глухого стекла округло-уплощенной формы (рис. 5, 14). В северо-восточном углу камеры найден фрагмент керамики, рядом с которым обнаружена умбоновидная бронзовая бляшка (рис. 4, 19).

Обнаруженный в катакомбе 1 погребальный инвентарь является вполне характерным для катакомбных захоронений центральных районов Северного Кавказа III в. н.э., за исключением нескольких предметов, аналогии которым в данном регионе нам неизвестны. Это каменный антропоморфный амулет (рис. 4, 6) и два глиняных предмета неиз-

вестного, возможно также культового, назначения: шар с орнаментом в виде вдавлений (рис. 4, 8) и глиняный предмет в форме цилиндра с перехватом (рис. 4, 15), который мог служить своеобразной подставкой, например этому же шару. В последнем случае известно место находки – этот предмет был положен на грудь погребенной 4 возле шеи. Глиняный шар найден в верхней части заполнения возле северной стенки камеры, а месторасположение каменного амулета неизвестно – он был нам передан А.Х. Байрамкуловым, со слов которого известно, что амулет был найден возле головы ребенка (погребение 2).

Следует отметить, что каменный амулет антропоморфной формы, похожий на найденный в могильнике Высокогорный 4, обнаружен при раскопках катакомбы 65 Дмитриевского катакомбного могильника VIII–X вв., причем также рядом с детским захоронением (Плетнева, 1989. С. 100. Рис. 50, 1). Благодаря ценной информации, полученной от А.А. Кадиевой, нам известны четыре глиняных предмета близких размеров в форме цилиндра с перехватом и углублениями с торцевых сторон, происходящих из района Цинандали в Грузии и хранящихся в коллекции ГИМ, остающиеся пока неопубликованными.

Некоторые находки позволяют определить время совершения захоронений в катакомбе 1 с учетом нарушенности данного комплекса. Прежде всего это касается найденных здесь сильно профилированных фибул. Одна из них (рис. 4, 23) атрибутируется как застёжка группы 11 вариант I-3, другая (рис. 4, 22) соотносится с фибулами группы 11 варианта II-2 (Амброз, 1966. С. 41, 42).

В частности, фибулы, аналогичные соответственным застёжкам на рис. 4, 22 и 23, были обнаружены на Подкумском могильнике, в катакомбных захоронениях 20 и 43, погребение 1. По мнению М.П. Абрамовой, одна из них относится ко II – первой половине III в. н.э. (катакомба 43, погребение 1), а другая (кат. 20) может быть датирована первой половиной III в. н.э. (1987. С. 92, 93. Рис. 46, 25, 26). Аналогичная рис. 4, 22 фибула была найдена в дромосе двухкамерной катакомбы 122 могильника Клин-Яр 3 (Флёров, 2007. С. 71. Рис. 59, 1). Сильно профилированные фибулы из подбоя 2 Хумаринского могильника (Биджиев, 1983. Рис. 23, 33, 34, 39) рассматривались в специальной работе (Абрамова, 1996). М.П. Абрамова склонна датировать их варианты с крючком для тетивы II – первой половиной III в. н.э., а без крючка – серединой–второй половиной III в., отмечая присутствие отдельных экземпляров в более ранних комплексах (1996. С. 101, 102. Рис. 1, I–8).

Интересные наблюдения над сочетанием в комплексах фибул, аналогичных описанным выше, сделаны в недавнее время В.Ю. Малашевым. Время использования в центральных районах Северного Кавказа сильно профилированных фибул с крючком для тетивы и узкой ромбической спинкой ограничивается второй половиной II – началом III в. н.э. Сильно профилированные застёжки с нижней тетивой в этих районах появляются с начала III в. Сочетание обоих типов этих фибул в одном комплексе позволяет определять его дату как начало III в. н.э. (Малашев, 2008. С. 270; В печати).

Указанной дате не противоречат морфологические особенности пряжек из рассматриваемой катакомбы. Они имеют многочисленные аналогии на территории Центрального Предкавказья в поздне римское время. Прямоугольный щиток, круглая рамка без утолщения в сочетании с прогнутым нефасетированным язычком (рис. 4, 2), по классификации В.Ю. Малашева, соотносится с застёжками П1, которые встречаются в основном в группе I и датируются серединой–второй половиной II в. н.э. с захождением в первую половину III в. (Малашев, 2000. С. 209). Близкие пряжки были найдены в катакомбе 122 могильника Клинь-Яр 3 (Флёров, 2007. Рис. 59, 13, 14), о датировке которой говорится ниже. Говоря о пряжке на рис. 4, 10, важно отметить наличие слабо выраженного утолщения рамки в передней части, что характерно для пряжек III в. н.э. (Малашев, 2000. С. 209).

Еще одной находкой, имеющей аналогии в центральнокавказских могильниках III в. н.э., является подвеска в виде петли с заплетенными в кольца концами (рис. 4, 24). Следует отметить, что на экземпляре подвески из катакомбы 1 могильника Высокогорный 4 сохранились нити, очевидно, для пришивания ее на одежду или головной убор. Подобные подвески были обнаружены в Подкумском могильнике (катакомба 43, погребение 1) вместе с фибулой, аналогичной представленной на рис. 4, 23 (Абрамова, 1987. С. 83, 173. Рис. 43, 8; 62, 60), могильнике Клинь-Яр 3 (кат. 122) вместе с фибулой, аналогичной фибуле на рис. 4, 22 (Флёров, 2007. С. 71. Рис. 59, 7), могильнике Нижний Джулат, погр. 66 и кат. 77 (Абрамова, 1972. С. 36. Рис. 8, 44; 9, 17). Аналогичные подвески найдены в подбое 1 Хумаринского могильника, который датирован автором раскопок рубежом II–III вв. н.э. (Биджиев, 1983. С. 54. Рис. 22, 40, 56).

Дополнительным аргументом в определении датировки захоронений из публикуемой катакомбы может стать присутствие некоторых типов бус, в особенности стеклянных в виде 14-гранника (рис. 5, 7, 8б, в, 13а, 15а, б). По классификации

Е.М. Алексеевой, они относятся к типам 134 и 135 одноцветных стеклянных бус и датируются II–IV вв. н.э. (1978. С. 70). Согласно классификации В.Б. Ковалевской, эти бусины относятся к ячейке 117, которая объединяет полиэдрические бусы голубого или сине-зеленого полупрозрачного и синего непрозрачного стекла (2000. С. 21). Указанный автор отмечает широкое хронологическое и географическое бытование подобных бус от V до IX в. н.э., ссылаясь также на мнение Г.Ф. Никитиной о распространении небольших подшлифованных экземпляров 14-гранных бус в Восточной Европе в пределах второй половины III–IV в. н.э. (Никитина, 1995. С. 77. Рис. 43).

Подробная сводка 14-гранных бус, изготовленных из сердолика и стекла, приводится в совместной работе М.М. Казанского и А.В. Мастыковой (1998. С. 113–117). Авторами отмечается, что бусины подобной формы, изготовленные из синего или фиолетового стекла, бытуют на территории расселения германских племен от бассейна Вислы до Эльбы на протяжении широкого хронологического диапазона начиная с периода C1 и до периода D включительно (примерно 160/180–480/490 гг. н.э.) (Tempelmann-Maczyńska, 1985. S. 37, 38. Taf. 34. Цит. по: Казанский, Мастыкова, 1998. С. 117). В дунайских и рейнских провинциях подобные бусины распространяются со второй половины III до начала V в. н.э. (Keller, 1971. S. 87, 88. Цит. по: Казанский, Мастыкова, 1998. С. 117).

Привлечение материалов более раннего периода из катакомбных захоронений Кисловодской котловины и близлежащих территорий позволяет расширить нижнюю хронологическую границу использования 14-гранных бус из сердолика и стекла синего и зеленого оттенков, отнеся ее к первой половине III в. н.э., а возможно, и к более раннему времени. Подобные стеклянные бусины были обнаружены в погребении 66 могильника Нижний Джулат второй половины II – начала III в. н.э. (Малашев, в печати. Рис. 1) в сочетании с упомянутой выше подвеской-петелькой, а также стеклянной бусиной-подвеской грибовидной формы, аналогичной изображенным на рис. 5, 3, 4, 19 (Абрамова, 1972. С. 37. Рис. 8, 56, 58). Сердоликовые и стеклянные бусины 14-гранной формы были обнаружены в нескольких комплексах могильника Клинь-Яр 3: катакомбе 35 и погребении 38 (Флёров, 2007. Рис. 20, 8; 26, 5, 6, 9), которые датируются автором раскопок в пределах второй половины II – первой половины III в. н.э. В катакомбе 122 14-гранная бусина найдена в сочетании с сильно профилированной фибулой и подвеской-петелькой. Материалы из этого захоронения датированы в пределах III в. н.э. (Флёров, 2007.

С. 71). Аналогичные бусины известны и в подбойных захоронениях Хумаринского могильника, причем в сочетании с грибовидными бусинами-подвесками и бронзовыми подвесками с закрученными в кольца концами (Биджиев, 1983. Рис. 22, 12, 17, 19, 37, 45).

В недавно вышедшей работе В.Ю. Малашев уточняет хронологию ранних комплексов могильника Клинь-Яр 3. С учетом последних данных захоронение в катакомбе 122, в которой найдены сильно профилированная фибула, пряжки с небольшим утолщением передней части овальной рамки, прямоугольным щитком и прогнутым язычком, подвеска-петелька, а также 14-гранная бусина, относится к середине III в. н.э. (Малашев, 2008. С. 270). Погребение 38 датируется упомянутым автором концом II – первой половиной III в., а катакомба 35 – концом III – началом IV в. н.э. (Малашев, 2008. С. 268, 271. Рис. 6).

Таким образом, с учетом рассмотренных выше аналогий предметам, найденным в могильнике Высокогорный 4, доследованное нами катакомбное захоронение следует отнести к началу III в. н.э. Остается ответить на вопрос, какому населению оно могло принадлежать. В цитируемой выше работе В.Ю. Малашев приводит аргументы в пользу интерпретации населения Кисловодской котловины рассматриваемого периода как местного, “субстратного”, имевшего связи с аланским населением равнинной зоны Предкавказья, но не идентичного ему. Процесс трансформации населения котловины в результате притока аланских мигрантов, фиксируемый в появлении новых типов погребальных сооружений и керамики, происходит, по мнению В.Ю. Малашева, во второй половине – конце IV в. н.э. (2008. С. 275). В III в. н.э. функцию границы между аланским населением равнинных территорий и жителями Кисловодской котловины могла выполнять цепь сторожевых укреплений на Боргустанском хребте, обнаруженная и исследованная автором этих строк (Коробов, в печати). К сожалению, в доследованной нами катакомбе остались невыясненными детали погребального сооружения и керамические формы, которые позволили бы более аргументированно отнести население, оставившее это захоронение, к той или другой группе. Косвенным аргументом в пользу того, что в данной катакомбе погребены представители местного населения котловины, служит небольшая высота камеры и небрежность, с которой она устроена. Возможно, разрешить этот вопрос помогут будущие исследования могильника Высокогорный 4.

Выражаем искреннюю благодарность Я.Б. Березину за предоставленную неопубликованную информацию и А.А. Кадиевой за указание на аналогии некоторых предметов и на неопубликованные материалы из коллекции ГИМ. Глубокую благодарность выражаем В.Ю. Малашеву, оказавшему ценные консультации в процессе подготовки данных материалов к публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П. Нижне-Джугатский могильник. Нальчик, 1972.
- Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987.
- Абрамова М.П. Фибулы Хумаринского могильника (II–III вв. н.э.) // ИАА. Вып. 2. Армавир; М., 1996.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978 (САИ; Вып. Г1-12).
- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966 (САИ; Вып. Д1-30).
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.
- Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // ИАА. Вып. 4. Армавир; М., 1998.
- Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии // Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы. М., 2000.
- Коробов Д.С. Укрепления эпохи раннего средневековья на Боргустанском хребте близ Кисловодска // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. М.; Магнитогорск; Новосибирск, в печати.
- Коробов Д.С., Мастыкова А.В. Набор бус из погребения VII в. на аланском могильнике близ Кисловодска // РА. 2009. № 4.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000.
- Малашев В.Ю. Хронология погребальных комплексов могильника Клинь-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В.А. Башилова. М., 2008 (Материалы и исследования по археологии России; № 10).
- Малашев В.Ю. Хронология некоторых разновидностей центральнокавказских фибул римского времени // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. В печати.
- Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995.

- Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Флёров В.С.* Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М., 2007 (Тр. Клин-Ярской экспедиции; Т. III).
- Keller E.* Die spätromischen Grabfunde in Südbayern. München, 1971.
- Tempelmann-Maczyńska M.* Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz-am-Rhein, 1985.

A burial complex of the beginning of the 3^d century AD, Kislovodsk basin

D.S. Korobov

S u m m a r y

The article publishes new materials from the catacomb burial investigated in 2008. The objects discovered in the catacomb allow to date it to the beginning of the 3^d c. AD. Some of the cult objects (an anthropomorphic amulet and the clay ball and cylinder which narrows towards the middle) have no analogies in Central Caucasian burials and are unique. In the conclusion, the article considers the question of whether the burial belongs to the local population of the Kislovodsk basin, who were influenced by the Alanic tribes on the plain.

ГРУППА АРХАИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ГАИМК В 1930-е ГОДЫ

© 2010 г. А. В. Свешников, О. С. Свешникова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Одним из ведущих центров советской исторической науки в конце 1920-х – начале 1930-х годов, безусловно, была Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК). Она стала центром и инициатором разгоревшейся на рубеже десятилетий дискуссии о социально-экономических формациях. По словам А.А. Формозова, именно в стенах ГАИМК в начале 1930-х годов были созданы те концептуальные положения, которые на много десятилетий определили развитие советской исторической науки (2004. С. 164–186).

С момента основания академии вплоть до своей смерти в 1934 г. директором ГАИМК был Н.Я. Марр. Однако о какой-то стабильности в деятельности учреждения в этот период говорить не приходится. В 1929 г. начался резкий поворот, связанный с радикальной трансформацией взглядов на само историческое знание. Фактически лидерами ГАИМК становятся такие фигуры, как Ф.В. Кипарисов, А.Г. Пригожин, С.Н. Быковский, М.М. Цвибак. В 1930 г. в академии была проведена и структурная реорганизация (Генинг, 1982. С. 51, 52). Вместо трех ранее существовавших отделений были созданы три сектора: архаический¹, рабовладельческой и феодальной формаций, с 1934 г. называвшиеся научно-исследовательскими институтами соответственно истории доклассового, рабовладельческого и феодального общества (Древности..., 2005. С. 91) и функционировавшие до 1937 г. В рамках секторов создавались так называемые группы (или бригады) определенной проблемно-тематической направленности. В частности, в секторе архаического общества существовали группы истории доклассового общества, истории хозяйства эпохи бронзы, истории кочевого скотоводства, истории архаического земледелия (Пряхин, 1986. С. 195; ср.: Хроника, 1931.

С. 35). Именно в этих проблемно ориентированных “бригадах”, объединявших гаимковских специалистов разных поколений, и должна была идти работа по концептуальной перестройке исторического знания. Однако следует признать, что из-за усилившегося внутреннего кризиса ГАИМК на фоне постоянных “кадровых чисток” и репрессий (РА ИИМК. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1930. Д. 4; Платонова, 1999; Столяр, 1998; Формозов, 2004. С. 187–218), а также в связи с поворотом 1934 г. в государственной “политике прошлого”² названным бригадам, существовавшим в течение сравнительно короткого промежутка времени, не удалось придать своим поискам законченные формы. Хотя, безусловно, были посажены некие ростки, которые впоследствии, часто в работах бывших участников групп, дали весьма заметные всходы в виде фундаментальных концепций и обобщающих схем, оказавших большое влияние на развитие исторической науки.

Из подразделений, созданных в архаическом секторе, наиболее известной является группа по изучению истории кочевого скотоводства (так называемая группа ИКС). Она традиционно упоминается в большинстве обобщающих работ по истории советской археологии (Генинг, 1982; Пряхин, 1986. С. 195, 196; Формозов, 2004. С. 66, 67), есть и исследования, посвященные ей специально (Пряхин, Писаревский, 1987; Жук, 1997; Жук, Михалева, 2000; Свешникова, 2004). Другие группы известны значительно меньше. В данной статье мы попытаемся, основываясь преимущественно на архивных материалах, предпринять попытку реконструкции истории группы архаического земледелия.

Она, как уже говорилось, была создана в 1930 г. в составе сектора архаической формации и на протяжении 1930–1931 гг. провела 15 заседаний, часть из них – совместно с группой истории кочевого скотоводства. Фактически три человека – В.В. Гольмстен, М.И. Артамонов, Г.П. Сосновский – совмещали работу в обоих подразделениях, что для ГАИМК

¹“В текущем году сектор архаической формации ставит основной своей задачей изучение производственных процессов в связи с обусловленными ими производственными отношениями на различных ступенях развития общества, начиная с эпохи палеолита и кончая разложением общинно-родового общества. Таким образом, сектор охватывает тот период развития общества, который К. Марксом определен как архаическая формация, отсюда и само название сектора” (Хроника, 1931. С. 35).

²Как справедливо отмечает А.Д. Столяр, именно ГАИМК начала 1930-х была мощным генератором критикуемого с 1934 г. “вульгарного социологизаторства” (1998. С. 15).

того времени было нормальным явлением. В качестве докладчиков на заседания приглашались и сотрудники других учреждений.

В состав группы входили В.В. Гольмстен, А.В. Шмидт, М.И. Артамонов, П.Н. Третьяков, Б.Б. Пиотровский, М.Г. Худяков, Г.В. Григорьев, Г.П. Сосновский. Это были представители разных поколений, научных школ и стоящих за ними исследовательских традиций, каждый из них имел свою область научных интересов и полевой опыт. Жизненный путь большинства сотрудников в силу различных причин прервался к первой половине 1940-х годов, что, безусловно, помешало оформить содержательные наработки по истории архаического земледелия монографически. “Материальным” результатом работы группы являются две весьма отличные друг от друга книги П.Н. Третьякова и Г.В. Григорьева.

В 1931 г. сектор подвергся очередной организационной перестройке, и проблемные подразделения, в том числе группа архаического земледелия, были упразднены. В отчетах сектора за 1932 г. говорится о работе трех “бригад”: “бригада дорогового общества... родового общества... и разложения родового общества” (Хроника, 1932в. С. 74).

По протоколам заседаний (РА ИИМК. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931. Д. 15. Л. 1–22об.) и заметкам М.П. Грязнова (Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. М.П. Грязнова. Д. 54. Л. 8–11) можно реконструировать тематику работы группы. В большинстве своем доклады представляли результаты исследований конкретного материала: “Земледельческие поселения Самарской Луки” (В.В. Гольмстен), “Сообщение по вопросу земледелия в Камско-Волжском крае” (М.Г. Худяков), “Поливное земледелие у населения Восточной Сибири” (Г.П. Сосновский) и т.д.

Отдельные заседания группы получали краткое освещение в разделе “Хроника”, публикуемом в “Сообщениях ГАИМК” (1931. С. 36; 1932а. С. 71). Так, о докладе М.Г. Худякова “О земледелии в пьяноборской культуре” сообщалось, что он вызвал оживленную полемику, поскольку автор “ставит вопрос о наличии орудий пашенного земледелия”, а большинство членов группы “усматривает в пьяноборской культуре коллективное подсечное земледелие с обработкой земли мотыгой” (Хроника, 1932а. С. 71). В 1931 г. А.В. Шмидтом был сделан доклад, посвященный подсечному земледелию на материалах Северной Америки (Хроника, 1932а. С. 71). В том же году было заслушано выступление Г.В. Григорьева “Теория академика Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений и значение ее в истории материальной культуры”

(Хроника, 1931а. С. 36), о котором речь еще пойдет ниже.

В личном архиве Г.П. Сосновского сохранились заметки, сделанные во время подготовки к докладам. Внимание ученого, как следует уже из названий его сообщений, было сосредоточено на поливном земледелии. Наиболее полно подход Г.П. Сосновского к анализу археологических свидетельств существования земледелия характеризует «План работы “Древнее поливное земледелие в долине р. Енисея”»: 1. Вступление. 2. Древнейшие следы земледелия в Енисейском крае, вопрос о его происхождении. Формы земледелия, предшествовавшие в прошлом и с ним сосуществовавшие. 3. Физико-географич. характеристика района поливного земледелия на Енисее (почвы, границы распространения, климатические условия и пр.). 4. Обзор сведений о древних оросительных сооружениях в Минусинском крае (Урянхае и прилегающих областях Алтая и Монголии). 5. Общие замечания об ирригационной технике в прошлом на территории Средней Сибири. 6. Другие памятники земледелия, связанные с поливным земледелием: сошники, серпы, жернова, мотыги, плавильные печи, рудники, поселения и проч. признаки оседлости. 7. Датировка оросительных сооружений и др. памятников земледелия на Енисее. Археологические и исторические данные. О земледелии у хакасов и в стране киргизов (границы древней Хакасии). Могиленные памятники этого времени. Военное дело – находки оружия, изображения на скалах воинов. 8. Кочевое и земледельческое население. Социальный строй у хакасов и экономика (торговля). Пережитки его у киргизов времени русского завоевания. 9. Причины упадка земледелия в послемонгольское время. Развитие скотоводства. Появление каменных стен – укрепления, беспокойное время. Русская земледельческая колонизация и возобновление орошения. Общие заключения» (РА ИИМК. Ф. 42. Сосновский Г.П. Д. 263. Л. 2–4).

Г.П. Сосновский обращал внимание и на специфику восприятия научным сообществом древнего земледелия. В частности, он писал: “Говоря об оросительном земледелии, нельзя не коснуться целого ряда вопросов, связанных с древним земледелием и временем его существования в бассейне р. Енисея. К этому меня побуждает и то обстоятельство, что в последних работах, посвященных характеристике древних культур некоторых районов Южной Сибири, вы почти не найдете сведений о земледелии, существовавшем задолго до прихода русских на огромных пространствах Сев. Азии и соседних областей, следы которого хотя бы и в виде остатков оросительных канав до сих пор сохранились и на Алтае и Тапту – Тувинской Республике, в быв.

Минусинском крае, Забайкалье и в Монголии” (РА ИИМК. Ф. 42. Сосновский Г.П. Д. 263. Л. 17, 18).

Декларированной официальной целью коллективной научной работы группы было “исследование вопроса о возникновении и различных формах земледельческого производства в их развитии в различных системах архаического общества” (Хроника, 1931. С. 36). В первую очередь прорабатывался “вопрос о возникновении пашенного земледелия по материалам Средней Азии, Сибири, Волго-Камья, северной лесной полосы в европейской части СССР и Поднепровья” (Хроника, 1931. С. 36).

Итогом работы группы должна была стать коллективная монография “Архаическое земледелие” (общим объемом три печатных листа), посвященная эволюции форм земледелия и связанных с ними общественных отношений. Предполагалось, что изложение начнется с проблемы происхождения земледелия, продолжится характеристикой его отдельных видов — мотыжного, поливного, мотыжно-грядкового, пашенного — и закончится проблемой возникновения классового общества. Каждой из перечисленных форм планировалось посвятить отдельную главу, в которой освещались бы технология обработки почвы, роль земледелия в организации хозяйства, социальные отношения. К работе над книгой были привлечены сотрудники ГАИМК М.И. Артамонов, названный в “Сообщениях ГАИМК” руководителем группы (1931. С. 36), В.В. Гольмстен, Г.В. Григорьев, Б.Б. Пиотровский, Г.П. Сосновский, А.В. Шмидт, М.Г. Худяков. Монография не была опубликована, и неизвестно, была ли завершена работа над рукописью.

Проспект монографии, сохранившийся в архиве ГАИМК (РА ИИМК. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931. Д. 15. Л. 24, 25), свидетельствует о том, что земледелие рассматривалось в двух тесно взаимосвязанных аспектах — технологическом и социальном. Причем согласно методу восхождения производственные отношения восстанавливались на основании характеристики производительных сил, и в соответствии с теорией стадильности каждая форма земледелия означала определенный тип общественных отношений.

Методологической основой работы группы являлся эволюционизм, дополненный двумя специфическими для советской науки положениями — теорией стадильности и методом восхождения.

Теория стадильности с 1930-х годов воспринималась как одно из базовых положений советской археологии (Бабушкин и др., 1994. С. 26–47; Васильев, 1998. С. 250–254). На протяжении 1930–1940-х годов она была связана с именем Н.Я. Марра,

создателя концепции стадильности в лингвистике, известной под названием яфетической теории или “нового учения о языке”. Понимание стадильности в археологии довольно точно передано В.И. Равдоникасом: “Основные закономерности развития общества в пределах одной формации, при разнообразии конкретных форм их проявления, одни и те же; ни расовые различия, ни географическая среда не могут определять решающую сущность общественно-исторического процесса. Сходство культурных явлений, часто наблюдающееся в истории различных обществ, само по себе не есть основание для заключения о миграциях этнических групп или культурном заимствовании, так как сходные явления возникают совершенно самостоятельно в силу сходства социально-экономических условий жизни различных обществ, в силу этого мы говорим о стадильной их общности” (Равдоникас, 1932. С. 21). Стадии развития языка, обозначенные Н.Я. Марром, не нашли и не могли найти отражения в археологии, в то время как рассуждения об этапах развития общества и семейно-родовых отношений стали общим местом исследований 1930–1950-х годов. Схема, изложенная Ф. Энгельсом в работе “Происхождение семьи, частной собственности и государства”, являлась основой реконструкции общественных отношений в выявленных археологических культурах.

Метод восхождения в определенном смысле отражал применение теории стадильности в конкретной исследовательской процедуре (Массон, 1980. С. 20, 21; Генинг, 1982. С. 106–108; Прякин, 1986. С. 114–116; Глушков, 1983. С. 4–7). Логика его применения была следующей: орудия труда являются свидетельством производительных сил, которые характеризуют производственные отношения. На этом основании возможно восхождение от обнаруживаемых орудий к характеристике общественного строя. Сформулирован этот подход был в статье А.В. Арциховского “Новые методы в археологии” (1929. С. 136–155) и применялся в работах всех советских археологов.

Наиболее значимыми на тот момент теоретическими положениями, направляющими общий ход изучения архаического земледелия, были соответствующие тезисы работы Ф. Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства” и концепция возникновения земледелия немецкого ученого Э. Хана.

Ф. Энгельс, как известно, использовал традиционную для европейской науки XIX в. схему трех стадий (“дикость — варварство — цивилизация”). Возникновение земледелия, по его мнению, знаменует начало “средней ступени варварства”, причем это время оказывается периодом, когда явными ста-

новятся различия “скорости” общественной эволюции народов Старого и Нового света (1980. С. 41).

Теория Э. Хана в общих чертах и несколько упрощенном виде выглядит следующим образом. Опираясь на идеи Э.Б. Тайлора и отчасти Л.Г. Моргана, Э. Хан считал корректным заменить понятие “культурная стадия” термином “форма хозяйства”, т.е. отказаться от схемы “дикость – варварство – цивилизация”. “Первоначально люди жили охотой и собирательством. Позднее на этой основе в разных районах мира независимо друг от друга произошел переход к мотыжному земледелию. Им занимались главным образом женщины, и мужчины получили возможность больше времени уделять специализированной охоте и рыболовству. Они-то и начали одомашнивать животных, вначале тура, затем коз, овец и т.д. Если мотыжное земледелие представлялось Хану наиболее распространенной древней системой земледелия, то сфера применения некоторых более интенсивных методов (ирригации, садоводства и пр.) была уже (высокие культуры Америки, Китай), а пашенное земледелие было разнесено по Старому Свету из Месопотамии” (Шнирельман, 1989. С. 14). При этом Э. Хан указывал, что из примитивного мотыжного земледелия в ходе эволюции возникли в ряде регионов (в частности, в том же Китае) достаточно рентабельные формы садового и грядкового земледелия. Фактически получается, что известная сотрудникам группы архаического земледелия концепция немецкого ученого подводит к идее “многолинейной эволюции”. Показательно в этом плане, что на одном из заседаний группы М.И. Артамонов посвятил специальный доклад критическому разбору теории Э. Хана.

С середины 1920-х годов из печати выходят первые работы Н.И. Вавилова, посвященные выявлению нескольких мировых центров (очагов) формообразования культурных растений (1926; 1927; 1929). Исследователь писал о “пяти основных очагах для главнейших полевых, огородных и садовых растений” (Вавилов, 1926. С. 136), хотя впоследствии число, локализация и границы выделяемых им первичных земледельческих центров изменялись (Шнирельман, 1989. С. 21–23). Понятно, что концепция Н.И. Вавилова напрямую затрагивала сферу научных интересов группы архаического земледелия. В 1931 г. на заседании группы, как уже отмечалось, был заслушан доклад Г.В. Григорьева “Теория академика Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений”, а через год в серии “Известия ГАИМК” была опубликована его брошюра (Григорьев, 1932), видимо, написанная на основе доклада. В ней эта теория подвергается жесткой критике.

Основной недостаток взглядов Н.И. Вавилова, по мнению Г.В. Григорьева, имеет методологический характер: “сущность ошибок Н.И. Вавилова заключается в том, что может быть, сам того не подозревая, он разделяет точку зрения индоевропейского языкознания” (1932. С. 11). Из выделения первичных очагов совершенно естественно вытекает “лживая и шовинистская” теория “миграций” (Григорьев, 1932. С. 16). Упрекая Н.И. Вавилова в “некритическом использовании работ буржуазных специалистов”, Г.В. Григорьев советует ему ознакомиться с трудами “своего коллеги по Академии наук Н.Я. Марра” (1932. С. 21). При этом сотрудник группы архаического земледелия, естественно, декларирует автохтонность земледельческих культур (Григорьев, 1932. С. 12). Но, как указывает анонимный автор редакторского предисловия, – по мнению А.А. Формозова (2004. С. 226), им мог быть С.Н. Быковский, – в общем-то доброжелательно повторяющий основные “выводы” работы, Г.В. Григорьеву не удалось создать “положительную часть, в которой были бы развиты взгляды, конкретные построения, конкретные объяснения, противопоставляемые критикуемым автором взглядам, построениям, объяснениям Н.И. Вавилова” (Григорьев, 1932. С. 1). Связано это с тем, что разработка научной теории возникновения земледелия на основе автохтонизма, эволюционизма и стадильности оказывается в принципе невозможной.

Сама попытка создания универсальной концепции истории земледелия и написания на ее основе обобщающей монографии, опирающейся на археологический материал, была утопичной. Построению единой “социологической схемы” последовательной смены земледельческих форм как предпосылок формирования классового общества противоречили и исторические, и археологические источники. В этом плане показательно, что работа П.Н. Третьякова, ставшая единственным опубликованным текстом, анализирующим конкретный материал, рассматривает частный случай, “казус”. Поставленную перед ней “сверхзадачу” группа выполнить не могла.

Книга П.Н. Третьякова посвящена подсечному земледелию лесных районов Восточной Европы. Основываясь в основном на этнографических данных XVIII–XIX вв., освещающих историю хозяйства севера европейской части СССР (преимущественно “малых народностей” – удмуртов, мордвы), П.Н. Третьяков тем не менее определяет подсечное земледелие как одну из стадий развития земледельческого хозяйства, весьма архаическую и предшествующую пашенному. Это позволяет ему, кстати, привлечь сравнительный материал из других регионов, например Северной и Южной Америки.

Довольно подробно реконструируя земледельческий цикл и используемые орудия труда, исследователь связывает подсечное земледелие с сохранившимся в особых географических условиях лесной зоны большеземельным хозяйством и пережитками “первобытного коммунизма”. Таким образом, он касается одного из самых дискутируемых тогда вопросов (Алымов, 2006. С. 72–80), отмечая, что “в условиях своей техники, даже с наличием железных орудий подсечное земледелие возможно лишь как коллективное первобытно-коммунистическое производство” (Третьяков, 1932. С. 20). Данная форма, по мнению П.Н. Третьякова, является “стадией” в эволюции хозяйства, сменяющейся пашенным земледелием, а подобная смена – предпосылкой для перехода к феодализму. В этом контексте очень показательна “социальная история сохи”, распространение которой автор книги связывает с переходом к индивидуальному пашенному, т.е. феодальному хозяйству, считая, следовательно, что она не могла появиться в лесной зоне севера европейской части СССР ранее X–XI вв. П.Н. Третьяков достаточно жестко критикует и “буржуазный” (“индоевропейский”, “формалистский”) миграционизм Д.Н. Зеленина, и попытки “удревнения” сохи А.Я. Брюсова (Третьяков, 1932. С. 25, 27). При этом, соглашаясь с многочисленными отсылками к Ф. Энгельсу, он вынужден признать, что если для южной (“нормальной”) зоны “соха... как элемент нового этапа в истории производства, вырастая в условиях подсечного земледелия в соответствии с общим ходом развития производительных сил, окончательно сложившись, в свою очередь дает начало новой форме земледелия, разрушая подсечную систему” (Третьяков, 1932. С. 37), то для лесной северной полосы характерно длительное сочетание сохи с подсечной системой, что интерпретируется автором монографии как “особенность” рассматриваемых районов. Другими словами, конкретный материал при внимательном изучении не укладывается в априорную схему, при всем старании исследователя сопротивляется ей.

“Титульная” проблематика группы была для исторической науки того времени весьма актуальна. Аграрная тема привлекала внимание отечественных ученых еще в дореволюционный период, что совершенно понятно. Россия была страной преимущественно сельскохозяйственной, и данный вопрос находился в центре общественного внимания и даже политической борьбы. В качестве примера можно говорить о формировании школы аграрной истории в области западноевропейского средневековья (Виноградов, 1887; 1911; Савин, 1903; Удальцов, 1912; Грацианский, 1913). Справедливости ради следует отметить, что в перечисленных работах речь идет преимущественно об институте собственности на

различные виды земельных угодий и характере общинных отношений.

В послереволюционный период подпитываемая господствовавшим тогда пониманием марксизма “история производительных сил” приобретала все больший размах, причем исследования по этой тематике выходили как из-под пера “старых специалистов” (Кулишнер, 1931), так и создавались представителями новой генерации гуманитариев в рамках самых различных научных и образовательных дисциплин и жанров. В 1920-е годы активно переводились посвященные подобным вопросам публикации зарубежных ученых. Например, в 1923 г. вышли русские переводы сразу двух работ М. Вебера (1923а; б; Бюхер, 1923). Неоднократно издавались научно-популярные труды Г. Кунова (Кунов, Левин-Дорш, 1923–1924; Левин-Дорш, Кунов, 1923; 1924). После так называемой дискуссии о формациях, проходившей преимущественно в стенах ГАИМК (Формозов, 2004. С. 164–186; Алымов, 2006. С. 72–87), в ходе которой в целом сложилась пятичленная модель исторического процесса, исследования по истории производительных сил получили оформление в виде формационной приписки. Появлялись публикации и по истории земледелия (Максимов, 1929. С. 21–34).

Все это были работы, основывавшиеся на письменных или этнографических источниках. Задача, стоящая перед группой архайческого земледелия, выглядела новаторской – реконструкция истории производительных сил и производственных отношений по археологическим источникам. Такая постановка проблемы имела смысл в рамках нового понимания археологии как науки, изучающей именно историю архайческих дописьменных обществ, которая противопоставлялась мифологическому “старому буржуазному вещеведению”. При реализации программы группы первостепенное значение получило определение “археологических признаков” форм хозяйствования, т.е. материалов, позволяющих атрибутировать то или иное общество как находящееся на определенном этапе развития земледелия, а затем реконструировать на их основе систему аграрных отношений. Задача действительно не археологическая, а историческая, или, в терминах того времени, “социологическая”.

Говоря об итогах работы группы, в качестве значимого в контексте эпохи вывода следует обозначить идею об обусловленности различных вариантов генезиса, функционирования и дальнейшей эволюции земледельческого хозяйства географическими и природно-историческими факторами. Другими словами, группа пришла к заключению о многолинейности и вариативности эволюции земледелия и

выделению различных “параллельных типов” земледельческого хозяйства. Этот вывод противоречил теории стадильности, что в определенной степени и заблокировало работу коллектива. Кроме того, была обозначена проблема выделения археологических признаков земледельческого общества, разрешение которой произошло в последующие годы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям ГК № 02.740.11.0350. Один из авторов (О.С. Свешникова) работал при поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект № 3087.2008.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алымов С.С.* П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006.
- Арихонский А.В.* Новые методы в археологии // Историк-марксист. Т. 14. М., 1929.
- Бабушкин А.П., Колмаков В.Б., Писаревский Н.П.* У истоков марксистской концепции советской археологии // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово, 1994.
- Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. Т. 1, 2. Пг., 1923.
- Вавилов Н.И.* Центры происхождения культурных растений. Л., 1926.
- Вавилов Н.И.* Географические закономерности в распределении генов культурных растений. Л., 1927.
- Вавилов Н.И.* Проблема происхождения культурных растений в современном понимании // Природа. 1929. № 5.
- Васильев С.А.* Стадиализм в палеолитоведении: 60 лет спустя // Археологические вести. № 5. СПб., 1998.
- Вебер М.* Аграрная история Древнего мира. М., 1923а.
- Вебер М.* История хозяйства: Очерк всеобщей хозяйственной и экономической истории. Пг., 1923б.
- Виноградов П.Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.
- Виноградов П.Г.* Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911.
- Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов.) Киев, 1982.
- Глушков И.Г.* Теоретическая мысль в археологии во второй половине 20-х – начале 30-х годов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
- Грацианский Н.П.* К вопросу об аграрных отношениях древних германцев времени Цезаря // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913.
- Григорьев Г.В.* К вопросу о центрах происхождения культурных растений // ИГАИ. Т. 14. Вып. 9. Л., 1932.
- Древности Восточной части Евразии в материалах научного архива института истории материальной культуры РАН / Автор-состав. Г.В. Длужневская. СПб., 2005.
- Жук А.В.* Дебют ИКСа // Четвертые чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.
- Жук А.В., Михалева Т.В.* ИКС (по запискам М.П. Грязнова) // Исторический ежегодник. Омск, 2000.
- Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. Т. 1. М.; Л., 1931.
- Кунов Г., Левин-Дорш Г.* Очерки по истории первобытной культуры. Ч. 1–3. Минск, 1923–1924.
- Левин-Дорш Г., Кунов Г.* Техника доисторической эпохи. Ч. 1–3. Одесса, 1923.
- Левин-Дорш Г., Кунов Г.* Первобытная техника. М.; Пг., 1924.
- Максимов А.Н.* Накануне земледелия // Уч. зап. Института истории. Т. 3. М., 1929.
- Массон В.М.* У истоков теоретической мысли советской археологии // КСИА. 1980. Вып. 163.
- Платонова Н.И.* М.И. Артамонов – директор ИИМК // Археологические вести. № 6. СПб., 1999.
- Пряхин А.Д.* История советской археологии (1917 – середина 30-х годов). Воронеж, 1986.
- Пряхин А.Д., Писаревский Н.М.* М.П. Грязнов и разработка истории ранних скотоводческих обществ в группе по истории кочевнического скотоводства ГАИМК (1930–1939) // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1987.
- Равдоникас В.И.* Археология на Западе и в СССР в наши дни // СГАИМК. 1932. № 9,10.
- Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903.
- Свешникова О.С.* Забытая работа группы ИКС // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2004.
- Столяр А.Д.* Триада деятельности М.И. Артамонова // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998 (Проблемы археологии; Вып. 4).
- Третьяков П.Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе // ИГАИМК. Т. 14. Вып. 1. Л., 1932.
- Удальцов А.Д.* Свободная деревня Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. М., 1912.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004.
- Хроника // СГАИМК. 1931. № 6.
- Хроника // СГАИМК. 1932а. № 1, 2.
- Хроника // СГАИМК, 1932б. № 3, 4.
- Хроника // СГАИМК. 1932в. № 11, 12.
- Шнирельман В.А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980.

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА И ПОДВЕСКИ НА НИЖНЕМ ДОНУ И В ПРЕДКАВКАЗЬЕ (ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП ЭПОХИ БРОНЗЫ)

© 2010 г. В.В. Потапов

Археологическое научно-исследовательское бюро, Ростов-на-Дону

Одним из основных культурных маркеров наряду с керамической посудой, техникой домостроительства, погребальным обрядом являются украшения. Разнообразные виды украшений, даже заимствованные у соседних народов, изготавливались в собственной культурной среде, по определенным технологическим канонам и в соответствии с эстетическими воззрениями той или иной группы населения. Значение украшений как культурного признака возрастает для тех групп памятников, которые представлены преимущественно погребениями.

Несколько лет назад было предложено постерубные погребения XII–X вв. до н.э. юга степной зоны европейской части России объединить в одну культурную группу. Основанием для этого послужила близость погребального обряда на определенной территории, окруженной заведомо инокультурными памятниками (Потапов, 2005. С. 148). К настоящему времени эта группа включает 62 погребения на территории Нижнего Дона и степного Предкавказья, достигая на юге предгорий Северного Кавказа, а на востоке – Волги. В поисках иных, помимо погребальной обрядности, культуруобразующих признаков автор обратился к височным кольцам и подвескам. 22 экземпляра колец из этих погребений относятся к двум разновидностям: проволочные, т.е. изготовленные из бронзовой проволоки, и пластинчатые – из металлических полосок. На фоне почти абсолютного доминирования проволочных изделий в белозерских памятниках Северного Причерноморья несколько неожиданно относительно широкое распространение на его восточной окраине нескольких типов (1–6) пластинчатых колец и подвесок (16 экз. в 13 могилах).

1. Пара подвесок овальной формы из погребения Беглица XVI-3-10¹ (Илюков, Казакова, 1988. С. 108. Рис. 17, 12), согнуты из узких бронзовых пластинок с заходящими друг за друга концами (рисунок, 1). Точные аналогии мне не известны. Датировка комплекса подтверждается находкой в нем узкой многовитковой пронижи и бляшкой с маленькой петлей на обороте.

2. Четыре круглых кольца с заходящими друг за друга приостренными концами, с сужением в верхней части происходят из погребений Кривая Лука V-5-9 (Дворниченко, Кореняко, 1989. С. 152. Табл. 62, 7) в низовьях Волги и Койсуг-4-38 (Потапов, 1999. С. 64, 65. Рис. 3, 2), Крепинский I-18-9 (Потапов, 2005. Рис. 3, 9), Черный II-1-6 (Парусимов, 2004. С. 52. Рис. 5, 4) на Донском левобережье (рисунок, 2–5). Последние два комплекса датируются ножами с параллельными лезвиями. Такое же кольцо найдено в кобьяковском погребении Хапрус-1-19 на Дону (Потапов, 1993. С. 219, 220. Рис. 1, 3) (рисунок, 6). Серия неоднородных пластинчатых височных колец с сужением-перемычкой (рисунок, 7, 8) происходит из западнокобанских памятников (Козенкова, 1998. С. 35, 36. Табл. IX, 14–18, 20).

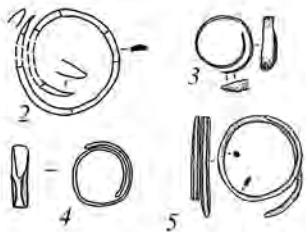
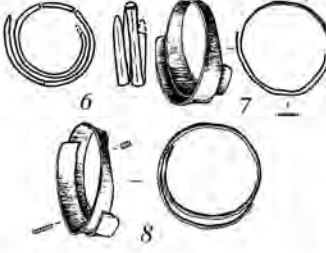
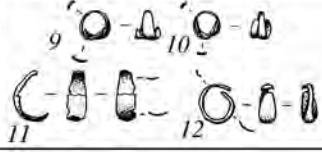
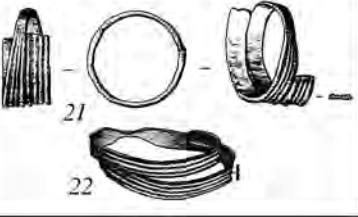
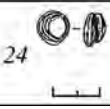
3. Круглые подвески (не менее 6 экз.) из слабоогнутой пластины с утончающимися концами и перехватом в верхней части (рисунок, 9–12) происходят из финально-бронзовых погребений степного Ставрополя: Ипатово 3-2-5 и 12 (Кореневский и др., 2007. С. 32, 34. Рис. 17, 5, 7; 19, 7) и еще двух неопубликованных комплексов². Отметим, что авторы публикации относили погребение 5 к стратиграфически выделяемой группе погребений финальной бронзы, датируемой многими яркими вещами: проволочной подвеской, бронзовым ножом с параллельными лезвиями и кольцевидным упором, костяной пуговицей, сосудом и др. (Кореневский и др., 2007. С. 88). Как и в предыдущем случае, наличие перемычки на подвесках подтверждает их финальнобронзовую дату. Близка по форме ставропольским изделиям отличающаяся лишь размерами находка из погребения 9 Инжичукунского западнокобанского могильника (рисунок, 13), датируемого не позднее рубежа II–I тыс. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 35. Табл. IX, 14).

4. Простое височное кольцо, свернутое из бронзовой полоски в 1.2 оборота, найдено в погребении Орловский I-1-12, обломок подобного предмета (рисунок, 14, 15) происходит из погребения Усть-Джегута-32-17 в Верхнем Прикубанье (Нечитайло, 1964. Рис. 34, 4). Похожие кольца в период финальной бронзы известны в маклашеевской культуре Волго-Камья (Халиков, 1980. Табл. 54, 2–4) (рисунок, 16), кобанской культуре Северного Кавказа (Козенкова, 1998. С. 35, 36. Табл. IX, 11, 19; 2001. Рис. 35, 2, 3). Находки таких колец в гробнице 2 могильника Терезе, в погребениях 41 Сержень-Юрта, 5 могильника Инжичукун говорят об их архаичности в рамках кобанской культуры (рисунок, 17–19). Вместе с тем население восточного варианта этой культуры использует такие кольца и в начале эпохи раннего железа. Круглая пластинчатая подвеска найдена в белозерском погребении Золотая Балка 3 (Тереножкин, 1976. С. 44. Рис. 2, 7). Известны они и на границе степи и лесостепи, в чернолесской культуре начала эпохи железа (Ромашко, 1984. С. 107. Рис. 1, 5).

5. В погребении Новопалестинский II-5-7 найдено височное кольцо, согнутое из бронзовой рифленой полоски в 1.5 оборота (рисунок, 20). Один конец приострен, другой утрачен (Калмыков, Потапов, 2004. С. 107. Рис. 2, 7). Полные аналогии ему не известны, однако продольное рифление присутствует на ряде изделий XII–X вв. до н.э., найденных в погребении Черный II-1-6 (рисунок, 5) гробнице 2 могильника Терезе (Козенкова, 2004а. С. 116, 117. Табл. 29, 4, 5) (рисунок, 21). В.И. Козенкова, указывая на находки рифленых изделий в раннегальштатской культуре Козия-Сахарна, подчеркивает их генетическую связь (1998. С. 36; 2004б. С. 75). Впрочем, более важным оказывается то, что гробница 2 Терезе датируется “не позднее рубежа II–I тысячелетий до н.э.” (Козенкова, 2004б. С. 73), а комплексы с

¹ Здесь и далее курганные погребения обозначены шифром: название могильника – номер могильника или группы (если есть) – курган – погребение.

² Благодарю за информацию А.А. Калмыкова.

Т и п	Пластинчатые кольца в донно-предкавказских группе погребений	Пластинчатые кольца в других культурах
1		
2		
3		
4		
5		
6		

Типы пластинчатых височных колец и подвесок из пострубных погребений Нижнего Дона и Предкавказья. 1 – Беглица XVI-3-10; 2 – Крепинский I-18-9; 3 – Койсуг-4-38; 4 – Кривая Лука V-5-9; 5 – Черный II-1-6; 6 – Хапры -1-19; 7, 8, 17, 21 – могильник Терезе, гробница 2; 9, 10 – Ипатово 3-2-12; 11, 12 – Ипатово 3-2-5; 13 – могильник Инжиччукун, погр. 9; 14 – Орловский I-1-12; 15 – Усть-Джегута-32-17; 16 – могильник Новомордовский V; 18, 19 – поселение Сержень-Юрт; 20 – Новопалятинский II-5-7; 22 – могильник Сахарна I, к. III; 23 – могильник Салок, погр. 42; 24 – Хаджиллар-1-3.

аналогичными изделиями в Молдове³ (рисунок, 22) – концом X в. до н.э. (Кашуба, Гольцева, 1991. С. 200, 208. Рис. 2, 2–6).

6. Овальное височное кольцо, согнутое из золотой пластины с приостренными концами, с выдавленным ребром по оси и двумя точками на конце (рисунок, 23), происходит из погребения 42 грунтового могильника Салок (Потапов, 2007. С. 271. Рис. 1, 19). Полные аналогии ему неизвестны. Круглые золотые височные подвески из белозерских могил (Ванчугов, 1990. С. 98. Рис. 35, 14, 15; Агульников и др., 2001. С. 98. Рис. 3, 12) обнаруживают определенное сходство с изделием из Салка. Все они пластинчатые, согнутые в 1.2–1.5 оборота, с заостренными концами. На пластинках из Салка и Хаджиллара изнутри выдавлено ребро (рисунок, 24). Является ли это отражением

белозерского влияния? Для Причерноморья в это время характерны проволоочные типы височных подвесок и колец, а в доно-предкавказских степях, как выяснилось, преобладают пластинчатые. Не исключено, что их появление в белозерской культуре связано как раз с восточным и юго-восточным влиянием.

Итак, пластинчатые височные кольца и подвески Нижнего Дона, судя по приведенным аналогиям или находкам вместе с ними надежных хроноиндикаторов, могут быть датированы в рамках заключительного этапа поздней бронзы. Разнообразные типы этих украшений появляются на Северном Кавказе в кобанской культуре с XII в. до н.э., некоторые из них продолжают встречаться и в эпоху раннего железа. В степной зоне нет таких изделий в комплексах, содержащих материал, датирующийся временем позднее рубежа X–IX вв. до н.э. Во всяком случае, мы можем уверенно утверждать это для степных районов Предкавказья, Подонья и Поволжья. Определенное

³ Отметим, что авторы публикации называют эти изделия браслетами (Кашуба, Гольцева, 1991. С. 200).

распространение пластинчатые типы получили и в белозерской культуре.

Сравнивая представленные пластинчатые височные кольца и подвески с белозерскими, кобанскими и т.д., мы нигде не находим полных аналогий. Фиксируется близость в форме изделий или деталей: сужение-перемычка, рифление, желобчатость, ребро. Более того, найденные в доно-предкавказских степях височные кольца 2 и 3-го типов образуют здесь пусть небольшие, но достаточно устойчивые серии. Следовательно, речь о прямых заимствованиях идти не может. Появление пластинчатых типов в степной среде представляется результатом знакомства с украшениями южных соседей, указывает на достаточно регулярные контакты степняков и западнокобанских племен. Эти украшения, по крайней мере височные подвески и кольца, были переработаны и упрощены с учетом возможностей технологии обработки бронзы, в соответствии с особенностями местного костюма и головных уборов. В итоге пластинчатые височные кольца и подвески с приостренными концами, зачастую с сужением-перемычкой, иногда снабженные рифлением, маркируют в степи ту же культурную группу, которая выделена по данным погребального обряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агульников С.М., Бубулич В.Г., Курчатова С.И. Курганный могильник у с. Хаджиллар в нижнем Поднестровье // ССПК. Т. IX. Запорожье, 2001.
- Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Дворниченко В.В., Коренько В.А. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Д., 1988.
- Калмыков А.А., Потапов В.В. Погребение из могильника Золоторевка I и некоторые вопросы генезиса черноморской культуры // ССПК. Т. XI. Запорожье, 2004.
- Кашуба М.Т., Гольцева Н.В. Сахарнянский могильник I (Цыг-лэу) // СА. 1991. № 1.
- Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М., 1998 (САИ; Вып. В2-5).
- Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.
- Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних "кобанцев". Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М., 2004а (МИИХНСК; Вып. V).
- Козенкова В.И. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004б.
- Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе позднего бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М., 2007.
- Нечитайло А.Л. Отчет о раскопках курганов у ст. Усть-Джегутинской Ставропольского края в 1964 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 12872.
- Парусимов И.Н. Раскопки кургана у х. Крылов // ИАИАНД в 2003 году. Вып. 20. Азов, 2004.
- Потапов В.В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры // РА. 1993. № 3.
- Потапов В.В. Черноморские погребения в низовьях левого берега Дона // ДА. 1999. № 1.
- Потапов В.В. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. М., 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 145).
- Потапов В.В. Погребение с набором украшений в низовьях р. Сал // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 7. Луганськ, 2007.
- Ромашко В.А. Некоторые особенности погребального обряда черноморской культуры // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1984.
- Тереножский А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Халиков А.Х. Приказанская культура. М., 1980 (САИ; Вып. В1-24).

КИНЖАЛЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ VIII–X вв.

© 2010 г. У. Ю. Кочкаров

Институт археологии РАН, Москва

Одним из малоизученных предметов вооружения средневековых северо-кавказских воинов являются кинжалы – обоюдоострое короткоклинковое прямое или изогнутое оружие ближнего боя. По этнографическим данным, кинжалы у народов Северного Кавказа были не только боевым оружием, но несли эстетическую и информационную нагрузку, определяя статус владельца (принадлежность к князьям и дворянам, состоятельность и т.д.).

В связи с малочисленностью находок кинжалов в средневековых памятниках о них писали мало. В работе А.Н. Кирпичникова лишь упоминается их существование

на территории Древней Руси. Кинжалы, по его мнению, в составе снаряжения "русского рыцаря" распространяются в XIII в. Исследователь считает, что они появляются лишь в "эпоху утяжеления вооружения как средство поражения бронированного противника в тесном бою" (Кирпичников, 1966. С. 72, 73). Кинжалам посвящены небольшие разделы в работах многих оружейников (см. например: Горбунов, 2006. С. 74–83). Одна из самых значительных – статья А.К. Амброза (1986), посвященная так называемым кинжалам VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах, которые встречаются по всей Восточной Европе и Азии.

распространение пластинчатые типы получили и в белозерской культуре.

Сравнивая представленные пластинчатые височные кольца и подвески с белозерскими, кобанскими и т.д., мы нигде не находим полных аналогий. Фиксируется близость в форме изделий или деталей: сужение-перемычка, рифление, желобчатость, ребро. Более того, найденные в доно-предкавказских степях височные кольца 2 и 3-го типов образуют здесь пусть небольшие, но достаточно устойчивые серии. Следовательно, речь о прямых заимствованиях идти не может. Появление пластинчатых типов в степной среде представляется результатом знакомства с украшениями южных соседей, указывает на достаточно регулярные контакты степняков и западнокобанских племен. Эти украшения, по крайней мере височные подвески и кольца, были переработаны и упрощены с учетом возможностей технологии обработки бронзы, в соответствии с особенностями местного костюма и головных уборов. В итоге пластинчатые височные кольца и подвески с приостренными концами, зачастую с сужением-перемычкой, иногда снабженные рифлением, маркируют в степи ту же культурную группу, которая выделена по данным погребального обряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агульников С.М., Бубулич В.Г., Курчатова С.И. Курганный могильник у с. Хаджиллар в нижнем Поднестровье // ССПК. Т. IX. Запорожье, 2001.
- Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Дворниченко В.В., Коренько В.А. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Д., 1988.
- Калмыков А.А., Потапов В.В. Погребение из могильника Золоторевка I и некоторые вопросы генезиса черноморской культуры // ССПК. Т. XI. Запорожье, 2004.
- Кашуба М.Т., Гольцева Н.В. Сахарнянский могильник I (Цыг-лэу) // СА. 1991. № 1.
- Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М., 1998 (САИ; Вып. В2-5).
- Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.
- Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних "кобанцев". Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М., 2004а (МИИХНСК; Вып. V).
- Козенкова В.И. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004б.
- Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе позднего бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М., 2007.
- Нечитайло А.Л. Отчет о раскопках курганов у ст. Усть-Джегутинской Ставропольского края в 1964 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 12872.
- Парусимов И.Н. Раскопки кургана у х. Крылов // ИАИАНД в 2003 году. Вып. 20. Азов, 2004.
- Потапов В.В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры // РА. 1993. № 3.
- Потапов В.В. Черноморские погребения в низовьях левого берега Дона // ДА. 1999. № 1.
- Потапов В.В. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. М., 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 145).
- Потапов В.В. Погребение с набором украшений в низовьях р. Сал // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 7. Луганськ, 2007.
- Ромашко В.А. Некоторые особенности погребального обряда черноморской культуры // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1984.
- Тереножский А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Халиков А.Х. Приказанская культура. М., 1980 (САИ; Вып. В1-24).

КИНЖАЛЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ VIII–X вв.

© 2010 г. У. Ю. Кочкаров

Институт археологии РАН, Москва

Одним из малоизученных предметов вооружения средневековых северо-кавказских воинов являются кинжалы – обоюдоострое короткоклинковое прямое или изогнутое оружие ближнего боя. По этнографическим данным, кинжалы у народов Северного Кавказа были не только боевым оружием, но несли эстетическую и информационную нагрузку, определяя статус владельца (принадлежность к князьям и дворянам, состоятельность и т.д.).

В связи с малочисленностью находок кинжалов в средневековых памятниках о них писали мало. В работе А.Н. Кирпичникова лишь упоминается их существование

на территории Древней Руси. Кинжалы, по его мнению, в составе снаряжения "русского рыцаря" распространяются в XIII в. Исследователь считает, что они появляются лишь в "эпоху утяжеления вооружения как средство поражения бронированного противника в тесном бою" (Кирпичников, 1966. С. 72, 73). Кинжалам посвящены небольшие разделы в работах многих оружейников (см. например: Горбунов, 2006. С. 74–83). Одна из самых значительных – статья А.К. Амброза (1986), посвященная так называемым кинжалам VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах, которые встречаются по всей Восточной Европе и Азии.

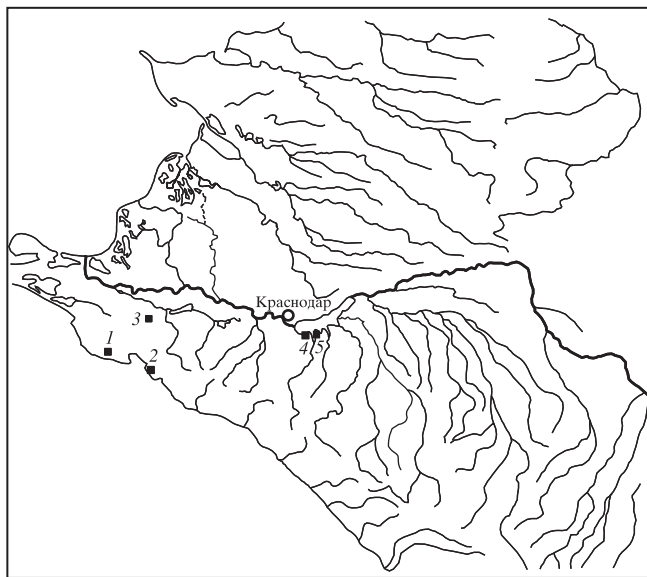

Рис. 1. Карта распространения кинжалов в памятниках VIII–X вв. 1 – Дюрсо; 2 – Борисовский; 3 – Молдовановка; 4 – Казазово; 5 – Ново-Вочепший.

С территории Северо-Западного Предкавказья мною учтено всего 10 находок, датирующихся VIII – первой половиной XIII в.¹ Но в этой статье я не буду рассматривать кинжалы, датирующиеся позднее X в.

Кинжалов, датирующихся VIII–X вв., с территории Краснодарского края мне известно восемь, и все они происходят из погребений по обряду кремации (рис. 1), в комплексах с саблями, боевыми топорами, наконечниками копий, наконечниками стрел, в одном случае (Молдовановка) в погребении лежал кистень.

По форме рассматриваемые кинжалы разделены на два типа: с обоюдоострым окончанием лезвия и с односторонней заточкой лезвия.

Тип I, обоюдоострые (рис. 2А). К этому типу отнесены пять экземпляров. У них спинка клинка слегка выпуклая, линия лезвия вогнута на протяжении от 4 до 9,5 см, конец лезвия обоюдоострый. Стержень рукояти имеет заметный наклон в сторону лезвия. Длина кинжалов (таблица) не превышает 20 см, колеблясь от 15,5 (рис. 2А, 1) до 19,3 см (рис. 2А, 3), ширина клинка – от 1,7 (рис. 2А, 1, 3) до 2 см (рис. 2А, 4).

Тип II, с односторонней заточкой лезвия. К нему отнесены три экземпляра (рис. 2Б). Они также имеют слабовыраженный изгиб спинки клинка (изгиб меньше, чем у предыдущего типа), который придается ему за счет наклона рукояти и немного опущенного конца клинка. Линия лезвия почти прямая, клинок на всем протяжении однолезвийный. На кинжале из Казазово II (рис. 2Б, 6) клинок с одной стороны имеет два узких параллельных дола. Общая длина – 17, длина лезвия – 12,5, ширина клинка – 1,8 см. Общая длина кинжала из Ново-Вочепшійского могильника – 22, длина лезвия – 17,5, ширина клинка – 0,2 см (рис. 2Б, 8).

Параметры клинка из Борисовского могильника, к сожалению, мне не известны, но, судя по рисункам в публикациях, он

не имеет каких-либо существенных отличий от кинжалов этого типа. Рукоять также расположена под наклоном по отношению к лезвию, перекрестие напускное.

Кинжалы носились в деревянных ножнах, обтянутых кожей. В погребении 2 могильника Молдовановка ниже перекрестия кинжала лежала железная скоба (рис. 2А, 1) для крепления ножен к портупее. Изображения подобных скоб мы видим на древнетюркских каменных изваяниях (Худяков, 1986. Рис. 68, 48–58). В двух случаях (рис. 2А, 2, 5) на рукояти кинжалов были надеты наверхия-колпачки уплощенно-цилиндрической формы, а в одном (рис. 2А, 1) – ножны были снабжены железным наконечником уплощенно-цилиндрической формы с гвоздиком посередине для крепления. Рукоять кинжала обычно с двух сторон обхватывалась двумя деревянными дощечками, которые крепились одним (рис. 2А, 2, 4; Б, 6, 7) или двумя (рис. 2А, 1, 3, 5; Б, 8) гвоздиками-заклепками и поверх обтягивались кожей, а затем на нее надевался колпачок-наверхие, крепившийся также гвоздиком.

У семи из учтенных кинжалов под рукоять было надето перекрестие. Все перекрестия прямые, напускные, железные. По форме их можно разделить на два типа. Тип I – прямые брусковидные (рис. 2Б, 1). Тип II – прямые брусковидные с ромбическим утолщением в центре (рис. 2Б, 2) и на концах (рис. 2Б, 3).

Со стороны лезвия перекрестия крепились с помощью обоймочек (рис. 2А, 1–5; Б, 6). В отличие от сабельных, эти обоймы не имеют тяжа – язычка, который выходил на острый конец лезвия. Вероятно, он был не нужен на кинжалах: менее массивные, они не могли так “портить” ножны, как это делали тяжелые клинки сабель.

Отмечу, что перекрестия кинжалов короче своих аналогов на саблях. Аналогии им известны на многих памятниках того же времени в Подонье (Михеев, 1985. Рис. 17, 17). Подобное (тип II) перекрестие изображено на росписях Афрасиаба (Амброз, 1986. Рис. 1, 23).

Идентичные кинжалы происходят из Уйбатского чаатаса на Среднем Енисее (Кызласов, 1983. С. 46–52. Рис. 27, 28). Один из изображенных кинжалов также имеет два дола. На территории Южной Сибири такие находки датируются VI–VII вв. Как уже упоминалось, аналогии интересующим нас кинжалам, по всей вероятности, можно видеть на древнетюркских каменных изваяниях (Евтюхова, 1941). Типологически близкие клинки – в росписях Афрасиаба, которые датируются немного более ранним временем, чем наши кинжалы, – VI–VIII вв. (Амброз, 1986. С. 54). Аналогичные вещи известны из могильника VIII–IX вв. у с. Тополи на Украине (Кухаренко, 1951. Рис. 30, 3; Крыганов, 1989. Рис. 2, 17).

Исходя из приведенных аналогий, мы можем, по всей видимости, датировать рассматриваемые кинжалы на территории Северо-Западного Кавказа VIII–IX вв. Правоммерно, по-моему, будет предположение о том, что народ, оставивший эти памятники, пришел на Северный Кавказ и в Подонье в VIII–IX вв. откуда-то с востока. Откуда конкретно – с уверенностью сказать пока нельзя.

Кинжалы изучаемого времени еще меньше той длины, которой они достигают в XVII–XVIII вв. До сих пор в публикациях не всегда можно понять, что имеет в виду автор, называя вещь боевым ножом или кинжалом. Видимо, при определении кинжалов нужно учитывать и функциональное назначение этого колющего (проникающего) оружия ближнего (контактного) боя. И потому при отнесении клинка к “кинжалам” не столь важно – односторонняя у него заточка или двусторонняя. Нередко ножи достигают в длину 40–45 см (иногда и больше). Но они не имеют перекрестий для упора при сильном прони-

¹ В связи с тем, что несколько кинжалов еще не опубликованы, рисунки вещей даны схематично.

кающем колющем ударе. Ножи на рассматриваемой территории, по всей видимости, отличаются от кинжалов отсутствием перекрестий и отверстий для крепления деревянных частей рукояти, которые при постоянных нагрузках без должной фиксации не могли надежно и долго служить владельцу. Безусловно, боевые ножи присутствуют в материалах IX в. могильника Дюрсо и других синхронных могильников (Дмитриев, 2003. С. 257). Но без четкого определения, какие клинки считать боевыми, а какие – орудиями, использовавшимися в быту, давать им более подробную характеристику, на мой взгляд, преждевременно, поэтому ограничимся констатацией их распространения в изучаемый период (Носкова, 1990. Рис. 45; Пьянков, 1990. Рис. 48 и др.).

В VIII–IX вв. на территории Северо-Западного Предкавказья появляются могильники с новым для этого региона погребальным обрядом – кремацией на стороне (Дюрсо, Молдовановка, Казазово, Псекупс I и др.). Погребения совершались в небольших ямках, в редких случаях – в сосудах-корчагах. Ближайшие аналогии инвентарю этих могильников известны в кремационных погребениях того же времени в Подонье, где такие памятники открываются до сих пор. С большей или меньшей степенью вероятности можно предположить, что и на изучаемой территории открытие новых подобных объектов ждет своего исследователя. Как для Прикубанья, так и для Подонья могильники с погребениями по обряду кремации – новые, не типичные для этих регионов. Характеристику им дали А.В. Пьянков и В.А. Тарабанов (2008), разделившие их на две условные группы. В научной литературе уже предлагалось решение проблем, связанных с происхождением и этнической атрибуцией рассматриваемых могильников. Заметим лишь, что взгляды исследователей существенно расходятся (Плетнева, 1986. С. 43; Михеев, 1985. С. 52; Афанасьев, 1987. С. 150–155; Аксенов, 1999. С. 139). Все гипотезы, высказанные по поводу этнической принадлежности этих памятников, собраны и проанализированы А.В. Пьянковым и В.А. Тарабановым (2008).

На данном этапе изучения очевидно значительное сходство не только погребального обряда, но и инвентаря памятников на левом берегу р. Кубань и в Причерноморье, с одной сторо-

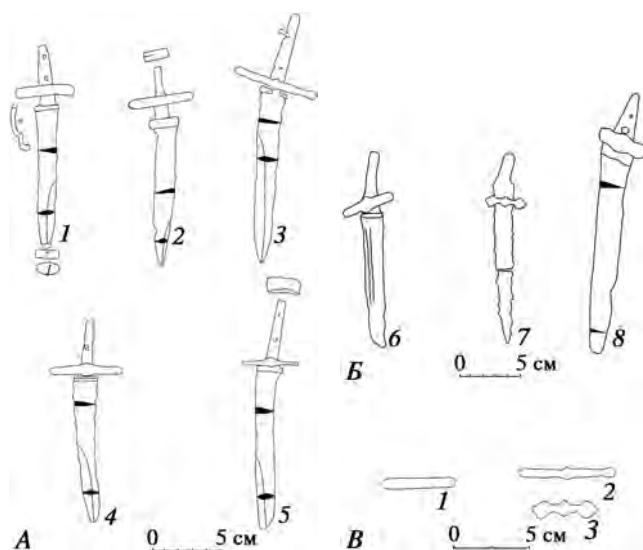

Рис. 2. Кинжалы: тип I (А); тип II (Б); перекрестия (В): 1 – тип I; 2, 3 – тип II.

ны, и в Подонье – с другой. Важнейшим примером отмеченного культурного единства служит и однотипность комплекса вооружения: не только кинжалов, но и сабель, наконечников стрел, наконечников копий и боевых топоров (Кочкаров, 2006).

Как бы то ни было, оставившее эти памятники население является одним из этносов – носителей материальной культуры Хазарского государства. Известно, что пограничные отряды любого государства всегда были хорошо вооружены для эффективной охраны границы от внешнего врага. Возможно, они также контролировали местное население. В пользу того, что носители кремационного погребального обряда были хорошо вооружены, говорит большое количество предметов вооружения в их захоронениях.

Кинжалы

№ кинжала (рис. 2 А, Б)	Общая длина (см)	Длина лезвия (см)	Обоюдо- острый конец (см)	Длина черенка (см)	Ширина пера (мм)	Могильник, погребение	Литература
1	15.5	10.5	6	5	1.7	Молдовановка, погребение 2	Тарабанов, 1989. С. 10а. Рис. 65
2	17.5	12.5	4	5	1.8	Молдовановка, погребение 23	Тарабанов, 1989. С. 1а. Рис. 249
3	19.3	13	9.5	6.3	1.7	Молдовановка, погребение 31	Тарабанов, 1989. С. 19. Рис. 397, 399
4	17.5	12.5	7	5	2	Молдовановка, подъемный материал	Тарабанов, 1989. С. 12. Рис. 556
5	17.8	12.8	5.8	5	1.7	Дюрсо, погребение 89	Дмитриев, 2003. С. 257. Табл. 90, 25
6	17	11.9	–	5.1	1.8	Казазово, погребение 69	Тарабанов, 1986. С. 22. Рис. 298
7	?	?	–	?	?	Борисовский, погребение 138	Саханев, 1914. Табл. III, 23
8	22	17,5	–	5	2	Ново-Вочеп- ший, погребение 3	Носкова, 2002. С. 186. Рис. 6,12

Каждое государство в меру своих возможностей старается снабжать свои военные силы передовыми видами вооружения. В том, что в Хазарском государстве было развито кузнечное дело, сомневаться не приходится (Михеев, 1985). Однако в материалах могильников, содержащих погребения по обряду кремации, встречаются типы оружия, которые в других памятниках салтово-маяцкой культуры не известны. Можно предположить, что некоторые из них (кинжалы, несколько разновидностей наконечников стрел, копий) ковали кузнецы этого “пришлого” воинственного этноса, чтобы обеспечить более эффективную борьбу с внешними и внутренними врагами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С. К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремации салтовской культуры // Матер. Міжнарод. археолог. конф. “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя)”. Дніпропетровськ, 1999.
- Амброз А.К. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4.
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
- Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003 (Археология).
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XVI.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л., 1966 (САИ; Е1-36).
- Кочкаров У.Ю. Боевые топоры Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. // Средневековая археология евразийских степей. Сб. статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. М.; Йошкар-Ола, 2006.
- Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.
- Кухаренко Е.И. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. 1951. Вып. 41.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура в Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983 (САИ; Е3-18).
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Могильников В.А. Кочевники Северо-Западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М., 2001.
- Носкова Л.М. Средневековые погребения Ново-Вочепшиянского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Носкова Л.М. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
- Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.
- Пьянков А.В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья Салтовского времени: опыт сопоставления // Древности Юга России. М., 2008.
- Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. Вып. 56. Пг., 1914.
- Тарабанов В.А. Отчет об исследованиях археологических памятников в районе Гатлукаевского городища № 2 в Теучежском районе Адыгейской автономной области Краснодарского края (зона Краснодарского водохранилища) в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11610 а-г.
- Тарабанов В.А. Отчет о раскопках грунтового могильника в селе Молдованское Крымского района Краснодарского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14147–14150.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

ПОЛИВНЫЕ ЧЕРЕПИЦЫ В МОНАШЕСКОМ ПОГРЕБЕНИИ МОСКОВСКОГО СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

© 2010 г. С. И. Баранова

Московский государственный объединенный музей-заповедник

В 1996 г. сотрудником ГИМ Дм. Журавлевым в Московский государственный объединенный музей-заповедник были переданы фрагменты поливных керамических плит, собранные им на месте работ по восстановлению придела св. Иоанна Предтечи (разрушен в 1930–1940-х годах) Владимирского собора Спасского монастыря в Москве. Согласно его объяснениям, при устройстве фундамента придела было обнаружено погребение монаха, совершенное на выстилке из керамических поливных плиток. Погребение располагалось примерно против южного входа в собор. Края могильной ямы не зафиксированы,

но глубина от современной поверхности отмечена (1.5–1.8 м). Пластины лежали горизонтально и были уложены намеренно, с целью создать род ложа для погребенного. Останки были в плохом состоянии, череп совершенно разрушен, но скелет ранее не был потревожен, и его абрис читался полностью. Погребенный был идентифицирован как монах на основании обнаруженного на костяке фрагмента епитрахили и монашеского кожаного креста, к которому крепился параман. Судя по приложенному к объяснительной записке Дм. Журавлева рисунку, плиты лежали рядами.

Каждое государство в меру своих возможностей старается снабжать свои военные силы передовыми видами вооружения. В том, что в Хазарском государстве было развито кузнечное дело, сомневаться не приходится (Михеев, 1985). Однако в материалах могильников, содержащих погребения по обряду кремации, встречаются типы оружия, которые в других памятниках салтово-маяцкой культуры не известны. Можно предположить, что некоторые из них (кинжалы, несколько разновидностей наконечников стрел, копий) ковали кузнецы этого “пришлого” воинственного этноса, чтобы обеспечить более эффективную борьбу с внешними и внутренними врагами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С. К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремации салтовской культуры // Матер. Міжнарод. археолог. конф. “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)”. Дніпропетровськ, 1999.
- Амброз А.К. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4.
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
- Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003 (Археология).
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XVI.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л., 1966 (САИ; Е1-36).
- Кочкаров У.Ю. Боевые топоры Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. // Средневековая археология евразийских степей. Сб. статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. М.; Йошкар-Ола, 2006.
- Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.
- Кухаренко Е.И. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. 1951. Вып. 41.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура в Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983 (САИ; Е3-18).
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Могильников В.А. Кочевники Северо-Западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М., 2001.
- Носкова Л.М. Средневековые погребения Ново-Вочепшиянского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Носкова Л.М. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
- Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.
- Пьянков А.В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья Салтовского времени: опыт сопоставления // Древности Юга России. М., 2008.
- Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. Вып. 56. Пг., 1914.
- Тарабанов В.А. Отчет об исследованиях археологических памятников в районе Гатлукаевского городища № 2 в Теучежском районе Адыгейской автономной области Краснодарского края (зона Краснодарского водохранилища) в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11610 а-г.
- Тарабанов В.А. Отчет о раскопках грунтового могильника в селе Молдованское Крымского района Краснодарского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14147–14150.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

ПОЛИВНЫЕ ЧЕРЕПИЦЫ В МОНАШЕСКОМ ПОГРЕБЕНИИ МОСКОВСКОГО СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

© 2010 г. С. И. Баранова

Московский государственный объединенный музей-заповедник

В 1996 г. сотрудником ГИМ Дм. Журавлевым в Московский государственный объединенный музей-заповедник были переданы фрагменты поливных керамических плит, собранные им на месте работ по восстановлению придела св. Иоанна Предтечи (разрушен в 1930–1940-х годах) Владимирского собора Спасского монастыря в Москве. Согласно его объяснениям, при устройстве фундамента придела было обнаружено погребение монаха, совершенное на выстилке из керамических поливных плиток. Погребение располагалось примерно против южного входа в собор. Края могильной ямы не зафиксированы,

но глубина от современной поверхности отмечена (1.5–1.8 м). Пластины лежали горизонтально и были уложены намеренно, с целью создать род ложа для погребенного. Останки были в плохом состоянии, череп совершенно разрушен, но скелет ранее не был потревожен, и его абрис читался полностью. Погребенный был идентифицирован как монах на основании обнаруженного на костяке фрагмента епитрахили и монашеского кожаного креста, к которому крепился параман. Судя по приложенному к объяснительной записке Дм. Журавлева рисунку, плиты лежали рядами.

Передано шесть фрагментов от не более чем пяти изделий: инв. № 17578/1–6, 8680–8685 (рисунок). Это весьма массивные керамические плиты толщиной около 5 см и шириной 33,0–33,5 см (полная длина не восстанавливается, но она несомненно не менее ширины; максимальная сохранность 27 см). По краю с трех известных нам сторон идет бортик шириной 4,5–5 см, высотой около 2 см, отлого спускающийся к центральной части плиты, где образуется корытце (“ковчег”). Верх плиты определяет сквозное отверстие для гвоздя, проколотое до обжига в середине одного из бортиков (зафиксировано на трех плитах). С обратной от ковчеха стороны плиты совершенно ровные, с отпечатками дерева от формы, но с одного края плиты (в одном случае вдоль длинной стороны навывлет, в другом – вдоль двух смежных сторон) еще до обжига ножом выбрана четверть сечением $3,7 \times 2$ см, вероятно, для укладки плит внахлест. На некоторых плитах остались следы раствора с обеих сторон – возможно, фрагменты использовались вторично в кладке.

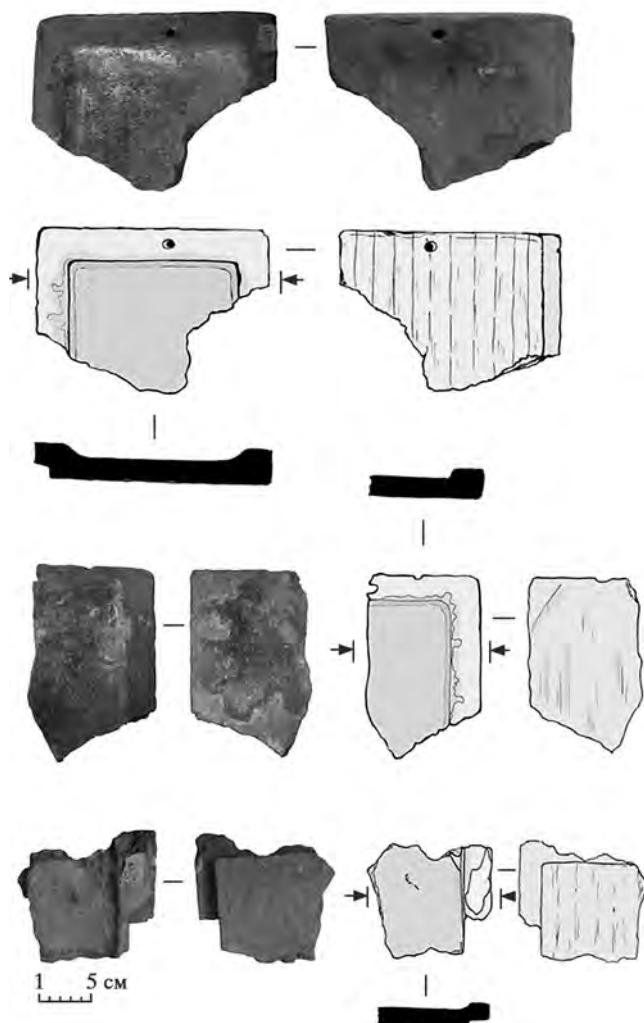
Керамическое тесто красножгущееся, довольно грубое, промес от хорошего до среднего; обжиг в основном недостаточный (края ярко-красные, но внутренняя часть темно-серая или черная). В одном случае на торцевых кромках сохранился хороший светло-кремовый ангоб – возможно, он покрывал всю наружную сторону изделий под глазурью. Глазурь, однако, положена только в пределах ковчеха – на ряде фрагментов бортика отчетливо видны пятна расплава, случайно попавшие сюда из ковчеха. Цвет поливы зеленый, холодный (бирюзовый).

Как известно, с историей Сретенского монастыря связано много проблем церковной топографии Москвы (Беляев, 1996. С. 303–321), в том числе – вопрос о времени возведения не сохранившихся до наших дней храмов, датировавшихся не позже середины XVI в.: ц. Марии Египетской, Никольская трапезная церковь с приделом Сретения (Подъяпольский, 2000. С. 47–61). Предполагается, что здесь стояла и построенная псковскими мастерами в 1480-х годах каменная ц. Сретения. Возможно, необычные поливные черепицы (керамиды) окажутся связаны с псковской школой, где зеленая поливная керамика использовалась достаточно широко в XV–XVI вв., если не ранее. Необычно большой размер, близкие квадрату пропорции и лотковый тип, действительно, могли бы говорить о конце XV – начале XVI в.

Однако другие признаки в хронологии московских строительных материалов делают гораздо более вероятным конец XVII в.: именно тогда распространяется черепица с закраинами для боковой стыковки, и плотная, “тяжелая” бирюзовая глазурь характерна для второй половины XVII в. Если так, то керамиды вполне можно связать с ныне существующим Владимирским собором (1679 г.) или его приделом.

Не до конца ясны конструкция и функция керамид. Прямых аналогов им в опубликованных сводках черепицы нет, и археологам Москвы они как будто не известны (Хворостова, 2002. С. 204–214). Если перед нами черепица, то ее можно условно отнести к типу лотковой (по наличию бортиков). Важные признаки черепицы – отверстие для гвоздя и уступ для перекрытия внахлест (хотя второй признак в лотковой черепице не встречается, только в плоской и рифленой). Но и другие варианты функций предложить трудно: среди фасадной керамики (облицовка зданий или печей) плитки без румпы встречаются в XVII в., но крайне редко; гвоздями их не крепят и уступов для стыковки у них не оставляют. То же касается половых плиток.

Если представить кровлю, составленную из такой черепицы, то она получится ячеистой (подобной перевернутому кессонированному потолку, и в углублениях неизбежно будет застаиваться вода) либо с очень большими перепадами рядов

Три черепицы из Сретенского монастыря (инв. № КП 17578/1, И8680; КП 17578/4, КП 17578/ И8685).

по высоте. Допустимо думать, что продольные швы между бортиками керамид, которые не покрыты глазурью, закрывали перемычки или черепицы-полуцилиндры (калиптеры). Трудно предположить, что верхней стороной служила гладкая поверхность, тогда получится, что глазурована изнанка. Вопрос остается открытым.

Определенный интерес этот материал представляет и с точки зрения изучения монастырского погребального обряда. Конечно, на основе несовершенной фиксации трудно судить, имеем ли мы дело с намеренной выстилкой дна могилы или же с укладкой покойного на ранее существовавший уровень вымостки, остатков древнего пола из вторично использованных керамид или чего-то подобного. Однако обычный брат для устройства монашеских погребений строительные материалы – камень, кирпич, черепицу, даже изразцы (см.: Энговатова, Зеленцова, 2005. С. 83. Рис. 6, 7) – хорошо известен в средневековой археологии. Правда, в Москве и вообще в Древней Руси он фиксировался до сих пор почти исключительно в форме камня-подголовника (ср.: Беляев, 2005. С. 127, 149, 150. Прим. 34), но в восточнохристианском мире встречаются в массовом порядке также обкладки из черепицы и кирпича

самых разных, иногда примитивных форм, в их числе – выстилки.

Если в нашем случае керамида намеренно уложена в погребение, то можно ставить вопрос о смысле такого оформления могилы, но здесь эта сложная проблема разбираться не будет. Как и в случае с кирпичом-подголовником, трудно сказать, что перед нами: бытовая забота о комфорте покойного; следование монашескому уставу (Мусин, 2002. С. 75); акт демонстративной аскезы (Макаров, 1981. С. 113); символическая композиция (Беляев, 2009. С. 19, 20) или все вместе. Так или иначе, это неординарный случай, указывающий, возможно, на знакомство исполнителей ритуала с христианской погребальной практикой Средиземноморья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А.* Чудотворная икона в сакральной топографии средневекового города: первый престол иконы Владимирской Богоматери в Москве // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.
- Беляев Л.А.* Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004 гг.) // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.
- Беляев Л.А.* De archaeologia abrahamica // Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.
- Макаров Н.А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. 1981. № 2.
- Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Подъяпольский С.С.* О древней церкви Сретенского монастыря в Москве // РА. 2000. № 1.
- Хворостова Е.Л.* Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002.
- Энговатова А.В., Зеленцова О.В.* Исследование участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья. Вып. 2. М., 2005.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. Мартынов. Археология.

М.: Высшая школа, 2005. 447 с.

Рецензируемый учебник представляет собой 5-е переработанное издание, рекомендованное Минобразования РФ в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «История».

Достоинством учебника является его полиграфическое качество. Внешне он выглядит лучше учебников А.В. Арциховского (1954) и Д.А. Авдусина (1977; 1989). Появился новый раздел «Введение в археологию». В виде приложений представлены обобщающие синхронистические и хронологические таблицы и словарь терминов. Появилась серия цветных иллюстраций. Все это, конечно, хорошо, но...

Первое издание этой книги вышло в 1973 г. как учебное пособие для педагогических институтов (Мартынов, 1973). Опубликовано три рецензии (Окладников, 1974; Троицкая, 1974; Даркевич и др., 1976). В них были и похвалы, и вполне обоснованная критика. Критику автор проигнорировал. В каждом новом издании увеличивался объем и приумножались фактические ошибки, логические и стилистические несурзности. К пятому изданию все это достигло неприемлемой для такого учебника величины и привело к его полной непригодности.

Неудачно название книги, претенциозное, но не соответствующее содержанию. Такое название подходит для многотомных обзоров или энциклопедий. Было бы уместнее название «Археология Евразии» или, как у А.В. Арциховского, «Основы археологии».

Лекционный курс археологии читается один – полтора семестра на 1-м курсе института вчерашним школьникам. Большинству из них нужно только самое общее представление о новой для них науке. Специализацию «археология» выберут не более 10%. На старших курсах у них будут углубленные спецкурсы и спецсеминары. Очевидно, что вчерашний средний школьник не в состоянии за один семестр осилить такой учебник. С учетом рекомендованной к каждой главе литературы это вообще невыполнимо, поскольку в предложенных списках, подобранных по неясному принципу и перегруженных, указаны десятки узкоспециальных монографий, понятных только профессионалам (например, «Корреляция среднепалеолитических индустрий Ближнего Востока и Кавказа»). При этом в списке по палеолиту нет простых и богато иллюстрированных книг Я. Елинека и Г. Томаса. В список литературы по бронзовому веку включено двухтомное сочинение Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова объемом более 1000 страниц, в котором 1-ый том – сплошная лингвистика, а 2-ой – анализ праязыка. Подобные примеры встречаются в каждой главе.

Часть I (главы 1–3). «Введение в археологию» на самом деле таковым не является (с. 11–53). «Введение» – отдельный полусеместровый курс лекций, который знакомит студента с новой для него наукой, с ее краткой историей, основными понятиями, археологическими учреждениями, видами памятников, археологической документацией, литературой и т.д. Ничего такого в этой части нет. Зато в ней много ошибок, туманных фраз и неопределенных понятий. Раздел «Введение в археологию» не вводит студента в науку, а скорее уводит неясно куда. На первых же страницах говорится, что археологический памятник

(он же источник) – это некий резервуар, из которого нужно извлекать информацию, для чего якобы есть определенные «методы извлечения информации» (с. 15, 33, 43 и многие другие). Однако что это за методы, остается тайной. Проблема источников информации в археологии обсуждается в литературе (подробнее см.: Шер, 2004), но осталась неизвестной А.И. Мартынову.

Во «Введении» большое количество наукообразных по форме, но нелепых по смыслу или просто бессмысленных фраз. Например: «археология – это начало культурогенеза» (с. 8), т.е. это какой-то отрезок времени (неясной продолжительности), когда начинается культурогенез. «Археологизированное прошлое», «археологизированные остатки», «археология – это наука, изучающая историческое прошлое человечества в основном по археологизированным памятникам прошлого и вещественным источникам» (с. 11), «материализованные предметы духовной культуры» (с. 12). Разве бывают нематериализованные предметы? «Начало археологического периода истории» (!!).

Автор критикует советских археологов, которые «работали по схеме: открыл памятник, провел раскопки, опубликовал полученные материалы. При этом формировалось характерное для тоталитарного идеологизированного общества безразличное отношение к самим памятникам археологии, которые в большинстве своем являются общечеловеческим культурно-историческим наследием» (с. 14). Чему автор учит такой фразой студентов-первокурсников?

«Кромлехи связаны с космическими наблюдениями...» (с. 23). Что такое кромлехи, сказано в учебном пособии, соавтором которого числится А.И. Мартынов (Мартынов, Шер, 1988; 2002), но меньшее, чем космические просторы, его не устраивает.

«Памятники наскального искусства находятся на поверхности, поэтому не являются в полной мере археологическими» (с. 23). Тогда и афинский акрополь, и Стоунхендж, и каменные изваяния, и многие другие памятники, находящиеся на поверхности, тоже не в полной мере археологические? А какова «полная мера»? Архитектурно-археологические памятники «делятся на исчезнувшие, разрушенные и не существующие (курсив мой. – Я.Ш.) по той или иной причине» (с. 25).

Отважно критикуется марксизм (с. 51–53), но рекомендуются чисто марксистские книги В.Ф. Генинга и А.Д. Пряхина, а на с. 74 и др. автор сам использует марксистскую терминологию – «производительные силы первобытного общества». Это в среднем палеолите (!!). И еще на с. 67 отмечено, что Олдувай – община (у австралопитеков?!).

Часть II «Эпоха камня» (главы 4–7). В тексте об антропогенезе (с. 57–58) полная путаница и неразбериха в фактах и понятиях. Антропогенез – это «появление человека», а не его происхождение, как всем известно. Человек «...как результат эволюционного развития живой природы, как своего рода вершина этого процесса» (с. 59). В этом лозунге отрицается современная теория эволюции, по которой появление *homo sapiens*

sapiens вовсе не было предопределено как некая финальная фаза.

Вопрос о прародине человека изложен на уровне знаний 40-летней давности (с. 60–63). Австралопитеки не были “основой дальнейшего развития человека” (с. 61), они вымерли около 1 млн. лет назад. Начало истории можно с натяжкой отсчитывать от неандертальца, но не от австралопитека. Недопустима для учебника неразбериха и путаница в номенклатуре гоминид: архантропы, питекантропы, атлантропы, синантропы и т.п. упоминаются вместе с хабилисами, эректусами и кроманьонцами. К учебнику приложен словарь, что само по себе похвально, но там нет объяснения данных понятий. Интересно, как возможна по законам природы “трансформация” неандертальцев в сапиенсов? В отношении черепов неандертальцев из Староселья (с. 63) давно установлено, что череп и кости мальчика современные.

Утверждается, что “радиоуглеродным методом были получены” (с. 64) датировки Олдувая. Здесь имеет место двойная грубая ошибка: 1) автор многократно переиздаваемого учебника обязан знать, что “радиоуглерод” “не работает” на глубину больше, чем 50 тыс. лет (практически на 40–35 тыс. лет), и поэтому все плейстоценовые находки датируются по “долгоживущим” изотопам; 2) на с. 64 Олдувай датирован 1.7–2.8; 1.9–1.7 млн. лет, а на с. 68 – 2500–1900 тыс. лет. Что принимать на веру? На стр. 70–77, 80–90, 96–142 и многих других приводится подробное описание технологии изготовления каменных орудий на всех этапах каменного века, а также различных археологических культур неолита и бронзового века. Эти подробности, но с исправлением допущенных ошибок, были бы уместны на спецсеминарах со студентами 4-го–5-го курсов, но не для первокурсника. Попытка разделить палеолитические изображения на ранние и поздние (с. 93) смехотворна для специалистов и вводит в заблуждение студентов. По технологии AMS, которая осталась неизвестной автору, уже датировано более сотни изображений пещерной живописи.

Вся глава 5 (с. 96–107) о мезолите изобилует ошибками и ненужными для первокурсника подробностями. Начало мезолита – пребореал (у автора “предбореал”), а не дриас (у автора “дриал”). Дриас – это поздний плейстоцен, 13–10 тыс. л.н. По А.И. Мартынову, “в мезолите начался переход от присваивающего хозяйства к производящему”. Это было бы важным открытием и его следовало бы изложить более подробно. Но скорее это просто незнание или непонимание сути ни мезолита, ни производящего хозяйства.

Глава 6 о неолите (с. 107–142) имеет странное с точки зрения научной терминологии, а также семантики и стилистики русского языка название: “Археологические культуры производящего хозяйства”. То же относится и к следующей главе 7: “Культуры присваивающего неолита...”. Производящее или присваивающее хозяйство создают люди, а не культуры. Неолит – это эпоха, т.е. период времени. Что может производить или присваивать эпоха? Длинное перечисление разных культур: льяловская, нарвская, неманская, сперрингс, днепродонецкая (с ошибками в названиях) и многие другие по Северо-Западу, Уралу, Сибири, Дальнему Востоку, – было бы уместно в спецкурсах, но не здесь.

“С раннего палеолита люди пользовались в хозяйстве посудой из коры и дерева, корзинами из прутьев” (с. 109). Что такое “ранний палеолит”? Олдувай? Но это австралопитеки! “Селекция” (выведение новых пород животных или сортов растений) путается с “доместикацией” (с. 112, 113), т.е. с одомашниванием диких животных и растений. Сначала происходит доместикация, а потом начинается селекционная работа. Где в эпоху мезолита “островки производящего хозяйства”? Откуда

взялась дата Иерихона VIII–VII тыс. до н.э. (с. 113)? Она списана без ссылки (Массон, 1989. С. 34), но эта дата относится к Иерихону А, т.е. к докерамическому неолиту, а производящее хозяйство начинается в Иерихоне Б, и то не сразу, а к VI тыс. до н.э.

Введено новое понятие “присваивающий неолит” (с. 120), нелепое по содержанию и без объяснения в тексте и словаре. Глава о неолите, как в учебнике А.В. Арциховского, не должна превышать 12–15 стр.

Неолитическое искусство (с. 134–140). “На обращенных к югу скалистых берегах рек и озер в неолите создавались целые галереи наскальных изображений” (с. 134). Наскальные рисунки бывают на любых плоскостях, обращенных ко всем странам света, и не только на берегах. “Наскальные изображения обнаружены... почти везде, где обитали неолитические охотники и рыболовы” (с. 134). На с. 137 говорится: “Наскальное искусство, возникнув в неолите, существовало и в последующие археологические периоды”. Автор не знает, что, как и все изображения, наскальное искусство возникло не в неолите, а, по крайней мере, на 30 тыс. лет раньше. В пещере Комбарелль (мадлен) нет живописи, а только петроглифы; уже почти 30 лет назад были найдены палеолитические петроглифы на открытом воздухе в Верхнем Форноле (Франция), в долине р. Коа (Португалия), Сьег Верде (Испания), Парпальо (Италия), а также в долине Енисея и на Алтае, хотя возраст последних пока не доказан.

Часть III, “Эпоха палеометалла”. Глава 8 (с. 143–147) выглядит очень странно даже с точки зрения технического редактора: заголовок почему-то не в начале, а в середине страницы. Странна она и по содержанию. На кардинальные перемены в культуре, связанные с появлением металла, отведено почти в 10 раз меньше места, чем на совершенно невинные для студента 1-го курса перечисления культур неолита разных регионов. Профессионалу понятно, что “палеометаллическая эпоха” и “эпоха бронзы” – одно и то же. Но учебник ведь не для профессионала, а для первокурсника. Так же и с понятием “археологическая эпоха”. Это то же, что и “историческая эпоха”, или “археологизированная” историческая эпоха, или что-то еще? “Палеометаллическая эпоха... охватывает период с конца IV до начала I в. до н.э.” (с. 143). Такая грубейшая небрежность – спутать века с тысячелетиями – непростительна даже студенту.

В главе 9 (с. 147–160) о трипольских поселениях говорится на уровне сведений, имевшихся 45 лет тому назад. Давно известно, что трипольские поселения – это огромные протогорода, в которых было до 1500–2000 “площадок”, т.е. домов. Самое удивительное, что эти данные приведены в двух изданиях учебного пособия (Мартынов, Шер, 1988; 2002), на которое автор ссылается в главе 1 на с. 15. Забыл? Или вообще не читал книгу, в написании которой якобы участвовал? Не упомянуты открыватель этой замечательной культуры В.В. Хвойко и основные исследователи: Т.С. Пассек, С.Н. Бибилов, В.Г. Збеневич и др. Та же картина наблюдается и при характеристике энеолитических культур юга Туркмении, Кавказа и Закавказья.

В своем кругу мы часто употребляем слова профессионального жаргона, и нам ясно, что, называя главу 10 “Энеолит скотоводов степной Евразии”, А.И. Мартынов имел в виду “Памятники скотоводов Евразии эпохи энеолита”. Однако в учебнике, к тому же для первого курса, нужно избегать жаргона, ибо по нормальной логике получается, что у скотоводов Евразии было что-то под названием “энеолит”. Здесь (с. 160–168) весь материал изложен тоже на уровне знаний примерно 40-летней давности. За это время появилось много новых результатов, опубликованных в академической прессе, в том чис-

ле и радиоуглеродные даты памятников ямной, афанасьевской и окуневской культур.

В главе 11 “Бронзовый век Кавказа и Средней Азии” (с. 168–181), как почти во всех остальных главах, большая часть иллюстраций приведена без ссылок на источник. Когда в таблицах не указано, откуда они берутся, по умолчанию считается, что они принадлежат автору. Но на с. 175 имеется ссылка на А.И. Мелюкову и др. Я знаю, что А.И. Мелюкова никогда не занималась бронзой Кавказа. В списке литературы такой позиции нет. Оказалось, что это ссылка на скифский том “Археологии СССР”, где А.И. Мелюкова была редактором, а текст о кобанской культуре и иллюстрации взяты из главы, написанной В.И. Козенковой. Здесь тоже бросаются в глаза “перлы”, например “кинжалы в виде клинков” (с. 176), будто возможны кинжалы без клинков. Реконструкция храма из Алтын-тепе (с. 178) превратилась в мастабу. Отмечены “однолезвийные ножи” суярганской культуры (с. 180). Все ножи однолезвийные, только у современных складных ножей бывает иногда по два лезвия.

Главы 12–14, посвященные степным и лесным культурам бронзового века, также не избежали “изысков” литературного стиля: “культурно-исторические общности развитой бронзы” (с. 181); «протогорода... построены по принципу Мандалы “Ригведы”, в основе которого колесо, кольцо, страна» (с. 185). В словаре нет ни мандалы, ни Ригведы, которые стали мужского рода. Говорится о “карасукской повозке на плите из могилы у дер. Знаменка” (с. 194). Плита и изображение повозки намного древнее карасука (энеолит).

Глава 14 (с. 211–217) проиллюстрирована южносибирскими и казахстанскими материалами. Но произведения искусства известны и в Восточной Европе (ямные изваяния), и особенно в Западной и Восточной Сибири, а также в Средней Азии. Всех их здесь нет. Но главное даже не в этом, а в том, что вместо описания памятников автор приводит свою их интерпретацию. Окуневские изваяния, по А.И. Мартынову – прорастающие зерна (с. 211). У неуклюжего студента это отложится в памяти. “Новые” художественные приемы – использование красной, белой и черной краски (с. 210) – к тому времени были известны уже 32 тысячи лет.

Часть IV, “Ранний железный век” (глава 15–19). Похоже, что автор все время забывает, для кого он написал учебник. Для вчерашнего школьника, который в школе археологию не изучал. А всякие “закономерности и особенности” – это для тех, кто уже знает в целом, что такое ранний железный век, и теперь можно говорить об его закономерностях и особенностях на занятиях по специализации на старших курсах.

С первых же строк (с. 221–224) встречаются “новости”. В Южной Сибири железо узнали “лишь в III–II вв. до н.э.” (с. 221). Опять спутаны века с тысячелетиями? При раскопках в долине Енисея был найден бронзовый браслет с вставками из метеоритного железа (III тыс. до н.э.). “Железо в состоянии ржавчины в основном использовалось в древности” и кусочки ржавчины загружали в печь (с. 222). Без комментариев!

“Латены” и “гетадаки” – древние племена (с. 224). La Tène – это место на берегу оз. Невшаталь (Швейцария), по которому названа латенская культура, а “гетадаки” – это два разных народа: геты (северо-восток Фракии) и даки (тоже Фракия, но южная). Далее – суждение, удивительное не только для студента, но и для специалиста. Речь идет о европейских (Гальштат D) и азиатских (Индия и Китай) культурах: “Таким образом, соприкасались мир исторический и мир археологический Европы и Азии в раннем железном веке. Почему тогда такое разделение? Очень просто: в одних случаях, там, где была развита цивилизация и письменные источники позволя-

ют представить ход событий, мы имеем дело с историей; на остальной территории Евразии основным источником знаний являются археологические материалы” (с. 224). Но ведь сам автор утверждает, что была степная “цивилизация” скифов и саков. Так была или нет?

Казалось бы, этой темой автор занимается всю свою научную жизнь и не должен был бы допускать ошибок и несуровностей. Названий (греческих, персидских и китайских) скифо-сакских племен известно намного больше, чем три, приведенные на с. 225. Через девять страниц автор, противореча сам себе, перечисляет несколько греческих названий скифских племен. А еще дальше (с. 247) появляются и имена племен саков – азиатских скифов по Геродоту. Учебник – не место для пропаганды никем не признаваемых авторских исторических концепций “степной цивилизации” и “скифо-сибирского культурно-исторического единства”. Обе идеи А.И. Мартынова были сформулированы в 1979 г. и на том уровне остались; почти никто из ведущих специалистов их не разделяет. При упоминании гипотезы М.П. Грязнова о полицентрическом происхождении скифских культур ни слова не сказано о значении раскопок Аржана I для хронологии скифских памятников и о том, что их распространение шло не с запада на восток, как это считалось много лет, а в обратном направлении.

Приведенное на с. 236 объяснение изображений на кубке из Куль-Обы давно устарело. Автор не знает намного более правдоподобной интерпретации (этногенетическая легенда, Д.С. Раевский), которая давно опубликована, и уже почти 30 лет ее пересказывают все эрмитажные экскурсоводы в Золотой Кладовой.

В главе 19 (с. 293–303) на неуклюжего первокурсника обрушиваются торжественно-непонятные фразы. “Материализованная часть духовной культуры скифской эпохи или скифо-сибирского мира дошла до нас как духовный эстетический элемент археологической культуры” (с. 293). Но через четыре страницы: искусство скифов “не было собственно искусством по своему назначению и эстетическому замыслу, хотя оно представлено высокохудожественными произведениями, обладает определенным стилем изображения и определенными повторяющимися сюжетами” (с. 298).

Непонятно, на чем основана попытка разделить историю изучения скифского искусства на “искусствоведческий” (до конца 60-х годов XX в.) и “семантический” (современный) этапы. И вообще, уместно ли такое членение? Столь же туманны рассуждения об оленных камнях как части скифо-сибирского искусства. Практически все специалисты считают их памятниками конца эпохи бронзы и частью субстрата, на котором формировался ранний звериный стиль. Заклинательными по форме и неясными по содержанию являются такие фразы, как: “по законам тождества макро- и микрокосмоса сцена борьбы воспринималась как символ весеннего возрождения и как царская эмблема власти” (с. 303).

Часть V, Археология древних государств Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Главы 20–23 (с. 307–343) посвящены самым интересным страницам археологии России. При желании материал можно было подать ярко и увлекательно. Но, увы, на все про все 36 страниц, а случайный набор материала не раскрывает всего величия этих памятников. Диссонанс усиливается, если сравнить эти главы с частями II и III с их бесконечными перечислениями на протяжении полутора страниц невнятных археологических культур, которые могут только вызвать в сознании студента первого курса неприятие археологии как науки в целом.

Глава 20 о Кавказе в общем производит благоприятное впечатление. Но это пересказ книги А.Л. Монгайта (1955), а ре-

зультатов исследований армянских и грузинских коллег за последние 50 лет здесь нет совершенно. Но и те данные, которые приводятся, не устояли перед небрежным отношением автора. На первый взгляд, это мелочи, но именно потому, что археолог не упускает из поля зрения никаких мелочей, Б.Б. Пиотровскому удалось до деталей восстановить картину штурма крепости Тейшебаини кочевниками, вплоть до определения того, что нападение случилось ночью в первой половине августа. Такой материал больше всего подходит для учебника, однако почему-то он опущен. Аргиштихинили был построен не на правом (с. 308), а на левом берегу Аракса. В тексте клинописной надписи из Арин-Берда (Эребуни) допущены ошибки в именах, названиях и пунктуации. Храм Гарни был построен не в греческом (с. 311), а в греко-римском стиле. Описание древнего города Армази нельзя отрывать от Мцхеты и Самтавро примерно так же, как нельзя отрывать Московский Кремль и Новодевичье кладбище от Москвы. Плохо сочетается с высокими научными званиями автора фраза о том, что жители древней “Иберии, особенно среди знати, почитали иранскую богиню Митру” (с. 313). Выше (с. 185) мандала Ригведы стала мужского рода, а здесь бог Митра стал женщиной. Южные районы современного Азербайджана не находились под влиянием Мидии (с. 314), а просто входили в состав Мидии до ее разгрома персами. Глава 20 посвящена раннему железному веку, т.е. до V в. до н.э., но в ряде случаев речь идет о памятниках римского времени и раннего средневековья (сасаниды, раннее христианство, с. 315).

То же произошло и с памятниками античного Причерноморья (глава 21, с. 316–328), на примерах которых можно было бы пробудить у студентов интерес к своей науке. В который раз при чтении этого учебника убеждаешься, что автор создавал его не для студентов, а для каких-то других целей. “Недалеко от Пантикапея находились колонии” (с. 316). Чьи? Пантикапея? Или греков? Но представление о причерноморских городах как о греческих колониях давно устарело. Даже понятие “периферия” античного мира, не говоря о “колониях”, уже не принимается специалистами. Автору следовало до конца дочитать ту самую книгу, откуда он позаимствовал без ссылок описания памятников и иллюстрации (Античные государства Северного Причерноморья, 1984).

Во всей главе доминирует марксистская терминология (классы, рабовладение и т.п.). В этом нет ничего плохого, но в других своих публикациях и в данном учебнике (с. 14 и др.) А.И. Мартынов ее жестко критикует.

Раздел “Города Боспора” по большей части исторический, а не археологический, хотя имена боспорских царей стали известны только по монетам, найденным при раскопках. Наиболее интересные находки последних трех-четырех десятилетий в Пантикапее, Нимфее, Фанагории не нашли отражения в этой главе. Типы античных сосудов (с. 317), фрагментарно, без ссылки заимствованные из вышеупомянутой книги, даже при переписывании не избежали искажений. А там, где автор упоминает археологические памятники, как всегда, много путаницы. Царский курган не в Пантикапее, а в стороне, у Ново-Карантинного шоссе. Ближе к Пантикапею Мелек-Чесменский курган, там, где сейчас находится Керченский автовокзал, но это – не склеп с расписными стенами (с. 319). Думается, что не каждый вчерашний школьник знает, что такое стригиль (с. 319), но тщетно он будет искать объяснение этого слова в “Приложении 3”.

Хорошо известный всем историкам и археологам выдающийся исследователь античности чл.-корр. РАН Б.В. Фармаковский превратился в Фармалевского (с. 323). Сенсационную находку в Нимфее, сделанную уже около 30 лет тому назад, –

фрески с изображением египетского корабля “Изида” – автор не удостоил своим вниманием.

Ольвия была основана не в IV (с. 322), а в VI в. до н.э. В IV в. до н.э., по А.И. Мартынову, в результате нападения готов, а потом гуннов город пришел в запустение. Получается, что в одном и том же веке Ольвия была основана и тут же пришла в запустение. Раздел о Херсонесе списан у Д.Б. Шелова без ссылок, но не буквально, так, что это – не прямой плагиат. Однако автора выдает фраза о поклонении богине Деве. Д.Б. Шелов писал для профессионалов, и было ясно, что имеется в виду Дева-Парфенос (таврская богиня). Если уж берется в кавычки текст известной херсонесской присяги в переводе С.А. Жебелева, то его нельзя перевирать. А если это другой перевод (возможно, самого А.И. Мартынова?), его авторство нужно указать.

В главах об археологии Средней Азии (главы 22, 23, с. 328–344) повторяется странная особенность: яркий, выигрышный материал излагается на трех, шести или десяти страницах, а менее значимый – на двадцати и более. Из всех десяти страниц главы 22 первые четыре посвящены не археологии, а истории Великого шелкового пути.

При описании Афрасиаба приводятся старые данные. Раскопки Тали-Барзу проводились в 40–50-х годах XX в. Ничего не говорится о работах М.Е. Массона по исторической топографии города, а также об успешных исследованиях последних лет французско-узбекской экспедиции под руководством Ф. Грене. О Бактрии как об историко-географическом регионе можно говорить не с VIII в. до н.э. (с. 334), а со II тыс. до н.э. Но если речь идет о Греко-Бактрийском царстве, в состав которого входили юг Средней Азии и современный Афганистан, то это – эллинистическое время, т.е. III в. до н.э.

Две полные страницы посвящены Нисе, но только одна строчка – знаменитым ритонам. Непонятно, почему они стали “наглядным примером соединения художественных стилей” (с. 337). Каких? Отмечено, что из них были вынуты драгоценные камни, но ни слова нет о блестящей работе Поля Бернара (иностранного члена РАН) по идентификации фигурок греческих поэтов (Гесиода, Сапфо, Коринны и др.), вырезанных на одном из ритонов. То же относится и к парфянскому архиву на остраконах, дешифрованных, прочтенных и опубликованных И.М. Дьяконовым и В.А. Лившицем.

Глава 25, “Археологические памятники этногенеза и культурогенеза славян” (с. 373–392). Это один из самых важных разделов археологии России. Для справки: в учебнике А.В. Арциховского этой теме уделено 70 страниц из 275, т.е. 25% общего объема, в учебнике Д.А. Авдусина – почти 100 из 334, т.е. 29%. У А.М. Мартынова – 41 страница из 447, т.е. 9%. Но не это главное.

“Протославянские культуры”. Подразумевается, что археологические культуры связаны с этносами. Такая точка зрения есть (А.Л. Монгайт и др.), но она спорна. Какие культуры? “Восточные славяне”. Здесь противоречие с таблицей на с. 374, где чехи отнесены к западным славянам, а пражская культура или, точнее, культура Прага-Корчак – к восточнославянским. Не указан источник дат и славянских этнонимов на с. 386, 387.

Фраза “так называемой норманнской теории” (с. 394) – тоже уровень конца 40-х – начала 50-х годов XX в., времени “борьбы с космополитизмом”. Не случайно в списке литературы нет ни одной работы, вышедшей за последние 20 лет. Сейчас существуют более правдоподобные версии “норманнской теории”.

Глава 27, “Археология средневековых финно-угров, балтов, тюрков и других этносов середины I – начала II тысячелетия н.э.” (с. 396–412). Данная глава, где “в одном флаконе” преподносится некая смесь археологии с этнографией, вызывает странное впечатление. С одной стороны, известны этнонимы, известна принадлежность к тем или иным (совершенно разным) языкам. И тогда это, скорее всего, этнография. Но в таком случае почему не объясняется, как тюркский этноним Болгария дал имя славянскому народу и славянской стране на Балканах. Описываются погребальные памятники, характеризуется инвентарь, представлены результаты раскопок средневековых поселений и жилищ у разных этносов. Вроде бы археология. Но при сравнении данной главы с соответствующими разделами учебников А.В. Арциховского, Д.А. Авдусина и особенно с учебным пособием по этнической истории В.Я. Петрухина и Д.С. Раевского становятся очевидными ее недостатки: для первокурсников она перенасыщена названиями культур, а для студентов-археологов старших курсов недостаточна.

Глава 28, “Археологические и архитектурные памятники древнерусских городов” (с. 412–434). В этой главе пересказаны разделы из тома “Археология СССР”. “Древняя Русь. Город, замок, село”. Несколько преувеличена роль Б.А. Рыбакова, которому не очень везло при раскопках. При этом не упоминаются ни А.В. Арциховский и В.Л. Янин (Новгород), ни М.К. Каргер (Новгород и Киев), ни Н.Н. Воронин (Москва, Владимир, Суздаль), ни А.Л. Монгайт (Старая Рязань), ни ряд других исследователей древнерусских городов. К сожалению, при пересказе не обошлось без “ляпов”.

“В городах Древней Руси возникла и получила распространение письменность” (с. 417), т.е. не в Шумере и не в IV тыс. до н.э. возникла письменность, а в городах Древней Руси. Вместе с тем ни слова не сказано о Кирилле и Мефодии. Впрочем, это, а также неверные даты крещения Руси, создания Императорской Археологической Комиссии и др. можно отнести к неудачным курьезам, усмехнуться и забыть. Однако одно место уже вызывает не улыбку, а прискорбие. Автор либо не знает, либо считает не заслуживающей внимания находку в 2000 г. (т.е. за пять лет до выхода 5-го издания учебника, напомним: “переработанного”) на Троицком раскопе Новгорода Новгородской псалтири на бересте XI в. Эта книга старше Остромирова Евангелия.

Иллюстрации. Учебник археологии без иллюстраций немислим. В рецензируемом издании их много. Это очень хорошо. Правда, они не пронумерованы и отсылки на них в тексте нет, а для учебника это необходимо. Почти все иллюстрации заимствованы из публикаций других авторов. Во многих случаях это легко определяется, и в этом нет ничего предосудительного, если приводится ссылка на источник. Но такие ссылки встречаются редко, и остается загадкой правило, по которому автор в одних случаях ссылается на источник, а в других умалчивает о нем. Некоторые ссылки получились если не искаженными, то невнятными. В списках литературы не приводятся книги или статьи авторов, на которые сделаны ссылки в подписях. Например, в подписи к рис. на с. 17 “Схема процесса археологизации... (по Бриан и Фаган)” все напутано. Иллюстрация взята из американского учебника (Fagan, DeCorse, 2005). Это широко известный учебник, выдержавший 11 изданий. Русский перевод вышел в 2007 г., так что скорее всего рисунок взят из оригинала. Но “Бриан” (точнее, Брайан) – это имя, а Фаган – фамилия первого автора, а второй автор Кристофер ДеКорс из ссылки вообще выпал. И рисунок в оригинале (Fagan, DeCorse, 2005. Р. 168) иллюстрирует не “археологизацию”, а процесс отложения культурных слоев и образования стратиграфии. Примерно так

же обстоят дела и с другими черно-белыми иллюстрациями, перечислять которые здесь нет смысла.

В высшей степени похвально включение в учебник серии цветных иллюстраций хорошего качества. Но, увы, и здесь не обошлось без ошибок, иногда грубых, а также искажений. Иллюстрации не пронумерованы, их связь с текстом, что для учебника обязательно, неясна, поэтому они остаются только немым украшением. В тексте книги, иллюстрациях и приложениях я насчитал около 200 фактических ошибок, искажений названий памятников, имен исследователей, грамматических и стилистических ошибок. Большинство из них в текст данной рецензии не вошли, кроме отдельных, приведенных выше. Заслуживает особого упоминания подпись под фотоснимком Церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Суздале: “Софийский собор в Новгороде”. За такой “ляп” следует ставить двойку студенту 3-го курса, тем более профессору, заслуженному деятелю науки. Какой науки? Неужели археологии России?

Приложение 1. Заслуживающая похвалы попытка синхронизировать археологические памятники Евразии “в контексте мировой истории”, к сожалению, не удалась, прежде всего потому, что и минойская культура, и Шумер, и Аккад, и Индия, и т.д. – все это тоже Евразия. Получается Евразия в контексте Евразии. Египет географически относится к Африке, но культурно-исторически это та же Евразия, а не “мировая история”. Даты перепутаны. Например, минойская культура оказалась в таблице раньше Шумера.

Приложение 3. Словарь основных терминов необходим для такого учебника, но и здесь неясен принцип их подбора и объяснения, а многие наверняка неизвестные студенту 1-го курса понятия вообще не отражены в словаре.

Авторские права и научная этика. Когда публикуется какая-то реконструкция, принято указывать ее автора. То же касается и иллюстраций, если они сделаны не самим автором книги. Таблицы с изображениями античных памятников и находок были составлены для “Археологии СССР” Е.Г. Кастанаян, А.Н. Щегловым, И.Т. Кругликовой, А.И. Болтуновой и другими крупными специалистами. Иногда авторы иллюстраций упоминаются, но критерии выбора остаются неясными. Получается, что все эпохи, культуры и памятники, описанные на более чем 400 страницах, вошли в науку сами по себе, без их исследователей. Кроме нескольких упоминаний (с. 46–52) ученых XVIII – начала XX в., шести академиков и двух членов-корреспондентов АН СССР/РАН, в учебнике нет имен археологов, чьим тяжелым трудом была создана советская и российская археология.

Подводя итог рассмотрению этого фундаментального по объему труда, можно сказать многое. Самое главное состоит в том, что он создан не для студентов. Учиться по нему студенту первого курса невозможно, а студентам-археологам старших курсов бесполезно. Это не значит, что А.И. Мартынову не следует писать учебники. Наоборот, было бы жалко потерять такой богатый опыт дружбы с издательством “Высшая школа”. Но должно быть обязательным предварительное обсуждение рукописи на кафедре или в любом другом профессиональном коллективе, как это принято в науке.

Учебник по основам археологии для студентов исторических специальностей крайне необходим. Но не такой. Для нового издания нужно взять за образец объем и структуру учебника А.В. Арциховского, который имеет только один недостаток: в нем нет новых открытий и направлений (их не так уж и много), сформировавшихся после ухода из жизни Артемия Владимировича. При этом необходимо тщательно проверить правильность написания имен, терминов и названий и не превышать объем в 200–220 страниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977.
 Авдусин Д.А. Основы археологии. М., 1989.
 Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1954.
 Даркевич В.П., Краснов Ю.А., Косарев М.Ф. и др. Рецензия на: А.И. Мартынов "Археология СССР" // СА. 1976. № 1.
 Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М., 1984 (Археология СССР).
 Мартынов А.И. Археология СССР. М., 1973.
 Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М., 1988.
 Кемеровский государственный университет
- Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. 2-е изд. М., 2002.
 Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.
 Монгайт А.Л. Археология в СССР. М., 1955.
 Окладников А.П. Рецензия на: А.И. Мартынов "Археология СССР" // История СССР. 1974. № 5.
 Троицкая Т.Н. Рецензия на: А.И. Мартынов "Археология СССР" // Изв. СО АН СССР. Сер. Общ. наук. 1974. Вып. 1.
 Шер Я.А. Еще об археологических источниках и "заключенной" в них информации // Археолог: детектив и мыслитель. Сб. статей, посв. 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб., 2004.
 Fagan Brian M., DeCorse Christofer R. In the Beginning. An Introduction to Archaeology. New Jersey, 2005.

Я.А. Шер

Ахундов Т.И., Махмудова В.А. ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В КАВКАЗО-ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н.э.

Баку, 2008. 198 с.

В IV тыс. до н.э. население Передней Азии и Кавказа вступило в эпоху развитого бронзового века или позднего халколита. В это время отмечается заметный прогресс в динамике родовых ремесел. Росло число поселков оседлых земледельцев и скотоводов, усложнялись их структура и архитектура. Святилища начали превращаться в храмы. Развивалось социальное устройство обществ, представленное моделями долговременных селищ, связанных с прочным стационаром земледельцев и скотоводов, а также моделями, отражающими подвижно-оседлый тип хозяйства, представленными недолговременными селищами, которые предполагали смену места обитания через некоторый промежуток времени. О сложных экономических отношениях говорят находки печатей – знаков собственности, а также распространение захоронений с элитарным характером погребальной практики и курганов, сооружаемых над захоронениями отдельных людей.

Археологи, занимающиеся Ближним и Средним Востоком, связывают рассматриваемый этап развития населения Восточной Анатолии, Месопотамии, Западного, Северо-Западного, Центрального Ирана с финалом убейдского периода (конец V тыс. до н.э.), но, главным образом, с урукским периодом в Месопотамии (IV тыс. до н.э.). Часто исследователи распространяют понятие "урукский период" на иные территории. Тогда оно представляет лишь хронологическое измерение исторической фазы у разных племен и народов. Время урукского периода в Передней Азии и на Кавказе изобилует миграциями древних племен и возникновением ярких феноменов общественного развития в рамках еще первобытной, догосударственной стадии.

Памятники Кавказа в IV тыс. до н.э. представлены несколькими археологическими феноменами. Главные из них – лейлатепинская и куро-араксская культуры на Южном Кавказе, куро-араксская культура в Дагестане и Чечне, майкопско-новосвободненская общность и древнеямная культура в Предкавказье. В рассматриваемый период также шло затухание более древних энеолитических кавказских культур, например, куль-

туры шулавери-шомутепе на Южном Кавказе и культуры напольчатой жемчужной керамики в Предкавказье.

Из всех перечисленных наименее изученной и загадочной является культура (или общность) памятников типа поселения Лейлатепе в Азербайджане и Бериклдееси в Грузии. Заслуга открытия самого поселения Лейлатепе и выделения лейлатепинской культуры принадлежит замечательному археологу Азербайджана проф., д.и.н., чл.-корр. АН Азербайджана И.Г. Нариманову. Монографические публикации, посвященные этой культуре, долго ждали, но они стали появляться лишь в начале текущего столетия (Алиев, Нариманов, 2001; Нариманов и др., 2007; Мусейбли, 2007). В них дан перечень памятников позднего энеолита Южного Кавказа, связанных с лейлатепинской культурой, и представлены основные характеристики поселения Лейлатепе. Особо значимой стала монография Н. Мусейбли о поселении Беюк Кесик с культурным слоем мощностью 1.7 м, в котором были найдены многочисленные изделия из керамики, кости, камня, металла, следы местной металлообработки, глиняные печати, погребения младенцев в сосудах (2007). В этой книге также были приведены первые радиоуглеродные даты поселения Беюк Кесик, связанные с началом IV тыс. до н.э. Поэтому при оценке современных работ по раскопкам памятников Азербайджана исследования Н. Мусейбли занимают важное место как одни из ключевых по рассматриваемому периоду.

Рецензируемая монография Т.И. Ахундова и В.А. Махмудовой является очередным шагом в издании древностей лейлатепинской культуры. В ней представлены обобщающие материалы по уже известным поселенческим памятникам и новым погребальным комплексам степной части Мильско-Карабахской степи Азербайджана. Перечень бытовых памятников включает поселения Лейлатепе, Абдал Азизтепе, Чинартепе, Велибейтепе, Адсызтепе, Аликемектепеси, Мишарчай VI, Алхантепе, Беюк Кесик, Аглы Дереве, Пойлу. Погребальные памятники отражены курганами в Учтепе, курганами № 1 и 2 у с. Тельманкед, курганами № 1 и 2 у с. Кюдурлу, курганом у

с. Дюбенди, курганом у с. Свидляр, курганами 1, 2, 3а, 3в, 3с, 3д, 5, 6 у с. Союг Булаг 2005 и 2006 гг. раскопок.

Если о бытовых комплексах лейлатепинской культуры в литературе уже упоминалось не раз, то свodka ее подкурганных захоронений приводится впервые. Авторы книги отмечают, что для них характерны два принципа обустройства могильного пространства. Первый – в грунтовых ямах-камерах, второй – на площадке древней дневной поверхности. Стенки ям обкладывались сырцовым кирпичом, скрепленным раствором из желтой глины. Использовался и глинобитный кирпич. Сверху ямы закрывались деревянными настилами, землей и камнем. Камни выкладывались в определенном порядке, образуя невысокие насыпи, окруженные выложенными на поверхности земли кромlechами.

Погребальные площадки на поверхности земли были околтурены незначительными каменными развалами или выкладками, слегка заглубленными внутрь. Авторы предполагают, что площадки были первоначально околтурены камышово-турлунными стенами и опоясаны кромlechами. В курганах 1 и 6 2006 г. в Союг Булаге с камерой и площадкой имелись жертвенные ямы. Жертвенники также открыты в курганах Кюдурлу и Кавтусхеви, где округлые площадки были вымощены камнем.

Особенно интересен курган в Кюдурлу. Он имеет серповидную выкладку из камней, как курган 1 у с. Кишпек со знаменитой гробницей. Такое сопоставление Т.А. Ахундова и В.А. Махмудовой верно. Надо только добавить, что серповидные выкладки из глины и камня помимо Кишпекского кургана встречены в кургане 3 у с. Брут и сунженских курганах в Северной Осетии (Корневский, 2004).

В итоге авторы приходят к выводу о единстве структуры устройства южнокавказских погребальных памятников в Кюдурлу, Кавтусхеви, Союг Булаге и майкопского кургана у с. Кишпек (долинский вариант МНО. – С.К.). Здесь необходимо заметить, что близость признаков обустройства могил союг-булагских курганов с майкопской погребальной традицией неполная. Если майкопцы употребляли для обкладки стен камень, дерево, пасту (глину), то в восточнокавказских памятниках встречается обкладка из глинобита и сырца. Здесь явно обыгрывается одна идея прикрытия земляной вертикальной стенки могилы прослойкой из разных материалов, но в разных вариантах локальных обрядов.

Следующий раздел монографии содержит характеристику материалов из рассматриваемых памятников. В нем авторами систематизируются данные по керамике, которая делится на “качественную” и “грубую”. В рамках этих понятий выделяются типы посуды. Таковы “кюпы”, очень крупные сосуды. Их еще называют пифосами. Далее отмечаются кувшины, сосуд-баллон, сосуды с носиком, двугорлые сосуды, “тазики”, чаши, бокаловидные чаши, котлы. Донья сосудов круглые и плоские, встречены днища с поддоном. Качественная керамика изготавливалась без использования минеральных примесей, с применением поворотных устройств. Грубая керамика с минеральными примесями также представлена “кюпами”, кувшинами, горшками, чашами, котлами, цедилками, чашами с отверстиями, жаровнями, плоскими чашами. Аналогии ряду форм авторы видят в посуде из слоев VII и VIA восточно-анатолийского поселения Арслантепе.

Очень интересны встреченные фрагменты расписной керамики. Роспись наносилась преимущественно на “качественную” керамику черной, реже красной или желтой краской. Формы сосудов с расписными орнаментами пока неизвестны. Помимо сосудов керамические изделия лейлатепинской культуры представлены глиняными дисками, скребками, “гвоздями”,

серпами, пряслицами. Все найденные сосуды не имеют ручек, но сосуды с ручками все же были. О чем свидетельствуют находки двух ручек.

Особый раздел посвящен описанию знаков на керамике. Они делались отпечатком пальца, прочерком. Знаки наносились по сырой глине до обжига. Посуда со знаками найдена в Лейлатепе, Беюк Кесик, Пойлу, Алхантепе, Союг Булаге. Аналогии знакам лейлатепинской культуры связаны с Арслантепе VII и майкопской культурой (точнее, с ее галюгаевско-серегинским вариантом. – С.К.).

Далее в тексте упоминаются фигурки животных и человека из глины. Важными находками стали две глиняные печати с изображениями животных из поселения Беюк Кесик (Мусейбли, 2007). Близкие им печати найдены в Тепе Гавра XII–X и Арслантепе VII, как пишут авторы (Ахундов, Махмудова, 2008; Мусейбли, 2007). Печати на поселении – вещи знаковые, показатель развития специфических экономических отношений и прав собственности. Они позволяют отнести лейлатепинскую культуру к периферии обширной области культур и протогородских центров Ближнего, Среднего Востока, Индии, в которых печати стали неотъемлемой чертой становления будущей государственности. Но пока это “первые ласточки”, свидетельствующие о таком ходе исторического процесса на Южном Кавказе.

В подобном контексте становится понятна и находка “гаврской” печати в майкопском кургане у г. Красногвардейска А.А. Нехаевым. Скорее всего, то было следствием культурных контактов майкопцев со своими партнерами по дарообмену на Южном Кавказе, где категория печатей появилась во времена культуры Лейлатепе. В Передней Азии печати были известны существенно ранее.

Предметы из кости, приведенные в рецензируемой работе, включают булавки и проколки (с. 160). Они найдены на поселении Беюк Кесик (Мусейбли, 2007). Костяные булавки любопытны. Некоторые из них сделаны в виде прямого стержня с расширяющейся в лопаточку головкой. В одной булавке имеется круглое отверстие. Аналогии им есть в памятниках майкопской культуры. Такова костяная булавка с отверстием из погребения 1 кургана 1 на р. Кудахурт (Корневский и др., 2008. С. 147. Рис. 8, 9). Булавки с треугольной головкой, но более тщательно отделанные, известны из Усть-Джегутинского могильника и на поселении Арслантепе, как ранее показал Р.М. Мунчаев (1994).

Металлические изделия представлены двумя кинжалами бесчеренкового типа из кургана 6 2005 г. и кургана 1 2006 г. В Беюк Кесик (Мусейбли, 2007) найден клинок с отверстием в рукоятке. Т.И. Ахундов пишет, что кинжалы “без черенка” находят аналогии в памятниках майкопской культуры, другие кинжалы похожи на клинки из Арслантепе VIA. В кургане у Тельманкенда найдены два наконечника (копья и дротика) с прямым стержнем и два плоских тесла. Копья, как полагают авторы, находят параллели в кургане 2 у ст. Новосвободной. Аналогии теслам широки, но это явно орудия “майкопских” стандартов. На поселении Лейлатепе выявлен штык длиной 16,2 см. На поселениях Лейлатепе и Беюк Кесик обнаружены бронзовые шилья. Одно шило найдено даже в металлическом футляре.

Отдельный раздел монографии посвящен древней металлургии лейлатепинской культуры. Отмечено, что помимо бронзовых предметов на поселении Лейлатепе были найдены два медных бруска-слитка. В составе одного из них содержание никеля достигает 0,55%. В одном из жилищ Лейлатепе были найдены металлургические медные шлаки, куски глины, обрызганной каплями металла. Это явно доказывает наличие локальной металлообработки (выплавки) изделий на поселе-

нии Лейлатепе (с. 65). Похожие медные бруски-слитки найдены также на поселении Беюк Кесик. Вместе с ними здесь были выявлены обломок изделия – плоского тесла, формы для отливки орудия ударного действия, а также створка формы для отливки втульчатого топора (Мусейбли, 2007. С. 172. Рис. 13, 2–4; С. 175. Рис. 16, 6, 8).

Химический состав изделий, капель металла на поселениях лейлатепинской культуры зафиксирован анализами с поселений Беюк Кесик, Лейлатепе и из курганов в Союг Булаге (Мусейбли, 2007. С. 140, 141). Изделия из сплавов на медной основе с повышенным содержанием мышьяка от 0.58 до 2% отмечены на поселении Лейлатепе. Здесь также найдены шлаки. Анализ одного из них показал содержание мышьяка до 7.2% (Алиев, Нариманов, 2001. С. 135).

Это позволяет авторам рецензируемой монографии думать об использовании древними металлургами медно-рудного конгломерата с высоким содержанием мышьяковых минералов. Почва для такой гипотезы есть. Т.А. Ахундов и В.А. Махмудова обращают внимание читателей на известное в Азербайджане биттибулагское медно-мышьяковое месторождение. В его руде содержание мышьяка достигает 18% (с. 66). На мой взгляд, теоретически возможен и другой вариант, связанный с использованием сырья из медной руды с присадками мышьяковых минералов. Как было на самом деле – сложный вопрос.

Очень интересны анализы, отражающие повышенное содержание в металле на медной основе никеля. Так, никель в сплавах на медной основе может составлять от 0.46–0.67 до 1.1–1.48%. Т.А. Ахундов и В.А. Махмудова правильно сопоставляют эти результаты с мышьяково-никелевыми бронзами майкопской культуры и мышьяково-никелевыми бронзами восточно-анатолийского памятника Арслантепе.

Пока анализов металлических изделий культуры Лейлатепе немного. Авторы монографии приводят 27 результатов анализа количественного состава металла из разных ее памятников, таких, как поселение Лейлатепе, курган в Тельманкенде (с. 152). Вместе с коллекцией из Беюк Кесик и 4 анализами с поселения Техут в Армении (Геворкян, 1980. С. 103) их общее число составляет 46. Среди них есть явно мышьяковые бронзы с содержанием мышьяка около 4%, изделия с низким содержанием мышьяка от 0.3 до 1% и вообще медные вещи с содержанием мышьяка меньше 0.3%.

Можно ли по этим данным говорить, что культура Лейлатепе принадлежит к эпохе неолита, а не раннему периоду бронзового века? Здесь возникает вопрос о содержании самих понятий “энеолит”, “халколит” и “бронзовый век”, а также о традиции их использования. В конкретном случае с южнокавказскими памятниками культуры Лейлатепе налицо изделия с повышенным содержанием мышьяка (от 1 до 4%) и медные вещи, в том числе даже клинковое оружие – кинжал из Беюк Кесик (Мусейбли, 2007. С. 141). Как они будут определять понятия “энеолит” и “ранний бронзовый век”? Для Кавказа это тема общих рассуждений. Здесь нет такого явления, как энеолит Дунайского бассейна с обилием тяжелых орудий из меди. Точнее, можно констатировать особый медно-мышьяковый этап металлообработки и металлургии для лейлатепинской культуры, похожий на ступень развития металлопроизводства куро-араксской культуры¹ (Геворкян, 1980.

С. 104–106) и майкопско-новосвободненской общности, в основном связанных с мышьяковыми и мышьяково-никелевыми бронзами.

Крайне любопытны украшения лейлатепинской культуры из союг-булагского кургана 1 2006 г. Прежде всего это бусы (биконические или в виде шайб) и кулон из золота. Помимо золотых найдены одна бусина из лазурита и несколько – из серебра и пасты. Есть сложносоставные бусы. Они сделаны как вставки бусины из пасты в серебряную бусину или пастовая бусина обкладывалась золотом. Как категория отмечены височные серебряные (?) кольца в один и полтора оборота, даже одно кольцо с надетой на него сердоликовой бусиной.

Сделан химический анализ пяти бусин. Среди них есть экземпляр с содержанием золота 86%, серебра 9.12% и меди 1.3%. Это типичное самородное золото. Такой же состав зафиксирован и, у майкопских ювелирных изделий (Кореневский и др., 2008. С. 129). Есть бусина с содержанием золота 41%, серебра 50% и меди более 5%, т.е. из естественного сплава – электрума, также известного в среде майкопской культуры. Две бусины имеют содержание серебра до 30% с пониженным содержанием золота и меди, отражающее своеобразие рудных источников. Серебряная подвеска – кольцо с сердоликовым камешком – вновь показывает направление аналогий в сторону майкопской культуры, у носителей которой это было одно из характерных украшений (Кореневский и др., 2008. С. 147. Рис. 8, 7–10). А вот в других памятниках начала урукского периода параллели союг-булагской находке привести трудно.

Лазуритовая бусина союг-булагского кургана свидетельствует о дальних связях древнейших обитателей Куринской низменности Азербайджана, протянувшихся за тысячи километров на восток, вплоть до Бадахшанского месторождения в Афганистане. В комплексах майкопской культуры лазурит редок. Достоверно он есть в погребении 3 кургана 1 на р. Кудакхурт в Балкарии. В этой аналогии авторы монографии правы. Более того, совпадает и уникальная манера вставлять одну бусину в другую, которая отмечена в союг-булагских украшениях и бусах из погребения 3 кургана 1 на р. Кудакхурт. В последнем случае в лазуритовые бусы были вставлены золотые шайбы. Совпадает с майкопской традицией и тип украшений в виде серебряной височной подвески с сердоликовой бусинкой. Именно такая вещь найдена в погребении 1 кургана 1 на р. Кудакхурт (Кореневский и др., 2008; Кореневский, 2008). Таким образом, находки первых ювелирных изделий в комплексе кургана 1 2006 г. у с. Союг Булаг указывают на причастность оставившего его населения к традициям майкопской культуры и к обмену лазуритом, который начался в конце убейдского – начале урукского периода (финал V тыс. до н.э. – начало IV тыс. до н.э.) и уже фиксировался в верхней Месопотамии (Тепе Гавра XIII, но в основном Тепе Гавра XII–IX). В любом случае эти находки вместе с украшениями из лазурита в майкопском погребении кургана 1 Кудакхурт отражают принципиально новую ветвь культурных контактов по распространению лазурита на Древнем Востоке. Эта ветвь связей вела из Афганистана и Ирана в Азербайджан и далее в Предкавказье к племенам майкопской культуры. Шел ли лазурит на Южный Кавказ из верхней Месопотамии или непосредственно из Ирана – вопрос открыт. Главное другое: носители майкопской и лейлатепинской культур на Кавказе и культуры севера Месопотамии стали в это время партнерами далеких афганских племен. Они вместе создали своеобразный лазуритовый путь и “рынок” дальнего, возможно, транзитного дарообмена одним из самых престижных украшений для элиты разных народов будущих протогородских центров и ареала культур с печатями Востока.

¹ В составе мышьякового металла вещей Приереванского клада наблюдается повышенное содержание никеля от 0.2 до 0.7% (Геворкян, 1980. С. 106), но это еще ничего не говорит о его идентичности майкопским мышьяково-никелевым бронзам, а, скорее, отражает некое подобие сырья или традиции отливки изделий.

Принципиально важными находками в кургане Тельманкенда и в кургане 1 Союг Булага 2006 г. являются каменные зооморфные скипетры со стержневидными рукоятками и изображениями голов животных на одном конце. Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова представили в монографии подборку из трех скипетров из Азербайджана. Они трактуют головы животных как головы двух львов и двух коней. В последних двух случаях я бы был более острожен и определял их как головы копытных животных. Вместе с тем авторы монографии справедливо сопоставляют скипетры Азербайджана с находкой стержневидного скипетра из кургана III в Си Гирдани (юго-запад оз. Урмия, Иран). А вот аналогий им в контексте энеолитических скипетров-вставок юга Восточной Европы нет. Т.А. Ахундов и В.А. Махмудова, отмечая это, совершенно правы. Нет им аналогий и среди материалов майкопско-новосвободненской общности². Здесь с ними лишь относительно могут быть сопоставлены так называемые каменные оселки округлой формы. Поразительно другое. В майкопских комплексах каменный стержень-“оселок” является самым частым спутником бесчеренкового кинжала. В кургане 1 Союг Булага 2006 г. скипетр найден также вместе с кинжалом бесчеренковой формы. В таком сочетании вещей явно обыгрывается одна и та же “погребальная идея” помещения в могилу кинжала и рядом с ним каменного стержня.

Среди других каменных орудий лейлатепинской культуры отмечены зернотерки, песты, булыжники с заостренным концом (плоские топоры или тесла?), ступки, колесо-диск, пряслица. Дважды найдены наверхия каменных булав. А вот категория каменных топоров с отверстием прослеживается плохо. Так же плохо эта категория оружия фиксируется в комплексах майкопской культуры.

Предметы из кремня представлены вкладышами серпов, скребками, стамесками, комбинированными орудиями. Есть находки из обсидиана. Они часты в Лейлатепе и редки на поселении Беюк Кесик. Наконечники стрел известны по двум находками из Беюк Кесик. Они имеют прямое основание.

В заключение следует отметить интересную находку Т.И. Ахундова в фондах Масалинского краеведческого музея. Это два глиняных предмета в виде усеченных пирамидок, которые связывают с категориями так называемых майкопских конусов. Оба изделия снабжены наколами. Ближайшие аналогии им известны на Галюгаевском поселении майкопской культуры, хотя конусы майкопской культуры имеют сквозное отверстие, а конусы из Азербайджана – нет.

Вся интрига, связанная с этими находками, заключается в том, что глиняные конусы – характерный атрибут быта племен майкопской культуры. На поселениях культуры Лейлатепе в Азербайджане пока не найдено ни одного такого предмета. Глиняные конусы есть в слое V Бериклдеби (Кореневский, 2004. С. 235. Рис. 118, 1–5). Что означают опубликованные конусы из Азербайджана? Зарождение и производство этой категории вещей в кругу племен лейлатепинской культуры или следы рейдов майкопцев на юг? Трудно сказать. Но факт есть факт. Похожие на майкопские предметы встречены в ареале памятников культуры Лейлатепе в Куринской низменности.

Итог работы отражает заключительный раздел, названный “Этнокультурная принадлежность и хронологическое место описанных памятников”. Начиная его характеристику, я бы полностью согласился с Т.И. Ахундовым и В.А. Махмудовой в том, что мы в настоящее время лишь перешагнули порог

первичного знания о блестящей культуре Лейлатепе. Поэтому многие ее проблемы еще остаются совершенно открытыми. Прежде всего, это ее ареал, хронология и характеристика ее бытовых и погребальных памятников. Общую картину культуры трудно представить без монографического ввода в научный оборот поселения Бериклдеби и иных материалов, близких к культуре Лейлатепе и майкопско-новосвободненской общности, найденных в Грузии и Армении.

Далее, определенные проблемы существуют в выборе терминологии для описания всех культур раннего периода бронзового века. Не секрет, что в российской литературе, посвященной бронзовому веку, ранее выделенные культуры то превращаются в общности с локальными вариантами под давлением вновь накопившегося материала, то просто распадаются на отдельные группы или субкультуры. Большую роль в последнем процессе играет желание авторов приспособить терминологию “культурообразования” к решению вопроса о происхождении носителей культур или выделить свою культуру еще раз под другим названием на месте старой, уже выделенной.

Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова предлагают свой подход (ранее он был обозначен Т.И. Ахундовым (2007. С. 61–64)). Понятие “археологическая культура” исследователи совмещают с понятием “традиция”, например, лейлатепинская традиция, майкопская традиция, куро-араксская традиция. Однако здесь есть один филологический момент, требующий пояснения. В русском языке иностранное слово “традиция” всегда подразумевает определение: традиция чего? Например, традиция изготовления керамики, традиция погребального обряда, традиция положения вещей в угол могилы и т.п. Если слово “традиция” использовать с такими пояснениями, то можно получить неплохие определения. Например, традиция использования керамики со знаками, общая для культуры Лейлатепе, восточно-анатолийского поселения Арслантепе VII и майкопской культуры (точнее, ее галюгаевско-серегинского варианта), традиция курганного обряда с использованием каменных кромехов и выкладок. Но эти понятия не будут означать тождества культуры всех древних людей, носителей археологических культур, использующих такую знаковую керамику и курганный обряд. Поэтому я бы оставил прежние названия: лейлатепинская культура³ (общность), куро-араксская культура (общность), майкопская культура (майкопско-новосвободненская общность), употребляя слово “традиция” лишь

³ Понятие “археологическая культура” можно сформулировать как “совокупность памятников, объединенных комплексом особых диагностических признаков быта, материального производства, культа, который отделяет их от иных одновременных групп памятников”. Понятию “археологическая культура” близко понятие “общность археологических памятников”. Общность памятников предполагает также наличие диагностических признаков, отделяющих ее от иных общностей. Например, куро-араксская культура (общность) имеет свои отличия от синхронной ей майкопской культуры (или майкопско-новосвободненской общности). Как правило, общность имеет деление на варианты или группы памятников, обладающие своими локальными чертами. В отношении изучения происхождения явления есть тенденция рассматривать феномен “культура” как явление, имеющее происхождение из одного источника. Понятие “общность” предполагает сложение ее компонентов из разных источников. В американской литературе вообще распространено понятие “комплекс памятников”, тождественное нашему понятию “культура”. В целом это удачный вариант.

² Находка каменного клювовидного молотка из майкопского кургана у г. Новопавловска, упомянутая Т.И. Ахундовым, конечно, относится к категории наверхий, но иного типа.

конкретно, для обозначения отдельного культурного комплекса признаков. Например, традиция каменных серповидных выкладок в курганах, традиция удлиненных пеналообразных ям в курганах, традиция высококачественной керамики со знаками и т. д.

В заключительном разделе Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова поднимают очень важные вопросы для характеристики рассматриваемых памятников и всего раннего периода бронзового века Кавказа.

Первое. Они обращают внимание на то, что погребальный обряд носителей лейлатепинской культуры не ограничивался только захоронением сородичей на поселениях. В отдельных случаях наблюдаются погребения младенцев в сосудах. Где хоронили взрослое население и как его хоронили – вопрос открыт.

Второе. Связь открытых захоронений в курганах типа Союг Булага с лейлатепинской культурой, как пишут авторы, была объявлена, но не доказана, хотя она и весьма вероятна. А сам факт открытия курганов лейлатепинской культуры в Союг Булага не означает, что это самые древние курганы на Кавказе.

От себя могу сказать, что проблема возникновения курганного обряда на юге Восточной Европы, в Предкавказье и на Южном Кавказе сложна. Пока радиоуглеродные даты отдают пальму первенства памятникам степной зоны Восточной Европы, где древнейшие энеолитические курганы датируются 44–40 вв. до н.э. (время Триполья VI–BIBII) (Кореневский, 2006. С. 141–147). Для Предкавказья столь ранние радиоуглеродные даты древнейших курганов пока не опубликованы, но их глубокий возраст предполагается по аналогиям с восточноевропейскими курганами. Далее, у нас нет радиоуглеродных дат для союг-булагских курганов, которые бы были древнее памятников майкопской культуры, ранний диапазон которой находится в рамках 40–37 вв. до н.э. (Кореневский, 2004; 2008)

В конструкции курганов лейлатепинской культуры немало общих черт с погребальной практикой майкопско-новосвободненской общности. Это проявляется в использовании камня в сооружении курганов, кромлехов, традиции захоронения в ямах и на уровне поверхности земли, наличии удлиненных могильных конструкций, так называемых ям сунженского типа, встреченных в кургане Уч-тепе (Кореневский, 1993). Вопрос, насколько тесно погребальная практика рассматриваемого феномена сопоставима с майкопской погребальной традицией, требует дальнейших исследований. Ясно одно: близость есть, но она неполная. Более того, “майкопоидные” курганы встречены и южнее Аракса, в области оз. Урмия, в местечке Си Гирдан, о чем справедливо упоминают Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова.

Следует отметить еще один вопрос, который затронут в монографии Т.И. Ахундова и В.А. Махмудовой. Контакты лейлатепинской культуры с майкопской рассматриваются в ней не только как влияния с юга на север, но и наоборот, с севера на юг.

Развивая свою концепцию происхождения памятников с урукской знаковой керамикой на Кавказе, Т.И. Ахундов предлагает следующую схему. Первый (убейдо-урукский) этап распространения влияний Ближнего Востока на Кавказ связан с продвижением носителей убейдо-урукской культуры из разных пунктов Ближнего Востока в Закавказье. На втором этапе (убейдо-урукско-лейлатепинском) эта миграция (миграции) стимулировала сложение лейлатепинской культуры на Южном Кавказе. Курганный обряд погребений в то время на Южном Кавказе не было. На третьем этапе (убейдо-урукско-лейлатепинско-майкопском) носители убейдо-урукской традиции переместились на Северный Кавказ (в предгорья и равнины

Предкавказья. – С.К.), где начала складываться сугубо местная “северокавказская” майкопская культура⁴ (убейдо-урукско-лейлатепинско-майкопская, по Т.И. Ахундову, В.А. Махмудовой).

На Южном Кавказе со временем лейлатепинская культура и убейдо-урукская традиция знаковой керамики бесследно исчезают. Та же участь постигла и майкопскую культуру. В качестве одной из причин такого крушения Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова рассматривают нарушение коммуникационных связей. Прекращение контактов, по мнению авторов, могло быть следствием формирования на Южном Кавказе куро-араксской культуры, что и привело к коллапсу сообщений между закавказской периферией убейдо-урукской культуры и ее основной территорией к югу от Аракса. В связи с этим затухает жизнь сначала на лейлатепинских памятниках, затем на майкопских.

Предлагаемая схема может рассматриваться еще как довольно абстрактная. В ней не все ясно. Например, что такое убейдо-урукская культура или традиция, где конкретно находятся ее памятники южнее Аракса? Ведь там встречены памятники со слоями убейдской или урукской культур, но не убейдо-урукской.

Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова справедливо поднимают вопрос о соотношении памятников куро-араксской и лейлатепинской культур. Они отмечают отсутствие между ними связей и преемственности. Авторы монографии скептически относятся к идее заката лейлатепинской культуры под влиянием изменения природных условий. Контраргумент прост: могли же в этих условиях жить носители куро-араксской культуры.

Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова предполагают, что между концом (уходом) носителей лейлатепинской культуры и началом куро-араксской существовал временной hiatus. Однако документировать его без радиоуглеродных дат не представляется возможным.

Проблема динамики палеоклимата на Кавказе во многом еще открыта. В целом нам вместе с Е.А. Спиридоновой и другими исследователями удалось соотнести периоды энеолита и раннего бронзового века Предкавказья с этапами палеоботанической схемы Блитта–Сернандера (Спиридонова и др., 2001; Кореневский, 2004; 2005. С. 87–127). Так, было установлено, что поздний энеолит – вторая половина V тыс. до н.э. – приходится на самое жаркое и влажное время климатического оптимума Атлантического периода голоцена. IV тыс. до н.э. (урукский период) связано с длительной заключительной фазой конца Атлантического периода голоцена. Климат во время нее неоднократно колебался. В Предкавказье господствовала степная растительность. И майкопская культура была прежде всего культурой обитателей речных долин в окружении степных ландшафтов на равнине. Как обстояло дело с конкретными природными условиями в степном Азербайджане, мне трудно судить без соответствующих данных палинологии.

⁴ Понятие “майкопская культура” или “майкопско-новосвободненская общность” в настоящее время определяется как неоднородное явление в кавказской археологии, состоящее из нескольких групп, каждая из которых может иметь собственный путь сложения (Кореневский, 2004). С памятниками лейлатепинской культуры наиболее близок ее галюгаевско-серегинский вариант, распространенный в центральном и западном Предкавказье. Именно к нему и относится сам Майкопский курган. Для меня понятия “майкопская культура” в трактовке Е.И. Крупнова и “майкопско-новосвободненская общность” идентичны для обозначения феномена памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц, отмеченного еще А.А. Иессеном.

Сведения о палеоклимате культуры Лейлатепе все же имеются. По данным палеоботанических определений, приводимых Т.И. Ахундовым, ее начало связывается с пыльцой теплолюбивых и мейколюбивых растений, а финал – с пыльцой степной флоры.

Вопрос, почему в таких условиях выжили майкопцы, а не сохранились носители лейлатепинской культуры, ждет ответа в будущем. Необходимо накопить банк данных по радиоуглеродной хронологии культуры Лейлатепе, чтобы более определенно судить о ее начале, времени стабилизации и финале. Пока таких сведений немного. Ее даты в небольшом количестве есть в монографии Н. Мусейбли. Судя по ним и дате нижнего слоя Бериклдееби, время лейлатепинской культуры определяется началом IV тыс до н.э.: 40–37 вв. до н.э. (Мусейбли, 2007. С. 150). Существовала ли культура Лейлатепе раньше? Возможно, так как одна дата поселения Беюк Кесик указывает на 42 в. до н.э. А слой поселения Беюк Кесик толщиной 1.7 м свидетельствует о ее долгом существовании. Когда в рамках IV тыс. до н.э. исчезли ее памятники, пока сказать трудно.

Таким образом, чтобы ответить на многие поставленные монографией Т.И. Ахундова и В.А. Махмудовой вопросы, необходим новый виток накопления наших знаний о культуре Лейлатепе, ее памятниках, погребальном обряде и материальной культуре.

Моя точка зрения в оценке анализируемой ситуации уже публиковалась неоднократно. Проблема исследования лейлатепинской культуры имеет принципиальное значение для понимания майкопской культуры на Северном Кавказе. Ее памятники иллюстрируют появление населения с очевидными керамическими традициями, близкими к майкопским, на Южном Кавказе, на территории Куринской низменности. Эти данные подтверждают уже опубликованный тезис о том, что старт носителей будущей майкопской культуры был связан с Южным Кавказом, и переднеазиатское влияние (если под ним понимать миграции населения, трассы дарообмена, распространение качественной престижной керамики со знаками) никак не миновало Закавказье.

В этой связи следует подчеркнуть необходимость объединения усилий археологов, изучающих лейлатепинскую культуру на Южном Кавказе и близкую ей майкопскую культуру в Предкавказье. Только при взаимном обмене информацией об открытиях в изучении этих важнейших феноменов раннего бронзового века Кавказа возможно правильно рассматривать сложнейшие этапы истории его населения во второй половине Атлантического периода голоцена (т.е. в IV тыс. до н.э.), когда Кавказ стал одним из самых ярких и передовых центров развития евразийских культур предгосударственного периода.

Рецензируемая монография Т.И. Ахундова и В.А. Махмудовой вместе с недавно вышедшей монографией Н. Мусейбли “Беюк Кесик”, безусловно, способствует такому научному диалогу и иллюстрирует заинтересованным читателям весьма значимые достижения носителей лейлатепинской культуры в Азербайджане.

Институт археологии РАН, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиев Намик, Нариманов Идеал. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку, 2001.
- Ахундов Т.И. О связях майкопской традиции с Южным Кавказом и Ближним Востоком // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Махачкала, 2007.
- Ахундов Т.И., Махмудова В.А. Южный Кавказ в кавказо-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н.э. Баку, 2008.
- Геворкян А.Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980.
- Корневский С.Н. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
- Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004.
- Корневский С.Н. Ориентация культур древнейших земледельцев и скотоводов эпох энеолита – раннего бронзового века Кавказа и Подунавья в системе Блитта–Сернандера // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005.
- Корневский С.Н. Радиоуглеродные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок – Мешоко – Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Корневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хаширов А.Х. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Мусейбли Наджеф. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку, 2007.
- Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994 (Археология СССР).
- Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г. Лейлатепе. Баку, 2007.
- Спирidonova Е.А., Алешинская А.С., Корневский С.Н., Ростунов В.Л. Сравнительный анализ природной среды времени существования майкопской культуры в центральном Предкавказье (Ставропольский край, Северная Осетия–Алания) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2. М., 2001 (Археология, антропология, палеоклиматология).

С.Н. Корневский

БУДДИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ РАЙОНА КАБУЛА

Fussman G. (avec collaboration de Baba Murad et Ollivier É.). “Monuments bouddhiques de la région de Caboul (Kabul Buddhist Monuments)”. II, 1–2. Paris, 2008.

Рецензируемая книга опубликована Collège de France в серии “Publication de l’Institut de civilisation indienne” (Fascicule 76,1). Она состоит из двух частей: первая, имеющая название “Каталог и описание”, содержит основной текст исследования (р. I–IV, 1–186); вторая – иллюстративный материал (97 таблиц), библиографию, список памятников с их географическими координатами и три достаточно пространственных резюме (на английском, фарси и пашто).

Судьба данного исследования, осуществленного выдающимся французским индологом, археологом и эпиграфистом Ж. Фуссманом, достаточно примечательна. Его началом надо считать 1963 г. Тогда группа специалистов (под эгидой и на средства ЮНЕСКО) начала реставрацию буддийской ступы, расположенной в окрестностях Кабула (в местности Гул Дара). Однако вопреки обычным правилам этим работам не предшествовало археологическое обследование памятника, и тогдашний директор Департамента археологии Афганистана Ахмад Али Мотамеди обратился за помощью к руководителю DAFA Д. Шлюмберже. Последний поручил архитектору DAFA М. Ле Беру и Ж. Фуссману провести на памятнике археологические исследования, результаты которых позднее были опубликованы (Fussman, Le Bert, 1976). Рецензируемая книга является прямым продолжением этого отчета, что подчеркивается и ее названием, и нумерацией тома, хотя по некоторым причинам она не могла быть опубликована в серии MDAFA.

Авторы раскопок ступы Гул Дара очень скоро поняли, что ее историю, а также историю связанного с ней монастыря, трудно понять вне анализа ее окружения и аналогичных памятников региона. Были проведены разведки в окрестностях Кабула, направленные на поиск и фиксацию подобных объектов, прерванные в 1965 г. В 1972 г. Ж. Фуссман продолжил изучение буддийских памятников, опираясь на помощь DAFA и Института археологии Афганистана, созданного в 1967 г. Финансовые средства были предоставлены Национальным центром научных исследований Франции и Французской школой Дальнего Востока. Работы состояли в фиксации памятника на местности, его описании, фотографировании, сколь возможно более точных обмерах (их выполнял архитектор Баба Мурад, который, как подчеркивает автор рецензируемой книги, был тогда единственным архитектором Института археологии Афганистана), сборе подъемного материала. К сожалению, исследования снова были прерваны, на этот раз из-за не очень спокойной обстановки в окрестностях Кабула. Наконец, в 2007 г. Ж. Фуссман в течение двух недель находился в Кабуле и смог посетить ряд памятников, чтобы снять вопросы, возникшие у него при работе над темой, а также ознакомиться с недавними раскопками афганских археологов (в Ходжа Софа, Тепе Нарендж и Кунджакай), отчеты которых к тому времени были частично опубликованы (Paiman, 2005. Р. 24–39; 2006. Р. 24–35).

В рецензируемой работе Ж. Фуссман постарался объединить все доступные ему материалы о буддийских памятниках региона Кабула. В первую очередь исследование включает его собственные наблюдения, затем результаты иных археологических работ, наконец, свидетельства китайских пилигримов (в частности Сюань Цзяня), посещавших эти места на пути из Китая в Индию. Среди археологических материалов особое

значение имеют наблюдения Ч. Массона, сделанные в 30-е годы XIX в. (Wilson, 1841). К сожалению, не сохранилось никакой документации по раскопкам, которые проводили сотрудники Института археологии Афганистана в 80-е годы XX в. Автор монографии в этом отношении ориентируется на свои заметки, сделанные во время визита в Кабул и встречи с афганскими коллегами.

Кроме того, при работе над темой Ж. Фуссман широко использовал новые методы, предоставленные современной наукой, в частности космические снимки (системы Google Earth). В их дешифровке и анализе автору помогал Э. Оливье. Необходимо подчеркнуть, что интерпретация снимков – совершенно безукоризненная и наглядная. Вообще иллюстрации к книге выполнены на самом высоком уровне.

Помимо “Введения” монография включает ряд глав, в которых представлены описание памятников (район за районом) и их интерпретация. Первая глава носит название “Ландшафт: топографические и экономические константы”. Ж. Фуссман указывает, что рассматриваемый регион представляет собой систему горных долин, расположенных на главном торговом пути, связывавшем Индию с Туркестаном. Очень показательные сведения по данному поводу содержатся в “Бабур-наме”. Хотя долины очень плодородны, земельная площадь, годная под посевы, достаточно ограничена. В силу этого ступы и связанные с ними монастыри располагались, как правило, на склонах гор и холмов, выше орошаемых площадей, хотя вполне вероятно, что некоторые из них находились и на более низком уровне. Население времени существования изучаемых памятников было полиэтничным. Основная его часть говорила на индоарийских языках (предках современных ормури, парачи и пашай). Кроме того, проживали здесь бактрийцы, греки, люди, говорящие на средне-персидских диалектах. Позднее добавились гунны и арабы.

Следующая глава называется “Южное предгорье Кабула: общие замечания”. Автор указывает, что все наиболее известные буддийские ступы рассматриваемого региона находятся к югу от Кабула. Они достаточно четко делятся на три изолированные группы: Шеваки, Камари и Сех Топан. Самые крупные из них раскапывались Массоном и Хонигбергером в 1833 г. Опубликованный Вильсоном отчет Массона о проведенных работах является очень точным документом, несмотря на то что его автор не знал о предназначении исследуемого типа сооружений. Ж. Фуссман описывает технику их строительства. Особо он подчеркивает отличие “куполов” афганских ступ от куполов ступ Индии. В то время как индийские имели вершину в виде полусферы, кабульские – яйцевидные. Монастыри обычно в плане прямоугольные с внутренним двором.

Далее в книге следуют еще три главы, каждая из которых посвящена отдельной группе памятников: Шеваки, Камари и Сех Топан. Дополняет раздел небольшая глава 6, где описывается буддийская посвятельная колонна, которая местным населением называлась “Минар-е Чакри” (ныне разрушена). Каждая глава содержит детальные (насколько это возможно) описания памятников, анализ сопутствующего им материала и (на этой основе) их датировки. Завершается раздел главой 7, в которой подводятся итоги изучения данной группы памятников.

Ж. Фуссман указывает, что со многих точек зрения (особенности расположения, конструкции и т.д.) все рассмотренные объекты представляют собой достаточно гомогенную группу. Особое внимание автор уделяет анализу соотношения ступ с окружающими их сооружениями (всегда прямоугольными в плане). Они, как правило, делятся на две части: культовую, куда для совершения соответствующих обрядов приходили миряне близлежащего населенного пункта, и жилую, в которой жили монахи и их служители, куда, как правило, доступ мирянам был закрыт. По подсчетам Ж. Фуссмана, в монастырях этого района обитало приблизительно 300 монахов. Время их функционирования – примерно от 30 до 600 г., может быть, еще немного позднее. Большинство сооружений (возможно, даже все) перестраивались. Практически все ступы расширялись, так что ранняя постройка оказывалась внутри более поздней. Исследование обширного комплекса буддийских памятников района Кабула в целом заставило Ж. Фуссмана пересмотреть ранее предложенную дату для ступы Гул Дара, которую он теперь относит к периоду 400–600 гг. Одновременно он оспаривает (и, кажется, справедливо) некоторые реконструкции этого объекта, предложенные сравнительно недавно Рао, Пиндер-Вильсоном и Боллом (Rao et al., 1985. P. 79–88).

В процессе изучения вышеупомянутых памятников не были обнаружены произведения скульптуры. Однако данное обстоятельство не должно дезориентировать исследователей. Как правило, такие произведения находились внутри застроенного пространства, а оно до сего времени ни на одном из рассматриваемых объектов не раскапывалось. Наличие же скульптуры внутри комплексов Гул Дара, Тепе Маранджан и Нарендж подтверждает это предположение.

Следующая глава 8 носит название “Главный горный кряж Кабула (Кох-е Шер Дарваза)”. Ж. Фуссман указывает, что на протяжении большей части XIX в. Кабул располагался между правым берегом реки Кабул и горным гребнем, ранее называвшимся Кох-е Тахт-е Шах, а сейчас – Кох-е Шер Дарваза. В западной части этого гребня буддийские памятники не зафиксированы. Можно только предполагать, что огромная башня Бурдж Хулаку имела в своей основе ступу. В другой части хребта, на склоне, обращенном к самой древней части Кабула, внимание должно быть обращено на два пункта: Тепе Хазна и Хваджа Софа. В первом в 30-е годы XX в. было случайно обнаружено примерно 50 голов глиняных статуй (сейчас они, как отмечает автор, вероятнее всего, уничтожены). Второй известен благодаря также сделанной случайно находке небольшой статуи Будды, происходящей из Гандхары. В настоящее время на этом памятнике начаты раскопки афганскими археологами (Paiman, 2005. P. 24–39). З. Пайман считает, что частично вскрытое им буддийское святилище было построено в период 300–500 гг. и разрушено при мусульманском нашествии в 867–879 гг. Ж. Фуссман предлагает несколько модифицировать эти выводы: поскольку гандхарская статуя, найденная здесь ранее, может быть отнесена приблизительно к 200–250 гг., то и дата возведения святилища, видимо, должна быть удревнена. Кроме того, автор рецензируемой монографии обращает внимание на то обстоятельство, что нет никаких следов насильственного разрушения данного сооружения.

Поблизости расположено Тепе Нарендж, где ранее была случайно найдена гандхарская статуя сидящего Будды (сейчас находится в Музее Калькутты). Ч. Массон провел здесь небольшие раскопки и обнаружил глиняные статуи, фрагменты живописи и рукописи. С 2004 г. на памятнике ведутся исследования силами афганских ученых. Найдена большая ступа, несколько отдельных помещений, фрагменты глиняных статуй, каменный цоколь гигантской глиняной статуи стоящего Будды (Paiman, 2006. P. 24–35). В целом можно предполагать, что

здесь находился огромный буддийский комплекс, возникший в кушанское время и просуществовавший до IX в.

Глава 9 называется “Тепе Маранджан”. Такое наименование носит западное окончание низкого плато, разделяющего реки Кабул и Логар. Здесь в 1933 г. была случайно найдена голова каменной статуи Будды, что стало причиной раскопок, проведенных силами сотрудников DAFA. Ж. Фуссман предлагает следующую интерпретацию сделанных открытий: в период 300–400 гг. на этом месте был построен небольшой форт, позднее покинутый; в период около 400–700 гг. к стене его было пристроено буддийское святилище, в котором находились ступа и несколько глиняных статуй. Данных, которые позволили бы уточнить время прекращения функционирования сооружения, нет.

Поблизости располагается еще один буддийский памятник, который Ж. Фуссман назвал Тепе Маранджан 2. Он в 1981–1987 гг. раскапывался сотрудниками Афганского института археологии. К сожалению, не сохранились отчеты, судьба находок также неизвестна. Ж. Фуссман описывает памятник на основании своих заметок, сделанных осенью 1987 г. в Кабуле во время беседы с проводившими исследования коллегами. История данного района, с точки зрения автора монографии, выглядит следующим образом: около 20 г. были построены монастырь и ступа (Маранджан 2). Вполне вероятно, что в это время ступа (гораздо больших размеров) была возведена там, где сейчас находится мавзолей Надир Шаха. Примерно в 300 г. монастырь был заброшен и построен небольшой форт. Он, в свою очередь, также был покинут, и тогда рядом с ним соорудили небольшую ступу и здание вокруг нее (Тепе Маранджан 1). Это произошло между 400 и 600 гг.; вскоре памятник был оставлен, затем снова функционировал и, наконец, покинут окончательно.

Завершением данной части книги является глава 10, названная “Буддизм в Древнем Кабуле”. Ж. Фуссман указывает, что буддийские памятники охватывают в этом районе период от 20 примерно до 800–870 гг. Наибольший расцвет буддизм переживал примерно от 400 до 650 гг. Это было время, когда Кабул соперничал с Беграмом и становился главным торговым и политическим центром региона. Нельзя думать, что буддизм был единственной религиозной системой, представленной в рассматриваемой области. Видимо, он пользовался здесь меньшим влиянием, чем в Хадде и Гандхаре. Бесспорно, в районе Кабула имелись поклонники индуизма и зороастризма. Большинство статуарных изображений были глиняными.

Следующая часть книги, как отмечает сам автор, отличается от первой тем, что основными источниками для нее (за редкими исключениями) являются уже не его собственные наблюдения, а отчеты предшествующих исследователей. В главе 11 обсуждаются памятники районов Чахар Дех и Пагман, которые сейчас уже входят в состав Большого Кабула. Ранее здесь был зафиксирован ряд объектов, среди которых, несомненно, есть буддийские. Афганские археологи частично раскопали один из них – Кунджакай. Памятник был возведен в I–II вв. и покинут примерно в 350 г.

Глава 12 носит название “Кох Даман и Капиша (общие наблюдения)”. Область Кох Даман в древности называлась Капишей, как ее городской центр (современный Беграм). Он был основан Александром Македонским, затем служил индо-греческим и кушанским царям. Большая часть главы посвящена анализу сообщений Сюань Цзяна, который посетил город в 628 г. Сопоставление этой информации с археологическими материалами Ж. Фуссмана производит в следующих главах.

Глава 13 называется “Западный склон Кох Дамана”. Главная в этом районе ступа Топ Дара 1 – самая крупная в Афга-

нистане. Она была практически целой во время посещения ее Ч. Массоном. По мнению Ж. Фуссмана, ее упоминает Сюань Цзян как “старый монастырь царицы, у которого медная золоченая верхушка содержала, как говорят, останки Будды”. Здесь находятся и буддийские комплексы Топ Дара 2 и 3, которые автор книги также пытается отождествить с памятниками, упомянутыми китайским паломником, и еще несколько объектов. Все перечисленные комплексы трудно датировать, но совершенно ясно, что они были созданы задолго до посещения этих мест Сюань Цзяном.

Глава 14 называется “Восточный склон Кох Дамана”. Ж. Фуссман описывает буддийские памятники, расположенные в этом районе (Пай Минар, Курриндар, Тота Хан, Пайтава и др.). Значительное внимание он уделяет скульптуре так называемой школы Пайтавы.

Следующая глава 15 посвящена памятникам Беграма и Кох-е Пахлавана. На территории собственно городища Беграм сделано некоторое количество малозначительных находок, связанных с буддизмом. Главные объекты находятся вне его пределов – на склонах холма, называемого Кох-е Пахлавана. Несколько памятников были подвергнуты раскопкам. Среди них особое значение имеет монастырь Шоторак, исследовавший Ж. Барту. Ж. Фуссман в данной части работы пытается также свести воедино тексты старых отчетов, планы, фотографии и сопоставить все эти материалы с современными данными, полученными с помощью Google Earth (попытки, как он сам указывает, не всегда с удовлетворительным результатом).

Наконец, глава 16 описывает буддийские памятники на левом берегу реки Горбанд и в нижнем Панджшире. Автор книги отмечает случайные находки, которые стали известны начиная с 1913 г. Фиксирует он и материалы, полученные при регулярных работах. Упоминаются, в частности, раскопки афганских археологов (под руководством Х. Мустаминди) в 1966 г. в монастыре Кох-е Мури (Moustamindy, 1968. P. 50–55). В тексте также указаны места, где, возможно, находились буддийские святилища.

В “Заключении” Ж. Фуссман подводит итоги своего исследования. Он подчеркивает, что зафиксированные памятники – явно только часть тех, что существовали в этом регионе, и предпринимает попытку оценить количество монастырей и число монахов в них. Согласно его мнению, монастыри располагались таким образом, что их обитатели могли контактировать с местным населением. Первые ступы и монастыри были построены еще до эпохи Великих Кушан. Наивысший расцвет

Институт археологии РАН, Москва

буддизма в рассматриваемом регионе приходится примерно на период от 300 до 600 г. Господствующее положение занимала здесь Махаяна.

Недостатки рецензируемой работы весьма незначительны, они не проявляются в основной содержательной части ее. Это, скорее, некоторые небрежности. В частности, встречаются случаи, когда памятник определяется как возведенный примерно в 20-е, а на следующей странице – уже в 30-е годы I в. Более общее замечание того же плана: начало функционирования целого ряда памятников Кабульского региона относится к первым десятилетиям I в., а в Заключении указана иная датировка – примерно 50 г. Однако в целом эти мелкие “огрехи” не могут повлиять на общую, весьма высокую, оценку рецензируемой работы.

Книга, бесспорно, представляет собой замечательный труд, созданный крупнейшим специалистом по истории буддизма вообще и центрально-азиатского, в частности. В ней обобщен и проанализирован весь имеющийся на сегодняшний день материал по буддийским памятникам Кабульского региона. Выводы Ж. Фуссмана кажутся выверенными и обоснованными. Эта монография будет служить своего рода отправной точкой для исследователей того времени, когда снова наступит мир на земле Афганистана, и археологи опять смогут работать здесь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Fussman G., Le Berr M. Monuments Buddhiques de la région de Caboul. I. Le monastère de Gul Dara. Paris, 1976 (MDAFA; T. XXII).
- Moustamindy Ch. Vestiges bouddhique à Koh-i-Mori // Archéologia. 1968. № 25.
- Paiman Z. La renaissance d'archéologie afghane: découvertes à Kaboul // Archéologia. 2005. № 419.
- Paiman Z. Région de Kaboul, nouveaux monuments bouddhique // Archéologia. 2006. № 430.
- Rao G.K., Pinder-Wilson R., Ball W. The stupa and monastery at Gul Darra // South Asian Studies. 1985. I.
- Wilson H.H. Ariana Antiqua. A descriptive account of the antiquities and coins of Afghanistan, with a memoir of the buildings called Topes by Ch. Masson. L., 1841.

Г.А. Кошеленко

Масленников А.А. СЕЛЬСКИЕ СВЯТИЛИЩА ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА. Тула: Гриф и К., 2007. 562 с., ил.

В 2007 г. вышла из печати большая монография (70.5 а.л.) А.А. Масленникова “Сельские святилища Европейского Боспора” – итог его собственных археологических исследований в Приазовье в течение более чем четверти века. Появление такой книги – событие знаменательное не только для боспороведения, но и для археологии Северного Причерноморья, а также отечественного антиковедения в целом. Главная ценность этого труда в том, что впервые святилища выделены из большой массы других построек на поселениях, выявлены их археологические признаки, предложены типология и классификация, поставлены проблемы и задачи дальнейшего изуче-

ния. Весьма ценной, хотя и не всегда бесспорной, является культовая интерпретация исследуемых объектов. Несомненно, что в научный оборот введен очень важный и интересный для специалистов исторический источник.

Монография А.А. Масленникова состоит из предисловия и четырех глав. Первая – “Общественные святилища на хоре Европейского Боспора”; вторая – “Прочие типы святилищ и сакральных объектов на поселениях и сельской территории Европейского Боспора”; третья – “Частные или домашние святилища сельских поселений Европейского Боспора”;

четвертая (заключительная) – “К вопросу о типологии сельских святилищ Европейского Боспора”. Первые две главы, составляющие большую часть книги, разделены на ряд параграфов.

Такая структура выглядит вполне логичной и четкой. Однако не удержусь от некоторых замечаний. Так, § 2 в главе II озаглавлен “Иные свидетельства об общественных (курсив мой. – Н.М.) (коллективных) святилищах на памятниках Европейского Боспора”. По своему названию и логике рассуждений автора он был бы уместнее в главе I, посвященной именно общественным святилищам, а главу II вполне можно было бы отдать таким замечательным сакральным памятникам, как зольники. О последних замечу, что подобные культовые объекты не являются сугубо сельскими, а имеются в ряде боспорских городов, о чем пишет и сам автор рецензируемой книги.

Предисловие к монографии А.А. Масленникова является едва ли не основополагающей частью его труда. Именно в этом разделе обозначены проблемы, связанные с археологическим исследованием и интерпретацией святилищ. Совершенно справедливо подчеркивается неоднозначность и многогранность и самого термина “святилище”, и археологических памятников, к которым он применим. Отмечена сложность интерпретации и реконструкции таких объектов. Сельские святилища до выхода в свет книги А.А. Масленникова являлись наименее изученными на Боспоре. Что же касается культовых памятников Азовского побережья, то им посвящен ряд публикаций и докладов автора рецензируемой книги на конференциях. В предисловии к монографии А.А. Масленников ставит перед собой следующие задачи: дать развернутую археологическую характеристику раскопанных объектов, предложить научное осмысление таких памятников, создать их типологию и классификацию. Забегая вперед, отмечу, что все эти сложные задачи выполнены.

Глава I составляет основную часть книги. Она построена по принципу каталога, включающего информацию о культовых сооружениях на поселении “Полянка”, сельском теменосе близ городища Генеральское-Восточное, сакральных комплексах в “Ущелье ведьм” и на поселении на мысе Зюк, гроте на вершине горы Сююрташ и теменосе на плато к северу от вершины этой горы.

Каждый из перечисленных памятников опубликован с обоснованием методики археологических исследований, выделением строительных периодов, характеристиками конструкций найденных при раскопках сооружений. Особо хочется отметить то внимание, которое уделяет А.А. Масленников интерьеру изучаемых объектов. Таблицы и статистические выкладки охватывают весь найденный материал, а не только выборочный и наиболее эффектный. Это позволяет исследователям в полной мере использовать рассматриваемые археологические источники и приходиться к объективным выводам. Ведущую роль среди многочисленных находок играют терракоты, алтари, посуда. Именно они дают автору возможность осторожно интерпретировать то или иное сакральное сооружение. Замечу, что датировка всех учтенных вещей и приведенные аналогии вполне убедительны, а в работе с амфорным материалом использованы исследования, относящиеся уже к XXI в. (С. Внукова, В. Крапивиной, В. Уженцева, В. Юрочкина).

Святилище на поселении “Полянка”, безусловно, является одним из интереснейших сакральных памятников на хоре Боспора. Его археологическая характеристика безупречна, комплекс керамических находок датирован убедительно. А.А. Масленников привлекает для сравнения материалы Таманского толоса из раскопок Н.И. Сокольского, наглядно демонстрируя сходство не только в датах, но и в назначении этих объектов.

На фоне такого сравнения кажется верной и его критика точки зрения о сарматизации культовой жизни Боспора в первые века н.э. Очень интересной представляется гипотеза автора о существовании на Боспоре особого пантеона Митридатидов, имевшего место в I в. до н.э. – I в. н.э. А.А. Масленников прав и в том, что истоки традиции совместного почитания богов следует искать не в греко-варварском синкретизме, а в культовой практике Древней Греции. Многочисленные примеры тому, кстати, есть в труде Павсания. Верны и рассуждения исследователя о связи культа огня и солнца с хтоническими верованиями. Добавлю только, что в таком единстве небесного, земного и подземного была воплощена идея о структуре мироздания – космогонические представления древних.

Однако в этом разделе есть и некоторые недочеты. Так, план раскопа поселения “Полянка” на с. 13 (рис. 5, б) дан без номеров помещений, что мешает во время чтения текста быстро и правильно локализовать на нем интересующие сооружения. В юго-западном углу помещения 11 имеется яма, перекрытая жерновом – жертвенником. В ней – предположительно погребение в амфоре или крупные обломки амфор с костями. Непонятно, чьи это кости. При анализе керамического комплекса упор традиционно сделан на датировку находок. Ассортимент посуды в целом не охарактеризован, и непонятно, что в представленном наборе свидетельствует о культовом предназначении помещения. А признаки такие есть: большое количество сосудов открытых форм, часто встречающиеся “цедилки”, применяемые для легитаций, курильницы. В описании терракот уделено внимание “детской теме” (дети с птицами), изображениям Аттиса и Эрота, однако выводов, хотя бы предварительных, о принадлежности подобных предметов к какому-либо культу нет. Вместе с тем известно, что существовали мистерии, в частности в честь Великой Матери, в которых участвовали мальчики, воплощавшие Кабиров, Корбантов, Куретов – спутников этой богини. Впрочем, осторожность автора вполне оправдана. Он не ставил перед собой задачу четко атрибутировать такие находки. Более однозначной интерпретации подвержен ряд прекрасно сохранившихся votивных масок, воплощающих Диониса и его спутников. В любом случае следует отметить, что сакральный комплекс на поселении “Полянка” по своей архитектуре, структуре и находкам аналогичен городским святилищам и не производит впечатления сугубо сельского, что, вероятно, связано с обитавшим здесь населением. Вполне возможно, что оно было городским, часть года проводившим в своих наделах.

Весьма своеобразным, “ландшафтным”, является сельский теменос близ городища “Генеральское”. Его сооружения вписаны в рельеф местности и материковую скалу. А.А. Масленников упоминает о восточном и западном комплексах строений. Не совсем понятным для читателя остается вопрос: это один памятник или два? Особенно насыщен материал восточный теменос, представляющий собой комплекс помещений с алтарями, “скамьеобразными пристенками”, каменными “ларями”. Последние, вероятно всего, предназначались для экспонирования и хранения votивных подношений. Все лари-алтари (особенно № 1, 2) очень богаты находками, среди которых – терракоты, votивные сосуды, монеты. В терракотовой пластике преобладают персонажи, воплощающие идею плодородия: Великая Мать (Кибела) на троне, протомы женского божества, Афродита, Эрот, Геракл.

Особенно впечатляет круглый алтарь, находящийся в центре помещения II, строение № 1. Рядом с ним обнаружена плита с рельефом, изображающим, по мнению автора монографии, Деметру, Кору и двух мальчиков: Триптолема и Плутоса. Обе богини держат руки на груди (фото на с. 132). На одной из иллюстраций (с. 131; рис. 6, а, б) представлен момент открывания

рассматриваемой плиты. А.А. Масленников “не берется судить о месте изготовления рельефа” (с. 133). Однако местный известняк и особенности исполнения, наглядно представленные в боспорских надгробных и votивных рельефах, несомненно, указывают на боспорское, вероятнее всего, пантикапейское его производство. В этом же помещении найдено несколько каменных переносных алтариков и обломки “мегарских” чаш. Сакральное предназначение данного сооружения, так же как и других, к нему примыкающих, очевидно. Гораздо сложнее определить его культовую принадлежность. Казалось бы, женские фигуры на рельефе однозначно указывают на Деметру и Кору. Но перед нами – две взрослые женщины (Кора – девушка); положение их рук, поддерживающих груди, и две детские фигурки позволяют высказать и иные гипотезы. В святилище могли почитаться две Великие богини: Деметра и Кибела, знаменующие плодородие пашни и всей окружающей природы (гор, лесов, зверей, людей). В таком случае спутниками их вполне могли быть Кабиры, изображаемые в виде пухлых младенцев. А.А. Масленников прав, отмечая хтонический характер комплекса и указывая на такие находки, как лепные открытые сосуды на ножках, курильницы, светильники, терракоты Деметры, Кору, Кибелы (!), Афродиты и соответствующих этим богиням паредров: Диониса, Геракла, Аттиса (!). В качестве votивов интерес представляют и мелкие номиналы медных боспорских монет. Впечатляет и аналог рассматриваемому комплексу, приведенный А.А. Масленниковым, а именно задействованный в Элевсинских празднествах “Дом Владычицы” – без крыши, с круглым алтарем в центре (с. 166). Это опять-таки указывает на совместное почитание Деметры и Великой Матери (Кибелы).

Реконструкцию обрядов, происходивших в исследуемом сооружении, следует признать красочной и эмоциональной; гораздо более красочной, чем позволяют археологические свидетельства. Длительность существования святилища – с конца III в. до н.э. по I в. н.э. – позволяет предположить его значительность для всего боспорского Азовского побережья.

Сакральный комплекс в урочище “Ущелье ведьм” также является святилищем общественного назначения и относится к разновидности “ландшафтных”. Расположен он в 300 м к югу от поселения Куль-Тепе. В непосредственной близости от данного объекта находится грунтовый некрополь. А.А. Масленников датирует святилище рубежом II–I вв. до н.э. – началом II в. н.э. К какому времени относится некрополь, из текста книги неясно. Соответственно трудно судить о соотношении этих двух памятников.

При характеристике святилища автор книги четко придерживается избранной схемы: описание внешнего вида памятника и окружающего его ландшафта, особенности грунта; обоснование выбранной методики раскопок. Затем – анализ находок, среди которых важное место занимают фрагменты весьма разнообразных терракот. Остальной набор керамики стандартен для культовых сооружений: курильницы, лепная посуда открытых форм, гончарная посуда и амфорная тара. Обработанный материал представлен по слоям. Отмечу, что в описательной части, сделанной в виде каталога, стоило бы предложить даты, определение которых вполне возможно для многих фрагментов. Они мелькают изредка, когда автор обращается к поиску аналогий. Безусловный интерес представляет такая votивная находка, как глиняная модель наконечника четырехлопастной стрелы или дротика (длиной 5,5 см). Настоящие бронзовые наконечники стрел встречаются в боспорских святилищах. Большинство исследователей связывают их с культом Аполлона. Ассортимент находок (прежде всего терракоты и курильницы), а также особенности грунта с большим количеством золы и измельченных раковин грешеска

роднят данный комплекс с другими сельскими святилищами Приазовья. Автор монографии предполагает и возможность того, что это был “сброс” материала, уже отработанного, из какого-то неизвестного культового сооружения (с. 338). По моему мнению, рассматриваемый памятник представляет собой вполне самостоятельное ландшафтное святилище.

Сакральный комплекс с мыса Зюк обслуживал античное городище – самое долговременное и многослойное поселение Крымского Приазовья. В литературе оно часто именуется Зеленовым Херсонесом. А.А. Масленников справедливо считает его не сельским поселением, а хорошо укрепленным городом. В его культовый комплекс входят: два зольника, несколько домашних святилищ и помещение, “втиснутое между скал” (с. 340), – вероятно, архитектурно оформленное ландшафтное святилище.

Наиболее ранние находки на этих объектах относятся ко второй половине V–IV в. до н.э., т.е. к периоду ранних Спартокидов. Среди многочисленных граффити (совсем не сельский обычай) есть такие, в которых встречаются греческие (ионийские и одно дорическое) и иранские (два) имени, что дает повод к размышлению об этническом составе населения города в указанный период. Особый интерес представляет многострочная надпись на стенке фасосской амфоры, повествующая о неких взносах зерном и дающая возможность судить об урожайности пшеницы на Боспоре, а также о количестве обрабатываемой под пашню земли (с. 346, 347) в V в. до н.э.

Предположительно А.А. Масленников связывает сакральный комплекс на мысе Зюк с культами Деметры и Кору и, может быть, с почитанием Аполлона (тоже не сельский культ). От необычных находок (детский череп со следами преднамеренного перелома и два собачьих скелета) он пытается “отмахнуться”, рассуждая о том, что привлечение их к культовой интерпретации памятника излишне (с. 349). Такой подход мне кажется неоправданным. Упомянутые находки, конечно, не носят случайного характера и в целом согласуются с реконструкцией А.А. Масленникова, позволяя дополнить и расширить ее. Отмечу как недостаток предельную краткость раздела, посвященного этому интереснейшему, комплексному и долговременному памятнику (V в. до н.э. – начало III в. н.э.). Он оказался раскисленным по главам: о зольниках речь идет во II главе. В любом случае три с половиной страницы текста при пяти иллюстрациях – явно недостаточно. Хотелось бы видеть опубликованным весь votивный материал, в частности, все граффити и терракоты.

В районе горы Сююрташ расположены два культовых объекта: грот на вершине горы и теменос на плато к северу от этой вершины. Название “теменос” кажется несколько неправомерным, тем более, что сам автор монографии пишет, что “специальная ограда на плато вряд ли существовала”.

Естественный грот на вершине Сююрташа, как показали раскопки, был дополнен подтекой; вход в него обеспечивали несколько ступеней. Общая площадь его невелика: 2,6×1,6 м при высоте 1,6 м. Среди находок, в большинстве представленных фрагментами амфор, привлекает внимание чернолаковая чашка с граффито в виде буквы “А”, светильник, лекиф, протом-полуфигура богини в стефане, керамика открытых форм, кости мелкого рогатого скота. Особенно богат материал нижний горизонт заполнения грота. По мнению А.А. Масленникова, изучаемый комплекс находок начал формироваться в середине III в. до н.э., хотя в него по разным причинам попали “заведомо более старые предметы” (с. 367). Замечу, что таких вещей, явно относящихся к IV в. до н.э., довольно много. Самые поздние изделия в гроте датируются II в. до н.э. Наличие в данном комплексе символов огня (светильники, кремни-кре-

сала, зола, печина), терракот Деметры или Керы в хтоническом облике (полуфигура), граффито приводит автора к мысли, что это маленькое святилище было посвящено женскому божеству, скорее всего, Деметре или Кере. Мнение исследователя самым тщательным образом аргументировано ссылками на греческие традиции и античных авторов. Оно убедительно.

Предположение же, что на вершине горы располагалось одно из “каких-то варварских сакральных мест” носителей кизил-кобинской культуры, кажется натянутым и не обоснованным конкретным археологическим контекстом.

В “теменосе” на плато к северу от горы Сююрташ были обнаружены сооружения алтарного типа, около 20 фрагментов терракот и разнообразной керамики (преобладают курильницы), а также костные останки животных и птиц. Все это позволяет интерпретировать данный памятник как святилище, дополненное постройками. Из текста А.А. Масленникова не совсем понятно время его функционирования. Самые ранние вещи относятся к IV в. до н.э.

Глава II делится на два параграфа: “Боспорские зольники” и “Иные свидетельства об общественных (коллективных) святилищах на памятниках хоры Европейского Боспора”. Наибольший интерес представляет параграф 1.

А.А. Масленников справедливо отмечает, что боспорские зольники – неотъемлемая часть сакральной культуры не только хоры, но и городов, приводя известные примеры из Мирмекия и Китея. Добавлю, что в настоящее время мощные зольные отложения, насыщенные находками, обнаружены в Пантикапее и Нимфее; имеются они и в Илурате. Думается, что традиция сооружения таких святилищ вполне могла быть свойственна каждому боспорскому городу. Что касается сельских территорий, то вполне естественно, что на хору проникали городские культовые обычаи, тем более что и местному негреческому населению было свойственно создавать зольники. Подобные памятники на территории Боспора, согласно мнению автора монографии, являются “самыми известными, заметными, и тем не менее проблемными во многих отношениях” (с. 406). Отличаются сельские зольники от городских прежде всего размерами. Понятно, что город больше сельского поселения, да и время его существования гораздо дольше. Китей и его святилище функционировали более 1000 лет, и мощность зольных отложений там превышает 12 м. Сельские зольники во много раз меньше: по А.А. Масленникову, их высота колеблется от 1–1.5 м до 3–5 м, а диаметр достигает 30–50 м. Одно из главных различий городских и сельских зольников состоит также в их расположении: в центре городов и за пределами поселений (за редким исключением, как в “Золотом-Восточном”) соответственно. Последняя традиция была свойственна скифским племенам, особенно в лесостепи. Вполне вероятно, что влияние варварских обрядов на сельской территории было более значительным, чем в городах.

Автор монографии, приступая к описанию и характеристике сельских зольников, пытается разделить такие объекты на мусорные выбросы (сбросы) сугубо бытового характера, содержащие отходы жизнедеятельности поселения, и памятники культового назначения (с. 407, 408). Не могу согласиться полностью с этим мнением. Любой зольный холм обязательно содержит свалку “отработанных” вещей. Вопрос в происхождении такого сброса. Жертвоприношения и легитимия у древних всегда сопровождалась ритуальной трапезой в честь того или иного бога. Все для жертвенного пиршества готовилось на месте: лепились саманные очаги, жглись дрова, приготавлилась еда; после трапезы оставались объедки; посуда тоже не уносились обратно в дом. По своему набору и виду материальные остатки таких действий схожи с бытовым мусором. Они сбрасывались в ботросы или присыпались золой или землей. Таким образом, они являются свидетельствами религиозных обрядов, так же как и всевозможные votivные находки, их сопровождающие: алтарики, терракоты, граффиты, курильницы, монеты и пр. А если в холме votивов практически нет? Считаю, это вовсе не означает, что зольник служил просто свалкой. Обряды в честь хтонических богов не предусматривали сожжения жертвенных подношений. Все: мясо, плоды, вино, мед, зерно – отправлялось в землю. Наличие же большого количества золы на подобных памятниках, а также значительный процент сосудов открытых форм, как лепных, так и гончарных, должны привлечь более пристальное внимание исследователей. Археология – наука материалистическая, однако не будем забывать, что общество, которое оставило нам скромные материальные остатки, было сакральным по своей сути. Все стороны жизни этих людей, как и государства, были пронизаны религиозными побуждениями и обрядами.

Датировки зольников Боспорского Приазовья самые разные. Есть памятники, материалы которых относятся к V–IV вв. до н.э. (Сююрташ, Западный зольник, с. 415, 416), есть более поздние – эллинистические и римского времени. Такие даты говорят о прочности и устойчивости традиции создания зольных святилищ.

Привлекая для реконструкции обряда на древних зольниках хорошо известный рассказ Геродота (Herod. IV, 62), А.А. Масленников вольно или невольно предполагает их варварскую принадлежность. Однако преобладание греческих артефактов среди находок заставляет сомневаться в такой точке зрения. Речь идет не только о фрагментах амфор, что характерно для скифских памятников, но и о терракотах – антропоморфных (!), воплощавших древнегреческих богинь плодородия.

Весьма интересны во II главе пассаж о ботросах и мелких ямках. Автор трактует их как места для жертвоприношений (с. 421). Сам же обряд хтонического жертвоприношения, который мог иметь место на берегах Меотиды, проиллюстрирован фрагментом из “Одиссеи”. Отмечу, что, характеризуя зольники Приазовья, А.А. Масленников постоянно возвращается к материалам почти всех описанных в I главе святилищ: Полянка, Сююрташ, м. Зюк, Генеральское и др., т.е. находки из этих сакральных комплексов “разбросаны” по главам. Но такова структура исследования.

Весьма спорным кажется “захоронение” в поздних слоях зольника на мысе Зюк. Положение костяков, зафиксированное на фотографии, не производит впечатления регулярного погребального обряда. Вполне вероятно, что в данном случае речь может идти о каком-то кровавом ритуале (с. 430–433), который очень осторожно предполагает автор монографии.

Все выводы, сделанные А.А. Масленниковым в завершении главы II, четки, безупречны по форме и содержанию и не вызывают возражений. Соображения о том, что зольники – это комплексные святилища, связанные с отправлением культов разных богов, преимущественно хтонических, разделяю полностью. Такое мнение неоднократно высказывалось и публиковалось мною по отношению к Китейскому зольнику. Выделение характерных черт Мирмекийского и Китейского зольников сделано автором рецензируемой книги на основе публикаций В.Ф. Гайдукевича, Ю.А. Виноградова, Н.В. Молевой и также не вызывает возражений. Разные точки зрения на культовую принадлежность подобных памятников, приведенные А.А. Масленниковым в конце главы, оставляют вопрос открытым для обсуждения.

Второй параграф главы II посвящен очень интересным, а иногда и загадочным находкам в сакральных комплексах. Часть

из них представлена человеческими останками, не захороненными, а, вероятно, принесенными в жертву. Такой обычай, применявшийся в какие-то экстремальные периоды жизни коллектива, был присущ не только скифскому населению (иранцам), но и древним грекам, о чем упоминает А.А. Масленников. Интерес представляют и необычные постройки, вызывающие ассоциации со стационарными алтарями, и особенно находки, сделанные в связи с этими сооружениями: фрагменты каменной скульптуры, глиняная пластика, эпиграфика.

Глава III невелика по объему. В преамбуле к ней (с. 482–484) затрагиваются очень важные и практически не разработанные в отечественной литературе вопросы ментальности боспорян, их отношения к семье, родственникам, предкам, а главное, к богам. Отмечается органичное единство частного и общественного в религиозном мировоззрении жителей Боспорского государства. Замечание о локальных особенностях семейных культов, обусловленных этническим составом населения и особенностями сельской жизни, следует признать верным. Такие рассуждения автора отнюдь не голословны, а подкреплены археологическими доказательствами и ссылками на сочинения Платона и Лукиана.

Под домашними святилищами А.А. Масленников понимает “специальные помещения или их части”, т.е. особым образом выделенное пространство, маркированное артефактами сакрального характера. Это, прежде всего, алтари, ботросы, жертвенники и разные вотивные подношения (с. 484, 485). Предлагается также разделение святилищ на греко-боспорские и варварско-скифские. Последние, кстати, в работе не отражены.

Автор монографии рассматривает домашние святилища не только Приазовья, но и других частей Боспора: Причерноморья, Феодосийской округи, степных районов. Характеристика памятников выдержана в хронологическом порядке. Такой прием позволяет представить картину приватной культовой практики на Боспоре в тот или иной период и даже выявить ее некоторые особенности.

Выскажу несколько соображений по поводу святилища в усадьбном комплексе “Генеральское-Западное”. В данном случае мы имеем дело с большой, великолепно оформленной архитектурно усадьбой, выстроенной в типично греческих традициях. Как замечает автор исследования, это сооружение могло принадлежать не только очень знатному и богатому боспорянину, но и являться “одним из центров землевладения боспорских правителей – Спартокидов” (с. 500). Вероятнее всего, усадьба была их загородной резиденцией. Находки, связанные с отправлением культов в рассматриваемом сооружении и религиозной обрядностью (различного рода алтари, граффити, содержащие имена “Перисад” и “Сатир”, вотивные предметы), безусловно, свидетельствуют о практиковавшихся здесь *городских* сакральных традициях. Называть такое домашнее святилище сельским можно лишь условно, учитывая расположение усадьбы на хоре. Сам же вид его – перистильный двор с монументальным стационарным алтарем и прилегающие к нему помещения с многочисленными алтарями – носит не просто городской, а столичный облик.

Несколько слов о характеристике алтарей, сделанной А.А. Масленниковым. Она профессиональна и подробна для жертвенников прямоугольных форм. Что касается дисковидных и цилиндрических алтарей, которых найдено четыре или пять, отмечено лишь, что они встречаются реже. Между тем они заслуживают особого внимания, поскольку чаще всего зафиксированы в святилищах, посвященных Великой Матери (Кибеле), где тема круга звучит особенно настойчиво: тимпан и чаша – ее атрибуты, круглые храмы и круглые пещеры (гроты) в Греции, круглые алтари в ее святилище в Ольвии.

Скопление таких жертвенников в одном месте, как в упомянутой выше усадьбе (с. 495; рис. 193, а), в сочетании с анализом найденных терракот может навести на соображения о культовой принадлежности святилища. Замечу, что присутствие антропоморфного изваяния среди алтарей также не случайно. Памятники подобного рода нередко встречаются в постройках сакрального характера на боспорских городищах. Можно привести примеры из Мирмекия, Тиритаки, Китея, “Загородной усадьбы”. Типичными для мест отправления культов являются находки фрагментов лутериев. Эти большие открытые сосуды со сливом (!) часто использовались в качестве круглых хтонических алтарей и устанавливались над ботросами.

Кстати, о последних. И ботросы, и фависсы, входящие в комплексы святилищ, аргументированно отнесены А.А. Масленниковым к сакральным объектам (с. 510). Можно считать доказанным и то, что захоронения животных, чаще всего собак, в фависсах, ботросах или помещениях носят культовый характер и связаны с религиозными ритуалами, целью которых было благополучие дома и семьи (с. 520).

Глава IV посвящена типологии сельских святилищ Европейского Боспора. Она занимает неполных восемь страниц, но по своему содержанию заслуживает самого пристального внимания. Ведь опыт типологии и классификации таких памятников в полном виде представлен впервые и, очевидно, будет использоваться исследователями.

Схемы иерархии и типологии боспорских сельских святилищ предваряют рассуждения, в которых А.А. Масленников вновь возвращается к осмыслению понятия “святилище”, отмечая роль ландшафта в выборе места для сакральных сооружений. Подчеркивается то значение, которое для религиозного сознания имело эмоциональное восприятие греками гармонии или дисгармонии окружающего пространства. Все эти рассуждения солидно фундированы ссылками на сочинения древнегреческих авторов: Геродота, Платона, Фукидида, Павсания и др.

При классификации сельских святилищ А.А. Масленников использует три признака: территориальный, функциональный, стадийно-хронологический (с. 527). Согласно первому, выделяются следующие “категории (типы, группы)” святилищ: панэллинские, региональные, местные, локальные. За исключением первых приводятся конкретные примеры объектов каждой категории в Северном Причерноморье вообще и на Боспоре в частности. Не возражая против таких принципов и направлений в целом, замечу, что предложенные автором на выбор названия разделов (категории, типы, группы) в дальнейшем могут вызвать разнобой в ссылках и лишают классификацию четкости. Гораздо лучше были бы унифицированные таксоны: типы памятников, группы внутри типов и варианты внутри групп. Безусловно, в начале подобной схемы необходимо обоснование наименований ее разделов. Неплохо было бы в завершении главы представить сводную классификационную таблицу боспорских сельских святилищ.

Принципу классификации святилищ по функциональной принадлежности подчинена идея их культовой идентификации. Это было бы замечательно, но, увы, далеко не всегда возможно. Однако вывод, что большинство святилищ имеет “хтоническую окраску” (с. 528), совершенно справедлив и доказан автором. Хотя А.А. Масленников и пишет, что доводы в пользу такой интерпретации “обоснованно встретят возражения пытливого читателя” (с. 529), у меня они критики не вызывают. Более того, имея 30-летний опыт раскопок Китейского зольника и ландшафтного святилища на мысе Такиль, я также пришла к выводу о хтоническом характере большинства зольных святилищ.

Соглашусь с мнением автора монографии, что соответственно третьей “модели” (опять новое название!) типологии боспорские святилища, античные по сути, представляют собой частные варианты последних (с. 530). При выделении указанных вариантов учтен характер расположения святилища относительно человеческого жилья. В настоящее время это вполне приемлемый и хорошо выделяемый археологически признак. Важным является и место культовых объектов в окружающем ландшафте. Что же касается социальных и этнических особенностей людей, отправлявших культы, они далеко не всегда уловимы. Совершенно справедливым выглядит замечание А.А. Масленникова, что территории святилищ могли использоваться для собраний общины, когда требовалось решить важные политические и социальные вопросы (с. 535).

Заканчивая обзор той части главы, которая посвящена классификации сельских святилищ, выскажу пожелание о большей

ее конкретности, четкости и унификации названий. Тогда классификация будет иметь практическое значение.

В главе также затронута проблема реконструкции обрядовых действий в святилищах, их интерьеров и внешнего вида. Безусловно, подобные интерпретации всегда будут гипотетическими, но очень привлекательными для исследователей. Рано или поздно они будут уточнены и принесут плоды, поэтому отказываться от них не стоит. Да и делает такие реконструкции А.А. Масленников не без удовольствия.

В целом отмечу значительную важность и полезность большой, хорошо иллюстрированной книги А.А. Масленникова. Ее отличает уважительное отношение автора к мнению и работам коллег, практически полная библиография, хорошие таблицы. Эта монография будет востребована не только специалистами-археологами, но и студентами-историками, культурологами, искусствоведами, делающими первые шаги в изучении сакральной стороны жизни древних обществ.

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Н.В. Молева

О.Д. Мочалов. КЕРАМИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ. Самара: Изд-во СГПУ, 2008. 252 с., ил.

Значение керамики как исторического источника трудно переоценить, а для эпохи бронзы практически невозможно представить сколь-нибудь масштабную работу вне обращения к данной категории материала. Волго-Уральский бронзовый век, естественно, исключением не является, поскольку подавляющее большинство артефактов – фрагментированные или полные формы сосудов. Их массовость и вариативность порождают ощущение неисчерпаемости информации, однако эти же обстоятельства зачастую ставят исследователя в затруднительное положение при выборе стратегии. Крайне редко разнообразные подходы к анализу керамических комплексов оказываются непротиворечиво совмещены в пределах одной работы, еще реже читатель имеет возможность самостоятельной верификации выводов. Продолжающееся углубление специализации в археологии постепенно подводит нас к состоянию знания “все большего о все меньшем”. Выход видится в проработке сквозных тем для крупных регионов с полноценным и наглядным представлением всей совокупности исходных данных, методов их обработки и результатов. Рецензируемая монография относится именно к таким исследованиям.

На протяжении многих лет О.Д. Мочалов оставался верен избранной теме, двигаясь от частного к общему и постепенно расширяя круг применяемых методик. Правда, некоторые из них, в частности, методика изучения естественной структуры форм А.А. Бобринского, заставили сузить источниковую базу путем исключения фрагментированной керамики поселений. Однако даже при таком ограничении база данных впечатляет: более тысячи проанализированных сосудов и около двух тысяч привлеченных в качестве сравнительного материала (с. 11, 12). Впрочем, даже самый полный сбор исходной информации, как известно, не способен обеспечить новизну и достоверность выводов. Среди проблем, стоявших перед автором и успешно решенных, были не только сбор территориально разбросанных находок, но и выработка процедуры, способной обеспечить сопоставимость результатов.

О.Д. Мочалов использовал сочетание традиционной типологии (на основе разработок И.С. Каменецкого), анализа естес-

венной структуры сосудов и структуры орнамента. Все методы апробированы и подтвердили свою эффективность на иных материалах. Построение книги подчинено культурно-хронологическому принципу. Этот вариант изложения достаточно привычен для работ, посвященных сквозному изучению тех или иных категорий находок. Столь же уместно выглядит единство построения глав: от общей характеристики выборки к типологии форм, изучению естественной структуры и функциональных частей, анализу орнаментации керамики (по элементам, образам и мотивам; технике исполнения, композиции и т.д.) и, наконец, проблемам происхождения и культурных связей. Такая организация текста и иллюстраций позволяет внимательному читателю уяснить основания для конкретных выводов автора. К сожалению, он не счел необходимым дублировать количественные показатели выборок по культурам внутри глав, заставив тем самым читателя многократно возвращаться к страницам введения. В силу огромного объема использованного материала не обошлось и без “ложки дегтя в бочке меда” – на рис. 42 в качестве сосудов из могильника Каненный Амбар-5 фигурируют находки из некрополя Кривое Озеро (Виноградов, 2003. Рис. 63, 1; 74, 5).

Внимание к вопросам генезиса тех или иных черт керамики, равно как и культурных комплексов в целом, обязало О.Д. Мочалова к выделению этапов внутри большинства рассмотренных им культур. Понимая закономерность данной попытки, хотелось бы тем не менее заострить внимание на принципах такого разделения. По сути, во всех случаях автор (правда, часто с оговоркой об интуитивности процедуры) к раннему этапу относит сосуды с чертами предшествующих культур, а к позднему – последующих. Однако вполне очевидно, что сама по себе посуда погребальных комплексов не дает и не может давать ответы на вопросы относительной хронологии, т.е. в основу деления положены уже имеющиеся (до проведения анализа) представления о культурогенезе. Ярким подтверждением этому является и рассматриваемая монография, хорошо иллюстрирующая длительное сохранение отдельных черт керамики, несмотря на смену культур.

Учитывая многочисленные дискуссии по общим и частным вопросам указанного направления (которые, судя по тексту и ссылкам, знакомы автору книги детально), видимо, следовало оговорить, что производится *проверка гипотезы*, сформулированной на основании тех или иных фактов (стратиграфии, радиоуглеродной хронологии, анализа инвентаря или погребальной обрядности). Индукция, безусловно, играет не меньшую, если не большую роль в гуманитарных исследованиях, но ее место в данном случае оказалось завуалировано при постановке цели и задач.

Осложняющим фактором для О.Д. Мочалова стала и своего рода “открытость” региона внешним связям на протяжении всего периода бронзового века, определяемая для Евразии в разных терминах – “археологическая непрерывность”, “генезис глобализации” и пр. (Frank, 1993; Епимахов, 2006; Черных, 2008). Независимо от избранного варианта терминологии речь идет о формировании огромных по площади общностей и поддержании протяженных связей. Характер и форма этих связей не были предметом специального рассмотрения для автора монографии, но в данном случае важна четкая аргументация их наличия в таком чутком (по общему признанию) материале, как керамика. Чрезвычайно показательна и разнонаправленность контактов (Кавказ, Предкавказье, Средняя Азия, Зауралье).

Предложенная О.Д. Мочаловым в Заключении схема изменений керамических комплексов (с. 234) в свете предшествующего изложения кажется реалистичной, хотя проблема синхронизации ряда культур на рубеже среднего и позднего бронзового веков далека от разрешения. С одной стороны, сходство керамических традиций между полтавскими и потаповскими памятниками имеется, с другой – пока есть расхождения в их хронологии (Кузнецов, 1996; Черных и др., 2002 и др.). Еще более проблематично доказать смыкание финала полтавских древностей с раннесрубными, что явствует из схемы, правда, практически исключается в тексте (с. 205). Несколько неожиданными оказались результаты сравнения уровня традиционности/сформированности функциональных частей сосудов для разных культур. Если для потаповских и раннесрубных комплексов нестабильность навыков гончаров может быть объяснена переходным характером, то для полтавских такое объяснение вряд ли возможно. Ощущается

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

нехватка сравнительного материала для фаз стабильного существования культур, например срубной. Хотя тематически это находится за рамками работы, анализ данной проблемы позволил бы получить информацию для ответа на вопрос о причинах нестабильности: форме организации керамического производства, фазе процесса культурогенеза, характере памятника и т.д.

Несмотря на частные замечания, часть которых является, скорее, пожеланиями к развитию темы, книга производит цельное впечатление и, очевидно, является важным этапом в осмыслении восточноевропейского бронзового века. Речь идет не только о скрупулезном подборе фактов, материалов и аналогий, но и попытке общего взгляда на регион и эпоху. Сочетание этих двух качеств способно обеспечить книге долгую жизнь и интерес разных категорий читателей, тем более что она побуждает к постановке новых вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Епимахов А.В. Генезис процесса глобализации в эпоху бронзы // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Самара, 2006.
- Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996.
- Черных Е.Н. Формирование евразийского “степного пояса” скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология. 2008. № 3 (35).
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. 2002. № 1.
- Frank A.G. Bronze Age World System Cycles // Current Anthropol. 1993. V. 34. № 4.

А.В. Епимахов

ARCHAEOLOGY IN SOUTHEAST ASIA: FROM *HOMO ERECTUS* TO THE LIVING TRADITIONS / Eds J.-P. Pautreau, A.-S. Coupey, V. Zeitoun and E. Rambault. Bougon, 2008. 303 p. (ISBN 978-974-06-4564-1)

Европейская ассоциация археологов Юго-Восточной Азии (The European Association of Southeast Asian Archaeologists – EurASEAA) проводит свои конференции раз в два года, начиная с 1986 г. Она представляет собой наиболее авторитетное в мире сообщество исследователей прошлого этого района земного шара.

25–29 сентября 2006 г. в коммуне Бугон департамента Де-Севр (Deux-Sèvres) региона Пуату-Шарант, Франция, состоялась 11-я Международная конференция Ассоциации. Ее проводил Музей кургана Бугон (Musée des Tumulus de Bougon). Рецензируемое издание включает в себя подборку текстов некоторых прочитанных на этой конференции докладов. Оно состоит из нескольких тематических разделов: “Эпоха охот-

ников и собирателей”, “Эпоха земледельцев и металлургов” (farmers and metal-workers), “Заря истории”, “Первые государства”, “Традиции” и “Касательно растений”. Количество статей по доисторической и исторической эпохам примерно равное. Зато бросается в глаза явное преобладание археологических исследований на континенте: всего пять сообщений посвящены островному миру – Бали, Суматре, Сулавеси, Борнео (Брунею) и Филиппинам. Автор рецензии ограничится лишь изложением ключевых положений статей. Его соображения о трактовке тех или иных материалов будут высказываться лишь в том случае, если тематика разбираемой работы соответствует его собственным исследованиям, касающимся политогенеза островных обществ Юго-Восточной Азии.

В разделе “Эпоха охотников и собирателей” основная часть текстов посвящена находкам в Северном Таиланде и анализу хоабиньской культуры. В разделе “Эпоха земледельцев и металлургов” ряд статей характеризует раскопки в долине Самона, Мьянма (Бирма). Другие работы освещают исследования погребения около деревушки Красанг Тмей, Камбоджа, поселения Бан Нон Ват в Таиланде. Дж. Уайт рассматривает проблему датировки наиболее раннего памятника бронзового века Бан Чиянг в Таиланде и приходит к выводу, что его следует относить к 2000–1700 гг. до н.э. (с. 91–104). Т. Прайс и В. Пигот исследуют технологии выплавки меди в долине Као Вонг Прачан в центральном Таиланде (с. 139–149), а А. Бенне – отливку бронзы в протоисторической Юго-Восточной Азии (с. 151–163).

Раздел “Заря истории” состоит из трех очерков. Б. Борель изучает два золотых кулона из раскопок Окэо (Вьетнам), которые несут следы явного средиземноморского влияния. Она обосновывает тезис, согласно которому прототипом одного из рассматриваемых кулонов была римская монета императора Коммода, выпущенная в 192 г. н.э. (с. 167–174).

Э. Барэм и Й. Главер в статье “Переосмысляя Дваравати” (с. 175–182) вносят коррективы в традиционную датировку этой культуры, существовавшей на территории нынешнего Таиланда, 600–1000 гг. н.э. На основании исследования стратиграфии холма Та Муанг в У-Тонге и радиоуглеродных дат, равно как и сопоставлений с другими культурными центрами Юго-Восточной Азии, археологи приходят к выводу о необходимости относить возникновение культуры Дваравати к более раннему времени: она уже существовала до V в. Об этом свидетельствуют находки типичных для данной культуры предметов, таких, как простые глиняные лампы, сосуды с носиком (spouted vessels) и черепки от ладьевидных сосудов (sherds from carinated ware) в слоях I–IV вв. Э. Барэм и Й. Главер отмечают отличие Дваравати от существовавшей одновременно с ней в нижнем течении Меконга на землях нынешнего Вьетнама культуры Фунани и приходят к выводу, что в двух регионах шло параллельное развитие, не исключавшее взаимовлияний.

Крупнейший специалист по истории ранней Бирмы Э. Мур в статье “Археология Мьянмы: Тагаунг и Пью” (с. 183–191) анализирует данные археологических исследований укрепленного поселения Тагаунг, расположенного в 200 км к северу от Мандалая, и свидетельства бирманских хроник. Раннебуддийская Мьянма известна в основном по обнесенным стеной поселениям Халин, Майнгмав, Пэйктано, Шрикшетра и Тагара. Тагаунг представляет собой единый комплекс из трех секторов, каждый из которых защищен стеной. Его археологическое изучение проводилось в 1967–2006 гг. Одним из результатов этого изучения было установление отличия местных форм сосудов и их орнамента от встреченных в Пэйктано и Шрикшетре. Найденная в Тагаунге керамика включает чаши с крутым дном, урны и сосуды для воды. Здесь не обнаружено погребений, в отличие от Халина и Пэйктано, а набор предметов в урнах из Тагаунга значительно расходится с тем, что известен по Шрикшетре и Пэйктано: только в рассматриваемом наборе встречаются железо, медь, бронза и терракота, колокольчики, браслеты, кольца, крышки, мечи, заклепки и скобки. Еще одной особенностью комплекса Тагаунга следует считать находки фрагментов кровельной керамики (roof tile end-pieces). Наиболее близки им артефакты из раскопок Китая и центрального Вьетнама. Э. Мур отмечает и сложность применения термина “Пью” к культурам Верхней Бирмы, хотя в литературе он традиционно связывается с этими общностями.

Раздел “Первые государства” содержит статьи, посвященные политиям II тыс. н.э. Он открывается двумя очерками

Э. Берлье “Одиннадцать каруинов (*khayaing*) Чаусе (*Kyaukse*): пример территориальной модели и управления ресурсами в Центральной Бирме (Мьянма) в эпоху Пагана (1044–1287)” и “Территориальное планирование в Бирме в эпоху Пагана (1044–1287): основание империи” (с. 195–201, 203–205). В первом из них Э. Берлье приходит к выводам о том, что в Пагане термином “каруин” обозначался город, ответственный за производство пищи вверенной ему сельскохозяйственной округой (ср.: Можейко, 1967. С. 101, 102), и что одиннадцать каруинов из Чаусе различаются по своему устройству. Некоторые из них обнесены стенами, другие – нет, что, возможно, указывает на дополнительные оборонительные функции первых; между ними заметна иерархия. Во втором очерке исследовательница рассказывает о деятельности первого правителя Пагана Анау-ратхи, основавшего в середине XI в. ряд уже упоминавшихся каруинов и 43 военные крепости, из которых удалось локализовать 27.

Д. Паул изучает стелу Аштамахастхана XV в., найденную в Аюттхаве (Таиланд) и изображающую восемь эпизодов из жизни Будды (с. 207–213). Э. Гийон пытается реконструировать связь между культурами древней Чампы и ее соседей (с. 215–219).

А.-В. Швейер в статье “Эпоха так называемого упадка в Чампе: об одном возрождении” XIV–XV вв.” публикует семь надписей Чампы, включая ряд прежде не издававшихся (С. 43; С. 47; С. 42; С. 45; С. 1; С. 56; С. 215)², и заключает, что говорить об эпохе упадка в XIV–XV вв. нет оснований (с. 221–230).

Статья Р. Флетчера, К. Потье и В. Джонсона “Ангкор и использование водных ресурсов: смысл больших каменных структур по управлению водными ресурсами” (с. 231–237), по-видимому, ставит точку в длительном споре о природе искусственных озер Ангкора Бараев. Этот спор сводится к вопросу о том, функционировали ли указанные озера как ирригационные сооружения или их нужно считать символическими и/или обрядовыми постройками. Первую точку зрения высказывал Б.-Ф. Гролье, и она преобладала во франкоязычной историографии; вторую разделяли англоязычные авторы, в первую очередь В.И. Ван Лир (Groslier, 1998; Van Lier, 1980. Р. 265–280; обзор см.: Higham, 2001. Р. 156–162; Coe, 2003. Р. 145–148). Представители отечественной науки явно склоняются к теории Б.-Ф. Гролье (Седов, 1967. С. 213–215; Деопик, 1981. С. 43, 52; Берзин, 1995. С. 144).

В результате раскопок были обнаружены массивный каменный водосток в плесе Бам Пеня в северной части Ангкора и большой каменный же выходной канал из Восточного Бараея в центральной его части. Более того, внимательное изучение этих сооружений показало, что их функции менялись на протяжении жизни ангорской цивилизации. Установление системы регулирования водных ресурсов свидетельствует в пользу теории Б.-Ф. Гролье и вынуждает отказаться от гиперкритического взгляда В.И. Ван Лира на практическое использование Бараев. Впрочем, по справедливому замечанию автор статьи, нельзя считать, что Бараи не имели и символического значения: в рассматриваемую эпоху противопоставление экономики и религии было немыслимо (с. 231). Р. Флетчер, К. Потье и В. Джонсон отмечают, что умение управлять водными ресурсами, в том числе на уровне столь масштабного строительства, уже существовало к X в. Одним из возникающих в этой связи “вечных” вопросов будет, думается, следующий: какую все-та-

¹ В оригинале *r habilitation*, что буквально означает “реабилитация, восстановление”.

² Буква С отсылает к официальному перечню надписей Чампы. – А.З.

ки роль играет ирригация в истории древних и средневековых восточных политий?

В статье Р. Бленча изучаются музыкальные инструменты, изображенные на рельефах Ангкора, многие из которых имеют индийское происхождение (с. 239–244).

К. Потье и его коллеги излагают результаты полевых исследований 2004–2006 гг. в Баконге – центральном храме первой столицы кхмерской цивилизации Харихаралай – в статье “*Bakong, soixante ans après*” (с. 245–250). Традиционная датировка основания Баконга 803 г. эры Шака, т.е. 881–882 гг. н.э., в свете этих раскопок должна быть пересмотрена. Храм, по-видимому, существовал уже столетие до того, как Индраварман I установил там “стелу основания”, содержащую традиционную дату. Вокруг Баконга находились восемь храмов-сателлитов. К. Потье и его коллеги выявили четкое различие между типами застройки рядом с Баконгом и в долине его реки Ролуос: главный храм окружали постройки культового назначения, тогда как в долине располагались многочисленные небольшие по размеру поселения деревенского типа. В будущем французские археологи намерены искать дворец правителя, который и сделал Баконг, по их мнению, столицей политики.

Э. Бакус и Д. Шунфелдер посвятили свой очерк трансформации ландшафта южного и центрального Бали и реконструкции истории первых балийских государств (с. 251–258). Исследователи провели осмотр центрального и восточного Бали в 2000 г. и разведочные раскопки в районе Себату и на поселении Тимбул. Хотя раскопки и дали большое количество керамических предметов, пока трудно сказать, насколько они соотносятся именно с эпохой возникновения государственности на Бали, относимой к IX–X вв.; Э. Бакус и Д. Шунфелдер не привели, к сожалению, аргументов в пользу такой датировки.

Тем не менее работа Э. Бакуса и Д. Шунфелдера интересна подходом к археологическим изысканиям: они начинают статью определением основного понятия, а именно государства, и намечают пути интерпретации оного на материалах раскопок. Понятие государства взято ими у Г.М. Фейнмана и Дж. Маркуса, которые определяют его так: это полития с по крайней мере двумя классами – эндогамными социальными группами (профессиональным правящим классом и классом простого народа), и правительством, централизованным и внутренне специализированным (Feinman, Marcus, 1998. Р. 4). При таком подходе ключевой оказывается политическая трансформация, тесно связанная с идеологической, лежащей в основе стратификации и наследования статуса (*descent*) и влекущей за собой сдвиг от автономии подданных к их верности правителю (Feinman, Marcus, 1998. Р. 6). Э. Бакус и Д. Шунфелдер отмечают, что данная трансформация может быть прослежена на археологических материалах: увеличение числа поселений и их иерархия, следы стратификации, стандартизация культовых сооружений, данные о священном или божественном происхождении правителей, наличие профессионального жречества и администрации – все эти факты могут свидетельствовать о достижении рассматриваемым сообществом государственного уровня развития (с. 252).

Тем не менее хотелось бы подчеркнуть, что увязывать государственное политическое устройство с эндогамией социальных групп не вполне корректно. В подобном случае необъяснимыми становятся изменения в составе правящих элит; вдобавок трудно доказать наличие эндогамии только на основе археологических данных. Не очень ясно и то, может ли быть обнаружена внутренняя специализация аппарата управления в ранних политиях. Во всяком случае, доказать ее существование можно опять-таки лишь при помощи письменных источников. Хорошим примером проблем, возникающих при толко-

вании политических институтов, могут служить Киевская Русь и древняя Ява. Обращение к ним оправдано тем, что их политогенез, как и изучаемый Э. Бакус и Д. Шунфелдером, был вторичным.

Краткая заметка Д. Бонаца посвящена археологии нагорья Джамби на Суматре, Индонезия (с. 259–261). Им раскопано двадцать скрытых в джунглях мегалитов, культура которых насчитывает уже тысячу лет. Вокруг этих памятников изучались поселения, датирующиеся, как минимум, XII в. Д. Бонац изучил и укрепленную деревню XVIII–XX вв.

В разделе “Традиции” всего две статьи. В первой из них К. Кастильо исследует коробочки для бетеля из Ланао дель Сур на острове Минданао, Филиппины (с. 265–272). Во второй Р. Хандини изучает живую мегалитическую традицию в обществе тораджей на Южном Сулавеси (с. 273–278).

Раздел “Касательно растений” чуть больше: в нем три статьи. Буи Ти Май и М. Жирар проделали пылецевой анализ смолистых пород, содержащихся на сосуде, найденном на обломке вьетнамского корабля, который перевозил керамику и потерпел крушение около Брунея в конце XV в. (с. 281–286). Было установлено наличие значительного количества пыльцы диптерокарпуса, или керуинга, и шореи (*Dipterocarpus & Shorea*). Масляные смолы указанных деревьев использовались для придания деревянным кораблям непроницаемости и сопротивляемости морской воде. Суда проконопачивались этими маслами, широко доступными во Вьетнаме: текущая смола диптерокарпуса добывается путем просверливания ствола, тогда как смола шореи сама просачивается наружу у основания ветки или комеля у земли, и ее остается только собрать.

В статье Т. Хутангура приведены результаты пылецевого анализа образцов из раскопок Кхао Сам Кео в тайландской части Малаккского полуострова (с. 287–293). Сделан вывод о том, что около двух с половиной тысяч лет назад на этой территории рос мангровый лес, а затем под влиянием понижения уровня моря он сменился существующим и сегодня болотом с травами и водорослями (*Gramineae, Cyperaceae, Amaranthaceae*). Фен Пин Ян и Р. Марш излагают предварительные результаты анализа осадков кипяченого таро при низких температурах (с. 295–303).

Подведем итоги. Сборник избранных трудов 11-й конференции Европейской ассоциации археологов Юго-Восточной Азии содержит разнообразный и важный для реконструкции прошлого материал. Он необходим для дальнейшего изучения региона.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ “Формирование цивилизационной общности и современного регионализма в Юго-Восточной Азии”, проект № 07-01-00081а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия до XIII в. М., 1995.
 Деопик Д.В. Кампучия с древнейших времен до середины XIX в. // История Кампучии. Краткий Очерк / Отв. ред. Ю.Я. Михеев. М., 1981.
 Можейко И.В. 5000 храмов на берегу Иравади. М., 1967.
 Седов Л.А. Ангкорская империя (социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX–XIV вв.). М., 1967.
 Coe M.D. Angkor and the Khmer Civilization. N.Y., 2003.
 Feinman G.M., Marcus J. Introduction // Archaic States. Santa Fe, 1998.

Groslier B.Ph. Mélanges sur l'archéologie du Cambodge (1949–1986) / Textes réunis et présentés par Jacques Dumarçay. Réimpression de l'École Française d'Extrême-Orient. № 10. Paris, 1998.

Институт востоковедения РАН,
Москва

Higham Ch. The Civilization of Angkor. Berkeley, Los Angeles, 2001.

Van Liere W.J. Traditional Water Management in the Lower Mekong Basin // World Archaeol. 1980. V. 11.

А.О. Захаров

GERMANIA – SARMATIA. ДРЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ РИМСКОГО ВЛИЯНИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ. Сборник материалов. Калининград: Янтарный сказ, 2008. 237 с., илл. 500 экз.

Выход в свет рецензируемого “сборника материалов” (такое обозначение типа издания в его титуле) является важной вехой в процессе археологического изучения древностей Центральной и Восточной Европы. Трогательны слова “Археологам Восточной Пруссии посвящается”, помещенные на первой странице сборника под его эмблемой. Приятно то, что они почти полностью повторяют эпиграф моей книги, изданной в 2004 г.: “Юбилею Кёнигсберга и памяти всех прусских археологов посвящается” (Кулаков, 2004. С. 7).

Впервые за все послевоенные годы в Калининграде появилась книга, на страницах которой ученые, студенты и краеведы могут ознакомиться с новейшими достижениями археологии. Более того, судя по надписи на шмуцтитуле, издание данного сборника выполнено в рамках научной деятельности Калининградского Областного историко-художественного музея (далее КОИХМ). Это придает рецензируемой книге еще больше авторитетности. Правда, при ближайшем рассмотрении ситуация выглядит несколько менее оптимистично.

Неясно, кто назначил О.А. Радюша и К.Н. Скворцова, не имеющих ни научного, ни редакторского опыта, “ответственными за издание”. К сожалению, даже некоторые члены редакционного совета этого издания не были ознакомлены с его текстом и/или не принимали участия в редакционной работе. Похоже на то, что упомянутые два “ответственных” лица (сотрудники Института археологии РАН и КОИХМ) издали сборник по своей частной инициативе.

Вопросы вызывают титул сборника и его тематическая направленность. Название калининградского “сборника материалов” близко титулу изданного четыре года тому назад Андреем Коковским тома “Sarmaci i Germanie”. Цель этого издания, осуществленного в рамках научной деятельности Института археологии Университета им. Кюри-Склодовской (Люблин, Польша), отраженная в его титуле, объясняется его издателем необходимостью выявления связей между кочевым сарматским миром и обитателями Barbaricum. К решению этой проблемы польских коллег подталкивает рост числа находок сарматского происхождения, поступающих из раскопок на территории современной Польши (Kokowski, 2004. S. 9).

Тематика люблинского сборника емко и точно отражена в его титуле. Напротив, из названия рецензируемой книги неясны задачи, поставленные перед ней издателями. Ведь никаких сарматских находок в Балтии не было обнаружено, научный повод для публикации калининградского сборника отсутствует.

Если в “Предисловии” А.В. Симоненко издание называется просто “сборником” (с. 9), то в написанном В. Новаковским по-немецки “Кратком предисловии к современному читателю” рецензируемое издание именуется “новая калининградская серия (научных) записок” (нем. *neue kaliningrader Schriftenreihe*), ее первым томом (с. 8).

Кстати, неожиданно для опытного специалиста А.В. Симоненко делает вывод о том, что эта территория “...находится

на границе Сарматии и Германии” (с. 6). Конечно, отдельные античные авторы обозначали часть Балтии как “Sarmatia”, но сарматские древности, которым нашлось место в сборнике, находятся отсюда на “дистанции огромного размера”.

Авторы двух версий введения к сборнику по-разному видят перспективный состав его авторов. Украинский археолог “сарматский блок”, сформированный из статей (а не “книг”, с. 6) своих земляков, ставит в сборнике на первое место. Его варшавский коллега, напротив, считает, что серия таких сборников станет международным форумом, на котором “археологи стран, прилегающих к Балтийскому морю, покажут результаты своих исследований...” (с. 8). При чем тут сарматы и украинские исследователи их древностей? По В. Новаковскому, в “первом томе” серии представлена зона между южным Ютландом и Подоньем, куда входит расположенная к востоку от Р. Вислы племени Sarmatia Euroaeae. Посмотрим, как отражена археология этой зоны в статьях сборника.

“Сарматский блок” статей следующий.

Статья Синицы Евгения Валентиновича (в немецком резюме почему-то поименован “Sinitsina”, с. 23) “Сарматское погребение из Хутора Хмилна в контексте сарматско-зарубинецких отношений” (с. 9–21). В начале своей работы автор отмечает: “Данная статья имеет своей целью полную публикацию комплекса” (с. 9). Правда, она невозможна, ибо данное погребение, обнаруженное в 2001 г. на окраине хутора Хмилна (Черкасская область Украины), разрушено. Ввиду этого подробному описанию не подверглись находившиеся в могиле краснолаковый сосуд, железный предмет, костный материал – остатки жертвенной пищи (?). Лексика автора своеобразна (“зеркальце”, с. 10, “посудинка”, с. 11). Наличие в погребении лепной чернolocенной миски (весьма упрощенное ее изображение на рис. 3 не позволяет составить правильное впечатление о данной находке), трактуемой автором как сосуд, объединяющий “черты вариантов 2 и 4 типа II зарубинецких мисок, по Е.В. Максиму” (с. 11), дает ему повод пуститься в длительные (с. 15–19) рассуждения о взаимоотношениях (по тексту статьи весьма запутанных) между носителями зарубинецкой культуры и сарматами. Оставляем их на совести автора. К сожалению, статья, сопровождаемая крайне примитивными (чертеж погребения на рис. 2 просто удивляет своей предельной упрощенностью) и неинформативными иллюстрациями, так и не выполнила своей публикационной задачи. Зарубинецкая миска, найденная в разрушенной сарматской могиле, не может стать поводом для рассуждений и широких обобщений по вопросу межплеменных отношений на широких пространствах Восточной Европы. Немецкое резюме данной статьи, как, впрочем, любые представленные в сборнике строки на этом языке, изобилует ошибками. Очевидно слабое знание немецкого языка редактором (в книге не указан) и корректором текста сборника.

Следующая статья данного “блока” “Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная (хронологический аспект)” принадлежит перу А.А. Васильева и О.К. Савельева (с. 29–43). На с. 30 авторы справедливо указывают на несоответствие между хронологическими шкалами позднесарматских и черняховских древностей шкале Отто Тишлера (забыт авторами) – Эггера – Годловского. Введенная недавно в научный оборот более дробная хронология крымских древностей III в. н.э. принята авторами статьи и обосновывается в ее тексте на основании материалов Причерноморья эпохи Готских войн. Вывод авторов скромный: “Мы лишь ограничиваемся констатацией того, что верхняя дата рассмотренных памятников (к сожалению, не по комплексам, а по отдельным, выбранным вне археологического контекста находкам. – К.В.) должна быть омоложена на несколько десятилетий” (с. 36). Качественно выполненные иллюстрации (рис. 1, 2) неплохо дополняют хронологические построения авторов. Заметной особенностью данной статьи является отсутствие в сносках номера страницы цитируемой работы. Разумеется, это не способствует адекватной работе читателя с текстом статьи и понижает ответственность ее авторов за точность сносок.

Далее, уже в “черняховском блоке” следует статья М.В. Любичева «Киево-черняховские контакты ступеней C1b–C2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения “горизонта Боромля”» (с. 44–67). Автор приводит графикацию контактов носителей киевской и черняховской культур в рамках III–V вв. н.э., показывая вещевые хроноиндикаторы для каждого из трех этапов контактов (с. 44, 45). На основе публикации материалов новейших раскопок ряда поселений и могильников в Харьковской области Украины (Войтенки-1, Головино) автор дискутирует с А.М. Обломским и уточняет культурную принадлежность ряда памятников археологии римского времени в днепро-донецкой лесостепи. Выясняется отсутствие киево-черняховских контактов в данном регионе ввиду отсутствия здесь памятников этих культур (с. 52). Исчерпывающе иллюстрированная, статья М.В. Любичева производит вполне позитивное впечатление.

Мызгин К.В. в своей статье “Некоторые аспекты политической и экономической истории населения днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н.э. по нумизматическим данным” (с. 68–87) относит черняховский ареал к “территории восточноевропейского Барбарикума” (с. 68), что никак не соответствует концепции рецензируемого сборника (см. выше). В пределах днепро-донецкой лесостепной зоны автору известно более 135 пунктов находок римских монет, которые он группирует и пытается интерпретировать причины и даты их депонирования. Благодаря картографированию нумизматических находок автор выделяет их четыре скопления (с. 71) и выделяет, в частности, торговый Муравский шлях. Автор предполагает, что часть серебряных вещей, встреченных в черняховском ареале, являлась импортами, а не изготавливалась местными мастерами из монетного серебра, как считают многие исследователи (с. 73). Для восточной части черняховского ареала автор приходит к выводу о том, что в позднеримское время “...деньги уже выполняли роль товара-посредника” (с. 76). Этот вывод крайне интересен.

Петраускас О.В. выступил в сборнике со статьей “Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины” (с. 88–103). Титул статьи вряд ли удачен в связи с тем, что в черняховскую эпоху Украины еще не существовало. Автор в статье подробно описывает историю типологизации одной из категорий круговой черняховской посуды – кувшинов. Их типология, предложенная автором, поражает своей лаконичностью: типы 1–3 вместо 16 или даже 20 типов кувшинов, по Б.В. Магомедову. Описание типов и вариантов керамики автором осуществлено излишне экономно и без серьезной аргументации. Параллели данной категории черняховской керамики вне ее основного ареала автор не при-

водит. Массив материала (число единиц материала читателю не сообщается) автор разбивает по хронологическим этапам, датируя отдельные типы по встречаемости нередко лишь с одной-двумя датированными вещами. Такой подход к датировке не всегда внушает доверие к выводам автора. Качество иллюстративного материала (рис. 1–6 лишены масштаба), сопровождающего статью, оставляет желать лучшего.

Подводя итог “сарматскому и черняховскому блокам” статей, следует отметить, что большая часть составляющих их материалов представляет собой или требующие дальнейшего осмысления первичные публикации, или размышления и дискуссии авторов со своими отсутствующими в сборнике оппонентами. Возможно, лучше дело обстоит в следующем блоке статей – “германском”.

Этот “блок” открывает изданная по-немецки статья археолога из Вильнюса Расы Баните-Ровелл «Металлические миниатюрные детали убора из западнолитовского могильника римского времени в “германском” и “сарматском” контексте» (с. 104–121). Странно то, что этот текст в отличие от представленных ниже статей других иностранных коллег так и не был переведен на русский язык. В этом случае оставшиеся читателю неизвестными редакторы смогли бы исправить неправильно употребленные названия топонимов *Sambia* (нем. *Samland*) и *Natanga* (нем. *Natangen*) (с. 104). Более мелкие ошибки, простительные для литовского переводчика на немецкий язык, здесь не приводятся. Данная статья посвящена публикации малых деталей женского убора, обнаруженных при раскопках грунтового могильника *Baitai* (очевидно, Клайпедский район Литвы, о чем забыла упомянуть автор статьи). Эти находки типологизированы в соответствии с системой З. Блумберга. Публикация традиционно для литовской археологии основательно подготовлена. Пожалуй, впервые в сборнике автор статьи попыталась показать влияние сарматского мира на германские древности. Правда, германское происхождение комплексов могильника *Baitai* так и осталось недоказанным. Автор считает, что традиция украшения одежды множеством псевдо-жемчужных накладок является сарматской по своему происхождению и наследована от скифов. Правда, известные на могильниках *Baitai*, *Vidgiriai*, *Hünenberg/Tora* Великанов и прочих погребальных памятниках юго-восточной Балтии финала римской эпохи микроскопические накладки-бляшки имеют не фигурные (как у скифов и сармат), а полусферические или сферо-конические формы. На с. 111 автор статьи уже отмечает аналогии между западнобалтскими и германскими микроскопическими бляшками. Это предположение выглядит более логичным, нежели поиски в окрестностях нынешней Клайпеды “сарматского” следа. Скорее всего, в местном уборе IV–V вв. н.э. видно германское или даже гуннское воздействие.

Далее следует статья “ответственных за выпуск издания” Радюша О.А. и Скворцова К.Н. «Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры» (с. 122–157). Статья в своей основе имеет доклад, крайне неудачно прочитанный вторым из его авторов в 2005 г. на XV Поморознавческой сессии в г. Эльблонге, где он подвергся критике со стороны автора данной рецензии как беспомощный и совершенно неподготовленный. Очевидно, авторы статьи попытались учесть многочисленные замечания рецензента, нашли силы через три года исправить текст своей работы и опубликовать его (правда, без указания страниц используемых научных работ). Однако многочисленных ошибок и досадных неточностей авторы все же не избежали. Их заявление о гибели или пропаже 90% фондов Музея “Пруссия” (с. 122) не соответствует действительности. В Калининграде с 1976 г., в Берлине – с 1991 г., а также в других городах нашего континента постоянно обнаруживаются сотни и даже тысячи предметов из этой прусской коллекции. Далее авторы представляют историю изучения деталей германских щитов начиная с работы Мартина Яна (1916 г.) (с. 123). Дав

высокую оценку типологическим изысканиям Н. Цилинга и Й. Илькьера на германском материале, авторы критикуют литовских и латвийских археологов, обращавшихся к древним текстам, за дающиеся ими даты, которые “зачастую чрезмерно расплывчаты” (с. 124). К сожалению, это вполне объективно из-за отсутствия в немногочисленных в Восточной Балтии комплексах со щитами находок-хроноиндикаторов. В одной из публикаций автора рецензии, названного Радюшем О.А. и Скворцовым К.Н. почему-то сразу и советским, и российским автором (с. 124), а не просто русским, не понравились “таблицы с грубыми рисунками основных типов вооружений, в том числе и умбонами” (так у авторов на с. 124). Увы, но я использовал в основном старые немецкие литографии (как и на рис. 12 в рецензируемой статье). Правда, эта критика не помешала авторам использовать не опубликованные мною материалы, взятые (правда, почему-то далеко не полностью) из архива Института археологии РАН без моего уведомления и/или разрешения. Сомнительна публикация данных о погр. 64, 65, 79А, 88, 152, 155, 176, 223 и 314 могильника Lauth. Данных о них нет ни в последнем из сданных в архив ИА РАН Скворцовым К.Н. отчетов о раскопках могильника Lauth (1999), ни в его публикации раскопок этого могильника (Skworzow, 2007. S. 111–219), подготовленной к публикации совместно с автором этих строк. Очевидно то, что опубликованные в сборнике комплексы могильника Lauth, раскопанные одним из авторов рецензируемой статьи, остались за пределами полевых отчетов (и тем более публикации). Такой принцип публикации материала находится, в свою очередь, за пределами традиций археологических исследований в России.

Если типологизация умбонных щитов на основании схем Н. Цилинга и Й. Илькьера достаточно проста, представлена авторами весьма кратко (таблица на с. 142 и 143, хронология погребений на ней совершенно не аргументирована), то с хронологией умбонных и их интерпретацией сложнее. Авторы, критикуя мою датировку ряда погребений могильника Dollkeim/Коврово (с. 125), делают это вскользь, без аргументов. Напротив, подробно описываются хронологические и типологические аспекты находок, сделанных на могильниках Lauth/Б. Исаково, Jauehnen/Алейка-3 и Gr. Ottenhagen/Березовка, в раскопках которых принимал участие Скворцов К.Н., один из авторов статьи. Правда, он вновь забыл спросить мнения о публикации данных об умбонах из могильника Jauehnen/Алейка-3, автором раскопок которого в 2005 г. являлся автор данной рецензии. К сожалению, не только в данной части статьи проявлена забывчивость ее авторов. В пассаже о “безусловных контактах со Скандинавией, прежде всего с Данией”, характерных для эстиев Самбии римского времени, авторы не ссылаются на ряд публикаций, в которых этот тезис звучит уже давно (Кулаков, 2001. S. 45–48; Кулаков, 2003. С. 242–247). Увлечшись рассуждениями о мутации форм щита, авторы не обратили никакого внимания на находки в интересующем их регионе рукоятей и оковок щитов начала нашей эры, не осветили место щита во внутренней структуре погребений эстиев I–V вв. н.э. На с. 130 авторы упоминают специфику щитов эстиев, связанную “с периферийным положением региона в Барбарикум”. Но как же тогда трактовать мнение Птолемея и А.В. Симоненко (с. 6) о пограничном расположении исторической Пруссии между Барбарикум и Сарматией? Неясно, откуда авторы взяли данные о числе членов общин обитателей Самбии римского времени (20–30 человек, с. 130). Этот, как и многие другие выводы, показанные в статье, голословен и должен быть подтвержден археологическими данными и мнениями специалистов. Авторы все время сравнивают роль щита у эстиев с ролью щита у германцев, признавая их весьма близкими. При этом этнос основной части эстиев, давно уже выясненный (Кулаков, 2003. С. 237, 238), авторам неизвестен. Неизвестной им осталась многая другая необходимая для научной статьи информация: необходимость правильных сносок на

архивные хранения (а не “архив Р. Гренца”, “архив Г. Янкуна”, “архив М. Яна”, неизвестно где и кем хранящиеся), обязательность благодарственных слов в адрес научного учреждения или ученого, предоставивших возможность авторам использовать в своей работе ранее не публиковавшиеся материалы, наконец, хронологический порядок размещения научных работ в списке литературы (с. 131), расшифровка таинственных сокращений типа “ПAB”, “BRGZK” (с. 131) и прочая, и прочая... Уверен в том, что данная статья, как и доклад 2005 г., не готова для представления в научном издании. Кстати, судя по отсутствию соответствующего наименования на последней странице книги (с. 238), рецензируемый сборник научным изданием не является.

Далее в “германском блоке” следует замечательная по своей краткости (с. 158–165) статья В. Новаковского “Польские исследования раннего железного века, римского периода и эпохи Великого переселения народов на территории Вармии и Мазурского Поозерья”. Статья, содержащая телеграфное по своей краткости описание трех этапов археологических исследований на указанной выше части северо-восточной Польши, является, в сущности, русскоязычным резюме публикаций, ранее издававшихся автором за рубежами России (одна из них: Nowakowski, 2004. P. 65–102).

За статьей своего учителя представил свой материал П. Шиманский. Этот молодой варшавский ученый в статье “Курганный могильник судавской культуры в Червоном Двору возле Голдапа. Итоги исследований 2003–2007 гг.” (с. 166–179) представил в сокращенном виде по-русски с незначительными дополнениями основные положения своей статьи, вышедшей в Вильнюсе в 2006 г. (Шиманский, Годзеба, 2006. С. 43–53). Прежде всего, поражает низкое качество перевода статьи на русский язык. Вместо “Шиманский” следует писать “Шиманьски”, вместо “Червоный Двор” (в английском резюме – “Tehervony Dvur”) – “Червоны Двур”, вместо “стоянка” – “памятник археологии” и проч. С самого начала автор не объясняет, материалы из какой части могильника он публикует – из юго-восточной или из северо-западной (с. 166, 167). Неясно, в какие полевые сезоны эти участки могильника раскопаны. Находки описаны бессистемно, вне погребальных комплексов. Термин “позднеримские сосуды” неприемлем к керамике “варваров” (с. 168). Погребальный обряд описывается также суммарно, с редким упоминанием номеров курганов (с. 168). Интереснейшие для археологии балтов поздние грунтовые погребения, выявленные раскопками в юго-восточном секторе могильника, описаны до обидного поверхностно. Параграф “Хронология развития могильника” не отвечает своему названию и не содержит никакой аргументации относительно датировки вскрытых польскими археологами погребальных комплексов. Параграф содержит противоречия в пределах одного абзаца: “Наиболее старые, датируемые фазой C1 материалы могильника” и “(можно датировать. – В.К.) находки из самых старых курганов, вероятнее всего, лишь от фазы C2” (с. 169). Аргументации принадлежности могильника Червоны Двур к голдапской группе судавской культуры, заявленной в титуле последнего в статье параграфа, в нем найти не удалось. Напротив, автор неожиданно заявляет: “Весь позднеримский керамический материал в принципе идентичен богачевскому” (с. 170). Финал статьи содержит размышления о характере голдапской группы, основанные на раскопках части могильника Червоны Двур, с публикацией материалов которого его автор, талантливый молодой польский коллега, явно поспешил в рецензируемом сборнике.

Далее в “германском блоке” следует изданная по-английски статья Б. Контны “Breves gladii et rotunda scuta. Замечания о вооружении готов в свете текста Тацита” (с. 180–209). В отличие от большинства статей, представленных в данном “блоке”, материал Б. Контны действительно связан с древностями одного из германских племен и представляет в основном данные, позволяющие воссоздать щиты как деталь оборонительного воору-

жения носителей вельбарской культуры и части скандинавских племен. Автор разделяет типы щитов по их форме (ромбическая, прямоугольная и круглая). Привлечение большого фактического материала позволяет Бартошу Контны сделать вывод о том, что на фазе С в Восточном Поморье преимущественно использовалась круглая форма щитов, появившаяся здесь под скандинавским влиянием. К сожалению, для раскрытия заявленной темы автор не привлек материал древней Самбии, который показал бы наличие готских традиций защитного вооружения и на Янтарном берегу, доживших здесь до завершения эпохи Великого переселения народов (Кулаков, 2007. С. 138, 139).

За статьей Б. Контны следует работа Нины Лау “Следы ритуальной порчи на элементах конского снаряжения из болотного памятника Торсберг” (с. 210–219). Данная статья является краткой, но добросовестной публикацией ряда ритуально поврежденных деталей конского снаряжения поздних этапов фазы С из озерного (ныне болотного) места жертвоприношения Торсберг (земля Шлезвиг-Гольштайн, Германия). Автор справедливо считает принесенные в жертву детали конского снаряжения инвентарем аллохтонов. Правда, Ниной Лау рассматривается единственная возможность попадания этих жертвенных даров в воду: “свидетельством присутствия победившего пришельцев местного населения являются... следы ритуально нанесенных в ходе обряда жертвоприношения повреждений” (с. 213). Иная точка зрения на происхождение этих ритуальных даров (Kulakov, 2001. S. 46, 47) автору осталась неизвестной.

Наконец, завершает “германский блок” статей и весь сборник текст П.М. Леуса “Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях” (с. 220–231). Статья посвящена теме, слабо известной отечественным ученым (с. 220). П.М. Леус не находит возможности обозначить в ряде ссылок автора и титул статьи, ограничиваясь лишь наименованием журнала (например: *Alt-schlesische Blätter*, с. 220). Текст статьи наполнен самой разнообразной информацией, зачастую практически беллетристического характера. Здесь даже рассказывается о находке в Кведлингбурге германского короля Генриха I Птицелова (876–936 гг.). В статье нет главного – исчерпывающего и снабженного фактической информацией описания тех многочисленных раскопок, которые в 1941–1943 гг. вели немецкие археологи на огромных пространствах оккупированных областей СССР от Пскова до Крыма. Эта информация довольно подробно представлена в немецкой археологической литературе, кстати, известной автору (в частности, журналы *Alt-Preussen* и *Germanen-Erbe*). В первом из них один из немецких археологов, проходивший в составе подразделения Вермахта по Литве, хладнокровно отмечал сходство сожженных крестьянских домов постройки начала XX в. с остатками древних жилищ, открываемых в ходе раскопок. Даже такие замечательные, актуальные для современной археологии Украины сюжеты, как исследования немецкими оккупантами черняховских могильников в Поднепровье, не привлекли автора статьи. Напротив, П.М. Леус сконцентрировался на издании в виде приложения к своей статье текста «Карл Энгель. Год археологической работы в “Остланде”» (с. 232–235). Правда, этот текст носит скорее мемуарный характер, его фрагменты, конкретные данные о состоянии музеев и памятников археологии в Балтии после ухода оттуда в 1941 г. советских войск – зачем-то автором исключены из публикации. Главное то, что отсутствуют дата составления этого важного документа и данные о месте его архивного хранения. Можно лишь догадываться, что, наверное, немецкий текст воспоминаний К. Энгеля, оставившего заметный след в археологии Балтии и, в частности, в изучении прусских древностей, был получен автором публикации в Институте Гердера (г. Марбург), где совсем недавно был открыт рукописный фонд К. Энгеля. Однако ни этой инфор-

мации, ни элементарной благодарности архивным работникам, позволившим опубликовать текст К. Энгеля, П.М. Леус не счел нужным поместить в своем приложении. Это, несомненно, слабо совместимо с элементарной научной этикой.

В статье есть и мелкие технические неточности. Для автора или безымянных редакторов рецензируемого сборника осталось неизвестным то, что при обозначении страниц в сносках на немецкие издания позиция “с.” – “страница” – обозначается не как “s.”, а как “S.”.

В итоге стало ясно, что, за редким исключением, статьи в рецензируемом сборнике мало соответствуют его тематике (кстати, весьма смутно обозначенной авторами “Предисловий”), в разной степени (как правило, довольно слабо) раскрывают отдельные черты древностей населения Германии и Сарматии Птолемея. При этом между регионами, подвергшимися исследованиям авторами статей сборника, зачастую пролегают тысячи километров. Соответственно впечатление о связях между населением регионов Германии и Сарматии на основании статей авторов (в основном молодых и не обремененных опытом научной работы) отсутствует.

После прочтения “сборника материалов” “*Germania – Sarmatia...*” складывается устойчивое впечатление о беспомощности “ответственных за выпуск издания” Радюша О.А. и Скворцова К.Н., об их крайне слабой ориентированности в научной и тем более издательской проблематике. Очевидно то, что этим молодым людям рано реализовать себя в качестве редакторов и дизайнеров, выпускающих сборники статей. Однако наличие зарубежного и отечественного спонсоров, а также ослабление ранее жестких норм, предъявляемых к выпуску научной литературы, дали возможность выйти в свет “сборнику материалов”, который явно не украсит полки научных библиотек и книжных собраний археологов Европы. Правда, следует указать “ответственным за выпуск издания” на то, что самореализация в науке или в сомнительном книгоиздательстве – далеко не одно и то же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.
- Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004.
- Кулаков В.И. Генезис трилистных фибул и умбоновидных подвесок // *Lietuvos Archeologija*. 2007. Т. 32.
- Скворцов К.Н. Отчет о работе Самбийско-Натангийского отряда Балтийской экспедиции ИА РАН о раскопках могильника Лаут в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. № 23285.
- Шиманский П., Годзеба Л. Могильник судавской культуры в Червоном Дворе – предварительные результаты исследований в 2003–2005 гг. // *Archaeologia Lithuana*. Т. 7. Vilnius, 2006.
- Kokowski A. Przyczylek do historii kontaktów Germanów i Sarmatów w świetle badań archeologicznych // *Sarmaci i Germanie. Studia Sarmatica*. Т. I. Lublin, 2004.
- Kulakov W. Jütland-Dobrukscha: die Rochade der “Barbaren” vom 2. bis 4. Jh. Chr. // *Archaeologia Bulgarica*. Jg. V. Н. 2. Sofia, 2001.
- Nowakowski W. Three centuries of Balt archaeology in East Prussia // *Archaeologia Polona*. V. 42. Warszawa, 2004.
- Skworzow R. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'schoje Isakowo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*. Bd. 61/62. 2004/2005 (2007). Kiel, 2007.

Институт археологии РАН, Москва

В.И. Кулаков

ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ДИАЛОГ ГОРОДСКОЙ И СТЕПНОЙ КУЛЬТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ”, ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ Г.А. ФЕДОРОВА- ДАВЫДОВА

30 сентября – 3 октября 2008 г. в Азове прошла Международная научная конференция “Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве”. Она явилась продолжением серии научных чтений, посвященных памяти выдающегося ученого, историка, археолога и нумизмата, профессора МГУ Германа Алексеевича Федорова-Давыдова. Предыдущие конференции проходили в Нижнем Новгороде (2001 г.), Казани и Яльчике (2003 г.), Москве (2006 г.). Организаторами четвертой конференции выступили: Институт археологии РАН (ИА РАН), Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН) и Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (АМЗ). Финансовую поддержку конференции оказал РГНФ (проект № 08-01-14042).

Научный оргкомитет конференции: Л.Т. Яблонский, ИА РАН (председатель оргкомитета), Н.М. Фомичев, АМЗ (ответственный секретарь оргкомитета), А.Н. Масловский, АМЗ (член оргкомитета).

В работе конференции приняли участие более 130 ученых. Музеем планируется издание ее материалов. Всего было заслушано или представлено в стендовой форме 69 докладов. Конференция проходила в течение трех дней. Исследователи, которые не смогли принять участие в заседаниях, прислали в адрес оргкомитета подготовленные ими тексты, вошедшие в сборник материалов конференции.

В Азове собрались специалисты из крупнейших академических, вузовских и музейных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Казани, Булгара, Саратова, Самары, Волгограда, Ставрополя, Азова, Кургана, Астрахани, Йошкар-Олы, Уфы, Армавира, Буденновска, Улан-Удэ, Тирасполя, Баку, Алматы, Уральска, Ташкента, Нукуса, Донецка, Симферополя, Каира.

Секции конференции работали в здании АМЗ. В конце каждого заседания проводились обсуждение докладов и дискуссии. В прениях приняли участие магистранты Института Археологии Варшавского университета, Харьковского национального университета, Слободжанской археологической службы, а также доценты, аспиранты и студенты Южного Федерального университета, сотрудники Ростовского отделения ВООПИК, Археологического музея-заповедника “Танаис” и Аксайского военно-исторического музея, руководители Археологического объединения “Меотида” Азовского дома детского творчества и другие. Презентацию докладов обеспечивали операторы ЮНЦ РАН и АМЗ.

Местом проведения конференции г. Азов был выбран не случайно. Еще на заре своей научной деятельности Герман Алексеевич обращал пристальное внимание на археологические памятники золотоордынского Азака (древнего Азова). Именно здесь первоначально планировалось обосновать базу комплексной археологической Поволжской экспедиции МГУ. В 1986 г. Г.А. Федоров-Давыдов на пленарном заседании семинара “Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотно-

шениях Востока и Запада”, проходившем в Азовском музее, сделал доклад “Археологическое изучение золотоордынских городов на Нижней Волге”, в котором обобщил результаты 25-летних исследований на Царевском, Селитренном и Водянском городищах.

Научные интересы и исследования Г.А. Федорова-Давыдова охватывали широкий круг вопросов археологии и истории Евразии. Помимо изучения кочевого и оседлого населения Золотой Орды Герман Алексеевич много занимался разработкой статистико-комбинаторных методов в археологии и вопросами древнерусской и ордынской нумизматики. Он также заложил основы изучения искусства Золотой Орды. Исследуя истоки реминисценций звериного стиля в искусстве кочевников позднего средневековья, Г.А. Федоров-Давыдов проявлял большой интерес к звериному стилю скифо-сарматской эпохи. Он стал автором монографии “Искусство кочевников и Золотой Орды” (М., 1976), которая вошла в золотой фонд отечественной науки. Большое значение придавал Герман Алексеевич работе Центрального совета ВООПИК. Благодаря его усилиям Селитренное городище, на месте которого располагалась столица Золотой Орды, получило статус археологического заповедника.

С учетом основных научных интересов ученого на азовской конференции работали секции по следующим направлениям: “Охрана и исследование памятников археологии степной Евразии”, “Проблемы археологии населения Евразии в скифо-сарматское время”, “Проблемы археологии средневекового населения Евразии”, “Проблемы археологии и истории Золотой Орды”, “Природные условия и хозяйство населения Евразии в эпоху средневековья”, “Древние технологии по данным археологии”, “Нумизматика”, “Методы статистической обработки археологических материалов”, “Верования и погребальный обряд населения степной Евразии в эпоху средневековья”.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратился академик РАН Г.Г. Матишов (ЮНЦ РАН).

В выступлении “Слово об учителе” Л.Т. Яблонский (ИА РАН, Москва) обрисовал основные вехи научной биографии Г.А. Федорова-Давыдова, отметил значение его работ и созданной им научной археологической школы.

В.Л. Егоров (ГИМ, Москва) акцентировал внимание собравшихся на наличии ряда нерешенных проблем в изучении Золотой Орды. Он отметил, что история Золотой Орды становится иногда объектом заблуждений, искажения фактов, а порой и откровенных домыслов, не подтверждаемых археологическими источниками. В частности, он указал на необоснованность гипотезы, отрицающей существование монгольского ига на Руси и постулирующей якобы существовавший союз между Русью и Золотой Ордой (Л.Н. Гумилев). Одновременно он констатировал периодически возникающие тенденции возвеличивания Золотой Орды и откровенного преувеличения ее роли в мировой культуре.

В совместном докладе *А.Ю. Зеленева, Ю.А. Зеленева* (МарГУ, Йошкар-Ола) и *О.В. Зеленцовой* (ИА РАН, Азов) были очерчены основные вехи и подведены важнейшие итоги работ Поволжской экспедиции МГУ и ИА РАН за 50 лет ее существования, отмечена преемственность научных традиций Суварской, Болгарской, Куйбышевской и Поволжской экспедиций.

В ходе работы секции “Проблемы охраны и исследования памятников археологии” *М.Д. Полубояринова* (ИА РАН, Москва) проанализировала жилища монгольского типа в Болгаре золотоордынского периода. *С.Г. Бочаров* (Крымский филиал ИА НАНУ, Симферополь) рассмотрел топографию, планиграфию и природный ландшафт золотоордынского г. Солхата и поселения Отузы, проследил пути сложения Кырк-Ора и генуэзских крепостей Судака и Калиеры. *Л.Л. Галкин* (ИА РАН, Москва) представил результаты разведывательных работ в не исследованных ранее районах Северо-Восточного Прикаспия. *Д.А. Кубанкин* (СОМК, Саратов) оценил перспективы изучения и сохранения Увекского городища, судьба которого вызывает серьезные опасения. *Э.Е. Кравченко* (ДОКМ, Донецк) рассказал об исследовании поселения XII–XIV вв. у с. Маяки в Донецкой обл., входящего в группу неукрепленных селищ, расположенных вдоль русла Северского Донца. *А.Н. Масловский* (АМЗ, Азов) обобщил данные письменных, картографических и археологических источников о четырех десятках сельских поселений в округе золотоордынского города Азака, рассмотрел их топографию, время существования, типы хозяйственной деятельности, зафиксировал наличие поливного земледелия. *Л.Ф. Недашковский* (КГУ, Казань) посвятил доклад выяснению структуры округа крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья: Увекского, Царевского, Селитренного и Шареного бугра. Он рассмотрел материалы 465 археологических объектов, расположенных вокруг этих городищ. *И.В. Волков* (РНИИКиПН, Москва) выяснял вопрос о возможности локализации золотоордынского города Шакрак. *З.С. Самашев* (ИА, Алматы) представил материалы археологических исследований городища Сарайчик. Большой интерес вызвал доклад *А.В. Евглевского* (ДГНУ, Донецк) о музыкальной культуре кочевников Золотой Орды на примере захоронения воина с кобызом, которое было обнаружено на р. Ингулец. Выступление *Ю.Д. Обухова* было посвящено изучению иконки с изображением Богоматери, найденной на Маджарском городище. По мнению исследователя, место находки дает основания для локализации церкви в юго-восточной части города.

На секции “Проблемы археологии населения Евразии в скифо-сарматское время” прозвучал доклад *А.Р. Канторовича* (МГУ, Москва), в котором была предложена оригинальная система общих принципов систематизации образа оленя в восточноевропейском скифском искусстве. *С.И. Лукьянко* (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону) рассказал о новой находке железного меча скифского времени на Ставрополье. *А.Г. Язовских* (РОМК, Ростов-на-Дону) ввела в научный оборот вновь найденные предметы глиняной пластики, происходящие из археологических раскопок Елизаветовского городища. Во второй половине II – первой половине III в. н.э. у жителей Танаиса необычайной популярностью пользовались стеклянные сосуды с гравированным и шлифованным орнаментом. Коллекцию таких сосудов охарактеризовала *Е.Г. Яценко* (РОМК, Ростов-на-Дону). *А.А. Горбенко* и *В.М. Косяненко* (АМЗ, Азов) рассмотрели данные о священном отношении к черепу и чаше у оседлого населения Нижнего Дона в I–II вв. н.э. *В.П. Глебов* (АНИБ, Ростов-на-Дону) исследовал фибулы раннесарматской культуры Нижнего Подонья в контексте письменных и археологических источников.

На секции “Проблемы археологии средневекового населения Евразии” *Б.Б. Дашибалов* (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ) сделал доклад о рассе-

лении ранних монголоязычных народов и об особенностях их хозяйства и быта. *Ю.В. Зеленский* (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник) представил материалы о прикубанских половцах в предмонгольское и золотоордынское время. *М.В. Горелик* (ИВАН, Москва) рассмотрел племенной состав правого и левого крыла улуса Джучи, отметил преобладание монгольских племенных названий над тюркскими. Монгольское происхождение имеет и абсолютное большинство вещей, связанных с вооружением, конским снаряжением, костюмом, прической, украшениями, принадлежностями охоты и пиршества. Автор доклада считает возможным говорить не о тюркизации монголов, как писал египетский чиновник XIV в. ал-Омари, а наоборот, о монголизации тюрков и не только их, как отмечал персидский историк Рашид-ад-дин. *В.С. Флёров* (ИА РАН, Москва) обобщил материалы о лепных горшках, котлах и других видах керамики как индикаторах салтово-маяцкой культуры. *А.Р. Смоляк* (ЮФУ, Ростов-на-Дону) посвятил доклад анализу панцирных пластин ламеллярного доспеха, происходящего из погребения в могильнике Матюхин Бугор в Ростовской области. *А.А. Красноперов* (Удмуртский ГУ, Ижевск) исследовал вопрос об “угорском следе” в пьяноборской культуре. *Р. Исмагил* (ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа) представил материалы об известных по письменным источникам “саргах европейских” и попытался доказать, что они проживали на территории современного Башкортостана. *Ю.С. Худяков* (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) рассмотрел торговые и культурные связи средневекового населения Тянь-Шаня и Семиречья в VI–X вв. *Е.Ф. Батиева* и *А. О. Афанасьева* (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону) подвели некоторые итоги изучения палеоантропологического материала из некрополя XIV в. в Азове. *В.Ф. Кашибадзе* (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону) представила сравнительный анализ одонтологии средневекового населения Кавказа и Европейской части России.

На секции “Проблемы археологии и истории Золотой Орды” прозвучал доклад *Ю.В. Богдановой* (ЮФУ, Ростов-на-Дону) “Хулагу накануне войны с Золотой Ордой”, в котором была рассмотрена сложная ситуация, сложившаяся в отношениях между чингизидами и джучидами в борьбе за легитимное обладание богатыми землями Ирана и Азербайджана. Сообщение *К.А. Руденко* (Национальный музей, Казань) было посвящено монгольским завоеваниям и их отражению в материальной культуре народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (XIII – начало XIV в.). Оживленную дискуссию вызвал оригинальный доклад *А.Г. Юрченко* (ИБ, Санкт-Петербург), посвященный Каталанискому атласу 1375 г. Это единственная европейская средневековая карта мира, на которой целиком представлена Монгольская империя. *М.Ш. Кдырнязов* и *О.Ш. Кдырнязов* (Каракалпакский ГУ, Нукус) осветили культурные взаимосвязи Хорезма и Северного Причерноморья в золотоордынскую эпоху. *Д.Н. Маслюженко* (КГУ, Курган) исследовал сибирскую периферию золотоордынского пространства в 1420–1440-е годы. *И.М. Миргалеев* (ИИ АН РТ, Казань) осветил проблему престолонаследия в период смуты в Золотой Орде (60–70-е годы XIV в.). *Е.И. Сорогин* (КГУ, Курган) рассмотрел компоненты “Великой замятни”, комплексного кризиса Золотой Орды в 60–70-х годах XIV в. *В.Е. Нарожный* и *Е.И. Нарожный* (ЦАИ АГПУ, Армавир) представили исследование о горной зоне восточного Придариалья и золотоордынских владениях на Северном Кавказе.

Секция “Природные условия и быт населения Евразии в эпоху средневековья” включила доклад *В.С. Байгушевой* (АМЗ, Азов), который был посвящен остеологическим материалам из раскопок золотоордынского Азака. Исследовательница охарактеризовала природные условия, разнообразие ландшафтов, представила важные сведения о дикой фауне Приазовья и Нижнего Дона. Доклад *А.Г. Петренко* и *Г.Ш. Асылгараевой*

(ИИ АНРТ, Казань) был посвящен вопросам животноводства и охоты населения Волжской Булгарии в домонгольский и золотоордынский периоды. Авторы обобщили археозоологические данные из раскопок городища Джукетау, а также Донауровского и Крутогорского селищ и сравнили их с данными из других регионов Золотой Орды и Руси. *И.В. Доценко* (Армавир) исследовала остеологические материалы, полученные при раскопках трех хазарских поселений. *В.В. Титов* (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону) изучил скелеты около 100 верблюдов из коллекции АМЗ, собранной во время раскопок золотоордынского Азака, и сравнил их с находками костей верблюдов с территории Прикаспия и Нижнего Поволжья. *Л.В. Яворская* (ВГУ, Волгоград) продемонстрировала специфику потребления мяса жителями городища Самосделка, расположенного в центре дельты Волги и датирующегося VIII–XIX вв. *Е.В. Круглов* (ООО “Хазар”, Волгоград) исследовал отражение палеоклиматических условий на географии и топографии археологических памятников степных кочевников раннехазарского времени. *В.М. Кишлярук* (Приднестровский ГУ, Тирасполь) осветил вопросы, связанные с рыбным промыслом жителей поселения Чобручи (Нижний Днестр). Хорошим дополнением к этому докладу стало сообщение *В.М. Кишлярука* и *А.Л. Чепалыги* (Институт географии РАН, Москва) о пресноводной малакофауне поселения Чобручи.

На секции “Древние технологии по данным археологии” был представлен доклад *В.Ю. Ковалю* (ИА РАН, Москва) о химическом составе глазурей средневековых восточных фаянсов, происходивших из Ирана, Сирии, Египта, Турции, Золотой Орды. *С.В. Рязанов* (Центр этнологических исследований УНЦ РАН, Уфа) выполнил металлографическое изучение железных предметов из местонахождения Брик-Алга в Башкортостане (XIV в.). В докладе *А.А. Мамоновой* (ГИМ, Москва), *А.В. Савеловой* (ГНИМВ, Москва), *О.В. Орфинской* (РНИИКиПН, Москва), *О.Б. Лантратовой* и *В.Г. Рудакова* (ГИМ, Москва) была сделана реконструкция золотоордынского халата XIII–XV вв. из мавзолея в могильнике Маячный бугор II у села Красный Яр Астраханской области. Подробно описана методика реставрации, технология изготовления тканей, уточнены особенности кроя, определен материал и восстановлен орнамент на ткани. *Н.П. Курьшова* (ВГПУ, Волгоград) исследовала бусы из погребений кочевников Нижнего Поволжья второй половины XIII–XIV в. Бусы рассматриваются как ценный исторический источник, способный пролить свет на технологию и эволюцию ювелирного, камнерезного и стеклодельного ремесел, развитие прикладного искусства. Была представлена классификация бус по материалу и технологии, орнаменту и цвету. *В.М. Завьялов*, *Л.С. Розанова* и *Н.Н. Терехова* (ИА РАН, Москва) выделили этапы развития черной металлургии у финно-угров Поволжья и Предуралья. *О.В. Кузнецова* (ИА, Алматы) исследовала штампованную керамику с городища Сарайчик. *Н.Ф. Лисова* (УГПУ, Ульяновск) рассмотрела структуру построения орнаментов на золотоордынской глазурованной посуде Нижнего Поволжья.

В ходе заседания секции, посвященной проблемам нумизматических исследований, *Е.А. Беговатов* (КГУ, Казань) проанализировал монеты Билярского клада куфических дирхемов конца X в., найденного близ Билярска Археологической экспедицией Казанского университета. Выяснилось, что эти монеты относятся к смутному времени, трагичному для династии Саманидов; в легендах монет отражена сложная история южных прикаспийских государств того времени. *Г.Н. Гарустович* (ИИЯиЛ УНЦ РАН, Уфа) охарактеризовал местонахождение большой группы предметов XIV в. у деревни Брик-Алга в Башкирском Приуралье. Судя по монетам, вещи попали в землю в конце 70-х годов XIV в. Автор доклада предполагает, что это местонахождение связано с булгарским купеческим караваном, разгромленным в Золотой Орде во время “великой замятни”.

Работа *Д.Г. Мухаметишина* (Булгарский историко-архитектурный заповедник, Булгар) была посвящена исследованию кладов джучидских монет Булгарского улуса. *Т.И. Слепова* (ГЭ, Санкт-Петербург) изучала подражания и подделки венецианского серебряного матапана в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XIII–XV вв. *Ш.С. Камолитдин* (ТГИВ, Ташкент) рассмотрел вопрос о внешнем облике древних тюрков по данным нумизматики. *А. Мамедова* (НМИА, Баку) подготовила сообщение о монетной чеканке Азербайджана и Арабского Халифата (на основе монет, чеканенных в аль-Мутавакилийи). *Н.М. Фомичев* (АМЗ, Азов) рассказал о научной обработке коллекций монет из археологических раскопок золотоордынского города Азака.

Методы статистического анализа археологического материала были отражены в докладе *Е.А. Беговатова* (КГУ, Казань). Для выяснения закономерностей распределения археологических памятников на территории Татарстана он предложил применить метод расположения точек на плоскости, подчиненных распределению Пуассона. Этот метод автор использовал для анализа распределения археологических памятников эпохи камня, срубной, пьяноборской, именьевской культур и булгарских памятников Закамья.

Л.Н. Водолеева (РОМК, Ростов-на-Дону) применила метод компьютерного моделирования при статистическом анализе параметров геометрических моделей узкогорлых светлоглиняных амфор типа D III в. н.э. из Танаиса. Она разработала формулы для расчета их объема и обнаружила два амфорных эталона – “греческий” и “римский”, имеющие одинаковые пропорции, но основанные на двух разных системах единиц длины.

В рамках работы секции “Верования и погребальный обряд в эпоху средневековья” *Е.В. Вдовченко* (ЮФУ, Ростов-на-Дону), рассмотрел представления о пространстве у населения Нижнего Подонья. *Е.М. Пигарев* (Астраханский музей-заповедник, Астрахань) охарактеризовал остатки шести мавзолеев, расположенных у с. Лапас Астраханской области. По его мнению, анализ материалов позволяет с большой степенью уверенности связывать образование некрополя и центрального мавзолея № 1 с именем Узбека. *В.П. Кирилло* (Крымский филиал ИА НАН Украины, Симферополь) осветил строительную историю Крымской мечети Узбека по материалам реставрационных исследований. *Валид Али Мохамед* (КУ, факультет археологии, Каир) провел сравнительный анализ архитектурных особенностей каирской мечети Ибн Тулуна и дербентской Соборной мечети (Джума мечеть). *Р.В. Прокофьев* и *Т.Е. Хахонина* (ДАО, Ростов-на-Дону) охарактеризовали половецкое святилище с двумя оригинальными каменными изваяниями, раскопанное в кургане могильника Новосоловский IV, расположенного на р. Кундрючьей, на северной окраине г. Новошахтинска Ростовской области. *Л.М. Носкова* (Государственный Музей искусства народов Востока, Москва) рассмотрела погребальный обряд могильника в пос. Кабардинска близ Геленджика. *Л.С. Илюков* (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону) пересмотрел опубликованные ранее материалы из погребений курганного могильника XII–XIV вв., располагавшегося в районе пос. Агрос Аксайского района Ростовской области. Интересные материалы об антропоморфном амулете VIII–IX вв. с берега р. Изнаир представил *К.Ю. Моржерин* (СОМК, Саратов). *С.А. Котеньков* и *О.Ю. Котенькова* (ЗАО “Октопус”, МОУ Гимназия № 3, Астрахань) рассказали о языческих элементах в погребальных обрядах золотоордынских некрополей Красноярского городища в Астраханской области. *Д.В. Васильев* (АГУ, Астрахань) доложил об исследовании могильников в окрестностях Красноярского городища. *В.А. Бабенко* (ГУП “Наследие”, Ставрополь) сделал сообщение о сырцовых погребальных сооружениях эпохи Золотой Орды в Центральном Предкавказье и Калмыкии.

Д.В. Марыксин (Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, Уральск) охарактеризовал погребения в сырцовых оградках Волго-Уральского междуречья (по материалам Мокринского могильника). *И.Н. Парусимов* (АНИБ, Ростов-на-Дону) проинформировал о могильнике золотоордынского времени у хут. Овчинников.

В рамках культурной программы конференции ее участники посетили выставку “Сокровища кочевников Евразии” в АМЗ, ознакомились с памятниками оборонного зодчества конца XVII–XVIII в. Азовской крепости и пороховым погребом, оценили условия работы археологической лаборатории АМЗ, посетили археологические раскопы в зонах новостроек Азова, имели возможность поработать в фондах и экспозиции музея, ознакомились с системой научной обработки, реставрации и хранения нумизматических материалов в АМЗ. На конференции была организована торговля и обмен археологической литературой.

Участники конференции приняли ее резолюцию, в которой в частности, говорится следующее.

Институт археологии РАН, Москва
Азовский историко-археологический
и палеонтологический музей-заповедник

Работа конференции носила междисциплинарный характер, свойственный научной деятельности Г.А. Федорова-Давыдова. Участники конференции признают огромный персональный вклад Г.А. Федорова-Давыдова и его научной школы в развитие теории и практики отечественной истории и археологии. Они считают необходимым продолжить проведение научных чтений памяти Г.А. Федорова-Давыдова с периодичностью раз в два-три года. Участники конференции считают возможным расширить круг научных тем и докладов, обсуждаемых на чтениях памяти Г.А. Федорова-Давыдова, с учетом научных направлений, которые он разрабатывал, в том числе за счет привлечения к работе новых участников из среды научной молодежи. Просить областные органы охраны памятников (Ростовская область) и администрацию г. Азова обратить особое внимание на сохранение археологических памятников, расположенных на территории г. Азова и в его предместьях, с целью недопущения их разрушения при проведении земляных и строительных работ. Участники конференции выразили благодарность Российскому гуманитарному научному фонду за поддержку мероприятий по проведению конференции.

Л.Т. Яблонский

Н.М. Фомичев, А.Н. Масловский